

## «ДН» — 2015-2016

### Романы, повести:

**Мария АНУФРИЕВА.** Существо. Роман

**Заир АСИМ.** Книга дней. Повесть

**Наталья БИРЧАКОВА.** Мысль изреченная. Фантастические заметки  
о Гоголе, или Всеобщая теория всего

**Валерий БОЧКОВ.** Время воды. Роман

**Резо ГАБРИАДЗЕ.** Доктор и больной. Повесть

**Хамид ИСМАЙЛОВ.** Пляска бесов, или Большая игра. Роман

**Анатолий КИМ.** Я гений. Повесть о Смоктуновском

**Елена КЛЕПИКОВА.** Из жизни Марты. Повесть в рассказах

**Виктория ЛЕБЕДЕВА.** Без труб и барабанов. Роман

**Афанасий МАМЕДОВ.** Перегрузка в Тунисе. Короткий роман

**Марина МОСКВИНА.** КРИО. Роман. Книга вторая

**Гурам ОДИШАРИЯ.** Очкастая бомба. Повесть. С грузинского

**Юрий ОСИПОВ.** Краткий курс мальтийской жизни с красивой женщиной

**Юрий ПЕТКЕВИЧ.** Голубь в Кезейках. Повесть

**Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ.** Новая повесть

**Дмитрий СТАХОВ.** Свет ночи. Роман

**Алексей УСТИМЕНКО.** Хмарь стеклянной Бухары. Повесть

**Сергей УТКИН.** История болезни. Повесть в рассказах

**Левон ХЕЧОЯН.** Чёрная книга, тяжёлый жук. Роман. С армянского

**Глеб ШУЛЬПЯКОВ.** Красная планета. Новеллы из романа

**Рассказы:** Евгения АЛЁХИНА, Олега БОНДАРЕНКО, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Натальи КЛЮЧАРЁВОЙ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Мариам ПЕТРОСЯН, Сергея РЯЗАНЦЕВА, Владимира ТОРЧИЛИНА, Арслана ХАСАВОВА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов

**Новые имена:** участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля, фестиваля «Литературный ковчег» и наши собственные открытия

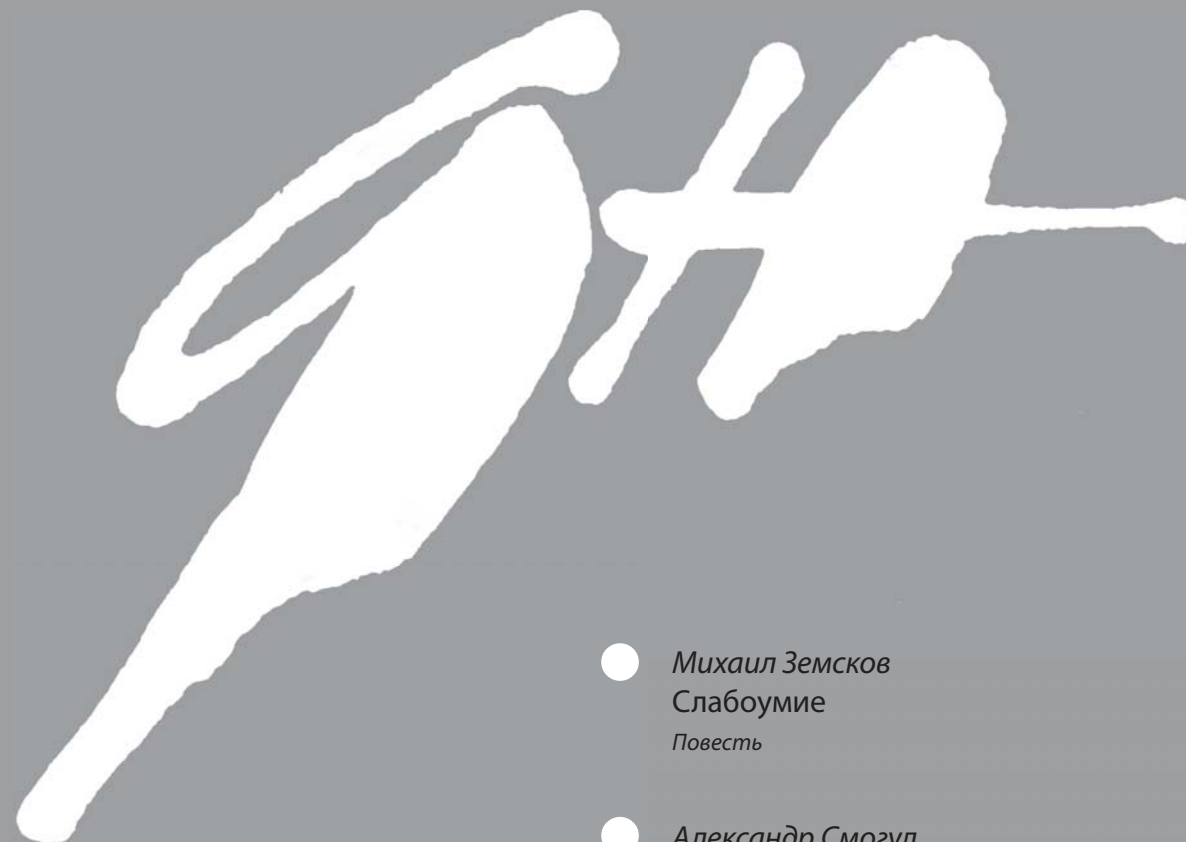
**Новые сочинения:** Дмитрия ВЕРЕЩАГИНА, Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

**Новые стихи и переводы:** Шамшада АБДУЛЛАЕВА, Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Светланы КЕКОВОЙ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Станислава ЛИВИНСКОГО, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Олега ХЛЕБНИКОВА, Вячеслава ШАПОВАЛОВА и других авторов



# ДРУЖБА НАРОДОВ

ДРУЖБА НАРОДОВ 6/2015



6'2015

- **Михаил Земсков**  
Слабоумие  
Повесть
- **Александр Смогул**  
Всё сойдётся в назначенный срок  
Стихи
- **Инна Лиснянская**  
Двухместная жизнь  
Из дневников 2005–2008 годов
- **Заир Асим**  
Ветка голоса  
Стихи
- «Моя мама любит читать А.Пушкина  
и книги про овощи»  
Белгородские школьники о том,  
что читают их мамы

**Независимый  
литературно-  
художественный  
и общественно-  
политический  
журнал**

**Основан  
в марте 1939 года**

Адрес редакции:  
117218, Москва,  
ул. Кржижановского, дом 13 стр. 2,  
журнал «Дружба народов».  
Телефон (многоканальный):  
8-499-519-02-12.

**E-mail: dn52@mail.ru,  
http://magazines.russ.ru/  
druzha/  
LIVEJOURNAL: http://druzba-  
narodov.livejournal.com/**

Юридическая поддержка:  
Congress Consulting.  
Свидетельство о регистрации  
№ 73 от 14.09.1990 г.  
в Министерстве печати  
и массовой информации РСФСР.  
Свидетельство о регистрации  
товарного знака № 288681.  
Зарегистрировано в  
Государственном реестре  
товарных знаков и знаков  
обслуживания РФ  
12 мая 2005 г.



Отпечатано в ОАО «Можайский  
полиграфический комбинат»,  
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;  
www.oaomprk.pf тел.: (495)745-84-28;  
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности  
рецензировать и возвращать  
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического  
брака в экземплярах журнала  
обращаться в типографию, указанную  
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов  
ссылка на журнал «Дружба народов»  
обязательна.**

Сдано в набор 20.04.2015.  
Подписано в печать 27.05.2015.  
Формат бумаги 70 x 108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Печать офсетная.  
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.  
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.  
Заказ 8881. Цена свободная.

# Дружба народов 6'2015

## Редакционная коллегия

|                         |                        |
|-------------------------|------------------------|
| Главный редактор        | Александр<br>ЭБАНОИДЗЕ |
|                         | Лев<br>АННИНСКИЙ       |
|                         | Леонид<br>БАХНОВ       |
|                         | Ирина<br>ДОРОНИНА      |
| Зам. главного редактора | Наталья<br>ИГРУНОВА    |
|                         | Галина<br>КЛИМОВА      |
|                         | Владимир<br>МЕДВЕДЕВ   |
| Ответственный секретарь | Сергей<br>НАДЕЕВ       |
| Зам. главного редактора | Александр<br>СНЕГИРЕВ  |

## Редакционный совет

Рамазан  
АБДУЛАТИПОВ  
Сухбат  
АФЛАТУНИ  
Муса  
АХМАДОВ  
Резо  
ГАБРИАДЗЕ  
Алла  
ГЕРБЕР  
Денис  
ГУЦКО  
Иван  
ДЗЮБА  
Александр  
КЛЯЧИН  
Валентин  
КУРБАТОВ  
Ольга  
ЛЕБЕДУШКИНА  
Захар  
ПРИЛЕПИН  
Кнут  
СКУЕНИЕКС  
Сергей  
ФИЛАТОВ  
Ренат  
ХАРИС  
Вячеслав  
ШАПОВАЛОВ  
ЭЛЬЧИН  
Леонид  
ЮЗЕФОВИЧ

## СОДЕРЖАНИЕ

*Проза и поэзия*

|                                                                   |     |
|-------------------------------------------------------------------|-----|
| Александр СМОГУЛ. Всё сойдётся в назначенный срок. Стихи.         |     |
| Вступительное слово Александра Климова-Южина .....                | 3   |
| Михаил ЗЕМСКОВ. Слабоумие. Повесть .....                          | 9   |
| Лариса МИЛЛЕР. Гонимые слова. Стихи .....                         | 65  |
| Инна ЛИСНЯНСКАЯ. Двухместная жизнь. Из дневников 2005—2008 гг.    |     |
| Публикация, комментарии и подготовка текста Елены Макаровой ..... | 68  |
| Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ. Жду хороших вестей. Стихи .....           | 124 |
| Вадим ШАМШУРИН. Рассказы .....                                    | 126 |
| Заир АСИМ. Ветка голоса. Стихи .....                              | 141 |
| Наталья КЛЮЧАРЁВА. Не забудки самого долгого дня. Рассказ .....   | 144 |

*Золотые страницы «ДН»*

|                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------|-----|
| Евгений ВИНОКУРОВ. Стихи и переводы .....                              | 154 |
| Юван ШЕСТАЛОВ. Стихи. С языка манси. Перевод Евгения Винокурова .....  | 157 |
| Валентин КОЛУМБ. Стихи. С марийского. Перевод Евгения Винокурова ..... | 158 |

*События. Суждения. Судьбы*

|                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------|-----|
| Дмитрий ГОЛУБКОВ. «Всё на свете — камень и песок». Из записных книжек. |     |
| Публикация Марины Голубковой и Владимира Грачёва-мл. ....              | 160 |

*Нация и мир*

|                                                     |     |
|-----------------------------------------------------|-----|
| Алексей АНАСТАСЬЕВ. Амур: человек против рыбы ..... | 188 |
|-----------------------------------------------------|-----|

*Публицистика*

|                                                     |     |
|-----------------------------------------------------|-----|
| Елена ВЯХЯКУОПУС. В Ташкенте шел теплый дождь... .. | 209 |
|-----------------------------------------------------|-----|

*Литературное пограничье*

|                                                                     |     |
|---------------------------------------------------------------------|-----|
| «Моя мама любит читать А.Пушкина и книги про овощи».                |     |
| Белгородские школьники рассказывают о том, что читают их мамы ..... | 217 |

*Критика*

|                                                 |     |
|-------------------------------------------------|-----|
| ЭХО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ                               |     |
| Владимир ШПАКОВ. Война без войны .....          | 237 |
| Евгений АБДУЛЛАЕВ. «Каратели», год 2015-й ..... | 242 |

*Подробное чтение*

|                                                   |     |
|---------------------------------------------------|-----|
| Даниил ЧКОНИЯ. Евтушенко. Два свидетельства ..... | 247 |
|---------------------------------------------------|-----|

*Эхо*

|                                               |     |
|-----------------------------------------------|-----|
| Моя война... Рубрику ведет Лев АННИНСКИЙ..... | 254 |
| Summary .....                                 | 256 |

Александр Смогул

(1946—2015)

## Всё сойдётся в назначенный срок

### Проскрипело времени стило

*Писать об Александре Смогуле чрезвычайно сложно и легко. Легко потому, что свидетельства его легендарной жизни многочисленны, творческий материал обширен.*

*Смогул жил среди нас, словно овощ, высаженный не на свою грядку, среди сорняков всеобщего безобразия. Читал Джойса и Кафку, мутировал, попивал, ругался матерком. В стране парадоксов и абсурдов отточил свою парадоксальность и стал абсурдистом жизни, не будучи им в поэзии. Был плотью от плоти нашей жизни, солью ее: «Не верящий советским докторам//и знающий: правители — не боги». Во всем облике Смогула сквозило что-то европейское, неординарное, притягивающее с первого взгляда. Всю его жизнь определяло мифотворчество. Он мыслил себе биографию, не ту, которую прожил, а ту, которую хотел прожить. Иногда его мифотворчество приобретало мистические формы: однажды от Сергея Головука я услышал историю про глаза. Эту историю Саша рассказывал не раз, утверждая, что вместо одного глаза у него протез. Так вот, в 2010 году Саша действительно ударился о край журнального столика и потерял левый глаз. А протез, который он демонстрировал позднее, был не плодом розыгрыша, а доказательством интуиции поэта.*

*Мы дружили четверть века, а что я знал? Только дату и место его рождения: 16 октября 1946 года, село Звягино, близ Загорска. Теперь вот дату и место его смерти: 1 января 2015 года в два часа ночи в Москве Саши не стало. И уже не спросишь, на какой войне он получил свою инвалидность и вставную челюсть. Ясно одно — это была жизнь поэта, совершенно непредсказуемого. В шестидесятых годах, по воспоминаниям Владимира Бережкова, они столкнулись в какой-то подворотне. — Ты кто? — спросил тогда еще Александр Мурадов Бережка, как он впоследствии его любовно называл, тот задумался. — Я? Я смогист (был тогда такой союз молодых гениев). — Ну, а я Смогул, — не замедлил выпалить Саша. Так он взял псевдоним, под которым и останется в истории литературы поколения Гандлевского и Кибирова. Или, к примеру, Саша выпал из поля зрения бардовской песни на целых двенадцать лет, и никто не знает, где был и что делал. Такими же неправдоподобными выглядели его отъезд в Гамбург и получение германского гражданства. Что ему там делать? Передавать опыт спецназа Абверу? По крайней мере, я так и думал. Оказывается, он преподавал в университете русскую словесность. И до конца жизни жил на две страны.*

*В Саши все было необыкновенно. Необыкновенной была и история нашего знакомства. В 1991 году я подарил Смогулу свою книгу стихов «Трудное пространство». После посиделок в ЦДЛ я очнулся у него дома: из-за стеклянной створки книжного шкафа с фотографии на меня глядели Зоя Борисовна и Ирина Геннадьевна — его и моя мама. Да, да! Они тоже дружили, хотя и окончили первый мед в разное время.*

Стоит рассказать и о Смогуле-импровизаторе. Он брал любую тему или несколько строк из чужого стихотворения и выдавал с ходу между первой и четвертой совершенно законченное и безукоризненно выстроенное новое произведение. У слушателей возникало ощущение, что он читает нечто давно написанное. За дружбой я никогда не пытался анализировать его стихи. Как-то спросил: «Почему не издаешься?» — Знаешь, старичок, я проживаю и сочиняю стихи в себе, и мне этого достаточно, — был его ответ. По той же причине, думаю, он не заботился об их последующей судьбе. И в этом тоже его личность огромного дарования и масштаба. Остается удивляться, как так случилось, что критики проморгали его при жизни, что после двух книг стихов было всего две публикации в газете «Театральный курьер» и в альманахе «День поэзии».

— Все интересуются, что там после смерти? — писал Сергей Довлатов, любимый Сашин писатель.

— После смерти начинается история. История русского поэта Александра Смогула началась.

Подымим глаза,  
Отрешимся от слов,  
Вот тени скользят,  
Но не слышен их зов,  
И трудно, как век не пытался,  
Понять, кто погиб, кто остался.

Саша, ты остался.

Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

## Бруклинский мост

Если черта горизонта всегда видна —  
Это не значит, что больше некуда плыть.  
Чаша России не выпита мной до дна.  
Но кому до дна удалось эту чашу испить?

Я её знаю, ибо она — моя,  
Что бы не значилось в вечной пятой графе,  
Как бы не отбивалась, она — это я,  
Как бы не бесновались карлики в галифе.

С запада на север и с востока на юг,  
Если взглядеться, можно увидеть мои следы,  
Но как не меняй направление,  
Они превращаются в круг,  
А круг разворачивается впрямую, как вдоль воды.

И всё же мы были с ней рядом —  
так с церковью слит погост.  
Мы коротали радость и зимовали печаль.  
Мы связаны воедино — как постриг, посох и пост.  
Но я никогда не увижу Бруклинский мост.  
А жаль...

\* \* \*

Ты только пленник кинозала,  
Тля, марамою, великоросс.  
Увидишь здание вокзала —  
И сердце двинется вразнос.  
Над Подмосковьем дождик пышет,  
Стоянка — несколько минут,  
Никто про это не напишет,  
Да и напишет — не прочтут.  
Совпав с сердечными толчками,  
В свекольном вареве зари  
Вбери окрестности зрачками,  
Захлопни веки и — замри.

\* \* \*

Мне случилась догадка — по зрелости дней,  
После пьянки, однажды проспавшись, —  
Что совсем растворился в эпохе своей,  
Совершенно в неё не вписавшись.  
И не то чтобы сущность свою потерял  
И гулял бесхребетным на свете —  
Просто век меня напрочь со всеми вобрал  
И различья никто не заметит,  
Ибо некому.  
Каплю любви со дна  
Подлижи. Кто за это осудит?  
И ночами в студёную прорубь окна  
Не гляди. Отраженья не будет.

\* \* \*

По сути равны и Романов, и Габсбург,  
И Воин иконный.  
Давно безразлично, Москва или Гамбург  
За рамой оконной.  
Вот ты и дорос до молчания падших:  
Все звуки — излишни.  
О всех убиенных и всех убивавших  
Не всхлипнет Всевышний.  
А чтобы в звучанье молчанья взглядеться  
В мирах захолустных,  
Уже совершенно не нужен немецкий,  
Как, впрочем, и русский...

\* \* \*

Всё сойдётся в назначенный срок,  
 Оправдает душа непростённых,  
 И напишется несколько строк  
 О каких-то вещах отвлечённых.  
 Нарисуются: свечи горят,  
 Сабантуй в коммуналке паучьей,  
 Ленинград, Ленинград, Ленинград,  
 Юной женщины шепот летучий,  
 В комнатёнке — не больше чем ринг —  
 Танцы — то есть топтанье на месте,  
 Хампердинк, Хампердинк, Хамлердинк,  
 Торт, портвейна дешевого клейстер,  
 Ощущенье грядущей судьбы,  
 Холодок неизвестности сладкий,  
 И ни взлётов ещё, ни беды —  
 Лишь ладони по хрупким лопаткам,  
 Тянет прелью Обводный канал...  
 Я везуч! — Жизнь вломила по полной,  
 А кого я тогда обнимал —  
 Не припомню никак, не припомню...

\* \* \*

...И снится:  
 Женщина приходит  
 И говорит, что не находит  
 Она покоя без меня,  
 Что остальное всё неважно,  
 А ливень ухает протяжно  
 И печь чернеет без огня.  
 И здесь, естественно, деревня,  
 И облетевшие деревья  
 Всё жмутся к нашему окну.  
 Но кто здесь мы? В каком доме?

И дальше:  
 Мы огонь разводим  
 И что-то терпкое находим  
 В бутылки пыльной. И сверчок,  
 Ну и, конечно же, собака,  
 И крепость огурцов из бака,  
 И свечки вогнутый зрачок.

И мы сидим. Нет, мы витаем,  
 Как будто мир необитаем.  
 И, наконец-то, мы одни,  
 И всё сбылось и воплотилось,  
 И за ошибки заплатилось,  
 И за погубленные дни.

Но я лица её не вижу,  
 Я наклоняюсь ближе, ближе,  
 Но ничего не разглядеть.  
 «Ответь мне, кто ты?»  
 «Я, — смеётся, —  
 Я — та, что в руки не даётся,  
 И о которой век скорбеть.

Я появилась в одночасье  
 Твоим понятием о счастье  
 С деревней, женщиной, дождём,  
 Сверчком, собакой и любовью  
 Во сне с надеждой, к изголовью —  
 Одной надеждою живём».

И всё пропало. Я проснулся,  
 Лица небритого коснулся  
 И вспомнил, сколько лет живу.  
 Деревня. Женщина. Собака.  
 Я так давно уже не плакал  
 Во сне.  
 Тем паче — наяву.

\* \* \*

Всё до тоски знакомо,  
До немоты твоё:  
Женщина, запах дома,  
Улица, вороньё...

Изредка вызревает  
Глупый смешной вопрос:  
Кто же она такая,  
Та, с кем судьбу живёшь?

Дни мельтешат по кругу,  
Маются месяца...  
Так и живём друг с другом,  
Не разглядев лица.

\* \* \*

Скрипка —  
Голос заблудшего чуда  
На волне коммунального чада.  
Чадо, ты возникаешь откуда?

Здесь проёмы оконные волглы,  
И мрачны тупики коридоров,  
И от прели старья — тянет воблой.

Здесь живут пролетарий без места,  
Два еврея забытых судьбою,  
И баб-Катя, христова невеста.

Меж собой они свыклись, как звери,  
Много лет просидевшие в клетке,  
И живут, не боясь и не веря.

Но роднит их кромешная кухня  
С вечной гарью морковных оладий,  
С кислым духом капусты и студня.

А ещё их роднит эта скрипка,  
Что скрепила их души, как скрепка,  
Среди быта, где тесно и липко.

И когда одноглазый Исая  
Ворожить начинает на струнах,  
Даже бак над толчком — затихает.

Открываются двери комнат,  
И, напрягши души, как уши,  
Все так слушают, точно помнят,

Что они ещё всё-таки — люди...

\* \* \*

До первого снега,  
До тонкого льда,  
До робкого следа,  
До хриплого «да»,  
До утренних мук  
О вечернем вине,  
До скорых разлук  
На ближайшей войне  
Бестактную правду  
С тактичностью лжи  
Во мне, наконец,  
Воедино свяжи.  
И вне этой связи  
Убийцы с шутом  
Меня различи,  
Как за мутным окном,  
Где смутно проглянет  
Иной силуэт  
Того, кем когда-то  
Являлся поэт.  
И в это мгновенье,  
Поправшее дни,  
Ладони прощенья  
Ему протяни.

\* \* \*

Опоры — шатки: тишина стоит  
До выстрела, Бог — смотрит сквозь ресницы,  
Никто не знает, что в себе таит  
Податливая девственность страницы.  
И как-то неуютно понимать,  
Что в мире невозможно воплотиться,  
И незачем собой обременять  
Ни тишину, ни Бога, ни страницу.

\* \* \*

Родился — и всему конец,  
И ничего нельзя сначала:  
Сосновый крест, цепной венец,  
Бред войн, отсутствие причала:  
Всё данность. Поздно горевать —  
Сценарий выверен по звёздам  
И лень бояться умирать,  
Поскольку это — тоже поздно.

*Михаил Земсков*

## Слабоумие

*Повесть*

### Часть 1

#### 1

Обугленные улицы ломаного города; места пересечения, обитания и происхождения... Один закуток на улице Гоголя недалеко от Вознесенского собора запомнится мне до конца жизни. Для меня этот крохотный объект городской топографии теперь навсегда пропитан присутствием живого существа. Я подхожу к ничем не примечательной подворотне и все чувствую — сгущение воздуха, дрожаще-тянущую подвижность и болезненность невидимой субстанции, обволакивающей землю и стены. Или наоборот — земля и стены сочатся ею? Подрагивают своей внутренней сущностью — словно желе. Но это — неважно...

Началось все с невинной фразы. Лия, моя девушка, сказала, что в город приезжает танцор и мастер будто из Японии, и что она хочет пойти на его танцевальный семинар.

В те дни мы оба чувствовали, как что-то уходило из наших отношений. Я чаще задерживался на работе. Лия чаще ходила на различные тренинги и курсы — актерского мастерства, танцевальные, по женской энергетике... Мы становились более раздражительными друг с другом. Бегбедер писал, что любовь живет три года. Нашим чувствам не исполнилось еще и восьми месяцев, но что-то в них уже начало умирать. Необходимо было некое нестандартное действие, усилие, чтобы спасти их. По этой причине я решил пойти вместе с Лией на мастер-класс будто.

Чтобы хотя бы примерно узнать, что меня ожидает, я загрузил «будто японский танец». То, что увидел, зайдя на различные ссылки, меня насторожило. Некоторые видео казались записями сбежавших из психбольницы пациентов. Особенно запомнился перформанс, в котором худые, лысые, выкрашенные белой

---

\* Рубрика выходит при поддержке фонда «Русский мир».

краской люди, привязанные за ноги, висели головами вниз над столиками открытого кафе. Видеозаписи насторожили, но не изменили мое решение пройти вместе с Лией через необычный опыт.

Лия не проявила никаких особенных эмоций, когда я сказал, что хочу вместе с ней пойти на семинар будто. Улыбнувшись, проговорила:

— Здорово... Не боишься?

— С чего бы... — усмехнулся я в ответ, стараясь в усмешке скрыть неуверенность в голосе.

— Смотрел в интернете?

— Ага.

— Ну классно, — Лия отвернулась обратно к экрану планшета.

Лия была татаркой. Очень красивой, с точеным лицом — словно с классических скульптур. Я всегда представлял ее наследницей каких-нибудь татарских ханов, восточной царевной. Когда сказал ей об этом однажды, она только рассмеялась. Но я заметил, что ей понравилось, и мои слова как-то отложились у нее внутри. Лия была слегка гламурна, но немного, как раз в нужной пропорции. Возможно, благодаря небольшой порции гламура, но, возможно, и вопреки ей, у нее было отличное чувство вкуса. В меру и удачно экспериментирующая со своим гардеробом и макияжем, в любой обстановке и обстоятельствах — от торжественного приема в пятизвездочной гостинице до поездки в лес на шашлыки — она всегда выглядела превосходно. Мне это нравилось. Нравилось, когда мы шли рядом и я ловил восхищенные и завистливые взгляды прохожих мужчин.

Я тоже любил модно и красиво одеваться. Не выпендриво, напоказ, как какой-нибудь хипстер, а с неброским мужским шиком. Восхищенные женские взгляды на себе я тоже ловил довольно часто. Думаю, внешне мы с Лией хорошо дополняли друг друга.

Характером Лия тоже напоминала восточную царевну. Чуть надменная, но при этом великодушная, эмоциональная, увлекающаяся и вспыльчивая. В некоторые моменты казалось — будь у нее сейчас в руках острая кривая сабля — не задумываясь взмахнула бы ею, чтобы срезать чью-то глупую башку. В то же время она легко отходила от приступов гнева и легко прощала. Еще она легко поддавалась влиянию мужчины и подчинялась ему. В этом было что-то исконно женское по своей природе — и тоже восточное и трогательное. Хотя эмансипационная болтовня и феминистская пропаганда, льющаяся сейчас со всех сторон, задела и ее очаровательную головку: «я не собираюсь сидеть в пещере и хранить очаг, пока ты бегаешь за мамонтом — сейчас не тот век! И вместо очага есть лампочки...» Но я знал, что это были только слова. Родится ребенок — и будет, как милая, сидеть с ним в пещере у очага...

Задумывался ли я уже о том, чтобы в какой-то момент мы начали жить вместе и даже создали семью? Да. И это часто казалось мне неплохим вариантом развития событий.

Вечером в нужный день мы приехали в танцевальную студию, где должен был проходить семинар. У закрытых дверей стояло несколько человек.

— Привет! — Лия пожала руку странноватого вида девушке с волосами

неопределенного цвета (точнее, они были пестрыми, как выглядит иногда оперение у птиц — пепельный цвет перемежался с почти черным и с вкраплениями почти белого) — что, еще не начинается?

— Не знаю. Может быть, это такое начало, — усмехнулась та.

— Познакомься — это Аида. А это — Артур, — представила нас друг другу Лия. Аида протянула тонкую руку и посмотрела мне в глаза. В ее взгляде было что-то тревожное и как будто вибрирующее. Мне показалось, что она похожа на японскую куклу — неестественно белым цветом кожи, резко контрастировавшим с темными волосами, и идеальными чертами лица с неуловимо восточным разрезом больших глаз. Образ дополняли необычно яркая голубизна глаз и словно нарисованная розовость щек. Эта «кукольность» вызывала довольно странное ощущение — как будто пропадала уверенность, что говоришь с человеком.

— Здравствуй, Артур, — неуверенно произнесла она и быстро оглядела меня всего. Я подумал, что, возможно, такими взглядами мужчины «раздевают» женщин.

— Так вообще будет мастер-класс? — Лия нетерпеливо посмотрела на часы.

— Я же говорю — возможно, он уже начался, — Аида наконец перевела взгляд с меня на мою спутницу.

— Как у тебя дела? — спросила у нее Лия.

— Наверное, хорошо. Тем более, что я здесь.

— Давай все-таки узнаем, когда начнется, — Лия отошла к основной группе ожидавших.

Аида снова посмотрела на меня изучающим взглядом, потом опустила голову, сторбилась и как будто закрылась от окружающего мира. Если бы у нее был панцирь, как у черепахи, она в этот момент, наверное, полностью бы в нем скрылась. Но панциря у нее не было, и я спросил:

— Откуда вы с Лией знакомы?

Аида подняла голову и теперь посмотрела на меня совершенно другим взглядом — непонимающим и почти пустым. Эта разница поразила меня.

— Совместные танцы. Иногда даже удачные, — равнодушно проговорила она.

К нам вернулась Лия:

— Похоже, сегодня мастер-класса не будет. Самолет прибыл с задержкой. Они только выехали из аэропорта. Думаю, можно идти домой. Или давайте в кафе какое-нибудь сходим, раз уж собрались вместе.

— Если там будет фруктовый чай — я с удовольствием, — встрепенулась Аида.

Мы зашли в кофейню неподалеку. Заняли свободный столик. Я взял меню.

— Сходим в женскую комнату? — предложила Лия Аиде.

— Я не хочу.

Лия, грациозно лавируя между столиками, ушла вглубь зала. Аида осторожно положила свой рюкзачок на пол рядом со стулом. Посмотрела на меня, потом потупила взор. Как ни странно, возникшее молчание казалось мне совсем не тягостным, как обычно бывает с новыми знакомыми, а совершенно естественным, но я все равно решил его прервать:

— Чем вы занимаетесь в жизни?

Аида подняла на меня глаза и, неопределенно поведя плечами, ответила:

— Трудно так сразу сказать... И перечисление может занять много времени...

Она снова опустила голову, но тут же подняла ее и посмотрела на меня:

— Ты жил с птицами, — произнесла то ли вопросительно, то ли утвердительно.

— С птицами? — переспросил я. В детстве у меня действительно был желто-зеленый попугайчик.

Она медленно наклонилась ко мне.

— Тебя что-то связывает с ними... И вызывает чувство тревоги.

— В смысле? — Не понял я.

— Нет, ничего... Извини...

Лия вернулась из туалета:

— О чем воркуете?

Я очень хорошо запомнил тот момент и эту фразу. Точнее, как она была произнесена Лией. Это был последний раз, когда я слышал беззаботность в интонации ее голоса. Возможно, из-за того, что в моей памяти слишком хорошо отпечатались те секунды — словно их выжгли как микроскопическое тавро на какой-нибудь нейронной цепочке моего мозга, я не запомнил почти ничего из случившегося позже в тот вечер. Даже ответа на вопрос Лии, и кто из нас — Аида или я — ответил. Помню только, что Аида быстро ушла, и мы с Лией остались вдвоем за большим дубовым столом.

Я тогда работал журналистом и редактором в оппозиционном интернет-издании (говорю «тогда», хотя прошло всего восемь месяцев). Вдобавок к этому регулярно писал статьи для различных вебсайтов и порталов. Кроме того, я был автором четырех опубликованных книг. Одной фантастической и трех реалистичных и даже остро-социальных. Работал над пятой — романом о событиях в Кызыл-Таше. Она должна была стать самой острой и самой социальной.

Тиражи и продажи выпущенных книг были довольно скромными. Но я уже знал, что быстрый литературный успех — это редкое исключение, тем более в наше время, и не строил иллюзий. Постепенно наращивал себе аудиторию журналистикой и блоггерством, пробовал себя в политической деятельности и искал бизнес-ангела, который мог бы профинансировать рекламу и пиар бренда «Артур Танеев» и его книг.

Примерно в то время я совершил две крупные и символические для меня покупки. Самые дорогие туфли и самую дорогую машину в своей жизни. Черные, из матовой кожи, туфли стоили тысячу долларов. Бежевый пятилетний «Лексус» — в двадцать пять раз дороже. Три небольших гонорара и один большой кредит. Я почему-то был уверен, что для нахождения бизнес-ангела хорошие туфли и хорошая машина — самые необходимые предметы.

Как журналист и как оппозиционер я участвовал во многих акциях протеста перед выборами мэра в 2013-м году. Был на Старой площади, Ботаническом бульваре, у памятника Пушкину. Меня раздражали действующий мэр и сложившаяся при нем система власти, повсеместное беззаконие и пришедший из зоны общественный порядок «по понятиям». «Кто угодно — лишь бы не Беркеев», — так рассуждали мы с друзьями-соратниками. Пусть

либерал, пусть коммунист, пусть националист — лишь бы разрушить гнилую систему.

Поэтому, когда начались выборы мэра и оппозиционным кандидатом на них стал неожиданно отпущенный после обвинительного приговора суда Марат Сапиев, в окружавшем меня пространстве — физическом и виртуальном — возникло небывалое воодушевление. Нам казалось, что это первый за последние десять-пятнадцать лет реальный шанс что-то изменить в нашем городе. Более того, первый реальный шанс за все время сознательной жизни нашего поколения — родившихся в восьмидесятых и позже.

— Подожди... Почему ты не говоришь о главном? — Она отошла от меня на пару шагов назад и уперлась спиной в облезлую стену трансформаторной будки.

— Осторожно, запачкаешься, — предупредил я, но она только равнодушно посмотрела на меня. Ссутулилась, словно хотела вжаться спиной в кирпичную кладку стены, вытащила из кармана правую руку, плавно отвела в сторону, медленно взмахнула вверх-вниз, вверх-вниз — как будто разминала крыло.

— О чем «о главном»? — спросил я.

— О том, что ты избран.

— Кем и куда? — насторожился я.

— Вселенной. Чтобы создавать новые миры и тем самым расширять ее. А куда это приведет тебя — я не знаю. Ты разве не чувствуешь желтое шупальце Вселенной, которое проникает через череп в твою душу, хозяйничает там, извивается, как змея, и выплевывает образы, знаки, слова и маленькие, но очень важные точки?

Двенадцать часов ночи. Около дома, в котором жила Аида. Я рассказываю ей о своей журналистской и писательской работе. Мы приехали сюда на моей новой машине, но теперь машину нужно было менять. Или хотя бы сиденья...

Два часа назад закончилось третье занятие семинара будто. На нем присутствовало восемь человек. Лия и еще шестнадцать записавшихся сегодня не пришли.

— Я никогда не представлял это в таких картинках, но слова об избранности очень приятны, — усмехнулся я.

Аида бросила на меня быстрый взгляд и опустила голову.

— Я очень устала, — проговорила она.

Я подошел к ней и взял за плечи.

— Все в порядке. Это приятная усталость. Еще я хочу когда-нибудь услышать о твоей избранности от тебя самого. Этот будущий рассказ уже волнует меня.

— Хорошо, я когда-нибудь расскажу. — Я улыбнулся и хотел ее обнять.

— Извини, мне нужно идти сейчас, — она нежно ткнулась носом мне в грудь, но тут же мягко высвободилась из моих рук и направилась к подъезду двенадцатэтажки. Я понимал, что, как бы мне ни хотелось, сейчас ее нельзя останавливать и нельзя больше ничего говорить.

Позже я думал, что если бы познакомился с Аидой не в обстановке легкого безумия на семинаре будто, а в любое другое время, то принял бы ее за сумасшедшую и исключил из круга своего общения. По натуре я человек рациональный и здравомыслящий. Люди с психическими отклонениями вызы-

вают во мне смесь настороженности и брезгливости. Вдобавок рядом с ними у меня возникает странное чувство вины — мол, у меня все хорошо, я нормальный, могу жить и радоваться жизни. А кому-то не повезло — сломалось что-то в мозгу, и, скорее всего, уже не исправить, всю жизнь будут и сами страдать, и родственников мучить. Поэтому общаться и находиться рядом с ними мне неприятно.

## 2

Мастер будто выглядел молодо, лет на тридцать пять, хотя позже я узнал, что ему сорок восемь. Худое жилистое тело, бритая голова, подведенные черной тушью внимательные глаза. Перед началом первого занятия он попросил нас сесть на пол, в кружок, представиться, рассказать о своем опыте в танце и почему мы оказались в этом зале. Рассказы учеников были похожи. Почти все занимались каким-либо видом танца и почти ни у кого не было опыта в буюто. Почти каждый хотел узнать, что это такое и попробовать для себя. Лия сказала, что видела много видео танцоров буюто и слышала очень разные истории об этом танце. Аида сказала, что хочет почувствовать возможность нового движения для своего тела и что это нужно для ее занятий актерским мастерством. После знакомства мастер коротко сказал, что буюто, или по-другому «танец тьмы», — это не только танец, но и медитация, и непрерывный поиск своих корней и глубинного ядра своей сути. А с другой стороны — поиск корней и глубинного ядра Вселенной, и процесс взаимодействия своей внутренней сути с внутренней сутью всего окружающего. Хотя на самом деле это нужно только для того, чтобы осознать их единство, а потом — то, что они вообще не существуют, и в мире есть только пустота. Потом мастер попросил в течение семинара просто следовать его инструкциям, а если что-то будет непонятно — спрашивать.

— Для более легкого и полного вхождения в особенное состояние «танца тьмы» и концентрации на своих ощущениях танцорам, особенно начинающим, удобнее выполнять все движения с закрытыми глазами, — мастер медленно сомкнул веки, плавно повел головой в одну сторону, потом в другую — словно уже начал танец. Через несколько секунд открыл глаза и продолжил:

— В начале танца движения всегда должны быть очень медленными. Лучше начинать с шагов — со специальной походки. Полусогнутые ноги по очереди медленно движутся вперед. Ступни лучше не отрывать от пола, пусть они еле заметно скользят по нему, — мастер показывал движения, основная сложность которых оказалась в том, чтобы делать их в таком же неестественно замедленном темпе, как делал это он.

— Главная цель, почему походка должна быть такой медленной, — для вашего танца нужно, чтобы духи мертвых смогли войти в ваше тело. А духи мертвых движутся очень медленно. Настоящий танец буюто начинается только тогда, когда в ваше тело входит какой-нибудь дух и начинает в нем танцевать, — мастер говорил на английском с мягким акцентом; его ассистентка, выполнявшая упражнения вместе с группой, переводила на русский.

— А как почувствовать, вошел уже в твое тело дух или еще нет? — спросила одна девушка.

— Прислушиваться к своим ощущениям и довериться им. Вы обязательно почувствуете.

Ученики угловатыми и неестественными движениями скользили от одной стены зала к другой — гораздо быстрее, чем показывал мастер.

— Медленнее, еще медленнее, — повторял он.

К концу трехчасового занятия эта медленность изменила во мне что-то.

С самого начала предвыборной кампании наш новостной вебсайт давал много материалов о Марате Сапиеве и о работе его штаба. Мы публиковали репортажи с его встреч с избирателями, обсуждали скандалы с отменой таких встреч и неуклюжим вмешательством различных госорганов в проведение его кампании.

Моего начальника звали Антон Буров. Формально он был главным редактором интернет-издания, но я думаю, что он также был и его совладельцем, хотя почему-то это скрывал. Основным же владельцем являлся один крупный бизнесмен. За исключением частностей с Буровым было приятно работать. Общаться — в меньшей степени. Чувствовалась в нем какая-то гнильца. Хотя, возможно, эту гнильцу в нем замечал я один. Остальные сотрудники редакции, партнеры, клиенты или просто знакомые обычно относились к нему с уважением и симпатией. Так что, вполне возможно, меня просто посещали приступы паранойи на фоне необъяснимой личной антипатии к шефу. Замечал ли он мою антипатию? По-моему, нет. Иногда после работы мы выходили в ближайший бар попить пива. Я смеялся его шуткам (он любил шутить), после второй кружки — почти искренне.

— Спасибо! Я не хочу! Мне нужно домой! — Тональность каждой фразы стремилась вверх, но в крик не переходила. Лия резко закинула сумку на плечо, развернулась и быстро пошла по улице прочь — в ответ на мое приглашение зайти вместе с Аидой в кафе (после будто часто хотелось зеленого чая). В ту минуту, погруженный в себя после длинного сюрреалистичного танца, которым закончилось второе занятие будто, я не понял, что с ней происходило. В другой ситуации я бы остановил ее, обнял, расспросил, рассмешил какой-нибудь шуткой. Но тогда я только посмотрел ей вслед, предполагая, что психоделический танец вызвал в ней какие-то глубокие переживания, которые ей лучше осознать и обдумать в одиночестве. Но вскоре я понял, что дело было в другом.

Последний длинный танец был парным, и я танцевал его с Аидой. Задание мастера для него прозвучало так:

— Во время этого танца прогуляйтесь по бритвенному лезвию ностальгии. Часть танца может быть совместной с партнером, и вы будете переступать ногами по лезвию друг за другом, вторая часть — индивидуальной, и каждый из вас будет сам нащупывать следующий шаг. Вы с партнером должны сами решить, когда вам танцевать вместе, когда — отдельно. Главное — прислушиваться к себе и к партнеру. Постарайтесь дойти до конца лезвия — вдвоем с партнером или в одиночестве — и ощутить, как на следующем шаге под вашей ногой окажется пустота.

Мы с Аидой весь танец протанцевали вместе. Я не знаю, дошла ли она до конца лезвия и ощутила ли пустоту под ногой. Мы никогда не обсуждали то, что чувствовали во время будто. Это, наверное, и невозможно объяснить. Я,

например, закрыв глаза, медленно наклоняясь к полу и соприкасаясь плечом со спиной Аиды (ее тело тоже опускалось — она медленно приседала), видел мартовский черноватый снег, очень близко. Видения во время танца возникали от вхождения в особое медитативное состояние, а также от музыки — всегда необычной и непредсказуемой, то расслабляющей и космической, иногда с умиротворяющими звуками природы, то резко психоделической, с электронными запилами и индустриальным шумом. Когда мы опустились на пол и Аида вытянула руку вдоль моей спины, я лег лицом на снег, и его жесткие кристаллы, расцарапав мое лицо, вдруг проникли под кожу и растаяли под ней. Вместе с ними моя плоть начала таять и, превратившись в воду, стекала в землю и таким образом уходила в прошлое. Во всем моем теле — ощущение умирания. Это течение воды происходило долго, мы с Аидой снова двигались, с закрытыми глазами, но не теряя контакта друг с другом. Импульсы движений приходили неожиданно, подхватывали то ее, то меня, то обоих одновременно. Потом Аида, схватив меня за шею, валила на пол, поднимала, тянула за собой. Мы встали на ноги, она продолжала тянуть меня куда-то, ее сильные тонкие пальцы не отпускали мою шею. Черда картинок промелькнула перед моим внутренним взором — деревянная детская кроватка, сломанные качели, молодая мама с длинными пышными волосами, размеренный голос бабушки, потом все почернело, я быстро двигался в пространстве, а невидимое лезвие проходило через меня. Я не мог на него наступить, потому что не видел его, но чувствовал, как оно разрезало меня. Вдруг я увидел Надю — девушку, в которую был долго и безответно влюблен в старших классах школы. Мне представлялось, что сейчас она держит меня за шею и тянет за собой. Потом рука ее стала дряхлеть, Надя повернула ко мне свое стареющее на глазах лицо. У меня к горлу поднялось судорожное рыдание. Проглотив его, я схватил Надю/Аиду за руку, потом за плечо, притянул ее к себе, потом оттолкнул, но тут же снова схватил ее за плечи. Но теперь она оттолкнула меня и словно сломалась вся, опустившись на пол. Сжавшись, прислонилась лопаткой к моей ноге. Я замер, потом медленно опустился на пол рядом с ней. Я не знаю, вселялись ли в меня во время того танца какие-нибудь духи мертвых, но в те минуты, когда я очень медленно опускался на пол к Аиде, стараясь не потерять контакта с ее лопаткой, а потом осторожно перехватывал это соприкосновение сначала рукой, затем плечом, ухом, виском, лбом, внутри меня отчетливо присутствовали три ощущения. Первое, самое сильное, было связано со смертью — как будто я запустил ее в себя и почувствовал суть ее природы. Эта суть заключалась в том, что смерть — не финальный момент в жизни живого существа, а она растянута во времени и пространстве до бесконечности, как бескрайний серый океан, заполняющий всю Вселенную, и каждое живое существо плывет в нем, постепенно умирая. Вторым было ощущение страдания — которое, как я теперь понимал, тоже длится бесконечно — и которое физически сдавливало что-то в моей груди. Третьим ощущением была огромная радость от того, что я как будто бы видел смерть и страдание со стороны, и значит — поднялся над ними, взлетел из океана, словно летучая рыба, хотя и неминуемо упаду в него снова. Подтверждением того, что я находился вне океана и наблюдал за всем сторонним объективным взглядом, было присутствовавшее все время осознание соприкосновения с живым телом моей партнерши, ее лопаткой. Это касание, являясь чем-то самым важным в тот момент, наполняло меня счастьем и вызывало невероятную благодарность Аиде.

Я не заметил, как Лия, чьей партнершей оказалась Наташа — небольшая худенькая девушка, на середине танца вышла в туалет, а вернувшись в зал, не продолжила прогулку по ностальгии, а села на пол у стены и просидела так до конца занятия, наблюдая за Аидой и мной.

— Я не очень хорошо себя чувствую. Поеду домой, — Аида отставила недопитую чашку зеленого чая.

— Что случилось?

— Не знаю... Давление.

— Голова болит? У тебя пониженное или повышенное?

— Не знаю... Давление окружающего... Давление всего этого мира. Тебе не кажется, что на этой планете все очень тяжелое, плотное и объемное? Густой воздух, вязкая вода, навязчиво квадратные и грубые предметы?

Я пожал плечами.

— Никогда не обращал на это внимание. Хотя несовершенство встречается во всем.

— Да, несовершенство..., — задумчиво повторила Аида, потом поднялась со стула и взяла свой рюкзачок.

— Давай я подвезу тебя.

— Только если это тебе несложно, если у тебя есть свободное время и если ты этого хочешь.

— Да, все примерно так, — усмехнулся я.

Мы больше молчали, чем говорили.

— Как ты себя чувствуешь? — после долгой паузы спросил я.

— Лучше.

— Давление проходит?

— Ты знаешь, что во время полета пульс у птицы больше тысячи ударов в минуту? А кровяное давление такое, что от резкого испуга могут разорваться артерии и она умрет.

Я выжимал педаль газа. Очень странно себя чувствовал. Представлялись кадры лавы, стекающей из жерла вулкана. Снаружи — темный плотный застывающий слой, а внутри ярко-красное, горящее — движется, кипит, колыхается. Кажется, что сейчас взорвется все изнутри и красные брызги полетят в стороны. Но не взрывается, хотя и переполнено энергией. Такой лавой я чувствовал себя в тот вечер. Подрагивающая и переполненная энергией нога выжимала педаль газа.

— Ты все-таки куда-то торопишься? — спросила Аида.

— Нет, — с усмешкой выдохнул я и сбросил газ. — Просто странное чувство внутри, и хочется ехать быстро.

— Я совсем не против, мне нравится. Просто стало интересно.

Мы снова замолчали.

— Я иногда не знаю, зачем я делаю следующее движение. И в такие минуты хочется лечь и больше никогда не двигаться, — тихо сказала она.

Необычная естественность и откровенность общения с Аидой вызывали странные и волнующие ощущения, которые при этом казались очень знакомыми. Хотя я понимал, что очень давно ни с одним человеком не общался так просто, с эксгибиционистской искренностью до предела, и о чем-то самом

главном. Позже я догадался, откуда эти ощущения были мне знакомы. Таким же образом я общался в детстве с друзьями, лет в пять-шесть. Без задних мыслей, выговаривая все, что хочется сказать, и замолкая, когда сказать нечего. И все, о чем мы говорили тогда, казалось самым главным.

— У тебя в машине что-то не так, — вдруг сказала она. — Присутствие смерти.

Я с тревогой посмотрел на нее. У меня уже возникали подозрения, что Аида не совсем психически здорова, и теперь внутри екнуло — не начинается ли у нее какой-нибудь приступ. Она подалась вперед:

— Можно отстегнуть ремень?

— Отстегни. Что происходит? Остановиться?

— Нет. Наоборот, езжай быстрее.

Она отстегнула ремень, еще сильнее сдвинулась вперед, выпрямилась и положила руки на приборную панель:

— Так лучше. По крайней мере, легче дышать, — оглянулась назад, — у тебя кожаные сиденья... — проговорила расстроенно.

— Да, а что?

— Здесь душа животного, с которого сняли эту кожу. Я ее чувствую. Она страдает и враждебно настроена к нам, потому что мы живые.

— Мы скоро приедем. — Спокойно сказал я. — У тебя часто такое бывает — что чувствуешь души мертвых, и всякое такое?

— Всякое такое? — Непонимающе посмотрела на меня.

— Ну не знаю... Может быть, что-то еще с тобой происходит... Из ряда вон выходящее — как видеть души мертвых. Это же ненормально.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под ненормальным и из ряда вон выходящим... Происходит. Все время что-то происходит, каждую секунду что-то происходит. Вот сейчас из-за порыва ветра с березы около моего дома сорвался лист, который должен был упасть только через месяц. Разве это нормально? Разве это не из ряда вон выходящее? Представляешь — вся последовательность событий этой Вселенной, все ее взаимоотношения со временем нарушены. Вселенная теперь погибнет раньше.

— Может, он не сорвался. Или сорвалось еще триста листьев.

— Нет. Сорвался только он. Я знаю.

— Да, в этой жизни много странностей. Но что касается душ мертвых?

— Что... касается... душ... мертвых? — Медленно повторила она. — Это мертвые касаются меня. Иногда кажется, что они меня специально преследуют.

— Часто они тебя касаются?

— Почти каждый день, когда не пью таблетки.

— Таблетки тебе психиатр прописал?

— Да, но это было давно. Я их не пью.

— У тебя шизофрения? Или паранойя?

— Нет. У меня первичные признаки шизотипического расстройства. Это может перерасти в шизофрению при определенных условиях. Но может и не перерасти. Только я этого не узнаю.

— Почему?

— Когда шизофреники становятся шизофрениками, думаешь, они это осознают? Особенно точное время, когда они ими стали. Допустим, вот

сейчас, — она посмотрела на часы, — в двадцать три двадцать восемь ты стал шизофреником. Две минуты назад, в двадцать три двадцать шесть, еще не был, минуту назад — еще не был, а тридцать секунд назад — ты уже шизофреник. Теперь можно наконец стать свободным, расслабиться и делать все, что хочется. Поздравляю.

Я усмехнулся — то ли искренне, то ли наигранно.

— Так что если у меня вдруг начнется шизофрения, ты мне скажи об этом. Не знаю, будет ли в тот момент эта информация полезна для меня и смогу ли я ее осознать, но на всякий случай...

Мне хотелось задать еще много вопросов, но я почувствовал, что сейчас не время для них. Мы молча доехали до ее дома. Аида быстро выскочила из машины и захлопнула дверь. Я тоже вышел из машины и, шелкнув сигнализацией, подошел к ней.

— Как ты?

— Лучше.

Она опустила голову и посмотрела на мои туфли.

— Нет, только не про них... — С легкой усмешкой проговорил я. — Я только купил их... за дикое количество убитых енотов...

Она подняла на меня пустой непонимающий взгляд.

— В смысле, у.е. — осекшись, быстро проговорил я. — Убитыми енотами на жаргоне называют у.е. — условные единицы.

— Да, я знаю, слышала, — задумчиво проговорила она и еле заметно улыбнулась — улыбкой более таинственной, чем у Джоконды.

Некоторое время мы стояли друг напротив друга, ничего не говоря. Аида, опустив голову, рассматривала что-то на земле, потом на двери машины, потом снова на моих туфлях. Хотя, возможно, и не рассматривала, а находилась в это время где-то далеко. Я смотрел на ее лицо, потом на плечи, руки, всю ее фигуру. В ее красоте, казавшейся идеально-кукольной, удивительным образом совмещались податливая мягкость плюшевой игрушки и изломанность марионетки.

Я подошел к ней вплотную, чтобы обнять, но она легко толкнула меня головой в грудь и отошла на шаг:

— Можно не так?

— А как? — Я хотел снова приблизиться к ней и повторить попытку, но потом все-таки решил, что лучше этого пока не делать.

Она отвернулась.

— Вот эта береза. — Проговорила после паузы и кивнула в сторону. — Из-за которой Вселенная умрет раньше.

Береза показалась мне чахлой.

— Может, срубим ее? — улыбнулся я.

Аида посмотрела на меня долгим странным взглядом и вдруг заливисто рассмеялась.

Мы снова молча стояли друг напротив друга. Аида в медленном ритме двигала пальцами поднятой к груди правой руки — словно выполняла ими миниатюрный хореографический перфоманс.

— Ты работаешь актрисой? — спросил я.

— Пока это вряд ли можно назвать профессиональной деятельностью.

Занимаюсь в одной студии, играла в нескольких постановках, даже снялась в одном сериале. Но..., — она замолчала.

— Что «но»? — спросил я после паузы.

— Я пока даже для самой себя не могу сформулировать это «но», но оно есть. Так что пока я просто называю его «но». — Указательный и средний пальцы правой руки Аиды выпрямились, остальные сжались в кулак: ладонь превратилась в «шагающего человечка». Этот человечек прошагал по моему телу от живота к левой ключице. Здесь ладонь раскрылась, и тонкие пальцы осторожно обхватили мое горло.

— Некоторые народы верят, что душа живет в горле, — Аида мягко провела подушечками пальцев по моей сонной артерии. — Хочу погладить твою душу.

Продолжая поглаживать мое горло, она медленно положила голову мне на грудь.

### 3

Лия не звонила. Пока я отвозил домой Аиду, пока мы потом долго стояли с ней на улице, мой разум, словно радиомаяк, периодически посылал сигнал «сейчас должна позвонить Лия». Но в то же время неожиданно возникшее во мне шестое чувство (интуиция? — хотя я никогда в нее не верил) наполняло меня странной уверенностью: «она не позвонит». Лия действительно не позвонила в тот вечер.

Мы с Аидой около получаса простояли, обнявшись, без слов и почти без движения. Потом она отстранилась, сказала, что ей нужно идти, и, неловко ткнувшись носом в мое плечо (словно клюнула), быстро зашагала в темноту двора. Я вернулся в машину и долго сидел за рулем. Мне казалось, что мой рациональный ум после двух занятий будто и после происходящего между мной и Аидой (а что именно происходило? — я не мог дать этому ни названия, ни объяснения), взял небольшой тайм-аут.

Наконец я завел машину, посмотрел на часы. 00:33. Звонить Лие было поздно. Я решил отправить ей эсэмэску. «Как ты? Что с тобой происходит после того?»

Несколько минут я ждал ответа, но телефон молчал. Я включил первую передачу скорости и медленно поехал к выезду на улицу.

Через полчаса я был дома. В очередной раз проверил телефон. «Новых сообщений нет». Сходил в душ, потом, обернувшись полотенцем, прошел на кухню, включил чайник. Пискнул телефон. Я взял трубку, вошел в меню. «Новое поступление в сети магазинов "Спортмастер". Получите до 1,000 бонусов при покупке до 30.08.2013». Усмехнувшись, я бросил телефон на кресло, и в этот момент он пискнул снова. Трубка снова у меня в руке, снова меню сообщений.

«Пока не знаю, что это и зачем. Но не получается не думать о тебе. Возможно, паранойя приходит раньше шизофрении. Аида»

Я быстро набрал ответ: «Аида, я тоже сейчас думаю только о тебе. Жду завтрашний семинар, чтобы скорее увидеться с тобой».

Несколько минут тишины ночной квартиры. Писк телефона.

«Ты не понимаешь... Это ведь не только мысли. Расширение пространства в геометрической прогрессии и разрушение системы координат. И пока непонятно, что с этим делать».

Я опоздал на работу. Буров что-то сказал мне, и в его замечании упрек смешался с очередной шуткой. Что именно он сказал, я не то чтобы не запомнил, а, по-моему, не очень и понял. Почувствовал только по интонации эту смесь упрека с юмором. Добравшись до кофемашины, я налил себе большую кружку «американо», потом отпил немного и добавил туда еще две порции эспresso. Вернулся к своему рабочему месту. Нужно было отредактировать два материала о выборах мэра и статью одного политолога о мигрантах — по следам двух последних преступлений с участием кавказцев. Еще дописать свою статью — посвященную коррупции в прокуратуре.

Пил кофе. Читал текст. Застревал на каких-то фразах, словах. Правил их. Потом CTRL-Z — отменял свою правку. Снова менял текст предложения. Снова CTRL-Z. Не выдержал — опять пошел к кофемашине, хотя в чашке еще оставалась чуть ли не половина. У кофемашины встретился с Буровым.

— Видел уже статью Ковтуна? — спросил он.

— Нет.

— Посмотри. Гондон старый, для него, говнюка, каждый пук — повод для того, чтобы себя пропиарить и на себя одеяло потянуть. Ему уже на пенсию давно пора — памперсы своим засранным правнукам менять, а он все...

Мне вдруг представилось, что я растворился, а вместо меня перед Буровым стоит Аида. Как она спокойно произносит мягким мелодичным голосом: «Я не понимаю, о чем вы говорите», опускает голову и уходит в себя, исчезая для окружающего мира.

Но я не мог так ответить. Налил кофе:

— Прочту.

— Ты бухал вчера, что ли?

— Нет.

— Что-то выглядишь, как задроченный медведь. Соберись. Сейчас не до пьянок.

— Знаю. Говорю же — не бухал. Просто бессонница.

— Ну смотри... Снотворное выпей, если что...

— Ага, — я пошел обратно к своему месту.

Прочтя абзац, я откатился на кресле к окну. Посмотрел в глубину зеленой кроны большого развесистого дерева, на серую стену дома напротив, на серое небо в просвете между зданиями. Где-то в этих каменных пределах городской геометрии находилась Аида, преследуемая бесплотными душами, подавленная грубой плотностью материальных объектов, пытающихся загромоздить собой все окружающее пространство.

Неожиданно для себя самого я поднял руку и дотронулся до стекла окна, медленно провел по нему подушечками пальцев.

Зазвонил телефон. Я поднял трубку.

— Ты че... материалы еще не на сайте? — Недовольный голос Бузова.

— Заливаю.

— Давай быстрее...

Я открыл программу веб-сайта, закачал на нужные страницы неотредактированные тексты, закрыл интерфейс.

Нужно было позвонить Лие. Но не хотелось. Я не знал, что ей сказать. Не

знал, что скажет она, но предчувствовал, что она будет говорить неприятные для меня вещи.

Дотянул до обеда. В час дня вышел на улицу, сел во дворе на лавочку. Еще несколько минут просидел, бессмысленно теребя в руке телефон. Наконец выбрал в списке контактов «Лия», нажал «позвонить». Тянулись долгие гудки, но потом она ответила.

— Здравствуй, — приветливо и даже ласково сказала она, но в интонации ее голоса мне почувствовалась неискренность, — как дела?

— Хорошо. Только устал. Бессонница была ночью, — почти честно ответил я. — Как ты? Мою эсэмэску видела?

— Эсэмэску? Нет, я ничего не получала.

— Странно. Вчера вечером тебе отправил. Как ты чувствуешь себя после будто? Так быстро убежала вчера...

— Нормально. Просто было еще одно дело вчера вечером. Но будто... да, это не мое.

Она замолчала. И я не знал, что сказать. Наконец после паузы выдавил:

— Да, будто это... Странно. Со мной никогда ничего подобного в жизни не происходило. Сегодня не пойдешь на семинар?

— Нет. Больше не пойду.

— Чем сейчас занимаешься? — я снова скорее натужно выдавил, нежели произнес, слова.

— На работе.

И опять глухое напряженное молчание телефонного эфира.

— Ладно, мне пора, — сказал я. — Пока.

— Пока. Хорошего дня, — с той же, показавшейся мне неискренней, ласковостью в голосе проговорила Лия.

— Тебе тоже хорошего дня, — я отключил телефон.

На третьем занятии будто возник вопрос о корнях и внутреннем стержне моей личности. Эти два слова — «roots» и «core» — мастер повторял часто. Чувствуйте roots, прислушивайтесь к core... После чего ученики ходили по залу с глуповатыми взглядами, которые они хотели устремить внутрь себя, но по физиологическим причинам не могли, и потому устремляли их то в пол, то в стены, то куда-то еще.

На третьем занятии будто мне казалось, что я уже многое понял об этом танце. Особенно после того, когда увидел танец мастера. и сразу после него — танец одной из учениц. В танце мастера, как я отметил для себя, были доведены до предела четыре вещи:

— концентрация на своем внутреннем состоянии;

— концентрация на преобразовании своего внутреннего состояния в физические движения тела;

— абсолютная откровенность в выражении всех эмоций;

— отсутствие жалости к себе.

После того, как он закончил танец и дал ученикам следующее задание — «импровизацию», одна из учениц попробовала повторить движения мастера. Выглядело это фальшиво и убого. Она пыталась красиво двигаться, притом что боялась открыть свои чувства перед чужими людьми и наполнить движения хотя бы какой-то эмоциональностью. По ее лицу было видно, как она старается

выглядеть красиво и как этому желанию посвящены все ее мысли. Ни о какой концентрации на внутренних переживаниях и их взаимосвязи с движениями речи не было...

После ее выступления я решил, что главное в будто — полная откровенность и самоотдача в движении и танце.

— Изобразите нечто вроде картины Дали — как дышащие часы плавают на солнце и стекают со стола, словно сыр... — дал задание для следующего импровизационного перформанса мастер, — исходная позиция — сидя на легком складном стуле.

Четверо учеников, в том числе и я, поставили стулья в центре зала и сели на них.

— У вас есть вопросы? — спросил мастер.

Вопросов не было. Зазвучала музыка — сначала негромкая и спокойная. Через несколько минут она станет резкой и психоделически визжащей, и я сделаю то, что делать не следовало бы...

Но в начале упражнения я закрыл глаза и погрузился в тихие, едва различимые ритмы на космическом полотне композиции (звучал электроорган, напомнивший мне ранний Pink Floyd). Начал нащупывать ритм руками и плечами. Я — часы, сделанные из сыра, и мне нужно растаять. Оказалось сложно представить сделанные из сыра часы, и я представил просто сыр. Я — сыр, и мне нужно растаять...

Неожиданно я почувствовал дискомфорт в глазах. Дискомфорт скоро перерос в чешущую боль, как будто на слизистой глазного яблока оказался песок. Медленно сползая со стула на пол (сыр плавился), я холмами Венеры и Луны и даже запястьем принялся тереть закрытые веки. Чем больше тер, тем сильнее зудели глаза. Потом мне представилось, что на их месте открылись большие темные дыры (сырные дырки?), и я понял: «Все...» Все прошло. Все кончено. Упал со стула животом вниз и обнял руками пол. Земля круглая, и, значит, хоть какая-то доля округлости есть и в этом полу. Прижимался к нему; хотелось соединиться с его древесиной, раствориться в ней. А задняя внутренняя стенка черепной коробки продолжала пульсировать и посылать в окружающее пространство сигнал «все... Все кончено...» В музыкальной композиции наметился более четкий ритм. Мои шея и горло поддавались ему, двигались вперед — назад. От движения вперед череп немного закидывался назад, сигнал «Все кончено» от стенки черепной коробки ослабевал, и это было приятно. Я увеличивал амплитуду. Мое сознание плыло где-то в космосе между звездами. Ритм музыки неожиданно нарушился, и совершенно нелогично вступил скрежещущий запил электрогитары. Терпеть дальше сигнал «Все кончено» было невозможно. В пустоту черных дыр за моими глазами нужно было что-то бросить, чтобы заткнуть ее или заполнить хоть чем-то. Я резко перевернулся на спину. Левая нога оказалась между ножками стула, коснувшись одной из них — холодной, металлической. Черным дырам как раз нужен черный холодный металл. Я опять резко перевернулся, и сразу же — еще раз. Скрещенные ноги зажали ножки легкого стула, и в тот же момент — раскрутившись из перекреста, придали ему молниеносное поступательно-вращательное движение. Я не видел, куда улетел стул — не открывая глаза, продолжал свой наполненный безысходностью «все кончено...» танец. В голове за долю секунды мелькнуло: «Никто не вскрикнул — значит, все нормально», и я-сыр продолжал плавиться. Потом в

действие вступили стрелки часов, острые, жесткие и колкие, и мое тело стало изгибаться под их уколами. Они кололи, подгоняя жир моего тела к аду, к пышущему жару. Здесь все должно было расплавиться, но не закончиться. Капли не испарялись и перетекали по полу, который вдруг стал качаться, как палуба корабля в шторм. Мое тело повторяло движение капель и перекачивалось по полу слева направо и справа налево. «Мальчик, почему ты не умираешь?» — ясно прозвучал в моей голове звонкий старушечий голос. — «Мальчик, почему ты не умираешь?»

— У тебя слабая связь со своим внутренним стержнем, и ты не чувствуешь свои корни, — сказал мне мастер после окончания упражнения, — это очень плохо.

Брошенный мною стул попал в стену рядом с одной из учениц, его ножки проделали в хлипком гипсокартоне две дырки. Ученица от неожиданности даже не успела вскрикнуть. Но к концу моего танца она вышла из зала и на занятиях больше не появлялась.

— Почему в будто так много связано со смертью? — Спросил кто-то из учеников после упражнения с тающими часами, которое, как мне показалось, всех сильно задело.

— Потому что мы все умираем, и ничто в нашей жизни не имеет такого значения, как смерть. Потому что смерть — это в то же время и рождение. Рождение и смерть взаимосвязаны. Они происходят постоянно и постоянно сменяют друг друга. Возможно, в этой их смене — самый прекрасный танец на земле.

#### 4

Мы танцевали. Или обнимались, медленно перемещаясь в пространстве. Вечернего парка. Вечернего города. Между деревьев и кустов. Каждое из которых могло неожиданно сбросить листву, нарушить что-то во Вселенной или учинить еще неизвестно что.

Если это все-таки был танец, то он был странным, одновременно похожим и не похожим на будто — медленным, полным внутренней эмоциональности и напряжения тел, но и, в то же время, гораздо более гармоничным. Мы начали его сразу, как только сошли с аллеи на газон.

Пятый день нашего с Аидой знакомства. Перерыв в занятиях будто. Поэтому вечером мы в парке. Мой телефон отключен.

Я останавливаю движение. Смотрю на лицо Аиды и хочу ее поцеловать. Но она, опустив голову, не позволяет.

— Я хочу тебя. Поехали ко мне? — говорю я.

— Это очень много сейчас.

— В каком смысле?

— Иногда мне кажется, что я не понимаю, зачем нужен секс. Он ведь так обесценивает, так загораживает собой все. Это все равно, как если ты изучаешь роспись по телу, тонкие узоры и штрихи, и вдруг в этот момент на тело выливают банку с белой краской. Точно так же после секса исчезают все тонкости и нюансы. С некоторыми людьми мне достаточно одного пожатия руки, одного взгляда, чтобы наполниться ими и переживать их внутри снова и

снова всю жизнь. Я не могу себе представить, что было бы, если я вдруг после этого позанималась с ними сексом. Это было бы разрушением всего.

— А со мной? Чего тебе достаточно со мной?

— Пока не знаю. Пока я многого с тобой не знаю. Я долго переживала наши касания руками и твое горло с душой. Может быть, мне их одних хватит на всю жизнь... Наше совместное было... Чтобы пережить это, мне тоже понадобится очень много времени, невероятно много времени. Секс с тобой сейчас — это будет безумством. Это все разрушит, как в мясорубке, перемелет всю точность и тонкость переживаний. А точность и тонкость ощущений и переживаний — это то, что мне очень нужно, как актрисе, и то, что я больше всего боюсь потерять.

Не показывая разочарования, я погладил ее по плечу:

— Я тоже долго переживал наши касания и наши танцы. Это было необыкновенно прекрасно. Но мне кажется, что секс и усиливает ощущения, делает их острее и глубже.

Аида высвободилась из моих рук:

— Солнце садится, — и пошла навстречу ему по поляне.

— Хочу стать солнцеедкой. У меня есть знакомые — они питаются только солнцем. Смотри на него, — она обняла меня сзади и повернула прямо против теплых мягких лучей, — чувствуешь, как от него идет прана?

— Прана?

— Энергия, которой заполнен этот мир. Солнце — один из основных источников праны для землян. Вечером она особенно густая и добрая. Ты это чувствуешь?

— Да, что-то чувствую. А как эти твои знакомые солнцем питаются?

— Обыкновенно — как у Чуковского, помнишь: Крокодил-крокодил солнце в небе проглотил, — усмехнулась она, — хочу так же. По-моему, это очень разумно и экологично. Не нужно тратить деньги на еду. Не нужно мыть посуду. Никаких отходов. И никаких голодающих Африки. Только крокодил тогда опередил свое время. Его не поняли, избили. Не помню уже кто — медведь, по-моему, его поломал и бока ему помял. Это консервативное монструальное общество никогда не принимало прогрессивных индивидуальностей, опережавших время. Не зря это был медведь — символ дремучести, лени и отсталости.

— И России, — вставил я. — нет, в самом деле, расскажи, мне интересно. Они ничего не едят, что ли? Только солнечную энергию?

— Да, стоят перед солнцем и смотрят на него. Солнце активизирует у них работу эпифиза — железы, которая находится в мозгу, и в которой, как до сих пор многие считают, находится душа. Под воздействием солнечных лучей эта железа начинает выделять какое-то особое вещество, которое питает и душу, и физическое тело человека, и еда ему больше не нужна.

— По-моему, это бред. И долго они уже так, на одном солнце?

— Один три месяца, другой — год.

— И до сих пор живы?

— Я не знаю, кого называть живым. Многие из тех, которых принято называть мертвыми, мне кажутся живее, чем абсолютное большинство тех, которых принято называть живыми. По-моему, тебе хватит солнца. А то еще объешься и будет расстройство эпифиза, — она прикрыла мои глаза руками.

— Наступила темнота — не ходи за ворота. Детские стихи иногда экзистенциально жутки. Может, это специально — психологическая подготовка к экзистенциальному ужасу этой жизни?

— Я думаю, ты преувеличиваешь ужас жизни. Точнее, концентрируешься только на темном. Но в ней ведь есть и много прекрасного.

Обнявшись, мы шли к выходу из парка.

— У нее был фотофильтр, который оставлял на изображении только черный цвет. Ты это хочешь сказать?

— Хочу раскрасить этот фотофильтр во все цвета радуги. Но еще я хочу сказать, что темное в этой жизни — это повод стать сильнее, чтобы бороться с ним и победить. Например, меня неприятности обычно вдохновляют — для того, чтобы собраться с силами, нарастить мышцы, дать ответный бой и победить. Я еще в школе сказал себе однажды — я всегда буду только победителем. И с тех пор моя стратегия — никогда не отступать. Точнее, делать только тактические отступления — чтобы набраться новых сил и снова вступить в бой и победить.

— Это забавно, — усмехнулась она.

— Что именно?

— Это все... Нападения, отступления, стратегии, тактики... Столько суеты для такого короткого промежутка времени перед черной бездной вечности.

— Каким бы коротким он ни был — это все, что у нас есть. И хотя бы на нем я хочу быть победителем, а не проигравшим.

— Кто на улицу попал — заблудился и пропал.

Из темного тихого парка, в котором можно было потрогать любое дерево и убедиться в его реальности, — к шумному, залитому огнями фонарей, размытому и не поддающемуся осязанию, проспекту.

— Только раки пучеглазые по земле во мраке лазают. Да в овраге за горою волки бешеные воют, — Аида продолжала читать детские стишки.

Я временно поменялся машиной с Андреем — своим институтским другом. Он ничего не понял (впрочем, я почти ничего и не объяснял), но, не скрывая радости, сел за руль моего «Lexus». Я сел за руль его «Daewoo»... Но зато теперь, когда мы с Аидой ехали по городу, она была спокойна. С улыбкой смотрела на меня, что-то говорила или слушала.

Вдруг достала из своего рюкзака стеклянную колбу, зажала ее в ладонях.

— Что это? — Спросил я. Колба оказалась запечатанной.

— Пустота.

— В смысле?

— Вакуум. Один знакомый физик для меня сделал.

— Зачем?

— Средство первой психологической помощи. Она меня успокаивает.

— Колба с вакуумом?

— Пустота. Когда осознаешь рядом с собой абсолютную пустоту, — это очень отрезвляет, и беспокойство исчезает.

— Ты сейчас нервничаешь?

— По-моему, да. Когда я рядом с тобой, у меня часто ощущение, как будто маленькие невидимые мышки покалывают меня мелкими иголочками.

Я погладил ее по коленке:

— Сколько я их сейчас раздавил?

Она быстро глянула на меня и усмехнулась. Я вырулил к обочине и остановил машину. Сел вполоборота к Аиде, чтобы лучше ее видеть. Она тоже повернулась ко мне, продолжая держать в ладонях колбу. Мы оба замерли в таких позах и только смотрели друг другу в глаза. При этом во взглядах было столько всего, что мне казалось — дрожаще-сияющие радужные оболочки глаз Аиды сейчас либо взорвутся, либо выскочат из глазных яблок, оторвутся от нее и станут жить сами по себе. Наверное, что-то подобное она видела в моих глазах. Мы как будто целовались взглядами и обнимались душами. В тот момент мне казалось, что действительно не нужно никаких более грубых движений рук, ног, физических тел. Только оставаться как можно дольше в этом пространстве самых тонких ощущений, ничего не проговаривая и не делая.

Мы просидели так довольно долго. Потом Аида тихо сказала:

— Извини, мне нужно домой. Мама ждет меня. Нам сегодня нужно созвониться по скайпу с родственниками в Польше.

— У вас там много родственников?

— Нет, — сухо ответила она.

Я завел машину, и мы поехали в сторону ее дома.

— Хочу познакомиться с твоей мамой, — вдруг сказал я.

— Зачем? — Настороженно и неожиданно холодно спросила Аида.

— Просто так...

— В знакомстве с моей мамой нет ничего интересного. В детстве она побеждала во всех олимпиадах по математике, в которых участвовала, после чего стала всю свою жизнь представлять как бесконечную череду каких-то турниров. Хуже всего то, что она считает себя проигравшей все самые важные матчи.

— У тебя сложные отношения с мамой?

— Нет... У нее сложные отношения со мной. Я — ее главный проигранный матч...

Молча проехали три светофора.

— А мои родители — простые советские люди, — сказал я, — обыкновенные честные работяги, отдавшие всю жизнь государству, которое ничего не может дать им взамен, кроме нищей подачки, называемой пенсией.

— Ты часто с ними разговариваешь?

— Не так часто, как хотелось бы. Но раз в неделю созваниваемся. Они живут в Караганде.

Молча проехали два светофора.

— Ты обещал рассказать мне о своей избранности. Ты уже готов к этому?

— Пока нет, — улыбнулся я, — если честно, я не верю в гениев. Верю в труд. Если усердно работать — то обязательно чего-нибудь добьешься. Вот и все. Поэтому, когда ты мне сказала об избранности, — это было чем-то новым для меня, я никогда об этом не думал. Но сейчас на будто я начинаю чувствовать некоторые необычные вещи о себе. Так что, возможно, через несколько дней я буду готов к тому, чтобы рассказать тебе, какой я гений.

— Гениальность и избранность — разные вещи. Ты сам решаешь, что ты гений, но избирает тебя Вселенная. При этом одно без другого работает плохо.

— Откуда ты все это знаешь?

- От Вселенной.
- Ты тоже избранная?
- Нет, у меня с ней более сложные взаимоотношения.

Подъехали к ее дому, остановились на парковке во дворе.

— Зачем я тебе? — Спросила, словно всхлипнула.

— Ну... Не задавайся такими вопросами, малыш. Сейчас мне трудно представить, как я мог существовать без тебя.

Аида грустно улыбнулась.

— Слова такие странные... Никогда не сможешь сказать больше, чем слова. Но их так мало в этом мире. Это ужасно. И еще ужаснее понимать, что человек напротив тоже никогда не сможет сказать больше, чем это малое количество слов, и ужасно ощущать эту инвалидность.

— Что с тобой? Что ты имеешь в виду? — Я погладил ее по щеке.

— Ты только не обижайся. Это не о тебе, а о словах. С ними я такая же инвалидка, и часто кажется, что лучше без них...

— А зачем я тебе?

Она посмотрела на меня и не ответила.

Мы вышли из машины, обнялись.

— Мне нужно идти... Пока... — Оттолкнулась от меня, привычным прощальным движением ткнулась носом в грудь — клюнула, потом вдруг в быстром порыве поцеловала меня в губы и тут же отпрянула. — Сейчас мыши заколют меня до смерти... До завтра... Я пока не знаю, зачем ты нужен мне, но знаю, зачем я нужна тебе, — она отошла на шаг, продолжая держать меня за руку.

— Зачем?

— Быть фокусирующим ретранслятором Вселенной, направленным на тебя.

— Что ты имеешь в виду?

Она улыбнулась.

— Вселенная — это безграничный океан любви, а мы — только фокусирующие передатчики-ретрансляторы. Сейчас случилось так, что Вселенная через меня транслирует на тебя много любви. Надеюсь, ты получаешь все, что я должна переслать, — она еще раз быстро поцеловала меня и снова отпрянула. — Быть ретранслятором, когда через тебя проходит вся вселенская любовь — это необыкновенно... До завтра... — развернулась и быстро зашагала к подъезду. Я наблюдал за ее удаляющейся фигуркой, ожидая, что она обернется, но она не обернулась. Скрылась в подъезде, потом мелькнула в окнах лестничных пролетов.

Сев в машину, я достал телефон, который бросил в бардачок перед тем как пойти с Аидой в парк. И только включил его — моргнул значок новой эсэмэски (архив показывал еще несколько пропущенных за вечер звонков и эсэмэсок). Я быстро вошел в меню, ожидая увидеть сообщение от Аиды. Но сообщение было от Лии:

«Привет! Как дела? Соскучилась. Увидимся завтра?»

Я бросил телефон на соседнее сиденье, завел машину и поехал домой.

## 5

Я не очень долго думал над текстом ответа Лие. Вернувшись в свою квартиру, написал ей эсэмэску:

«Лия, привет! Извини, но мы должны расстаться. Все изменилось. Если можешь — прости, я буду рад, если останемся друзьями...»

Ответа я не получил, а следующий эпизод эсэмэс-общения с Лией случился только через четыре месяца.

Приняв душ, лег в постель. «Думаю о тебе все время, солнышко... Доброй ночи» — отправил эсэмэску Аиде. «В тебе просыпается крокодил? Странный вечер. Шлю любовь» — пришел через минуту ответ.

— Ты знаешь, я типичный либераст во многих вопросах, включая график работы. Но график он все-таки — чего? — Буров протягивает в мою сторону открытую ладонь — как будто передает слово, и одновременно с этим мелко кивает головой.

Я молчу — не из протеста, а потому, что действительно не понимаю, что он имеет в виду.

— Правильно — работы, — якобы подтверждает мой якобы ответ Буров. — Потому что мне нужна работа. Выплачивая тебе зарплату, я не твоё время покупаю, а твои способности и твой труд. И хочу, чтобы они были высокого качества и окупались. Ну и вообще, разве ты сам не понимаешь — в эти дни, возможно, вся судьба нашего демократического движения решается.

Я думаю о том, что у меня, наверное, самый занудный главред. Говорю что-то о бессоннице, потом о большой нагрузке, потом опять о бессоннице. Отказываюсь работать в ближайшие вечера — так как у меня мастер-класс.

— Что за мастер-класс? — Грубо спрашивает Буров.

Надо было бы солгать — что-нибудь о журналистике или сценарном искусстве, или хотя бы о бухгалтерских курсах. Но в этот момент я до нелепого простодушия честен. Танцы. Нет, не совсем обычные танцы... Японский танец буюто... Известный мастер из Японии, только несколько дней... Нет, не кабуки... Связано с буддийской философией и медитацией. Слово «медитация» неожиданно выручает чудесным образом.

— Да, медитация — это то, что нам всеминогда нужно. И особенно сейчас, — Буров говорит это серьезным тоном. — Ну ладно, надеюсь, ты все понял.

Я выхожу из его кабинета с навязчивой мыслью: что было на листе А4, который он вертел перед собой во время нашего разговора — клал на стол, потом снова брал в руки, делал какие-то пометки.

Вчера вечером, когда мой телефон был отключен, а мы с Аидой танцевали на траве парка Горького, полицейские взламывали дверь в квартиру активиста штаба Сапиева. Буров звонил мне четыре раза и прислал три эсэмэски. Хотел, чтобы я был в подъезде той квартиры рядом с полицейскими. Если бы я не был с Аидой, то тоже захотел бы там оказаться. Все конкурирующие агентства дали репортажи. С утра я проглядывал опубликованные материалы, смотрел на фотографию светящегося радостью мужчины лет сорока пяти, который гордо демонстрировал журналистам наклейку «Сапиев». Это некий сторонник дей-

ствующего мэра предъявлял доказательство незаконной агитации за Сапиева — на наклейке не было пометки, что она оплачена штабом.

— Все эти странные места, где не было тебя...

— Какие места? О чем ты? — Я перехватил удобнее телефон и откатился в кресле к окну.

— Сегодня ночью мне снились места, где не было тебя. Они все казались мне невероятно странными. Это не было нарушение геометрических пропорций, или цвета, или функциональности. Но нечто, что можно назвать их внутренней сутью или душой, ощущалось невероятно странным. Когда я проснулась, то поняла, что, действительно, абсолютное большинство мест на этой нелепой планете не отмечены присутствием тебя. Это дико и ужасно.

— Малыш... Давай будем отмечать их вместе, — с нежностью улыбнулся я.

— Я не уверена, как... Надписями на стенах «Здесь были Киса и Ося»? Метками мочи в углах? — Грустно проговорила она. — Этот мир меняется быстрее нас. В этом проблема. Нас в нем уже почти нет. Разве ты не чувствуешь?

— Мы есть, малыш. Мы говорим сейчас друг с другом. Ты произносишь слова, и я произношу слова. Мы мыслим — значит существуем. И плевать на весь мир и то, как он воспринимает нас.

Пауза.

— Я хочу музыку вместо слов. Если бы музыку можно было надевать на себя и снимать, как платье...

— В чем бы ты ходила?

— В фортепьянных катышках. Сегодня. Но вообще я люблю ходить голой. Ходила бы в «четыре тридцати трех» Джона Кейджа.

Я не знал, кто такой Джон Кейдж и не ответил.

Пауза.

В этот раз я прервал молчание:

— Ты идешь вечером на буто?

— Да. А ты?

— Тоже иду.

— Что ты больше всего любишь делать в жизни?

Я неопределенно что-то буркнул, потом проговорил:

— Даже не знаю... Люблю разное... Смотреть хорошее кино, читать хорошую книгу, ездить на рыбалку, играть в бильярд, кататься на велосипеде...

Аида еле слышно вздохнула — как мне показалось, разочарованно. Мы снова замолчали. Потом я спросил:

— А что ты больше всего любишь делать в жизни?

— Делать этот мир отдаленным.

— Это как?

— Надевать очки сантехника Гаврилова, вставлять в уши «четыре тридцать три» Джона Кейджа и, прижавшись к рассветному или сумеречному оконному стеклу, смотреть на мир. В очках сантехника Гаврилова и под «четыре тридцать три» Кейджа он такой тихий, размытый и нежно-серый... Достаточно отдаленный для того, чтобы его можно было принять и полюбить...

— Что такое «очки сантехника Гаврилова»?

— Очки, которые подарил мне сантехник Гаврилов.

— Что в них особенного?

- Толстые-толстые линзы в 18 диоптрий и шикарная роговая оправа. Несколько секунд тишины в трубке, потом Аида продолжила:
- Мне нужны лодки.
- Уплыть на острова?
- Для этого хватило бы одной. Всего лишь сфотографировать. Ты не знаешь, где можно сфотографировать много лодок?
- Не знаю, не сталкивался. Поспрашиваю в редакции, фотокоры должны знать. Если узнаю, я тебе сообщу. Ты фотографируешь для какого-то журнала?
- Спасибо. Нет. Я иногда фотографирую для журналов, но не в этот раз. Что выйдет из этого проекта, я пока сама не знаю. Может быть, выставка...
- Пригласишь на выставку?
- Да, если она состоится... До вечера?
- До вечера, — отключаю телефон.

Отложив телефон, я подкатился на рабочем кресле ближе к столу и придвинул к себе ноутбук. Набрал в Гугле «Джон Кейдж четыре тридцать три» и посмотрел видео, в котором мужчина неподвижно сидел в тишине перед роялем в течение четырех минут тридцати трех секунд. Усмехнувшись, вернулся к редакции небольшой статьи о вчерашнем происшествии в квартире активиста штаба Сапиева. В течение ближайших пятнадцати минут ее нужно было выложить на сайт.

Через пять минут — звонок по внутренней линии. Поднимаю трубку с недобрým ожиданием, но голос Бурова спокоен:

— В субботу интервью с Сапиевым. Я сам хотел поехать, но никак не могу. Брат приезжает, и там... разные заморочки, короче. Поезжай вместо меня. Познакомишься с ним лично, автографы, наконец, возьмешь нам на майки, — смеется он.

— Окей, не вопрос, — облегченно смеюсь над его шуткой.

С Маратом Сапиевым я несколько раз пересекался в интернете и пару раз в жизни, но лично познакомиться так и не довелось. История про майки — почти анекдот. Наш знакомый журналист Олег Кузовкин еще до суда над Сапиевым хвастался передо мной и Буровым своей майкой «Друг Сапиева» с крупной подписью Марата, сделанной маркером. Предложил «за пиво» достать нам с Антоном такие же майки с автографами. В результате мы, кроме того что уже раз пять угостили его пивом, еще и на свои деньги купили такие майки и по пьяни отдали их Кузовкину («пацаны, завтра утром с Маратом встречаюсь, после обеда — у вас с автографами, отвечаю...»). Ни Олега, ни маек с тех пор не видели...

Тот рабочий день выдался продуктивным. Пожалуй, я успел сделать больше, чем за все остальные дни, в которые шли мастер-классы было.

На вечернем занятии присутствовало семь человек. Мастера, похоже, совсем не смущало, что количество человек в группе сократилось с первого дня занятий почти вчетверо. Он приветствовал каждого коротким кивком головы, в котором читалось одобрение. На мне он задержал свой взгляд, и его кивок получился более медленным и низким (но, возможно, это мне только показалось...).

Всю первую половину занятия мы ходили по залу. Медленно, на полусогнутых ногах, на цыпочках, в сторону, еще медленнее, с опущенной головой, с высоко поднятой головой, с руками, разведенными в стороны, с руками, тянущимися вперед, еще медленнее, на полностью согнутых ногах, на абсолютно выпрямленных ногах, с протяжным напеванием звука «о», звука «а», звука «у», звука «ы», и потом все то же самое, только еще медленнее и медленнее — словно завязнув в какой-то самой болотистой точке Вселенной. А окружающее пространство вдруг стало во много раз быстрее нас и теперь уносилось прочь.

Во время перерыва Аида пила воду.

— В субботу я поеду в Чапаево. Небольшая тусовка современных хореографов. Если хочешь, можешь поехать со мной, — она не смотрела на меня, смотрела на воду в своей бутылочке.

— Во сколько?

— В восемь утра.

— Черт... Я не смогу, малыш. У меня на субботу назначено интервью с Сапиевым.

— Кто это?

— Ты что, не знаешь? Кандидат в мэры от оппозиции.

— Он умеет танцевать?

— Не знаю, — рассмеялся я.

— Что ты будешь у него спрашивать? — Она продолжала смотреть на воду в бутылочке.

— Про суд над ним и про то, как он собирается победить.

— Тебя это волнует?

— Конечно. Я хочу, чтобы он победил и чтобы у нас сменилась власть.

— Зачем?

— Ну... чтобы победили честные и умные. Чтобы разрушилась эта авторитарная система..., — я замолк, чувствуя, как моя речь почему-то становится примитивной и пафосной.

— Мне тоже здесь плохо, но это нельзя изменить так, как ты себе представляешь.

— А как ты представляешь, это можно изменить?

— Танцевать. Петть. Сочинять симфонии. Писать рассказы, — Аида резко перевела взгляд с воды в бутылочке на меня.

— Это, конечно, тоже помогает, я не сомневаюсь. Но это слишком долгий путь. Иногда нужны более конкретные и радикальные действия. Как сейчас. Этот режим не переваривает ничего яркого, ничего нового и нестандартного. Не переваривает таких, как ты. Будь его воля, он просто уничтожил бы тебя. Хотя бы поэтому я должен действовать.

Аида задумчиво смотрела мне в глаза и не отвечала.

— Что, малыш? — усмехнулся я. — Почему ты так смотришь?

— Ты ведь понимаешь, что источник боли в другом. Настоящая боль так сильна и бесконечна, что человек панически боится увидеть то, что на самом деле ее причиняет. Поэтому каждую секунду ему нужно чем-то отвлекать себя: создавать картонных монстров — политиков, начальников, кавказцев, соседей, родителей, фанатов «ЦСКА» или «Динамо». Каждую секунду ему нужно бороться с режимом или с соседом, или торопиться на работу, или покупать

новые вещи, смотреть сериал или чемпионат мира по футболу, пить водку или играть в боулинг, идти в церковь или к психологу — лишь бы не чувствовать боль и ни в коем случае не увидеть то, что ее причиняет...

— Это красивые слова, и в них наверняка есть смысл, — с неожиданным раздражением ответил я. — Но я все равно не могу оставаться равнодушным и хочу...

— Жаль, — тихо проговорила она, не дослушав моей ответной тирады, и снова перевела взгляд на воду.

— Что «жаль»? — не понял я.

— Что не можешь. Не вижу здесь ничего, кроме эмоциональной ловушки для тебя.

— Люди вообще эмоциональны, и этим отличаются от животных и растений...

Мастер позвал нас в зал.

— Сейчас вам нужно будет станцевать ночную птицу сомнения, которая потом попадет под холодный дождь, — мастер широко улыбнулся, — при этом вы должны танцевать так, как будто все ваше тело стягивают тяжелые железные цепи с тяжелыми железными гириями. Можете начинать.

Так как учеников осталось немного, все вышли танцевать одновременно. Аида посмотрела на меня каким-то необычным новым взглядом, который я у нее еще никогда не видел. Смесь удивления, отстраненности и чего-то еще.

Заиграла музыка. Медитативные электронные переливы и звук ручья. Я закрыл глаза и прислушался к своему телу — ожидая, чтобы оно дало импульс к началу танца. Представлял, как тяжелые железные цепи с тяжелыми железными гириями стягивают мою грудь, руки и ноги. Наверное, у меня слишком хорошо получилось это представить — я никак не мог начать двигаться. Импульса не было. Электронные переливы музыки сменились каким-то шуршанием и тихим плачем ребенка в отдалении. Я продолжал неподвижно стоять с закрытыми глазами. Прислушивался к своему молчащему, стянутому невидимыми цепями телу. Шуршание переросло в грозу и ритм электронных барабанов. Я стоял. Музыка стихла.

— Thank you! — негромко прозвучал голос мастера. Я открыл глаза.

Ученики отходили к своим местам у стены, вставали с пола. Меня охватило беспокойство — «сейчас мастер начнет меня упрекать за то, что я не танцевал и не выполнил его задание...» Но он, словно ничего не произошло, заговорил о следующем упражнении.

Когда занятие закончилось, я подошел к мастеру:

— В этом танце ночной птицы... Я очень хорошо представил, что мое тело стягивают цепи и из-за этого не мог начать движение. Я не почувствовал необходимого импульса, который был бы сильнее цепей, и поэтому не смог начать движение.

— Вы честный человек, и вы очень хотите танцевать будто. Но вы не чувствуете своих корней. В первую очередь вам необходимо почувствовать свои корни.

— А что будет, если я их так и не почувствую? Я не смогу танцевать будто?

— Я не могу сказать. Нужно пытаться. Я надеюсь, что у вас получится, — он улыбнулся и слегка поклонился.

— Спасибо, — я неуклюже поклонился в ответ.

Я вез Аиду домой. Она сидела, полуобернувшись ко мне, подтянув под себя левую ногу, и снова смотрела на меня новым, пока неизвестно что значащим, взглядом. Мы долго ехали молча, потом я прервал молчание:

— Ты пережила касания? Может быть, готова к тому, чтобы мы занялись любовью?

— Нет. Я пока не готова вобрать в себя полностью произошедшее. Но если не вобрать полностью и что-то уронить — это слишком ценная субстанция.

— Я помогу тебе удержать и вобрать.

— Я знаю, что ты готов помочь, но я все-таки еще не готова. Извини. Не могу глотать то, что не успела пережевать и распробовать.

Снова замолчали. Потом она спросила:

— Что ты будешь делать завтра? — и выпрямилась, опустила ногу, села ровно — примерная пассажирка, позирующая для рекламы ремней безопасности.

— С утра схожу в церковь. Потом...

— М-м, — удивленно хмыкнула Аида, — тебя стукнуло колстыликом православия?

— Да, я православный, — с улыбкой ответил я. Но в улыбке и в моей интонации возник неожиданный для меня самого холодок. — А мой дедушка даже был священником. Сегодня мне почему-то захотелось сходить в церковь, возможно, из-за бута. А ты верующая?

— Религия — это костылики для слабых людей и инвалидов. Один костылик — для тех, кто боится смерти и страданий, и боится честно признаться себе в их неотвратимости. Второй костылик — для тех, в ком нет нравственного абсолюта, и кому нужно, чтобы бородатый дядя в длинном балахоне сказал: «Убивать — плохо. Воровать — плохо, а иначе попадешь в ад». Тогда они слушают, и то — далеко не всегда.

— Все не так просто..., — ответил я. — Человек грешен по своей природе. Иисус принял страдания и мученическую смерть, чтобы снять с человека грех, а потом явил чудо, показав, что смерть можно преодолеть. Через Него ученики и другие люди получили возможность приблизиться к Богу и даже стать святыми.

— Да, это еще третий костылик — для тех, у кого нет собственных сил, чтобы быть святым, и нужна помощь извне.

— Разве можно быть святым без Бога?

— Разве то, что люди называют святостью, не естественное состояние здорового человека, которому не нужны костылики?

— Ты считаешь себя святой?

— Я не чувствую себя человеком, поэтому не могу считать себя святой.

— Кем же ты себя чувствуешь?

— Птицей. Последней птицей из вымершего семейства Додо.

— Но если нет Бога, то кто создал этот мир? Ты смотрела Animal Planet или National Geographic?

— Что это такое?

— Телеканалы, показывающие природу и животных.

— Зачем их показывать по телевизору? Я тебе говорила, что не смотрю телевизор.

Я не поверил, что она никогда не смотрела и даже не слышала названия таких известных телеканалов, но продолжал:

— По этим каналам показывают различные уголки планеты, разных животных, все невероятное разнообразие природы. И когда это смотришь, невозможно не согласиться с тем, что такое богатство видов животных и растений, так логично взаимосвязанных друг с другом по определенным законам, не могло возникнуть само из ниоткуда, без некоего высшего разума и смысла. Что шанс возникновения этого мира без вмешательства Бога равен одной миллиардной процента. Хотя бы из такого простого математического умозаключения я понимаю, что Бог есть...

— Ты никогда не думал, что этот мир только человеку кажется таким сложным, разнообразным и совершенным? Как маленькому ребенку кажется огромным и сложным пространство окружающего его дом квартала. А на Землю, например, прилетает регулярно по делам какой-нибудь инопланетянин, в мире которого не четыре измерения, а семьсот сорок восемь, и форм жизни сто пять триллионов, и каждое существо проживает не линейную жизнь, а двести восемнадцать параллельных проявлений. И Земля кажется этому инопланетянину примитивным голым шариком, невыносимо скучным местом.

— Но мы же знаем, что окружающие нас планеты еще более голые и пустынные...

— Разве? Возможно, там кипит жизнь, в тех самых семьсот сорока восьми измерениях, которые мы не видим. А если ты любишь математические умозаключения, то наверняка знаешь о теореме Шекспира.

— Шекспира? — удивленно спросил я.

— Да, — усмехнулась Аида. — Доказал ее, конечно, не Шекспир, но теорема о нем. В общем, если бесконечное количество обезьян будут бесконечное количество времени набивать на печатных машинках буквы, одна из этих обезьян однажды напечатает такую последовательность букв, которая окажется полным собранием сочинений Вильяма Шекспира. У Вселенной — такая же бесконечность времени и пространства. Вот случайно и напечатались солнечная система, планета Земля и все биологическое разнообразие, которое тебя так впечатляет.

— А тебя не впечатляет? — Спросил я.

— Жизнь меня часто впечатляет. А значит, и разнообразие, как ее часть. Но мне все равно плохо здесь.

— Но, кстати, ты ошибаешься насчет бесконечности времени Вселенной... Был же большой взрыв, начало, будет и остывание солнца, и конец Вселенной.

— Был взрыв, а до него еще один, и до того — еще много, и в будущем еще будут взрывы. Кто может сказать, что это не бесконечно? Может быть, это просто взрывы в чем-нибудь двигателе внутреннего сгорания, маленькие такие, которые идут один за другим. А вся Вселенная, солнечная система и Земля — крошечный чирк между бесконечными взрывами. И шанс действительно один из миллиарда. Но и взрывов миллиард, и после одного такого из миллиарда чирк и произошел. Все родилось, прожило, развилось во все разнообразие, но скоро исчезнет, и потом — снова взрывы... И больше уже чирка не будет. Но, может, и будет — еще разок из миллиарда. Миллиард — это ведь так мало.

Я ничего не ответил. Пауза в разговоре затянулась на несколько минут. Потом я спросил:

- А ты что будешь делать завтра?
- После того, как проснусь, буду смотреть в окно...
- В очках сантехника Гаврилова?
- Конечно. Очки сантехника Гаврилова — украсить окружающее теперь просто! Буду смотреть на мир и ждать сигналы.
- От Вселенной?
- От беглого каторжника Селдена.

Когда мы подъехали к дому Аиды, она отстегнула ремень безопасности и открыла дверь:

— Спасибо, что подвез. Извини, мне нужно идти, я плохо себя чувствую. Не провожай меня, — не дожидаясь моего ответа, она вышла из машины и быстро, почти бегом, устремилась к подъезду.

Вернувшись домой, я отправил Аиде эсмэску: «Как ты себя чувствуешь?» Ответ пришел через несколько минут: «Плохо». «Что болит?» — сразу же набрал я. Но ответа не получил.

## 6

Сапиев мне понравился. Самоуверенный, улыбчивый, с юмором. Умеет себя подать и расположить к себе собеседника. Мы проговорили с ним минут сорок. Потом я получил майки с автографами и поехал в офис расшифровывать запись. Пока ехал, в воображении время от времени возникали яркие образы Аиды, танцующей в зале где-то в Чапаево.

К четырем часа дня я все расшифровал, подготовил материал и разместил его на сайте. Через пятнадцать минут позвонил Буров, похвалил мою работу и спросил про майку.

- На твоём столе уже, — с улыбкой ответил я.
- Ну вот это дело..., — довольно протянул он. — Ну а как Сапиев — будет мэром-то?
- Он мог бы. Но ему не дадут.
- А кому из нас дают? — Неожиданно грубо парировал Буров. — Это нас раком ставят, и мы даем... Так что это только обычная отмазка. Ладно, у меня тут еще дела. До связи.
- До связи, — я отключил звонок.

Некоторое время задумчиво смотрел в экран ноутбука. Потом набрал смс-сообщение Аиде: «Как твои танцы?» Подождал несколько минут, листая страницы новостных сайтов, но ответа не было. Тогда я собрал свои вещи и вышел из офиса.

Сев в машину, открыл окно. Слушал шум листвы. Наблюдал за редкими прохожими. Хотелось замереть и сидеть так долго, не двигаясь с места.

Послышался звук полученной эсмэски. Я достал телефон. «Спотыкающийся», — ответ от Аиды. «Что не так?» — быстро набрал я. Но ответа не дождался.

В воскресенье — последнее занятие будто. Я прислушиваюсь к себе и

пытаюсь нащупать свои корни. Упражнения групповые и упражнения индивидуальные. Танец на тонком канате над пропастью общества потребления. Танец с ядовитыми цветами, растущими из пальцев и из лопаток. Перемещения по залу на коленках и на груди, без помощи рук...

Последнее упражнение — в парах. Свободный танец, в котором все время нужно соприкасаться с партнером головой и плечами. Я прислушиваюсь к себе и пытаюсь нащупать корни. Выбор пары. Смотрю на Аиду и думаю о том, что в танце с ней из-за своих чувств не смогу сосредоточиться на своих корнях. Выбираю девушку, к которой ничего не чувствую. Мы танцуем. Я погружаюсь в свои ощущения, ищу во внутреннем пространстве своего «Я» корни и стержень. В какой-то момент мне кажется, что нахожу. Что-то теплое внизу позвоночника, на уровне поясницы. Продолжаю следовать за импульсами тела, в движениях рук, ног, пальцев. Соединившись головой и плечом с партнершей. Когда заканчивается музыка, мы лежим на полу. В основании позвоночника и в ногах что-то пульсирует. Давит виски.

Мастер благодарит всех за участие в семинаре. Кто-то дарит ему матрешку.

Я переодеваюсь, жду Аиду в коридоре. Она выходит из раздевалки, мы молча спускаемся вниз. Когда выходим на улицу, она говорит:

— Мне нужно еще по одному делу сходить. Пока.

— Может, вместе съездим по твоему делу, а потом я отвезу тебя домой?

— Нет, спасибо. Я сама доберусь. Пока, — она быстро уходит прочь по улице.

Я еду домой. Принимаю душ. Ужинаю. Перед тем, как лечь спать, шлю Аиде эсмэску: «Как ты?»

Жду ответ, но в квартире очень тихо. Даже соседей за стеной не слышно. Тишина сгущается, становится тревожной, а потом оглушающей. Я не могу уснуть. Тишина проникает в меня, наполняет беспокойством, — словно маленькими иголками, и вдруг в какой-то момент отключает мое сознание. Я засыпаю.

Утром после сна — быстрые нажатия кнопок телефона. Сообщений нет.

Я услышу Аиду только через месяц. До того момента — она исчезнет, словно ее никогда не существовало. Телефон либо выключен, либо отправляет в пустоту долгие равнодушные гудки. Три моих эсмэски. «Ты получила мое сообщение?», «Не могу дозвониться, и на смски не отвечаешь. У тебя ничего не случилось?» и «Я обидел тебя чем-то? Давай поговорим» — остались без ответа.

Я искал ее в социальных сетях, но безуспешно. Аида, с ее социофобией и паранойей, общается в социальных сетях? Это было трудно представить.

Через несколько дней после того, как мы расстались, я приехал во двор ее дома. Я не знал номер квартиры, но когда она поднималась по лестнице, видел ее в окнах пролетов до пятого этажа.

Три квартиры на площадке. Три двери — две железных и одна старая, обитая дерматином. Из двух железных — одна более современная и навороченная, другая — старая, покрытая клеенкой «под дерево». Я позвонил в самую современную. Открыла женщина лет пятидесяти, удивительно стройная, с копной вьющихся волос и с серо-коричневыми веснушками на худом вытянутом лице.

- Здравствуйте. Аида здесь живет?
- Нет. Здесь такие не живут.
- Здесь — в смысле, у вас в квартире или на лестничной площадке?
- В этом подъезде таких нет.
- Извините.

Я растерянно побрел вниз по лестнице. «Как она может знать обо всем подъезде?» — думал я недоверчиво. Спустился на четвертый этаж, позвонил в одну из квартир. Из-за железной двери старушечий голос долго что-то говорил. Замок так и не открылся. Еще одна дверь. В проеме появился испуганный таджик маленького роста. О жильцах с именем «Аида» никогда не слышал.

Шестой этаж. Двери. Люди, никогда не слышавшие имени «Аида»...

## Часть 2

- Какой конец ты хочешь?

— В смысле? — Не понял я спросонья. Поздний ночной звонок и отдаленный голос Аиды в трубке. Через четыре дня после нашего знакомства.

— Тебе ведь обязательно нужно, чтобы присутствовала какая-то драматургически завершенная развязка, замершие в красивых позах персонажи. Нужно, чтобы жизнь подстроилась под правила повествовательного жанра, как будто сначала была твоя литература, а потом — все остальное. Хотя, вполне возможно, что так оно и было. Только ты не помнишь — если даже не смог вспомнить про свою избранность и про желтое щупальце, и не смог рассказать мне об этом.

— Малыш... — Смеюсь я. — Ты позвонила ради этого в три часа ночи? Я же говорил тебе, что я думаю и пытаюсь разобраться насчет своей избранности, и однажды расскажу тебе.

— Ты не понял. Меня пугает другое. Меня сильно пугает другое. Поэтому у меня бессонница. Ты подстраиваешь свою, а, значит, в чем-то и мою жизнь под свое видение литературного сюжета. Из бесконечного количества возможных действий ты выбираешь то, которое было бы наиболее интересным для какого-нибудь твоего рассказа, а не для этой Вселенной. В этом какой-то космический ужас... Какая-то матрица, решетка... Еще одна решетка для этого мира, который и так полон монстрами.

— Он не полон монстрами. Он полон людьми. Такими, как ты, такими, как я. Ну, может, в чем-то немного другими...

— Он полон монстрами и зомби, чья монструальность не в каких-то клыках, рогах и копытах, а в серости и банальности, в повторении одних и тех же слов и действий, натягивании одних и тех же масок, уродливом опухании от осознания собственной важности и значимости, в дегенеративном отсутствии любви...

Я вспоминаю этот ночной разговор другой ночью — пятнадцатой с момента исчезновения Аиды, потому что теперь у меня бессонница.

## Часть 3

### 1

— Привет. Я еще живу в тебе?

— Да. А я в тебе?

— Если бы не жил, я бы не позвонила. В какой части твоего тела ты меня лучше чувствуешь?

Я задумался, прислушиваясь к ощущениям:

— По-моему, в верхней части груди и в горле.

— А в твоём фаллосе? — Аида рассмеялась.

— Да, там тоже есть, — улыбнулся я в ответ.

— Хорошо, люблю жить в фаллических объектах, — снова довольное хихиканье в трубке.

Я почти смирился с тем, что никогда не узнаю, что это было — возникновение Аиды, исчезновение Аиды, совпавшие, вдобавок, по датам с семинаром буто. Иногда мне даже приходила в голову фантастическая мысль, что Аида была приставленным ко мне тайным ассистентом мастера, чтобы изменить мою внутреннюю сущность для лучшего изучения японского психоделического танца.

Но вот неожиданный звонок в тихой квартире...

— Почему ты не отвечала на мои звонки и эсэмэски?

— Можно я не буду отвечать на этот вопрос... — Её голос становится тише.

— Нет. Это важный для меня вопрос, и я хочу знать ответ на него. Хочу знать, из-за чего мне было плохо.

— Извини. Ответ простой — всего одно слово. Только этот ответ вряд ли тебе поможет.

— А именно?

— Депрессия, — выдыхает в трубку и больше ничего не говорит.

Я тоже молчу. Пауза продолжается несколько секунд или минуту. Потом я спрашиваю:

— Чем ты занималась все это время?

— Пыталась избавиться от навязчивой линии горизонта.

— В каком смысле?

— Это ведь ужасно — когда выходишь на улицу, и все время одна и та же линия режет тебе глаза. Линия, отделяющая Землю от неба, Вселенной и всего остального. Ещё ужаснее понимать, что ты все время на той малой грубой части, которая отрезана линией от неба, Вселенной и бесконечности.

— И как ты пыталась от этого избавиться?

— Летать. Или лежать в темноте лицом вниз.

— Как ты летала?

— Низко — четыре раза на самолете, два раза на дельтаплане и еще во сне ходила по воздуху.

Снова молчание.

— Я бы хотела увидеть тебя. А ты?

— Я тоже. Встретимся сегодня?

— Сегодня я не могу. Давай в пятницу.

— Хорошо, давай в пятницу. Мне позвонить или ты позвонишь?

— Позвони.

— Вдруг ты опять улетишь?

— Надеюсь, этого не будет. Пока.

— Пока.

Я бросил мобильный телефон на диван рядом с собой.

А чем я занимался все это время? Саботажем.

После исчезновения Аиды мне стало трудно сосредотачиваться. Я гулял в скверах, по улицам, прислушивался и присматривался к сигналам и сообщениям окружающего мира, которые могли бы прояснить хоть что-то об Аиде. Начинал верить, что, если хорошо прислушаюсь, то почувствую, где она и что с ней происходит. В этом, наверное, было что-то близкое к паранойе.

Мое состояние вряд ли можно было назвать тоской. В тоске человек обычно отгораживается от окружающего, погружается в себя. Я, наоборот, острее, чем обычно, воспринимал все звуки, движения, малейшие колебания окружающего пространства и чувствовал от этого боль. Потому что большинство мест окружающего мира были отмечены присутствием Аиды. По одной улице мы ехали вместе в моей машине. По другой — прошли однажды пешком. В одной сети кофеен мы пили чай. В другой однажды пообедали вместе. И вообще — она находилась в этом городе. Ходила по его тротуарам, появлялась то в одном, то в другом здании, перемещалась между ними. Все пространство города было отмечено присутствием Аиды. Но — Аиды чужой, без единой нити, могущей нас связать. Такое ее существование в окружающем пространстве без связи со мной казалось настолько неправильным и нарушающим некие основополагающие законы Вселенной, что временами вселяло в меня некий космический ужас.

По этим причинам мне было трудно работать. В один момент даже появилась мысль уволиться. Но выплаты по кредитам, плата за квартиру... Поэтому я занимался саботажем. Быть журналистом в интернет-издании, ничего не делать, но создавать видимость работы практически невозможно, но во мне появилась дьявольская изворотливость. Материалы задерживались, интервью отменялись, качество редакции упало, но каждый раз находились объективные причины. Буров смотрел на меня с подозрением, но ничего не говорил.

Я хотел продолжить занятия буюто. Искал в интернете информацию о каких-либо курсах или семинарах, но ничего не нашел. Потом выяснил, что регулярные занятия есть только в Санкт-Петербурге и в Москве. Одно время я хотел поехать на занятия в Питер, но что-то постоянно отвлекало...

Мы встретились около Ботанического сада. Она была в длинном темном плаще, застегнутом на все пуговицы. Из стоячего воротника вверх — словно бутон цветка из обертки — тонкая шея и абсолютно лысая голова.

Я хотел обнять ее, но она бросилась ко мне так эмоционально и широко махая руками, что объятия стали неуместны.

— Нос растет в течение всей жизни! Ты представляешь, нос растет в течение всей жизни! — Разведенными в стороны руками она словно показывала этот некий гигантский нос, который может вырасти у нее к старости. — Я не хочу, чтобы мой нос становился все больше и больше с каждым днем, а мое тело

оставалось таким же маленьким, вялым и безжизненным. Интересно, а клюв у птиц тоже растёт до конца жизни? Хотя я больше не птица...

— Думаю, вполне логично, чтобы нос к старости становился крупнее. К старости человек все больше живет воспоминаниями. А воспоминания часто пробуждаются запахами — синдром Пруста.

— Запахами? Какая чушь... И как их можно пробудить? И зачем?

— Ты хочешь сказать, что ты не помнишь свое прошлое? И тебе не хочется иногда что-нибудь вспомнить?

— Я хочу сказать, что воспоминаний нет. Есть множество миров прошлого, которые проживаются бесконечно по кругу где-то за множеством дверей.

— Идея вечного возвращения Ницше? — Усмехнулся я.

— Да. Эта абсурдная и нелогичная идея не прижилась бы в этом логичном мире, если бы в ней не существовала некая метафизическая истина, которая сильнее рациональной логики. И мы даже иногда можем открывать эти двери, по крайней мере, с воспоминаниями. Хотя чаще они закрыты. Для меня, во всяком случае, абсолютное большинство этих дверей запечатано — это защита.

— Защита от чего?

Аида ничего не ответила, прижалась ко мне и положила голову на мое плечо.

— Ты хочешь спастись от этого мира? — Спросила после паузы.

— Пока вроде нет.

— Мне кажется, ты скоро захочешь. И если захочешь, я только одно могу посоветовать — стать слабоумным. Это, наверное, лучший способ спастись от системы. От всех решеток социальных взаимоотношений и троганий. Ты чувствуешь решетки, когда трогаешь другого человека? Чувствуешь решетки, когда говоришь ему? Я вижу эти решетки, их толстые ржавые прутья, каждый раз, когда кто-то протягивает ко мне руку. Когда я пытаюсь протянуть к кому-то руку... Я не знаю, куда сбежать от этого мира, от системы, от людей с безразличными лицами. Так хочется видеть живых... Но только решетки и пустота за ними. Никакого чувства, никакого соприкосновения, никакой жизни... Но слабоумие умеет проходить через решетки. Слабоумие умеет течь и просачиваться.

— Что-то произошло?

— Происходит каждый день. Каждый день вокруг пыльные уродливые декорации, размалеванные монстры-актеры и неизменная черта, отделяющая Землю от всего остального.

Она замолчала. Мы стояли, обнявшись.

— Зачем ты побрила голову? — спросил я через некоторое время.

— Приехал пан охотник. Пришлось сбрить перья. Пришлось онеметь. Пришлось замедлить кровь и перестать дышать. Пришлось погрузиться на дно. В общем — стать рыбой.

— Что за пан охотник?

— Я не хочу об этом. И это на самом деле сейчас вовсе не о нем, а обо мне. О том, что я делаю и кем становлюсь при приближении охотника. Оказывается, я сбрываю волосы на всем теле и становлюсь рыбой... У рыб ведь нет волос...

— Ты оставила брови...

— Нужно было оставить что-то, напоминающее, что я не совсем водолавающее... А то забыла бы дышать, а жабры у меня пока еще не выросли.

— Ты перешла на солнечное питание?  
— Нет... Какая из глубоководной рыбы солнцеедка...  
— Подожди... Меня беспокоят твои слова об охотнике. Тебе сейчас грозит какая-то опасность?

— Нет. Не больше, чем в любой другой день жизни на этой нелепой планете, — беззаботно улыбнулась она и взяла меня за руку, — пойдём.

— Куда?

— Мне нужны камни.

— Какие камни? Зачем?

— Фотографировать. Я готовлюсь к выставке. Здесь в лесу есть хорошие камни.

Мы вошли в лес.

Бродили по тропинкам, сходили с них на влажную траву, искали камни, болтали и молчали, как будто ничего не произошло, и не было последнего месяца, наверное, самого тяжелого в моей жизни. Набрили на несколько небольших валунов, частично покрытых мхом. Аида достала из рюкзака фотоаппарат, принялась их фотографировать с небольшого расстояния.

— Я все-таки не понимаю, что с тобой случилось. Почему ты исчезла от меня на месяц, а потом снова появилась? — проговорил я.

Она ничего не ответила, продолжая фотографировать валуны, потом повернулась ко мне:

— Разве я исчезала?

— Не отвечала на мои звонки и эсэмэски, не хотела меня видеть.

— Я не исчезала... К сожалению... Мне часто хочется исчезнуть из этого мира, но я пока не могу...

— Что за суицидальные мысли, малыш? Из-за чего?

Она посмотрела на меня непонимающим взглядом:

— Мне плохо здесь. И я сама здесь... ужасная... грубая... Это мое тело... Оно кажется мне иногда таким неуклюжим, тяжелым и грубым. Оно болит, от него часто плохо пахнет. Оно какает и писает! Я ведь никогда этого не хотела — чтобы мое тело было таким.

— У тебя неприятие своего тела? Я слышал о таком синдроме в психиатрической практике.

— Неприятие? — переспросила задумчиво. — Нет, это неподходящее слово. Я чувствую и контролирую его, и, значит, не может быть неприятия. Более того, бывают моменты, когда я получаю от него удовольствие и когда оно кажется мне красивым. Иногда мне приятно, что его любят мужчины, и приятно то, что они с ним делают. Правда, то, что с ним делают женщины, часто еще приятнее, — она усмехнулась. — Но все равно... Там, куда я хотела бы исчезнуть, все по-другому.

— Откуда ты знаешь про «там» и откуда так про него уверена?

Аида пожала плечами:

— Оно возникает во мне иногда — образами, ощущениями. Может, это одна из дверей других миров, которая открыта для меня, и я могу туда заглядывать.

— Расскажи мне о нем.

— Рассказать невозможно. Я очень хотела бы, чтобы ты это увидел и почувствовал. Но я не могу в этом помочь. Я только надеюсь, что ты сможешь открыть свою дверь туда и ощутить все сам.

Я ничего не ответил.

— Эти камни слишком холодны. Нужны теплые, — она убрала фотоаппарат в рюкзак и посмотрела на меня, — пойдём вглубь?

Зашли в какую-то совсем глухую и темную часть парка. Набродили на три больших валуна, необычных по форме и живописных.

— Эти камни... — я погладил шероховатую поверхность одного из них. — Я выбрал бы их для фотографии.

— Да, в них есть энергия. Но здесь плохой свет. И в их форме что-то тривиальное. Как на всех фотографиях камней. Они не смогут стать буквами и словом и умрут ещё до выставки.

— Что ты имеешь в виду?

— В тривиальном тексте слова перестают нести новый смысл и умирают. Возможно, в этом есть своя особенная красота, но я не хочу делать это для своей выставки... Хотя...

Она достала фотоаппарат и сделала несколько фотографий:

— Может быть, Андрей сможет их осторожно обработать.

— Кто такой Андрей?

— Музыкант и фотограф. Я часто ночую у него.

— В смысле? У тебя есть парень?

— Странная фраза. Я не понимаю. Как у меня может быть парень? или девушка? или канарейка? или вомбат? Разве может кто-то быть у кого-то?

— В обычном смысле, — холодно ответил я, — в котором все понимают. У парня есть девушка. Или у девушки есть парень.

Она посмотрела на меня странным взглядом, потом снова отвернулась.

— У меня нет парня, — равнодушно проговорила через некоторое время. — В обычном смысле...

Аида сделала очень много фотографий. Камни, камни, камни... Мне было трудно представить, какую экспозицию она собирается из всего этого сделать — ведь если в ней будут только фотографии камней, это будет однообразно и скучно.

Возвращались через лесопарк к входу, у которого была припаркована моя машина. Почти не говорили. Я первый раз за все время рядом с Аидой напрягался, подыскивая тему для разговора. Но ничего не мог придумать. Потом попросил:

— Расскажи про Андрея.

— Он музыкант, только недавно вернулся с гастролей. Но фотографирует он лучше, чем музицирует.

— Это он охотник?

Аида на мгновение осеклась, потом рассмеялась — то ли искренне, то ли наигранно:

— Нет. Он — фотограф.

— Вы давно с ним знакомы?

— Два года.

— Ты любишь его?

— Да, для него я давний ретранслятор любви из космоса.

— А для меня?

— И для тебя. Я ретранслятор-многостаночник. Мне необходимо быть таким ретранслятором. Чем мощнее — тем лучше, и для меня, и для окружающих. Мне необходимо быть все время влюбленной — для того, чтобы производить нежность. Ведь нежность — это все, что стоит производить на этой холодной планете...

— И во многих ты сейчас влюблена?

— Для тебя важны цифры? Впрочем, да, я помню, ты любишь математику...

— Просто хочется знать...

— Пять. Не считая мелких влюбленностей. Их количество бесконечно. Влюбляешься в поворот головы старушки в трамвае. В бегущего и вдруг споткнувшегося ребенка. В формы рук, изгибы шей, спин. В брошенные взгляды. Их ведь обязательно нужно ловить, иначе они упадут.

— Кто еще трое?

— Вадим, Лия и Настя.

— Лия? — Удивленно переспросил я. — Вы с Лией встречаетесь?

— Нет, уже давно не встречаемся. Но я еще влюблена в нее.

— А Вадим и Настя — кто они?

Аида резко развернулась и быстрым шагом, почти бегом, устремилась обратно в лес.

— Аида... — Я догнал ее и взял за локоть. Она посмотрела на меня таким чужим и холодным взглядом, что я сразу отпустил. Она продолжила свое быстрое движение прочь от меня. Я понял, что преследовать ее сейчас бессмысленно и невозможно.

«Хорошо, малыш, я попробую без ревности. Прости».

«И ты меня прости. Меня выносит куда-то из повседневных пространств и я не успеваю понять, что вынесло только меня одну, а тебя рядом нет».

«Встретимся завтра?»

«Завтра не могу. Я позвоню».

## 2

Восьмое сентября. Третья неделя после исчезновения Аиды. День выборов мэра. В Чапаево — «Танцевальный джем-сейшн». Я получил приглашение на него по рассылке от организаторов семинара будто. С волнением думаю, что этот джем-сейшн, скорее всего, очередная «тусовка современных хореографов», на которую в прошлый раз меня звала Аида, а я вместо этого поехал на интервью с Сапиевым. Представляются яркие картинки, как восьмого сентября Аида снова танцует в большом зале, где-то в Чапаево, а я сижу у стены и смотрю на нее.

Еду в Чапаево. Аиды в танцевальном зале нет. Я встречаю одного из участников семинара Будю, знакомлюсь с забавной парой, занимающейся контактной импровизацией, потом еще с кем-то. Смотрю показательные выступления профессиональных танцоров, принимаю участие в открытом уроке современного танца, танцую с другими участниками джем. Вечером, уставший, но легкий и глупо веселый, иду с остальными к железнодорожной станции. В какой-то момент веселость вдруг исчезает и становится до тошноты тоскливо. Незаметно отстаю от группы, сворачиваю в переулок. Потом — в другой.

Лавочка у дома. Сажусь и бессмысленно смотрю перед собой. Сознание где-то на задворках мозга монотонно — словно бегущей строкой — проговаривает, что если я потороплюсь и сяду на ближайшую электричку, то еще успею проголо-совать на своем районном участке за Сапиева. Но бегущая строка убегает и исчезает туда, куда обычно исчезают все бегущие строки (интересно было бы узнать, куда). Я продолжаю сидеть. Потом неторопливо брожу по улицам поселка городского типа. Ем купленную в ларьке ватрушку. В поздней полупустой электричке возвращаюсь в город. В полупустом вагоне метро еду до своей станции. Опять бреду по ночному асфальту.

Так я предал идеалы оппозиционного протеста и не помог Сапиеву выиграть выборы.

— Привет! — Голос Аиды утром медлительный и неуверенный. Во всяком случае, он звучит так в моем мобильном телефоне. Через два дня после каменной фотосессии в Ботаническом саду.

— Привет! — Тоже говорю негромко и неспешно.

— Ты можешь говорить сейчас?

— Да. Я еду на работу.

— Я отвлекаю тебя?

— Нет. Я уже остановился, припарковался, смотрю в небо и прислушива-юсь к твоему голосу.

Аида шумно выдохнула в трубку, довольно усмехнувшись.

— Я хочу пригласить тебя на свою выставку, скоро. Там будут и твои камни.

— Которые понравились мне, а тебе не понравились, но ты их все равно сфотографировала?

— Да. На фотографии они проявились другими. Ты почувствовал это лучше, чем я.

— Спасибо.

— Хотя, честно говоря, меня это удивило.

— Что именно — то, что они проявились другими, или то, что я это почувствовал лучше тебя?

— То, что ты это почувствовал. Честно говоря, мне кажется, что ты очень многое забыл — о своей избранности, о своих корнях. Я ведь видела, как тебе было тяжело на буту. Иногда мне кажется, что ты вообще ничего не помнишь.

— Но что я должен помнить?

— Себя. До всей мишуры этой нелепой планеты, которая тебя закрутила.

— А ты помнишь себя и эти пресловутые корни, о которых говорил мастер буту?

— Да. Чувствую, и иногда даже устаю от этого. Иногда хочется сворачи-ваться и разворачиваться — клочком папиросной бумаги на ветру. Безмятежно и легко. Но мне без корней нельзя. Если я потеряю их на секунду, то улечу безвозвратно... Как ты вообще сегодня?

— Хорошо, особенно после того, как ты позвонила. А как ты?

— Я... как-то неопределенно.

— Волнуешься перед выставкой?

— Да, но не только это.

— Что еще?

— Вся непредсказуемость и хаотичность этого мира. Иногда кажется странным, что он не разрушается и не исчезает в эту самую секунду. Или следующую. Прямо сейчас, когда я произношу эти слова. И жаль, что не разрушается и не отпускает меня...

— У тебя опять депрессия?

— Сегодня нет. Сегодня я полна надеждами.

— Полна надежд, — С автоматизмом редактора поправил я.

— Мои надежды двигаются, — с неожиданной холодностью в голосе возразила она, — а в этой фразе их набили доверху в бочку, словно мертвую рыбу.

— Фонетико-лексический разбор? — Усмехнулся я.

Тишина в трубке. Я тоже не прерывал паузу.

— Мне нужно идти, — через несколько секунд проговорил холодно-отстраненный голос Аиды, — хорошего дня.

— Спасибо. Тебе тоже хорошего дня, — и мой голос прозвучал холодно.

Я бросил трубку на сиденье рядом и непроизвольно подул на руку, грея ее своим дыханием. Смотрел на проезжающие мимо машины. Опаздывал на работу. Уже почти традиционно. Впрочем, в те дни и Буров часто приходил в редакцию позднее обыкновенного. Новости о результатах выборов мэра отшумели, наступило затишье. Сапиев проиграл. Но при этом набрал такой высокий процент, какой никто от него не ожидал. Эксперты говорили, что это стратегическая победа, которая дает Сапиеву значительный политический капитал и новые возможности. И теперь главное — умело ими воспользоваться. Но мне казалось, что он не знал, как пользоваться этим политическим капиталом. Сразу после выборов Сапиев заявлял о том, что они были проведены с нарушениями, готовил документы для опротестования результатов в суде. Но на его губах время от времени играла довольная улыбка, словно говорившая, что он сам не ожидал от себя такого успеха. Обычный для него в прошлом драйв борьбы почти не чувствовался.

В нашей редакции тоже повисло неопределенное ожидание. Буров несколько раз ездил на встречи с владельцем. Возвращался обычно хмурый, но ничего не рассказывал. Я не расспрашивал — стало все равно. Иногда мне начинало казаться, что и для меня — как для Аиды — эта планета чужая.

### 3

Аида снова исчезла. Не отвечала на мои звонки и эсэмэски. «Полна надеждами. Полна надежд. Полна надеждами. Полна надежд...» — часто повторял я тихо вслух.

В это ее исчезновение я был более спокоен. Знал, что в любом случае увижу ее на открытии выставки, на которое она меня пригласила. А когда мы увидимся, произойдет обычное, но необъяснимое взаимодействие каких-то наших внутренних метафизических сущностей, начнется непостижимая, вне пределов этого мира, химия между нами — как это происходило каждый раз, когда мы встречались.

«Хочу, чтобы все изменилось сегодня», — получил от нее эсэмэску в день

выставки. Набрал несколько вариантов ответа, но все стер. В конце концов отправил: «Что-то обязательно изменится».

Мы встретились на лестнице. Я поднимался на второй этаж здания, где располагался выставочный зал. Она семенила по ступенькам вниз. Увидев меня, остановилась. Посмотрела сияющим взглядом. Я смотрел на нее, наверное, с таким же сиянием глаз. Мы целовались взглядами — как раньше — и ничего не говорили, не шевелились.

— Я рада, что ты пришел, — через некоторое время проговорила она. — Поднимайся, я сейчас приду, — и, как будто с трудом отведя взгляд, снова засеменила вниз по ступенькам.

В зале — неожиданно много людей. На стенах — фотографии. Не только камни, как я ожидал со слов Аиды. Стены зданий. Перевернутые лодки. Двери. Разбросанные вещи на чердаке. Мертвые животные. Лысые макушки и затылки. Мертвая рыба на крупной гальке. Застывшие в разных позах люди. При этом во всех фотографиях чувствовалась удивительная окаменелость предметов и пространства. Как будто мир застыл, и следующей секунды не будет — просто потому, что она не нужна. Еще мне показалось удивительным, что фотографии были цветными, но создавали ощущение ч/б. «Наверняка специальная обработка в фотошопе», — подумал я, вспомнил об Андрее и, оглядевшись, увидел его. Полноватый, с немного одутловатым лицом, мужчина лет сорока пяти стоял рядом с вернувшейся в зал Аидой. Она, смеясь, что-то говорила ему. Я сразу понял, что это Андрей, хотя и был почти шокирован выбором Аиды — таким невзрачным и старым он мне показался.

Выступил директор выставочного зала, потом какой-то искусствовед, и в конце — Аида. Официальная часть закончилась.

К Аиде кто-то подходил, поздравлял. Подарили два букета цветов, которые она тут же передала находившемуся все время рядом с ней Андрею.

Меня мучила ревность.

Улучив момент, когда рядом с Аидой никого не было и даже Андрей исчез куда-то, я подошел к ней:

— Поздравляю, — неловко полуобнял ее, но она порывисто и в то же время мягко прижалась ко мне, и вся неловкость пропала.

— Спасибо. Все случилось. Почти так, как я хотела, — тихо проговорила она. — Спасибо тебе за фотографии ботанических камней. Эта выставка была важной для меня, и я очень рада. Расскажешь потом, какие фотографии тебя царапнули.

— Лодки, бритые головы и мертвые животные.

Она разочарованно усмехнулась:

— Это плохие фотографии. Я даже не хотела включать их в экспозицию. Но они почему-то нравятся всем...

Она отстранилась — так же порывисто, как обняла — и отошла на шаг. Боковым зрением я заметил идущего к нам Андрея.

— Это Андрей, — улыбнувшись, Аида нежно взяла его под локоть.

— Артур, — протянул я ему руку, он пожал.

— Здравствуй, Артур... — произнес равнодушно. — Какие работы тебе понравились, Артур?

Я с усмешкой посмотрел на Аиду и ответил:

— Лодки, головы и мертвые животные.

Андрей улыбнулся:

— Это я настоял, чтобы Аида их выставила, а она не хотела. Маленький компромисс. Жизнь все время навязывает нам большие компромиссы... Наше искусство жить — уметь подменять их маленькими.

— Не надо об этом, — попросила Аида тихим голосом, — не надо об этом сейчас.

— Хорошо, — с легкостью согласился Андрей, — слуги Вицлипуцли<sup>1</sup> все равно еще спят.

— Когда они проснутся, напоешь мне их боевой гимн?

— Надо будет узелки поперебирать, а то слова подзабыл.

— Можно без слов, только сонорный рассветный напев.

Я смотрел на них, не понимая происходящего. «Андрей из ревности пытается выставить меня дураком?» — мелькнула мысль. Но в таком случае Аида с готовностью ему подыгрывала. Меня неожиданно охватила злость.

— Вы тоже фотограф? — с вызовом спросил я у Андрея, прервав их диалог.

— Нет, я музыкант.

Аида, ничего не говоря, развернулась на своих каблуках и отошла в сторону, оставив нас вдвоем с Андреем. Я увидел, как она обратилась с вопросом к директору галереи.

Андрей изучающе смотрел на меня с загадочной полуулыбкой. Чтобы прервать тяготившую меня паузу, я продолжил расспросы:

— Мне Аида говорила, что вы хороший фотограф.

— Аида преувеличивает, — полуулыбка стала чуть шире.

— А на каком инструменте играете?

— На тромбоне.

— В рок-группе?

— В джаз-бэнде.

— Аида говорила, что вы только недавно с гастролей вернулись.

— Только недавно.

— Где выступали?

— В Европе.

На его лице — все та же полуулыбка и изучающий взгляд. Я почувствовал, как на лбу у меня выступил пот.

— Ты — охотник? — спросил я, понизив голос.

— Н-нет, — проговорил Андрей с заминкой и сощурил глаза. — Я — музыкант.

— Одно другому не мешает.

— Я не охотник, — мягко, но настойчиво повторил Андрей и улыбнулся. — Нравственный абсолютизм внутри меня не позволяет убивать живое.

— Хорошо, понятно. Мне нужно идти. До свидания, — я протянул руку Андрею.

— До свидания, — он пожал ее с учтивым кивком головы.

---

<sup>1</sup> Вицлипуцли — бог войны в мифологии ацтеков.

«Зачем я пришел сюда...» — раздраженно вертелось в голове. Я решительно подошел к Аиде, беседовавшей с директором галереи.

— Можно тебя на минутку?

Аида мило улыбнулась директору:

— Извините.

Мы отошли в сторону.

— Я хотел поблагодарить за приглашение, — с подчеркнуто вежливой интонацией проговорил я. — Мне нужно ехать.

— Тебе спасибо, что пришел, — она бросила на меня быстрый взгляд, потом опустила голову, — тебе понравились лодки... — добавила тихо и задумчиво.

— Да, понравились лодки, — с надменной иронией в голосе подтвердил я.

— Я не понимаю... Что-то не так... — совсем тихо произнесла она. — Что-то нарушает сигнал, и у меня не получается к тебе просочиться, даже слабоумием...

Резко подняв голову, посмотрела мне в глаза:

— До свидания, — развернулась и пошла к директору галереи.

## 4

В начале октября наше издание закрыли. «Нет средств».

Буров ругался на хозяина: «Ссыканул, сука, ссыканул...»

Нервы у того действительно сдали быстро. Сигналы (иногда примитивно сверху, но чаще просто из самой атмосферы происходящего) тогда получали многие. Многие делали вид, что не замечают. Другие не замечали принципиально. Но некоторые — как владелец нашего портала — предпочли прислушаться и не рисковать.

Нам выплатили компенсацию — месячную зарплату, что было приятно. Тем более что в первые дни после новости о закрытии я совсем не представлял, чем мне заняться дальше. Сначала мелькнула мысль, что теперь у меня будет много времени для того, чтобы дописать новый роман. Но скоро я понял, что роман о событиях в Кызыл-Таше я вряд ли допишу — сколько бы времени у меня ни было. В этом тексте мне теперь все казалось надуманным и фальшивым.

Я гулял. В скверах и парках. Звонил Аиде, но она не брала трубку.

Шли дожди. Иногда казалось, что бесконечно.

Потом позвонил Буров. Утром дождливого дня. Сказал, что нашел финансирование для нового проекта — «запускаемся в ближайшие дни». Звал на работу. Я принял приглашение.

Новый проект финансировался по несколько запутанной схеме. Формально — крауд-финансирование, но существовал и некий гарант, который оплачивал месячные расходы, если крауд-финансирования от доброжелателей в этот месяц не хватало. Форма и содержание нового веб-портала были похожи на форму и содержание нашего старого издания. Почти ничего не изменилось. Я занимался тем же самым, за ту же самую зарплату. Буров радовался и часто хлопал меня по плечу.

Я стер файл со своим новым романом. Не знаю, зачем. Никакой необходимости в этом не было — пускай хранился бы в одной из папок жесткого диска. Я бы о нем и не вспоминал. С другой стороны — вдруг когда-нибудь мне захотелось бы к нему вернуться... Но я стер — и текст, и все материалы к нему.

Настроение немного улучшилось — на несколько минут. А потом я забыл. И о романе, и о том, что его стер.

...Впереди шла моя мама и несла большое тяжелое стекло из металлопластикового окна. Вначале я ей помогал, но потом понял, что она хорошо справляется и без меня, и отпустил стекло. Продолжая что-то говорить, она ушла вперед. Позади меня шла Лия и несла такое же гладкое и герметичное двуслойное стекло. Замедлив шаг, я дождался, пока Лия догонит меня. Когда она поровнялась со мной, я почувствовал себя неестественно в одежде и легко снял джинсы, рубашку и трусы. Оставшись совершенно голым, я одной рукой взял у нее стекло, а второй обнял ее. Дальше мы шли, обнявшись, разговаривая о пустяках и глядя на мою маму, несшую такое же стекло на расстоянии двадцати-тридцати метров впереди нас. Лия — в легком платье, я — голый. Не было ни малейшего чувства стыда.

Такой сон мне приснился в одну из октябрьских ночей. Почти каждую ночь снилась Аида, а тут вдруг приснилась Лия...

— Я запуталась в бесконечных сигналах — входящих, исходящих, проникающих и потерявшихся — и захотела просто услышать твой голос, — звонок от Аиды утром следующего дня.

— Я тоже рад слышать твой голос. Мне плохо, когда ты исчезаешь...

— Прости... Я ничего не могу с собой поделать. Снова депрессия. Тесные стены, душные комнаты... Приходят мертвые, что-то говорят. Хочется завернуться в себя и спать внутри... Впрочем, я и сплю... Много сплю... Ночью и днем... Но что ты ждешь от меня? Может быть, ты выстроил какую-то конструкцию ожиданий от наших соприкосновений, и теперь эта конструкция ломается, потому что она из иллюзий?

— Пожалуй... — усмехнулся я. — Мы так удивительно быстро сошлись, что мое сознание автоматически нарисовало какие-то идиллические картинки. Мы всегда вместе, счастливая семья, милые дети и тому подобное... Возможно, глупо, но такое было.

— Да, глупо, — усмехнулась Аида в ответ. — Мне трудно представить, что я когда-нибудь выйду замуж. Семья рано или поздно производит монстров и уродов, проявляющихся открыто или загнанных глубоко внутрь, и неизвестно, которые из них опаснее. Загнанные внутрь будут жить с тобой всю жизнь, пожирать изнутри.

— Может быть, ты обобщаешь, исходя из своего негативного опыта?

— Не думаю. С другой стороны — мы все обобщаем, исходя из своего опыта.

— Но цивилизация пока не придумала ничего лучше... Семья нужна, чтобы родить и вырастить ребенка...

— Я не знаю, что нужно, чтобы родить и вырастить ребенка, но мне кажется, что нечто другое... Но я об этом не думаю. Все, что связано с детьми, с процессом рождения, пугает меня. То, что в тебе кто-то растет, распирает тебя, потом выходит, разрывая влагилище, присасывается к твоей груди, которую начинает распирает от молока, — все это очень грубо и дико... Так не должно быть.

— Но зачем тогда любовь? Стремление двух людей друг к другу? Природой заложено, чтобы в результате рождался ребенок.

— Зачем любовь? Просто так... Небольшой, но эффективный механизм для производства нежности в этой Вселенной. Такой же случайный, как Вселенная. Хотя взаимопроникновение и совместное горение, когда люди зажигаются друг от друга и вместе взлетают над нищами на любовь трущобами, — прекрасны и могут рождать космические вещи... Но ты часто встречал, чтобы такое совместное горение длилось долго?

— Нет... — после паузы согласился я.

— Я тоже никогда не встречала. Привязанность убивает любовь. Я за любовь без привязанности.

— А ваши отношения с Андреем?

— Это уже давно не горение...

— А что тогда?

— Я не знаю. И не хочу об этом.

Мы замолчали. Слушали дыхание друг друга.

— Встретимся в субботу? — Спросил я через некоторое время.

— Я пока не знаю. Давай я тебе позвоню.

— Хорошо.

— Пока, — почти неслышным голосом.

— Пока.

В субботу мы не встретились. Аида прислала эсэмэску «Я не могу сегодня. Извини».

Я сразу же перезвонил, но оператор-автоответчик сообщил, что телефон вне зоны доступа.

Встретились неделей позже.

— Моя кожа начала покрываться мелкими трещинками. Смотри... — Аида подняла руки и показала мне тыльные стороны ладоней. — Превращается в мягкие рыбки чешуйки. Когда я окончательно превращусь в маленькую золотистую рыбку, то можно будет запустить меня в твои вены — помнишь, как в рассказе Кортасара. Тыпустишь меня в свои вены?

— Ты уже в моих венах, — ответил я с усмешкой.

Она стояла у ограды набережной и грустно улыбалась. Ежик волос на голове. Темное длинное пальто. На фоне темной реки.

— У меня обострение шизотипического расстройства. Возможно, уже начало шизофрении, — сообщила сразу, чтобы предупредить, если я вдруг не догадался, — холодность и неадекватность эмоциональных реакций, странное и эксцентричное поведение. Склонность к социальной изоляции, параноидные или необычные идеи, болезненная навязчивость, нарушение мышления и расстройства восприятия. Иллюзорные ощущения и галлюцинации, бредовые идеи, возникающие без видимых причин...

Говорила, словно выучила наизусть статью из медицинского справочника.

Я хотел ее обнять.

— Извини, я сейчас не могу обниматься. Холод и синее недоверие в пальцах.

Мы молчим. Смотрим на воду.

— Я ищу способы выхода из этого мира, но никак не могу их найти...

Какие-то связи... Какие-то эмоции... Какие-то обязательства... Паутина эмоциональных привязок множества людей ко мне, которая держит — и их, и меня...

Потом мы обнялись. Ежик ее волос на моей щеке. Щеко-щекотание.

— Человеческое общество пропитано ложью, лицемерием, насилием и жестокостью — по той простой причине, что без них оно не смогло бы существовать, оно бы распалось... Животные едят других животных. Все существа так быстро умирают... Никто не думает друг о друге... Поэтому мне так плохо на этой нелепой планете победившего человечества...

Она говорит. Я слушаю. Думаю о том, что нужно дать ей возможность выговориться — может быть, после этого станет легче.

— Я рассказывала тебе об опыте над человеческим состраданием? Нет, я не рассказывала тебе об опыте над человеческим состраданием... Однажды был проведен такой эксперимент, который лучше всего характеризует людей. В комнате сидел человек. К нему были подведены контакты электрического разряда. За тонированным стеклом в другой комнате сидел второй человек. Первый его не видел, а он первого видел. У второго человека была кнопка. Когда он ее нажимал, первого било током. С каждым нажатием кнопки сила тока возрастала. Второму человеку, который нажимал кнопку, говорили, что это просто эксперимент и он должен нажимать ее тогда, когда первый неправильно отвечает на вопросы. Первый неправильно отвечал на вопрос, второй нажимал кнопку, первого било током. Первый опять неправильно отвечал на вопрос, его снова било током, более сильным разрядом. Второй видел, что его нажатие кнопки приносит боль, и в какой-то момент отказывался от продолжения эксперимента. Но в этот момент входил исследователь в белом халате и говорил: «Это эксперимент. Необходимо, чтобы вы продолжили», или «эксперимент требует, чтобы вы продолжали». И этот человек за кнопкой продолжал нажимать и увеличивать напряжение. Он видел, что тот за стеклом мучается. Видел, как тот просит прекратить эксперимент. Но человек в белом халате говорил, что нужно продолжать эксперимент, и этот чувачок продолжал жать кнопку и приносить боль тому, кто за стеклом. Шестьдесят пять процентов принявших участие в опыте довели уровень тока до максимального, следуя инструкциям исследователя в белом халате и игнорируя страдания того, кому они причиняли боль. Зомби, марионетки, роботы...

Ежик волос щекочет мою щеку.

— Я больше не общаюсь с Андреем. Он уехал в Болгарию. С ним что-то случилось, но он не смог рассказать мне. Он был одним из корней, удерживавших меня в вертикальном положении. А сейчас... В мире стало на одну ржавую решетку больше. И даже слабоумие не спасает. Мне стало так ужасно от его молчания, что я сбежала. Бежала потом по улицам, дворам. Остановилась около автобуса. Он меня отвез... Мне нужна тотальная безусловность соприкосновения... Но я только теряю, и взамен — только решетки... Дурацкая выставка... Компромиссы... Столько лжи... Все так плохо... И я разбила пустоту...

Ежик волос щекочет мою щеку.

— Выставка была успешной, малыш. Не отрицай хотя бы это, — тихо говорю я. — А колба с вакуумом... Я закажу тебе новую, и у тебя снова будет пустота — всегда под рукой.

— Не бывает двух одинаковых пустот. А с той мне было очень хорошо...

— На самом деле, это просто осень, серые дни. А старые корни, которые

перестают питать — их приходится обрубить, малыш. Ты же сама говорила, что ты за любовь без привязанности.

— Меня раздражает, когда ты называешь меня «малыш», — Аида поднимает голову, смотрит на меня, прищутив глаза, отстраняется. — Мне нужно идти... Пока, — разворачивается и шагает прочь.

## 5

В тот раз я догнал ее и остановил. Предложил уехать к морю — чтобы она быстрее адаптировалась к своей новой рыбьей природе. Гладил короткие волосы и говорил, что их уже пора побрить, пока снова не превратились в перья или, еще хуже, в поросычью щетину. Придумывал рецепты духов из чесночной выжимки с нарезанными полосками лука в нафталине и мандариновой цедре, чтобы они отгоняли мертвых. Начал разрабатывать бизнес-план по открытию пункта приема металлолома, который принимал бы только ржавые решетки. Говорил о чем-то еще и еще... О том, как важно существование Аиды Радоуцкой для окружающих людей и для этой нелепой планеты.

— Сейчас мне хочется существовать только в снах, своих и чужих. Просыпаться лишь для того, чтобы поесть и, может быть, иногда почитать какую-нибудь новую безумную книгу. Но лучше — вообще не просыпаться.

Мы обнимались, прижимались к ограде набережной. Ее тело то напрягалось, то изламывалось резкими сильными движениями, словно в судорогах, то расслаблялось и податливо стекало в мои руки. Я думал — хорошо, что часть окружающего пространства и река отгорожены чугунными узорами ограды, на которую мы опирались, иначе я мог ее не удержать.

— Я не слепой. Вижу, что с тобой что-то не так, — Буров смотрит на меня через очки с нулевыми диоптриями, которые надевает иногда на светские мероприятия, чтобы выглядеть интеллигентнее. — По результатам твоей работы, в первую очередь, вижу. Что случилось? Может, я чем-то могу помочь?

— Все в порядке, Антон, — делаю глубокий вдох. — Кое-какие личные заморочки. Но все под контролем...

— Из-за девчонки-динамистки какой-то, что ли?

— В смысле? Почему именно динамистки?

— Уже по опыту знаю: если у пацана проблемы с девушкой, в девяносто девяти случаях из ста это значит, что девушка просто динамистка по характеру. То есть стервозная сторона ее натуры доминирует над блядской. В этом случае надо грубо — либо сразу «до свидания», либо жестко переучивать, как я со своей Машкой. А то у нее вначале тоже какие-то движения непонятные были...

Я смотрю на Бурова и думаю, что вижу перед собой человека, у которого нет никаких проблем со своими корнями и внутренним стержнем. Вижу, как толстые, извивающиеся и переплетающиеся корни уходят в землю на десятки метров — и в глубину, и в ширину. Твердый негибемый стержень из нержавеющей стали тянется вверх. Это то, что внутри. Снаружи — крепко сбитый парень среднего роста с короткой стрижкой смотрит на меня маслянистым взглядом.

В тот момент я почувствовал удивительную симпатию к Антону. «Вот бы

ему на бую... С ним и дюжине призраков не справиться — он бы им такого гопака задал...»

— Да, пожалуй, все так, Антон, — с усмешкой говорю я.

Вечером того же дня мы пили с Антоном пиво в тесном и шумном баре. Веселее и дольше, чем обычно.

Снилось поле. Слева — лес. Справа — изгиб реки. Поле между ними — идеально ровное, идеально зеленое, идеально бесконечное. Не упирающееся даже в горизонт с какими-нибудь красотами вроде кучерявых облачков. Бесконечное, с бесконечностью синего неба над ним. Я сделал несколько шагов по этому полю. Очень неуверенно — рассматривая траву под ногами, оглядываясь то на лес, то на реку. Остановился, посмотрел на свою обувь — ослепительно белые кроссовки. И потом вдруг зашагал по полю вперед — раз-два, раз-два, раз-два — все быстрее и быстрее.

«Забери меня отсюда, пожалуйста. Пока я не добила свою несчастную голову» — эсэмэска от Аиды поздним вечером через пару дней после пьянки с Антоном.

Сразу перезвонил ей. Она ответила после второго гудка:

— Алло. Привет, — тихий неуверенный голос.

— Привет. Отсюда — это откуда?

— Мичурина двадцать семь, квартира пять.

Я доехал до нужного места через полчаса. Позвонил в нужную квартиру, мне открыла девушка с короткими огненно-рыжими волосами и пирсингом в левой брови. Внутри громко играла музыка.

— За Аидой? — Спросила девушка без приветствия.

— Да.

— Идем, — провела через коридор, зал, снова коридор, мимо молодых парней и девушек — таких же неформалов по виду, как и она. Остановилась перед закрытой дверью. Громко постучала.

— Аида, к тебе приехали.

Дверь слегка приоткрылась, потом — шире. Выскользнувшая из комнаты Аида, с опущенной головой, двумя руками обхватила мое предплечье:

— Выведи меня, пожалуйста.

Обнимаю ее, быстро идем к выходу — снова коридор, зал, коридор. Любопытные и неодобрительные взгляды. Дверь за нами закрывается. Лестничная площадка. Хочу остановиться и расспросить Аиду о случившемся, но она тянет меня по лестнице вниз:

— Пойдем. Нужно под небо.

Выходим во двор, Аида наконец останавливается, глубоко дышит, и я замечаю ссадину на ее лбу.

— Что случилось?

— Спасибо тебе, что приехал. Приступ. Неожиданно... Было все хорошо. Квартирник, играли знакомые ребята. Я смеялась, с кем-то разговаривала. Потом паническая атака, удушье. Забежала в какую-то комнату. Кто-то за мной бежал, что-то говорил. Я закрылась. В комнате тоже было плохо. Я упала на пол. Потом отдышалась, стало немного легче, смогла тебе написать. Договорилась с

красивой девушкой по имени Вика, что ты за мной приедешь и чтобы не вызывали врачей. Лежала на полу и дышала. Потом стук в дверь и твое милое лицо в щелочку. Последующие события тебе известны, и данным предложением я заканчиваю сочинение на тему, как я провела этот вечер... Давай подышим. Просто как животные.

Мы ходили по дворам и маленьким улочкам, дышали холодным воздухом, подражая разным животным — то как кролики, то как медведи, то как киты, то как собаки, то еще как самые разные млекопитающие и земноводные.

Со следующего дня начался поиск психиатров или психотерапевтов. Но ни один из найденных мною специалистов Аиде не подходил. Сначала отпали женщины. «Я не могу с женщиной-психиатром. Женщина-психиатр меня пугает». Отпали молодые — в возрасте до 40 лет. «Я не доверяю молодым, у них неокрепшее мировоззрение». Отпали по территориальному признаку. «Я не могу ездить далеко. Не смогу быть уверенной, что доеду туда, куда нужно». Пожилые мужчины-психиатры, принимающие в медицинских учреждениях в относительной близости от дома Аиды, стали отпадать по метафизическим причинам: «человек с таким именем и фамилией не может быть хорошим психиатром...», «этот врач принимает только до обеда; до обеда меня еще почти нет здесь, он не сможет правильно поставить диагноз...», «ничего не чувствую по отношению к этой клинике и этому врачу в ней...», — и так далее.

В один момент я не выдержал и вспылел:

— Ты не хочешь к врачу и не хочешь вылечиться, поэтому придумываешь тысячи идиотских отмазок!

— Да, прости... — почти неслышный голос в телефонной трубке, — я... я хочу вылечиться, но я не смогу опять пить таблетки... Поэтому так важно найти нужного врача. И еще... Еще я жду от Вселенной чуда... Которое все изменит. Даст мне новую кожу — нежные рыбки чешуйки. И я смогу глубоко нырять. Может быть даже достать до дна... Смогу найти новые импульсы и новые поводы для соприкосновений.

— Так мне продолжать искать врача или нет?

— Если ты чувствуешь, что сможешь найти нужного, то я буду благодарна...

Я нашел нужного. Подошел по всем параметрам — рациональным, иррациональным и всевозможным прочим. Аиде особенно понравилось его имя: Карл Иванович. Договорились о приеме в четверг после обеда. Я пообещал Аиде отвезти ее к врачу и подождать там.

Во вторник поздно вечером — эсэмэска от Аиды:

«Сегодня я каталась на коньках почти целый день. Внутри что-то согрелось. Лед нежен. Врач не нужен».

Через несколько секунд вторая:

«Мне действительно лучше. Спасибо тебе за все».

Я ничего не ответил. Позвонил утром следующего дня. Аида шутила и смеялась. Наотрез отказалась идти к врачу в ответ на мое «может быть, все-таки сходишь, раз уже записались?»:

— Нет, я уже договорилась о съемках в четверг.

— Что за съемки?

— Буду фотографировать мастер-классы в хореографическом училище. Им нужно для каких-то архивов и материалов, а мне нужно для новой выставки.

— Планируешь новую выставку?

— Да. Без помощи Андрея. Это настораживает и вдохновляет одновременно.

— Вы с ним больше не общались?

— Нет, и уже не будем.

— Так категорично?

— Да, Андрей — категоричное существо.

— А ты?

— Что «я»?

— Ты — категоричное существо?

— Нет, конечно. Категоричность убивает. Впрочем, сама эта фраза звучит категорично. И еще я иногда категорично играю на губной гармошке, когда в лесу... Иногда категорично пускаю мыльные пузыри на солнце. Иногда категорично отмываю свое тело, закрываясь в ванне на несколько часов. Иногда категорично леплю хлебные мякиши из черного хлеба...

— Все-все, спасибо, — рассмеялся я — теперь мне все понятно о взаимосвязях категоричности и Аиды Радоуцкой.

— Если все понятно и ты не хочешь больше слушать мой голос, тогда не буду отвлекать. Пока, — она повесила трубку.

Я позвонил Аиде вечером. Она не ответила. «Ну и к черту...» — я бросил трубку на диван.

## 6

Давно поселившееся во мне болезненное беспокойство, связанное с Аидой и не отпускавшее ни на минуту, становилось глуше. Наверное, вмешалось чувство самосохранения. Я больше не звонил ей. В ноябре поехал в командировку на Каспийское море — сделать материал о конфликте гринписовцев с нефтяниками. Там снова почувствовал уже почти забытое удовольствие от журналистской работы. Вместо одного материала привез несколько, на разные темы. Антон с одобрительным удивлением покивал головой.

Но когда я вернулся в свой город и в свою квартиру, опять навалилось чувство тоски и безысходности. Несколько раз брал трубку, чтобы позвонить Аиде, но потом с досадой отбрасывал ее на диван. «Спортивное кидание телефонных трубок на мягкие поверхности; залог победы — регулярные тренировки» — придумал себе слоган.

В одну из суббот решил пойти в ночной клуб. Раньше мы с Лией довольно часто ходили в «Фантомас». Она любила танцевать, я — пить коктейли. После энного количества влитого в себя алкоголя я обычно тоже выходил на танцпол и начинал совершать некие движения руками и ногами. Теперь же мне хотелось и алкоголя, и музыки, и танцев, и какого еще угодно драйва, лишь бы не помнить и не думать.

Пошел в привычный «Фантомас». Поднялся на второй этаж, и сразу — к барной стойке. Четыре стопки по 30 грамм. На скорость — одну за другой. Познакомился с пьяным веселым парнем. Вместе с ним еще по три стопки. Но опьянение не приходило. Мой новый знакомый отошел к своим друзьям. Я

обернулся посмотреть на танцующих и увидел Лию. Она весело отплясывала в окружении двух парней и девушки. Глаза блестели, волосы были собраны в задиристый хвостик на макушке. «Хорошо, что у нее все хорошо...» — подумал я и удивился тому, что, с тех пор как расстался с ней таким неджентльменским способом — отправив эсэмэску, у меня ни разу не возникало чувство вины перед ней. И как только я подумал об этом, оно вдруг возникло.

Я повернулся к бармену и попросил еще водки. Решил выпить две стопки и уехать из «Фантомаса» в какое-нибудь другое заведение. Но не успел.

— Привет, — подошедшая к барной стойке Лия взъерошила мои волосы. — Мачо снова в клубах...

— Привет. Рад тебя видеть.

— Да ну...

— Да... Видел, как ты танцевала — красиво.

— И даже еще не забыл, как говорить комплименты...

Она волновалась. Разгоряченная, немного пьяная, эмоциональная. Говорила с вызывающей интонацией, готовая к бою, но я чувствовал, что внутри — женственная неуверенность и нежность.

К ней подошел высокий парень из ее компании:

— Лия, пойдем...

Она отмахнулась:

— Без меня пока танцуйте.

У барной стойки было шумно, и мы спустились на первый этаж. Встали, прислонившись к стене рядом с женским туалетом, закурили сигареты.

— Можешь не рассказывать, как у тебя дела. Могу догадаться, — заявила сразу.

— Прости, что я тогда так, эсэмэской... — Закурив сигарету, я вдруг почувствовал, что сильно опьянел.

— Да, я была разочарована, — ее подбородок подрагивал. — Но хороший урок — не очаровывайся. Я, конечно, не думала, что ты так легко купишься. Она хорошо умеет запудривать мозги молоденьким пацанам, но тебя я считала уже более состоявшейся личностью. Оказалось, что нет.

— Ты про Аиду?

— Про нее самую. И даже могу рассказать тебе кое-что. Она принадлежит к определенному женскому типу психологических паразитов. Им все время нужно внимание. Чтобы их все вокруг любили, жалели, сочувствовали... Тем более, что она актриса. Хочешь расскажу, как у тебя все с ней было?

— Попробуй.

— Сначала она проявила к тебе много нежности — закинула крючок. Потом показала, какая она возвышенная и ранимая и насколько окружающий мир груб и пошл для такого возвышенного создания, как она. Вызвала в тебе жалость к ней — подцепила на крючок. После чего — еще больше нежности. Потом вместо нежности вдруг холод, она оттолкнула тебя. Ты растерян, не понимаешь, что произошло. Ее холодность распаляет твою влюбленность. Вдобавок у тебя появляется чувство вины — начинаешь думать, что в чем-то провинился перед ней, если она стала такой холодной. Вот и все — ты на крючке. Смесь любви, жалости и вины — гремучая штука. Потом уже все просто. Как мужчина и как объект любви, ты ей не нужен. Да она, по-моему, и не умеет любить никого, кроме себя. Но ей, как паразиту, нужна твоя влюбленность и твое сочувствие.

Поэтому через некоторое время она снова появляется в твоей жизни — так же неожиданно, как исчезла. Теперь она появляется периодически — тогда, когда ей скучно, когда нужно повысить свою самооценку и подпитаться чьей-то любовью. И в то же время — удостовериться, что ты все так же на крючке, и на всякий случай натянуть покрепче леску. Если что-то не так — опять отталкивает тебя, чтобы сильнее разжечь. Так и будет теперь — то приближать тебя, то отталкивать, играть в кошки-мышки. Таких жертв, как ты, у нее не одна и не две, а человек десять, которых она по очереди дергает и пьет кровь. Она просто пиявка. Ей нужно вытягивать из всех окружающих любовь к себе. Поэтому всегда образ несчастной перед мужчинами — чтобы пожалели, полюбили.

— Откуда ты все это знаешь?

— Неважно... — Она затушила окурок. — И знаю, что если бы у тебя с ней все было хорошо сейчас, в ночном клубе я бы тебя не увидела...

— Нет уж, скажи, откуда знаешь. Сказала «а», говори «б».

— Я была одной из таких ее жертв. Слава Богу, недолго.

— Жертв? Она мне говорила, что между вами что-то было и что она до сих пор влюблена в тебя. Может, наоборот, — она твоя жертва? — Затянувшись сигаретой, спросил я.

— Я не лесбиянка, — резко ответила Лия. — И не монстр. Она — монстр, хотя и называет монстрами всех окружающих. У нас действительно были необычные отношения... Которые могли к чему-то подобному привести. Слава Богу, я все быстро поняла и все прекратила. Мне жаль тебя.

— Наверное, тебе все-таки больше жаль себя — что я с тобой так поступил из-за нее.

— Да, и себя мне жаль. «Извини, но мы должны расстаться. Все изменилось...», — усмехнулась, — дай сигарету.

Мы закурили еще по одной. Молчали. Потом я медленно проговорил:

— Сейчас дело уже не в ней, а во мне самом. Она всего лишь каким-то образом содрала с меня полиэтилен, в который я был завернут всю жизнь. Необъяснимым легким движением открыла мне меня, дала свободу быть собой...

— Вот это не надо... — отгородилась рукой с сигаретой между пальцев Лия, — это только иллюзии и фантазии, которые Аида тебе навязала, в чем она тоже мастер. Но ты не изменишь себя, и она тебя не изменит. Ты реалист, и только в реальном мире тебе комфортно. В эфемерных пространствах, где все призрачно и непривычно, тебе долго не продержаться. Они манят, но непригодны для жизни. Я знаю, что ты чувствуешь...

— В последнее время иногда кажется, что у меня всего лишь одно чувство — желание исчезнуть отсюда. Не то, чтобы умереть, а просто тихо незаметно исчезнуть. Чтобы маленький локальный торнадо схватил меня с земли и унес вверх, куда-нибудь.

— Ты эгоцентричен и банален. Каждый второй на Земле хочет или когда-либо хотел отсюда исчезнуть.

— И ты?

— И я, — пожала плечами.

— Но тогда зачем? Зачем продолжать находиться здесь?

Лия посмотрела на меня с сочувственной улыбкой:

— Ты действительно еще наивная незрелая личность...

— Нет, на самом деле — ответь, если ты созревшая, — почти обиделся я.

— Потому что эти твои чувства и мысли временны и иллюзорны. Иллюзорен не мир, а наше его восприятие. Сегодня кажется, что незачем здесь

находиться. Завтра узнаешь что-то новое, покажется, что есть за чем. И так далее. Надо просто понимать, что все меняется. И не забивать всякой херней голову.

К нам спустился тот же парень, что подходил к Лие, когда мы стояли с ней у барной стойки наверху:

— Лия, ты че, мы тебя вообще потеряли...

Она затушила окурок:

— Ну и что такого? С одноклассником бывшим встретишься, заболтались просто. Ладно, пока, — махнула мне рукой и пошла с парнем по лестнице наверх. Пока она поднималась, я пялился на ее округлую «бразильскую» попку, форму которой она умела выгодно подчеркнуть любым нарядом, и с пьяно-плотоядной ревностью думал, что когда-то эта попка принадлежала мне, а сегодня, судя по всему, будет принадлежать этому верзиле.

Я забрал из гардероба свою одежду и вышел из клуба. Постоял несколько минут, вдыхая свежий морозный воздух, потом взял такси и поехал домой.

## 7

С тех пор как я прекратил работу над новым романом, а потом и вовсе удалил файл с ним со своего компьютера, я ничего не писал (не считая журналистских текстов, конечно). Иногда казалось, что я больше не писатель (да и был ли им — большой вопрос) и вряд ли когда-нибудь напишу что-то еще. Но после встречи с Лией в ночном клубе неожиданно решил написать повесть об Аиде, о будто и о событиях последних месяцев.

Короткий — в один абзац — пролог про нечто, случившееся в некоем закутке недалеко от Вознесенского собора, дался легко. Хотя я его выдумал. Ничего там не случилось. Когда писал его, задумывал в будущем сцену, в которой я, стоя в том закутке, буду разговаривать по мобильному телефону с Аидой, и во время этого разговора Аиде станет плохо. Паническая атака и приступ удушья. Она перестанет говорить, но не отключит телефон. Я буду пытаться успокоить ее, буду в чем-то убеждать, но в один момент тоже замолчу. Молчание телефонных трубок в двух разных местах города, объединенных неким невидимым сигналом сотовой связи. Молчание, которое со временем будет становиться глуше и гуще, как будто эти трубки медленно проваливаются в глубокие колодцы с вязкой жидкостью. Ощущение боли — не физической, но такой явной и сильной (только где она находится — в пластиковых, начиненных электроникой телефонах? в невидимом сигнале? в сотах передатчиков?) — будет усиливаться с каждой минутой молчания, и в один момент начнет изливаться из трубок в окружающее пространство — на землю, на грязный забор, на стену дома. Я не выдержу и отключу телефон.

Похожая сцена действительно однажды произошла, но не на Гоголя, а в другом месте. При этом она плохо вписывалась в композицию повести, и я от нее отказался. Но от удачного, на мой взгляд, пролога отказываться не хотелось, поэтому я его оставил.

К концу ноября я написал три главы повести. Писалось то легко, то сложно. По вечерам обычно приходил домой, ужинал, садился за компьютер и писал. Иногда перед тем, как засесть за повесть, смотрел какой-нибудь фильм. Почти ни с кем не общался.

— Почему у тебя такое странное имя — «Аида»? Что оно значит? — однажды спросил я ее.

Она посмотрела на меня пустым взглядом и ничего не ответила.

— Аида... Аида... Аида... — придя в себя после того, как в алкогольной мути окружающего мое сознание на некоторое время отключилось, я обнаружил, что мои сухие губы повторяют три открытых слога — три бесконечных гласных, надломленных внутри металлом «д».

В тот вечер исчезли мои туфли за тысячу баксов. Я не помнил, как. Кому-то подарил? Выбросил? Кто-то снял их с моих ног? Я склонялся к версии, что просто решил прогуляться босиком по снегу и оставил их на каком-то бордюре. Но какая разница?

Однажды случайно встретился с Аидой на литературном вечере. Она радостно меня приветствовала, мы немного поговорили. Потом меня отвлекли организаторы вечера — мои знакомые. Не могли дозвониться одному из участников выступления, с которым я был дружен. Когда я вернулся к Аиде, она равнодушно на меня посмотрела, извинилась и вышла из зала. Вернулась, когда чтения уже начались. Села на свободное место в том же ряду, где сидел я, только с другой стороны. Глянула на меня все тем же равнодушным взглядом и отвернулась к сцене.

Я смотрел на нее и пытался понять, действительно ли я ранил ее своим невниманием или же наблюдаю очередные элементы игры в «кошки-мышки», как представляла все Лия. Вне зависимости от этого, смотреть в ту минуту на Аиду, такую холодную и невероятно далекую, было мучительно. Мне казалось, что душевная боль вот-вот станет физической, и в моем теле что-то безвозвратно изменится.

Она набирала смску. Я следил за ее лицом, пытаясь догадаться, кому она пишет. Но лицо оставалось каменно-безучастным. Я больше не мог терпеть происходящее. Встал и быстро вышел из зала.

В начале декабря я получил в фэйсбуке запрос на добавление в друзья от Андрея Стародубцева и сразу же вслед за этим сообщение от него:

«Здравствуй, Артур. Полагаю, что ты сейчас проводишь некоторое время рядом с Аидой и имеешь возможность заботиться о ней. Хочу помочь тебе в этом — в заботе об Аиде, так как я такой возможности уже не имею и иметь не буду.

Аиде очень нужна забота, но заботиться о ней сложно. Как ты мог заметить, она — другая. Она по-другому чувствует и думает. По-другому любит. По-другому ведет себя с окружающими. Ее поведение кажется странным. Это иногда трудно понять и принять, и к этому трудно привыкнуть. Аиде ни в коем случае нельзя показывать, что ты заботишься о ней — она может начать подозревать, что ты посягаешь на ее свободу и независимость, а она воспринимает это очень болезненно.

У нее было сложное детство и период взросления. Произошедшие тогда психологические травмы, о подробностях которых я не имею права распространяться, до сих пор сильно влияют на ее поведение и эмоциональное состояние. У нее постоянное чувство покинутости и одиночества, и в то же время ей очень трудно довериться другому человеку, даже тому, с кем она уже много времени провела вместе. Ей все время нужен проводник в окружающий мир, но она ни одному проводнику не может до конца поверить.

Впрочем, я слишком многословен, и, уверен, многое из того, о чем я пишу, ты уже и сам осознал. Поэтому перехожу к конкретным рекомендациям.

Аиде необходимо:

- спать в очень хорошо проветриваемом помещении;
- здоровое и свежее питание и потребление большого количества воды (алкоголь и любые другие средства изменения сознания ей противопоказаны);
- всегда минимизировать все шумы вокруг нее. Шумы — не только звуковые, но и зрительные, тактильные, обонятельные, мыслительные;
- профилактика истерик. При первых признаках приближающейся истерики желательно найти тихое место для сенсорного отдыха — с минимальным уровнем любого шума (смотри выше);
- она часто стремится к нестандартному распорядку дня и спонтанным действиям, но при этом непредсказуемый распорядок дня очень утомляет ее. Необходим постоянный поиск баланса;
- у нее проблемы с планированием дел и расставлением приоритетов. Для нее все дела одинаково важны, и это ее путает. Нужно ненавязчиво помогать ей в планировании и расставлении приоритетов;
- различные способы коммуникации — не только устный, но письменный, жесты и прикосновения, рисунки, музыка, и т.д. Она не может все время использовать один и тот же вид коммуникации и через некоторое время может выпадать из него. Тогда для возобновления коммуникативного процесса необходим переход к другому виду коммуникации.

Это основные пункты, о которых я считаю важным тебе рассказать. Если у тебя возникнут какие-либо вопросы или просьбы, пожалуйста, обращайся.

С наилучшими пожеланиями,  
Андрей.

Р. S. Тебя интересовала личность охотника — это ее дядя из Польши, с которым связаны некоторые детские психологические травмы».

Я ничего не ответил. Прочитав сообщение Андрея, закрыл программу, потом выключил ноутбук. После этого мне долгое время не хотелось к нему подходить. Писал в тетради. Часто проверял телефон — к бесконечному навязчивому ожиданию смски или звонка от Аиды добавилось предчувствие, что должен позвонить Андрей. Время от времени я думал о том, что безумие заразно, и я приобрел от Аиды какую-нибудь параноидальную манию.

«Если хочешь спастись от этого мира — стань слабоумным...» — вспоминались слова Аиды.

Я выбрал обратное. Спасаясь от слабоумия, погрузился в мирские дела. Много работал — тем более, что конец ноября и декабрь выдались горячими на события. Начало противостояния на Украине из-за евроинтеграции и «евромайдан». Теракт в Волгограде. Активизация Сапиева с очередными порциями компромата на видных чиновников... И так далее, и так далее...

В декабре я неожиданно узнал, кто был тем финансовым «гарантом», который одалживал деньги или покрывал расходы нашего нового издания, когда ему не хватало средств крауд-финансирования. Им оказался сам Буров. Эта новость меня и удивила, и вызвала уважение к нему. Антон, в свою очередь, радовался моему профессионально-творческому подъему и работоспособности. Мы с ним заметно сблизились в то время.

Перед Новым годом я позвонил Лие. Поздравил с наступающим праздником, предложил как-нибудь встретиться, попить кофе. Она неожиданно легко согласилась. Новый год мы встретили вместе.

## 8

«Где ты?» — эсэмэска от Аиды в середине февраля.

«В том же самом городе. А ты?»

Через несколько секунд — звонок. В трубке — бодрый голос Аиды:

— Привет! Здорово, что ты в том же самом городе. Я тоже. Хотя я устала от него и от снега. Эта зима такая глухая... Ты не теряешь слух из-за этой глухости?

— Не замечал. Во всяком случае, тебя слышу хорошо.

— И я тебя слышу. Это радостно... Как ты?

— Я в порядке. Много работы. Мне это нравится. Как ты?

— Ответственно. Хожу на тренировки, актерские и танцевальные занятия.

И еще играю на колокольчиках. Купила восемь колокольчиков разного размера и дергаю их за языки. Они замечательно отзываются. Когда людей дергаешь за языки, они никогда не отзываются так музыкально и так весело.

— Кого из людей ты дергала за языки в последнее время?

— Я уже давно это не делаю. Пробовала раньше, но в большинстве случаев это приносило негативный опыт. А ты дергаешь людей за языки?

— Моя работа иногда только из этого и состоит...

— Тебе это нравится? Как отзываются люди?

— Нравится. Люди — разные, и отзываются по-разному. Много закрытых людей и много пустых людей. Еще есть просто тихие, которые предпочитают тишину.

— Я устала от тишины. Скоро уезжаю к морю. Там всегда шум волн. Может быть, там окончательно превращусь в рыбу и уплыву.

— К какому морю ты едешь?

— К Тирренскому. Еду в Италию с Тони, на следующей неделе.

— Кто такой Тони?

— Танцор и носонос.

— Кто?

— Тот, кто носит нос. У Тони потрясающий нос. Он большой, мясистый, все время двигается сам по себе и живет своей собственной жизнью, а Тони — только транспортное средство для него. Мне кажется, что к Тониной старости этот нос вырастет настолько, что отделится от Тони, поблагодарит за транспортные услуги и отправится путешествовать один.

— Ты уезжаешь в Италию насовсем?

— Не знаю, я ведь там не была. Вдруг там воздух еще плотнее, чем здесь... Или море слишком соленое... Или еще более удручающая пропорция живых и мертвых... Хотя у меня хорошие предчувствия.

— Тони говорит по-русски?

— Да, и иногда даже понимает. Он вел мастер-классы в хореографическом училище, где я фотографировала.

— Какая у него фамилия?

— Оттавиано.

Я взял ручку и записал.

— Я хотела бы увидеться с тобой до отъезда.

— Я не хочу встречаться с тобой сейчас. Извини.

- М-м... Тогда пока?  
— Пока, — я отключил телефон.

Следующим утром неожиданно рано проснулся — в полшестого. Встал с кровати и подошел к окну. Сыпал мелкий снег. Через него и через старое, чуть потекшее, стекло окна лился слабый размытый свет далеких фонарей. Темно-серый пейзаж с мягким освещением, скрадывавшим прямые линии и формы, дарил ощущение покоя. Я подумал о том, что в эту минуту и у Аиды, наверное, утренний сеанс созерцания — где-то, в какой-нибудь квартире, тоже стоит сейчас у окна в очках сантехника Гаврилова, слушает «четыре тридцать три» Кейджа и вглядывается расфокусированным взглядом в расплывчатый мир. В этом мире — единственном, который она соглашалась принять, — такими же расплывчатыми и отдаленными были и я, и Андрей, и Тони. Хотя... Я вдруг подумал, что в любых отношениях, когда по-настоящему глубоко погружаешься в другого человека, всегда однажды наступает момент, когда наталкиваешься на чуждое. И, натолкнувшись, еще болезненнее чувствуешь свое экзистенциальное одиночество. Но на той глубине, в которую проник, уже нет ни места, ни воздуха для маневра. Только на дно или экстренное всплытие.

Я простоял около окна минут пятнадцать. Потом прошел на кухню, выпил чашку чая. Включил ноутбук, открыл новостные сайты. «После кровопролитных беспорядков в Киеве начат разгон Майдана». «Осадное положение в Киеве. Десятки погибших и раненых». «Во Львове захвачены здания МВД, прокуратуры и областной администрации».

Я выключил компьютер. Прощел в комнату. Там, не включая свет, прислонился к книжной полке. Ни о чем не думая, ничего не чувствуя, стоял так некоторое время. Когда закрывал глаза, казалось, что голова наполняется густой серой жидкостью. Потом в серой жидкости стали появляться желтые и розовые пятна. Пузырились, меняли форму. То медленнее, то быстрее. Зазвучали обрывки бессмысленных фраз — то громче, то тише. Что-то двигалось вверх, что-то — вниз. Параллельные линии. Пересекающиеся линии. В тот момент я очень хорошо чувствовал свое физическое тело — замершее, спокойное, неподвижное — словно пластиковая кукла. В отличие от него разум и воображение бушевали — но уже отдельно от меня. Последней моей мыслью — вялой и как будто висевшей неподвижно в воздухе — было: «возможно сумасшествие начинается примерно так...». Осмысленная фраза вернула меня в реальность. Я открыл глаза, добрал до кровати, лег и очень медленно начал натягивать на себя одеяло. Тянул и тянул...

Проснувшись через полтора часа, я включил ноутбук и открыл интернет-браузер. Нашел в Фэйсбуке Тони Оттавиано, хореографа из Неаполя, и переслал ему сообщение Андрея об Аиде.

## 9

У Антона красивая невеста. Имя и фамилия тоже красивые — Мария Богушенко. Густые каштановые волосы, матовая бледность лица, большие зелено-карие глаза.

Мы сидим на берегу реки — Антон, Маша, Лия и я. Конец апреля, прекрасный теплый день. Яркое ласковое солнце, прозрачный воздух. Слева в

отдалении — лес, его от реки отделяет поле с еще невысокой травой насыщенного зеленого цвета.

Антон с Машей пригласили нас с Лией на рыбалку. Но клева почти нет — только мальки объедают наживки. Поплавок слегка уходит под воду, болтается на мелких волнах, дразнит. Из всех нас Антон — самый упорный рыбак. Опытный и деловитый. Нависает настороженно над тремя своими удочками, установленными на специальных треногах. А мы с девушками все время отвлекаемся. То собираем дрова для костра, то загораем, то неторопливо готовим обед.

Маша с Лией легко нашли общий язык. Щебечут мило тихими мелодичными голосами. На солнышке, под их неторопливые женские разговоры, меня клонит в сон.

- Я недавно научилась делать фондю. Оказывается, совсем несложно...
- Фондю? Обожаю. Во «Французской сырной дырке» его очень люблю.
- «Французская сырная дырка»?
- Да, на Гагаринском. Хороший ресторан и вполне недорогой. Советую.
- Такое название... И не скажешь, что название ресторана.
- Есть еще «Швейцарская сырная дырка». Но там хуже.
- Швейцарская еще ладно... А «Французская дырка»...
- Ну не «Французский поцелуй» же...
- Вот-вот... На что-то такое намекает...

Меня будит восторженный девичий визг. Я открываю глаза и вижу идущего к нам Антона, и в его руках — большую трепыхающуюся рыбу.

— Лещ... Большой... Первый раз мне такой здесь попадается, — радостно сообщает он.

— Ура! Значит, будет все-таки уха, а не только привезенная еда, — хлопает в ладоши Лия.

— Или запечь можно — прямо над костром на прутике, с солью, с перцем. С дымком получается — объедение! — вторит ей Маша.

После недолгого спора решают запечь.

Меня снова клонит в сон.

Наше издание находилось на грани закрытия. Крауд-финансирование почти перестало работать и приносить деньги. Антон бодрился, но я уже знал, что после мая он откажется от роли финансового «гаранта». Так что с июня мне нужно будет искать новую работу. Может, пойти в фотомодели? Недавно мой приятель-фотограф, работающий с различными глянцевыми журналами, сделал фотосессию Лии и меня. Получилось довольно удачно, и несколько фотографий даже будут размещены в журнале «Photo Now».

Вечереет. Запеченная рыба съедена. Мы сидим на небольшом пригорке. Буров травит анекдоты. Солнце садится над полем, между лесом и рекой. Я смотрю на траву, теряющую насыщенность своего цвета в угасающих лучах. Потом разглядываю свои новые белые кроссовки.

*Лариса Миллер*

## Гонимые слова

\* \* \*

Зачем-то мир на части света  
Разбит. О, странная планета!  
Зачем на части свет рубить?  
Его же надо весь любить,  
Весь белый свет, за то, что светит,  
И он взаимностью ответит.

\* \* \*

Земное население ранимо —  
Не хочет знать, что всё непоправимо,  
Безрадостно, бесцельно, безнадёжно.  
Давайте перестанем, если можно,  
Упомянуть всё это в нашей речи.  
Давайте будем говорить при встрече  
О чём-нибудь надёжном и весёлом,  
Чтобы не страшно было новосёлам  
На шарике земном располагаться.  
Они ещё успеют испугаться.

\* \* \*

А знаете, кто входит в двери без стука?  
Тоска неизбывная, горечь и мука.  
А знаете, кто осторожно стучит,  
Войти не решаясь, под дверью торчит,  
То чуть приближаясь, то робко маяча?  
Да, вы угадали: везенье, удача,  
Успех, что войти не решается в дом,  
Поскольку он сам себе верит с трудом.

\* \* \*

Да всем чего-то не хватает.  
То снег зачем-то быстро тает,  
То утро поздно настаёт,  
То тёплых дней недостаёт.  
Всегда чего-то недостаток.  
Но, проживая дней остаток,  
Вдруг вижу — недостатка нет  
Ни в чём. Лишь не хватает лет  
На то, чтоб перестать сердиться  
На жизнь и ею насладиться.

\* \* \*

Влюбиться и ходить за счастьем по пятам,  
В полёт ночей и дней без памяти влюбиться.  
Иного ничего от жизни не добиться.  
Всё остальное блажь — ищи хоть здесь, хоть там.  
Ты только для того сюда и занесён  
И втянут, чтоб ходить, как посуху, по водам.  
И если сей роман чреват плохим исходом,  
То даже и тогда, ты навсегда спасён.

\* \* \*

Дни и ночи мои — чёрно-белые ноты,  
Вы — тенёта мои, западня и тенёта.  
Я попалась в силки, но в силках я не бьюсь,  
Потому что порвать их безумно боюсь  
И услышать боюсь от расстроенных клавиш  
Чёрно-белых моих: мол, беды не поправишь.

\* \* \*

Наверное, я в списке белом  
У небожителей. Ведь в целом  
Я экземпляр-то неплохой,  
К чужим страданиям не глухой,  
И занята приличным делом:  
Я дни не просто так влачу,  
Я слово так и сяк верчу,  
Ища к нему подход, отмычку.  
Поставьте в белом списке птичку,  
Пометив, что я жить хочу,  
Покуда признают слова  
Мои особые права  
На их загадочную душу,  
Чей мир напрасно не нарушу.

\* \* \*

А я люблю гонимые слова,  
Немодные сегодня сентименты  
Про всякие счастливые моменты  
Той жизни, что банальна и нова,  
Из коей душу так спешат изъять,  
Как некогда изъяли букву ять.

\* \* \*

*Джону и Шиле*

Небо стоит того, чтобы снова проснуться,  
Утро стоит того, чтоб в него окунуться,  
Воздух стоит того, чтоб дышать глубоко.  
Вишня белая-белая, как молоко,  
И зарянка на ней меня ждут с нетерпением,  
Чтоб заняться со мной трепетаньем и пеньем.

\* \* \*

Вот ветер любит облако ваять,  
А я люблю под облаком стоять  
И в высь глядеть, задравши подбородок...  
Всё сочинил весёлый самородок,  
Который вряд ли отдавал отчет  
Себе и в том, куда всё потечет,  
И в том — зачем, какой во имя цели,  
И в том, как жить душе в болящем теле  
И как потом ей расставаться с ним,  
И чем ей жить — мечтами? Днём одним?

\* \* \*

А в России живя, мы загнуться рискуем,  
Вне пределов её по России тоскуем —  
По безумной, опасной, несчастной, родной,  
По России, что быть неспособна иной —  
Дружелюбной, весёлой, счастливой, терпимой,  
Жизнью нежно обласканной, с ней совместимой.

Инна Лиснянская

## Двухместная жизнь

Из дневников 2005—2008 гг.

Публикация, комментарии и подготовка текста Елены МАКАРОВОЙ

Мама, рожденная и выросшая в Баку, любила тепло. После смерти Липкина она продлевала «лето жизни» в Иерусалиме.

С мая по август 2005—2006 гг. она жила на даче в Переделкине, при ней находилась Марина Красина<sup>1</sup>, которая с 1999 года заботилась о двух безбытных поэтах. Но Марина работала в Доме Творчества, а мама и на время не желала оставаться одна. Ефим Бершин<sup>2</sup> согласился Марину подменять. «Фима приходит часов в семь, это хорошо. ... Марина на дежурстве, Фима на крылечке. ... Вчера Фима купил сладкие сухари, я налегла. Это неправильно. Буду неукоснительно следовать твоим советам. Марине надо готовить разное на двоих. Она этим раздражена. Так что не очень-то я могу диктовать. Фима хочет фрукты. Действительно, он дает тысячу рублей в неделю, а в доме — одна зимняя пицца. Я от его вклада в хозяйство отказывалась, но Фима настоял» (из маминых писем лета 2005 г.). В 2006-м я приезжала на полтора месяца, так и «перезимовали» два лета. В 2007—2008 гг. на даче поселилась Оля Клюкина. Она поняла простой и очень сложный характер мамы и нашла способ помогать ей, не мешая. При ней мама много писала.

Иерусалимские осени и зимы той поры тоже описаны в мамином дневнике. В 2005—2006 году мы жили на улице Метудела, напротив монастыря Креста. Весной мама любила сидеть на балконе в клубах нежно-фиолетовой персидской сирени и наблюдать за стремительным летом темно-синих птичек-колибри. В 2007-м мы сняли на соседней улице первый этаж двухэтажного дома, чтобы маме не нужно было подниматься по лестнице. Мама болела часто, бывала в больницах, к счастью, в Израиле дело ни разу не доходило до реанимации, как случилось в Москве. После Переделкина маму приходилось расхаживать. Это удавалось. Мы даже до Старого города несколько раз дошли пешком. Мама не переносила быт, но любила вещи. На базаре в Старом городе она торговалась за каждый шекель, как в Баку. За это ее уважали продавцы. В один из наших походов уже «знакомый продавец» напоил нас кофе и подарил ей бусы в придачу к уже купленным за бесценок. Мама много писала, у нас был рабочий дом, не праздный.

2000 страниц писем мамы ко мне — тоже своего рода дневник, но адресный. Этот мама определила как «Утраченные возможности», или «Письма самой себе».

«... Видимо, живое с мертвым так срослось, что ни света, ни тьмы, одни серые сумерки. Ты в них сидишь и пытаешься воспоминаниями перепахать и переполють все жизненное пространство». (28 августа 2006 г.)

Все же подлинными маминими пахарями были стихи, когда они исчезали, мама проваливалась в «никуда», где ей было неудобно, порой просто страшно, а главное, в эти моменты она была уверена, что стихи к ней больше не вернутся и жить не стоит. Но, видимо, незаписанные еще стихи (мама не писала, она записывала) знали время и адрес прибытия, и пока они набирали силу вдали от нее, мама заполняла паузы прозой.

Как персона дуальная, она верила и не верила в себя в той же степени. По долготе и отчаянию неверие часто брало верх. «Как жаль, что я абсолютно лишена иллюзий и самообмана. Нет и не может быть у меня шансов остаться в русской поэзии, как нет никаких шансов России стать подлинно демократическим государством». (8.2.2007)

Маму, как ребенка, нужно было хвалить, и хвалить искренне, это приближало прилет ее стихов-птиц. Например, получив восторженное письмо от такого почитателя, как Архиепископ Кентерберийский, который к тому же перевел несколько маминых стихотворений на английский, мама распустила крылья. Однако Архиепископ Кентерберийский не писал ей ежедневно.

Я искала для нее источники вдохновения в саду олив, в византийской мозаике, в армянском подворье. И случалось чудо — стихи слетались стаями, мама не успевала записывать, а порой, блаженно устав, даже отмахиваться от них. В стихах божественное жизненное пространство легко находило формулу, в воспоминаниях оно распадалось на фрагменты.

«Иерусалимские тетради» рождались в поездках на Кумраны, в Тимну и Галилею, в прогулках по Ботаническому саду и оливковой роще.

За завтраком мама рассказывала сны, длинные, яркие, она помнила все до мельчайших подробностей. Некоторые описаны в дневниках. Эти видения-кочевники с их невероятной цветностью и абсурдной событийностью разбивали шатры в ее стихах. «Разыгрался мой сон не на шутку, — / Я опять на земле не живу...» Опять! Это наречие неслучайно. Сон и явь тесно переплелись в ее жизни и литературе.

7 мая 2005

Сегодня довольно сумрачно. Но сквозь решетку окон уже видны распустившиеся листья. Зазеленела листовая часть природы. Я, как всегда, одна. Одна, не считая крайне редких телефонных звонков. Только что позвонила Ирина Ришина<sup>3</sup> из города, она ушла из музея Окуджавы и теперь не спешит в Переделкино. Видимо, ей больно находиться неподалеку от музея, которому отдавала все силы. Но, как она мне сказала по телефону, у нее хранится целый архив литературной газеты, где она вела литературный отдел. Архив, как расшифрованный, так и нерасшифрованный. [...] Есть и материалы вообще не напечатанные в Литературке, например, круглый стол, посвященный приезду Берберовой. В «круглом столе» участвовал и Сахаров. Я не могу забыть его голубых доверчивых глаз святого ребенка. Нас с ним познакомила Лидия Корнеевна на похоронах Кости Богатырёва<sup>4</sup>, которого убили в подъезде бутылкой. Сёма<sup>5</sup> мне говорил, что Богатырёв был крайне невосдержан. Даже встречаясь с Липкиным в булочной, уже сиделый Богатырёв на всю булочную хулил советскую власть. Войнович на похоронах бесстрашно сказал: «Богатырёва когда-то уже приговаривали к смерти, но отпустили, а сейчас свой приговор

привели в исполнение». Да, время круто изменилось. И теперь убивают, но не за то и не так. Редко смотрю телевизор. Население, измученное нынешней бедной и неопределенной жизнью, вновь мечтает о Сталине. Дети-то не помнят, но старики явно им преподносят искореженную память. Детство и юность почти всеми вспоминаются с ностальгическим умилением — это беда. Единственное, что может быть оправдано в народной памяти, — Отечественная война, и на ней играет правительство, ибо ничего позитивного не может противопоставить, кроме Победы, на алтарь которой пролито столько крови. Какое горе, если нация 60 лет может гордиться лишь пролитой кровью. Послезавтра — День Победы.

Вчера работник музея Чуковского Володя Спектор свез меня на могилу Сёмы. Спасибо Володе, он даже нарциссы купил на станции Переделкино. А я-то переживала — без цветочка поеду. Как всегда, перекрестилась, поцеловала трижды холодный гранит, посидела на лавочке и покурила. Когда я бываю возле его памятника, где за немалые деньги приготовила место для себя, ни о чем не скорблю, будто мы уже рядом. Скорблю дома. Трудно мне без Сёмы, а Леночка далеко. Но звонит. Сейчас она в Терезине, где послезавтра откроет выставку художника Беди Майера. Мне бы, если по-хорошему подумать, надо бы продать квартиру и навсегда уехать к Лене в Иерусалим. Но как оставить могилу? И как оставить землю, которую люблю? Как бросить все дела, связанные с выходами моей и Сёминой книги? Может быть, Липкин еще нужен совсем уж сморщенному кругу читателей. Я-то уж и при жизни явно никому не нужна, все меня уже при моей стариковской жизни забыли. Никто не приходит и не приезжает. И почему Шопенгауэр так настойчиво говорил и доказывал, что творящему необходимо одиночество? Наверное, только Богу оно попервости было необходимо, а потом и Сын понадобился, чтоб пострадать за человечество. А может быть, абсолютно самодостаточному интеллектуальному человеку тоже нужно одиночество? Но ведь не такому неподвижному существу, как я. А может быть, декларируя одиночество, Шопенгауэр таким образом себя утешал, ведь дела у него пошли хорошо только после смерти. В русской литературе, да и в философии, по-моему, не бывало таких, лишь посмертно признанных.

Вчера на ночь начала читать «Новый мир» № 4. Начала с критики — с обзоров и «книжных полок». В статье Ермолина о Сапгире<sup>6</sup> меня удивила сноска, где автор статьи как бы сокрушается, что в основном русские поэты — евреи, и куда, мол, подевался почвенный источник? Но ведь есть — Чухонцев<sup>7</sup>. Он не из плеяды «деревенщиков», коих ностальгически поминает в своей сноске Ермолин. В нынешней жизни деревенщики перевелись, ибо сама деревня как бы перевелась. Советская власть не боялась деревенщиков, они писали о том, чего уже не было, в сущности, и значит — не опасны, некому восставать! Мотивы о еврействе то тут, то там появляются и в цитатах «книжной полки», типа: Пушкин, Достоевский и Чехов не любили евреев. Уж за Пушкиным этого я не замечала. Кренится «Новый мир» вместе с общим креном партии «Родина». Да и не думаю, что, если бы после немецкого нацизма жили Достоевский и Чехов, они не изменили бы своего отношения к евреям. Конечно, то, какое участие принимали евреи в революции, забыть и простить трудно. Но нацболам, желающим большевистской диктатуры, казалось бы, большевики-евреи, которых я ненавижу всей повинной совестью, на руку. Но — нет! И вообще сейчас

смешно ставить на антисемитизм, ибо евреев почти не осталось в России, даже Путин это понимает. А вот лица кавказской национальности...

В «книжной полке» Паша Крючков<sup>8</sup> хорошо отозвался о моей воспоминательной повести «Отдельный»<sup>9</sup>, приятно, конечно, но было бы приятней, если бы писал не друг. А Паша — друг, хоть крайне редко навещает, у него работ и забот — прорва. И я это хорошо понимаю. Только что позвонил Немзер<sup>10</sup>, поздравлял с прошедшей Пасхой, вовремя поздравить не мог, так как телефон у меня не работал три недели. Немзер очень сердечно ко мне относится. И вообще два звонка за половину предпраздничного дня — рекорд. Ну что ж, пойду обедать. Хорошо, что есть чем.

8 мая 2005

[...] Только что пришла после дежурства Марина, я ей посоветовала поспать. Она спит, а мне уже от того, что за стеной дыхание, — легче.

Спала очень тревожно. [...] Под утро приснились мама и Сёма. Мама купила какое-то вкусное и дорогое красное вино и угощала меня им. А еще она написала стихотворение, где свеча горит над столом. А рядом картинка — две свечки. Я предложила исправить в стихотворении на две. Понадобились очки. Попросила Сёму найти мне их. Он очень услужливо поднял с пола очки. Оказалось, что стекло одно разбито, я вынула осколки и подумала, как хорошо, что пустая оправа от правого глаза, который у меня не видит. Обойдусь и одним стеклышком. Кроме того мне длинно и муторно снился монитор с какими-то поправками, которые я должна внести в свою «Хвастунью».

Я опрометчиво дала свой так называемый монороман читать Наталье Ивановой<sup>11</sup> и через нее — другим знаменцам. Это глупость, вещь плохая — то сумбурная, то вяло-повествовательная. Наталье она показалась неплохой, но неплохо — еще далеко не хорошо. [...] Над «Хвастуньей», которую я писала в конце 1999 и в начале 2000-го, я просидела почти два месяца, столько же, сколько писала. Что-то сокращала, что-то дополняла, но в рамках времени написания. И пока переиначивала, всем разболтала, что делаю. На болтливость меня подвигло и то обстоятельство, что месяц назад впервые выехала в город, сначала в Солженицынский центр, где Золотусский<sup>12</sup> получал премию, а потом на вручение премии Белкина — в Овальный зал Библиотеки иностранной литературы. После официальной части, из которой мне запомнилась остроумная, к тому же умная, речь прозаика-лауреата Отрошенко<sup>13</sup>, был небольшой банкет. Я, конечно, сразу же помчалась на лестничную площадку курить. Пришел покурить и Чупринин<sup>14</sup>, спросил, чем занимаюсь, я и пошла молоть, дескать, дописываю вещь типа потока сознания, мозаичную, где — и соседи, и писатели и т.п. Эту мою природную болтливость так раскрутило то, что на людях я бываю не чаще раза или два в год, что я и издателю «Времени» рассказывала, где уже больше года лежат подготовленные к печати Семина полная книга стихов и моя — почти полное избранное именно в этом издательстве. [...] Я не могу и не хочу просить никого, и Сёма, будь жив, не стал бы.

[...] Получается, что я кругом и на всех обижена. Вместо того чтобы на себя обижаться. Пора найти точку для жизни или поставить точку на ней. Страшусь самовольно распорядиться тем, что в ведении Господа. Из сегодняшнего ада попасть в загробный. [...] В окне предгрозового мрак. Завтра, в День Победы, обещают над Москвой разогнать тучи. Какие невероятные средства всаживает

правительство в помпезное торжество вместо того, чтобы помочь старикам. А кто же выиграл в этой войне? Фактически — мы, практически — Запад, в том числе и побежденная Германия. Жалко русский народ, он, как и я, ничего не может выпросить у министерств. Ропшет. Как бы ропот не вырос в бунт. Бунта не хочется — станет еще хуже. Попытимся в сталинщину.

9 мая 2005

Пишу вечером. Днем ко мне приходила Ольга Постникова<sup>15</sup>, я ей читала стихи — еще неопубликованное продолжение «Иерусалимской тетради», стихи понравились. [...] Я приглашала ее приехать ко мне с ночевкой — места много на даче, а я — одна. Заметила, что, когда кто-нибудь своим приездом или приходом разбивает круглосуточность моего одиночества, — мне легче, и я не ищу крюка и петли. Зашла еще и Ирина Ришина, передала мне книгу воспоминаний Рассадина<sup>16</sup>, где есть глава и о Липкине. Весь день читала. О Сёме он написал, используя его же устные и письменные рассказы. Об Окуджаве — какая-то странность — пишет, что в 58-м у Булата были только две песни. Неужели у меня с памятью неладно? Я ведь хорошо помню — песен было гораздо больше. Вообще такое впечатление, что он, Рассадин, — главный человек в литературе, главный шестидесятник и патриот. [...] Сегодня обещался приехать Коля Поболь<sup>17</sup>. Буду читать и ждать его. Звонила Леночка незадолго до открытия выставки<sup>18</sup>, буду ждать ее звонка, надеюсь, все у нее прошло замечательно, — ведь она с такой любовью и тщанием готовила эту подвижническую акцию!

10 мая 2005

Леночка вчера поздно вечером позвонила — выставка началась очень удачно, красиво и многолюдно. А за часа два до ее звонка зашла Наталья Иванова. Она высказала общее мнение редакции — я из «Хвастуны» должна сделать журнальный вариант [...] сократить треть текста. В основном оставить все, что так или иначе касается писательской жизни, как моей, так и моих героев. Боюсь, что это невозможно, так как тон всей вещи гротескно-иронично-юмористический, и если я уберу смешное о соседях, о Галине и т.п., то писатели, в том числе и Сёма, вне иронического фрагментарно-мозаичного стиля будут выглядеть карикатурно. Огорчилась я не очень. Пожалуй, вообще «Хвастуны» должна увидеть свет тогда, когда меня не будет на свете. Все же я для собственного интереса попробую убрать из текста все, что возможно убрать, и погляжу. Времени в избытке — стихи не пишутся, почему бы не покрутить вещь?

16 мая 2005

За эти несколько дней, что я пропустила в дневнике, произошло несколько крупных событий. Из крупных — мятеж в Узбекистане, более полтысячи убитых, несколько тысяч раненых. В основном — мирное население. Выступление главы ФСБ Патрушева, уже ищут внутренних врагов, запахло шпиономанией.

Из мелких, касающихся меня: разговаривала со мной Наталья Иванова — знаменцы решили печатать «Хвастуны» в двух номерах и, значит, сокращение в 15 стр. достаточно. Что же получается? А получается, что вещь в целом слабая, если можно сокращать или не сокращать. Это что: на безрыбье и жопа соловей?

Мне же сдается, что «Хвастунья» слишком хвастлива, и высмеять именно себя мне не удалось, и вообще проза, разностильная к тому же. А «Знамя» хочет печатать в первых двух номерах 2006-го. Хочет уже объявить. Я высказала свое плохое мнение о «Хвастунье». Решили с Ивановой — пусть оценит мой монороман сторонний глаз. Этим глазом я попросила быть Иру Поволоцкую<sup>19</sup>, хоть мы и близкие люди, все же надеюсь, она скажет правду. Вкус у нее острый. [...]

Леночка уже вернулась в Иерусалим. С 12-го мая звонила каждый день. Меня это поддерживает в моем одиночестве, к которому потихоньку привыкаю. Хотя мне одной тоскливо, но если меня вдруг навещают малоинтересные гости, не дожусь их ухода. В общем, на меня не угодишь. Старость, характер испортился. [...] Одна нудьга во мне укоренилась. А тут еще всякие бытовые заботы, в коих не смыслу. Например, обвалилась выгребная яма. Пришлют рабочих, надо проследить, а что прослеживать, если не смыслу. Решила все пустить на самотек, в том числе и выгребную яму.

19 мая 2005

Телефон поработал неделю после трехнедельного молчания и вот уже три дня снова молчит. Меняют кабель. Я — в отключке от всего мира. Правда, есть мобильник, но по нему не поговоришь — дорого. Да и мало кто знает номер моего мобильника. Звонил Кублановский<sup>20</sup>, он 17-го выступал по радио «Культура» в прямом эфире. Он мне сказал, что меня будут давать не в прямой эфир, а в записи. Смешно, наверное, решили, что я настолько стара, что прямой эфир могу подвести. А зачем мне вообще радио? Вспомнила, почему согласилась — платят 150 баксов. Это столько, сколько мне платят в журнале за 15—20 стихотворений. [...]

Погода установилась летняя. Вся листва еще по-летнему не потемнела и пока сохраняет молочно-зеленый цвет. Одиноко. Иногда сижу в кресле Сёмы на крылечке, читаю. [...]

Вчера на минутку позвонила Леночка, она уже взяла билет на 12 июня. Максимум, что мне надо в жизни, — знать, что Лена за стенкой или через стенку. Но я должна себя внутренне подготовить к тому, что здесь она будет, в основном, занята отцом<sup>21</sup>. Это и понятно, он ее год не видел, а я вернулась от нее 8-го марта. А кажется — век назад.

[...] Если бы у меня был интернет, я бы вместо дневника Лене писала. Соседка сказала, что скоро наш тупик присоединят к интернету. Хорошо бы! Не знаю, смогу ли я освоить эту мировую паутину, но почту — освою. На крыльцо пока выйти не могу — поставила мобильник на зарядку, отойти от него не могу, зазвонит — не услышу. Слышу я все хуже. Уже не слышна кукушка, да и соловьи слышны как бы издалека и отрывочно. [...] Стихов более трех месяцев не пишу. Видимо, так оно и будет до самой смерти. Звонит каждый день Дима Полищук<sup>22</sup>, он пишет несколько небольших рецензий для новомирской книжной полки, пишется ему трудно и медленно. Занят он и на работе. Приезжать ко мне при такой занятости не может. Кое-что, пока работал телефон, прочел мне. Хотел прочесть рецензию и на мою «Иерусалимскую тетрадь»<sup>23</sup>, но я дважды уклонялась. Как-то неловко слышать критику на себя, пусть и хорошую, по телефону. Прочту в журнале. Беспокоюсь о трехмесячном сыне Пашки Крючкова. [...] У меня умер семидневный мальчик, до сих пор эта потеря во мне болит. Каждое

третье сентября вспоминаю и считаю, сколько ему сейчас было бы. В следующем сентябре — было бы 50 лет. [...]

20 мая 2005

Вчера, в неожиданно жаркий день, ездила в «Знамя» поздравлять Наташу Иванову с днем ангела, как она мне сказала, а на самом деле с юбилеем, как она же проговорилась на обратном пути. Мы уезжали в машине, полной цветов, — в корзинках, в букетах, в целлофановых длинных кулках. Она мне подарила возле моей калитки пять роз и семь гвоздик. [...] В окне все потемнело, вот-вот разразится гроза. Так что выключаю компьютер, а то еще он выйдет из строя.

27 июля 2005

Вчера улетела Леночка, очень грустно. Почти два месяца ничего не записывала в дневник. 23-го мая почечная колика меня загнала в больницу, сначала в шестисоткочную, в отделение гастро, к профессору Махову. Совершенно замечательный врач и человек. Но чем он мне мог помочь, когда оказалось, что идет камень и его надо дробить? Через неделю меня перевели, предварительно проконсультировав, в урологическую клинику там же, на Большой Пироговке. Смотрел зав. отделением, а я его приняла за врача УЗИ и отблагодарила тысячей, маху дала и поплатилась. Меня заложили в единственную шестиместную палату отделения, остальные — четырех- и двухкочные. А тут и лето разыгралось, и дышать в палате было почти невозможно. Я задыхалась, но три дня на меня никто внимания не обращал — лежит старуха, и пусть лежит. Леночка дважды в день звонила мне по мобильнику, дескать, спустись к профессору Р., поговори. Звонила и Недоступу<sup>24</sup>, мол, мать задыхается, а он ей: ничего, пусть камень раздробят, а там мы сердце подлатаем. По настоянию Леночки я все же спустилась с тремястами долларов, взял, сказал спасибо, и тут только и обратили на меня внимание. Раздробили камень. Заплатила за дробление 13 тысяч рублей. А когда выписывалась, заплатила и зав. отделения. Это уже после приезда Лены, заставшей меня дома в плачевном состоянии. Лена меня свозила и в отделение Недоступа, где у меня нашли бронхиальную пневмонию. С тех пор дышу с помощью машины ингаляторами. Лена уехала, теперь это искусственное вдыхание брошу. Лечиться противно. А деньгам в больнице я уделила внимание, ибо была потрясена цинизмом, как и Лена. Зав. отделением при мне ей сказал: «Задарма мы никого не кладем и не лечим. Все так живут. И судить некого. В любого больного ткни — вор, а мы, врачи, берем и брать будем. Иначе не проживешь». Лишь из-за этой его фразы я и написала, что болела. А так бы и не вспомнила.

У меня такое чувство, что я прозевала апокалипсис, а он случился, но не во времени и пространстве, а в наших душах, возможно — в мировой душе. Деньги, которых у одних в переизбытке, а у других — вовсе нет и на лекарства, вытеснили все. Даже глобальное потепление — еще не конец света, конец света произошел во всемирном сознании, в мировой душе. Отсюда полное безумье: террор, воздушные и наземные катастрофы, заказные убийства и убийства собственных детей. Страшно врубать телевизор. Неужели от нас, полоненных желтым дьяволом, отступился Господь? Похоже на то. И об этом я бы сейчас не думала, проводя месяц рядом с моей бескорыстной доверчиво-самоотверженной дочерью. [...]

К Лене приезжало много разных людей, еще не тронутых концом света. Вот о них и надо было бы мне рассказывать дневнику, но не могу — так потрясена апокалипсисом или мыслями о нем. [...]

«Смех на руинах» — так назвала в свое время Лена свой роман. 25-го, то есть позавчера, в музее Цветаевой происходила презентация книги «Я блуждающий ребенок». Зал был полон. Лена замечательно рассказывала о жизни еврейских детей, обреченных на газовые печи. Я читала переведенные мной еще в 2004 году стихи погибших детей<sup>25</sup>. Последнее стихотворение «Жизнь и смерть» четырнадцатилетнего поэта Гануша, мудрого, как старец и провидец, сожженного в Освенциме, предрекало конец света. А быть может, он тогда и начался, ибо уничтожался Богоизбранный народ? Все может быть, если раздумаешься.

Но зачем мне размышлять об апокалипсисе, если рядом с компьютером — огромный букет роз с вечера Лены, в окне дождь, позднейюльский дождь вперемешку с солнцем, на кухне красавица Марина. [...] И вовсе не мир, а я, видимо, нахожусь по ту сторону света. Легче так думать о себе, чем о мировой душе. Я — дурной человек. Потому и мысли дурные. Больше я к ним не возвращусь, разве что в стихах, которые обо мне позабыли. Солнце!

2 августа 2005

Позавчера Соломоновы<sup>26</sup> взяли меня на кладбище. За месяц могила Сёмы, памятник и плиты густо покрылись не только листвой, сторевшей от солнца, но и шелухой березовых семян, которая, смешавшись с недавними дождями, засохла. Соломонов отскребал доской, а Фима Бершин выметал. Пололи и подстригали травку. Оказывается, я уже и в подметальщицы не гожусь, все трудно. Пока сидишь на месте, возраст вроде бы и не чувствуешь, а как выйдешь или примешься за малое физическое действие, начинаешь понимать, как стара. Однако в последнее время я и не сходя с места много думаю о смерти. Наверное, поэтому меня и стихи покинули. Но я ведь с молодых ногтей о смерти писала, казалось бы, — и карты в руки. Нет. Я писала, но не то чтобы не всерьез, а видимо, на уровне метафизического подсознания. А теперь смерть принимает такие реальные черты и сроки, что жизнь оттесняется. А такая жизнь не детородна, не словородна.

Август начался. В это лето он душный, толстолиственный от июльской сырости и толстооблачный. Дом стоит в самом низком месте Мичуринца. На высоко расположенном Переделкинском кладбище кое-какая листва сжигалась солнцем, а здесь она защищена сыростью. Читаю «Континент», его мне принесли на днях, впрочем, уже прочла. В обзоре прозы в толстых журналах за первое полугодие критик Евгений Ермолин упоминает и о моей работе: «В "Знамени" № 1 печатается *воспоминательная повесть* Инны Лиснянской "Отдельный", посвященная поэту Арсению Тарковскому. Память у Лиснянской подробная, тщательная, что позволяет очень конкретно воссоздать в слове личность. Тарковский в этих мемуарах — вечный ребенок. Недостатки, продолжающие достоинства, и — наоборот. Одного не хватает этой прозе Лиснянской — остроты, конфликтного контрапункта. И это при том, что у двух друзей-поэтов случались и споры, и ссоры. Но к завтраку все размолвки рассасывались бесследно». Я переписала, не поленилась. [...]

Больше всего меня беспокоит отсутствие контрапункта. Если его здесь нет, как же быть с «Хвастуньей»? Там уж вовсе нет никакого контрапункта. [...] Мне

недостает воли и окончательной ясности мысли, чтобы забрать вещь, — пусть уж после смерти опозорюсь. Стыдно перед работниками «Знамени», они тратили время на прочтение, решали и т.п., и вдруг — заберу. Надо сказать, что стыд часто обезволивает человека, может, не всякого, но такого, как я, уж точно. [...]

29 мая 2006

Без трех месяцев год не притрагивалась к дневнику. Сначала потому, что кое-какие стихи писались. Но вскоре, тут же после сдачи в редакцию «Хвастуны», я загребела в родную больницу 1-го меда. Довалилась до реанимации. Прилетела Лена, ускорила мое выздоровление и получение визы в Израиль, т.е. двойное гражданство, чтобы была страховка и я могла бы лечиться. Вылетела я 13 декабря в сопровождении Машки, которая в Израиле за неделю умудрилась почти везде побывать и многое увидеть. Меня же сразу уложили в больницу делать «центур», а по-нашему от паха до сердца проходить по сосуду, проверять, не забился ли. Короче, в медицину я не врубаюсь. Рассказываю об этой процедуре из-за смешного. [...] Ко мне бесполезно обращался на иврите медбрат, а потом спросил по-английски, люблю ли я классик мюзик. — Ес, ес, — закивала я. И он поставил диск с классической, чтобы мне было веселей ожидать хирурга. Кстати, встречаемый музыкой хирург пришел быстро. Но только он начал входить инструментом в вену, как заиграл похоронный марш Шопена. Я стала смеяться, а хирург в полном недоумении добираться до моего сердца. Ни ему, ни медбрату не было понятно, отчего мне смешно. Они и понятия не имели, что этот марш похоронный. Евреи с оркестром не хоронят. [...]

С середины декабря по 7-е мая я жила у Лены и Серёжи<sup>27</sup>. Дневник забросила. Ибо у них есть интернет, и я всюю строчила письма. Да и стихи. Их много, но все они какие-то размышлительные, почти без красок, которые у меня были в предыдущие две зимы. Я очень недовольна, и это еще слабо сказано. Зато письма писала красочные. Мир, на редкость красочный, попадал почему-то в письма, а не в стихи.

Почти каждый день, пусть часок, я с Леной гуляла. Особенно мне нравилось выходить на приуличную аллею, которая витками спускалась в сад при монастыре. Монастырь и асфальтированные, в основном, тропы меж роз, мимоз, камней различных форм, напоминающих то людей, то зверей, то предметы в виде чаш, покрытых прозеленью, какую можно увидеть на меди. Меж камнями — алые цикламены, бледные анемоны и фиалки. Но всю эту красоту я описывала в письмах первые полтора месяца, пока совершенно не приходило стихотворное вдохновение. А когда оно пришло, краски, как выяснилось, все ушли в письма. Чаще всего я писала Диме Полищуку, который вместе с Нерлером и Поболем составляет книгу, посвященную Сёме<sup>28</sup>. Для этой книги я написала небольшое воспоминание. Много читала, прочла книг тридцать серьезных и книг восемь развлекательных. У меня была небольшая комната с компьютером и широкой тахтой, да еще встроенный шкаф, где теснилось белье, и впритык друг к другу по несколько на каждой вешалке — Леночкины и мои одежды. Хорошо, что я ношу всегда одно и то же. А то закопалась бы в тряпках. Из комнаты стеклянная дверь на почти всегда открытый балкон, а там дивные зеленые деревья, есть даже турецкая сирень из моего бакинского детства, и много разноречивых птиц. В Иерусалиме я не только целыми днями писала и

читала, но и кухарничала, варила супы и борщи, делала плов и тушила овощи. Мне было приятно хоть чем-нибудь быть полезной. [...]

Лена моя трудилась с 10 утра до четырех ночи. Я за нее очень тревожусь — все-таки она хрупкая, непомерно много вкалывает, хоть и с удовольствием почти всегда. В эту зиму она писала книгу об искусстве в Терезине. Уже почти перед нашим отъездом в Москву вышла ее и Сережина книга о лекциях в Терезине. Работа колоссальная по обилию материалов — биографии людей, попавших в транзитный лагерь Терезин, их деятельность до гетто и в нем. Было две презентации, одна в Иерусалиме, другая в музее Цветаевой в Москве. [...] Это был единственный ее счастливый день за двухнедельное пребывание в Москве. Остальные дни были крайне нервозны из-за отца. [...] А если вернуться к моему пребыванию в Иерусалиме, то нельзя не сказать, что я все же тосковала по дому, скорее, по русской речи и немногочисленным друзьям.

Вернулась и на днях попала в круговорот премиальных событий. Так 24 мая вручалась престижная и очень денежная премия (50 тысяч баксов) Олеся Николаевой<sup>29</sup>. [...] Празднество состоялось в новом театральном помещении на Страстном бульваре и удалось на славу. Присутствовали все писательские, издательские и другие сливки. Играл чудесный джаз до официальной части и после, и в промежутках между выступлениями. Вел вечер член жюри Чупринин. Помпезность всего вечера подтверждалась невероятно массивными креслами на сцене. С первой высокопарной речью вышел на трибуну Кушнер<sup>30</sup>. Потом сказал несколько слов Дмитрий Бак<sup>31</sup>. И вдруг объявили Андрея Вознесенского. Боже мой, какое несчастье! Андрюшу вывела Зоя Богуславская<sup>32</sup>, еле-еле, разбитый параличом, сидя в кресле, он неслышным шепотом что-то проговорил с полминуты. Эти полминуты были похожи на жалостливую минуту молчания огромного зала. У меня просто сердце зашло, после, на фуршете, я подошла к Вознесенскому, приволоченному кем-то большим, он с помощью этого большого как-то держался у стола, я пожала его парализованную руку, расцеловала его и отошла, так как почувствовала, что начинаю плакать. [...]

В заключение Олеся читала наизусть написанную ею речь со свойственным ей душевным и ритмическим подъемом. Вслед за этим прочла три стихотворения, первое — чудесное, а два просто хорошие. На этом подъеме церемония завершилась. Дальше был фуршет. Кажется, вкусный. Но мне принес Чухонцев, как и себе, два пирожка. То его дергали, то меня. Мне было приятно, что я получаю хорошие и даже восторженные отзывы на «Хвастунью», она уже несколько дней как поступила в продажу в большие магазины. И было неприятно, когда главный редактор «Времени», где вышло в конце 2005 года мое полное избранное «Эхо», сказала, что мое «Эхо» не имеет горячего отклика, т.е. идет продажа книги медленно.

[...] Завтра, если успею с утра, напишу о Пушкинской премии Кублановскому. Могу не успеть, так как завтра должна поехать на обед, где соберутся выдвиженцы и выдвиженцы на «Большую премию». Я с «Хвастуньей» попала в выдвиженцы, но в итоге буду задвиженцем. [...] За последние шесть лет я, возможно, раз шесть-восемь, не больше, побывала на лит-тусовках. А на конец мая выпало аж три выезда и один приход на территорию музея Окуджавы. Это было вчера.

Приехал выступать Вася Аксенов<sup>33</sup>, я его за последние двадцать лет видела всего два раза. А я к нему очень сердечно отношусь. Сидеть под тентом,

прижавшись к тоненькой, но терпеливой Олесе, было пронизывающе холодно. Мы с ней обе одеты были легко, не по погоде. Было холодно, всюю лил дождь. Вася с присущим ему юмором говорил о многом, отвечал как на умные, так и на глупые вопросы. По просьбе Олеси прочел стихотворение «Тезей» из романа «Москва Ква-Ква». Стихотворение неплохое, как теперь модно, со многими античными героями, проецируемыми на текущее время. А вот три страницы прозы мне показались очень плохими. Но не верится, что Аксенов умеет так плохо писать. Так что на днях возьмусь за его ква-ква и буду рада, если те три страницы — случайно плохи. Народу было много, особенно, если учесть грозовые ливни. Сейчас немного отдохну, вымою голову и шею к завтрашней поездке, а часам к шести вечера жду Чухонцева на борщ. Есть еще вареники и отличная вареная колбаса. Я очень люблю кормить Чухонцева. [...]

30 мая 2006

Вчера вечером пришли Олег с Ирой, и мы вместе славно поужинали. Разговор завелся о стихотворных размерах. Это не случайно. Я в «Хвастунье» сделала позорную ошибку, неправильно процитировала строку Тютчева «День пережит, и слава Богу», а я переиначила ее в четырехстопный хорей, вернее, всю жизнь так и думала «День прошел и слава богу». Об этой непростительной ошибке мне на адрес «Знамени» пришло письмо от женщины-филолога, мол, как это я, сделавшая ритмическое открытие в «Шкатулке с тройным дном», могла так перепутать стихотворные размеры. Об этом позоре я и рассказала моим друзьям. Конечно, они меня как-то утешили, но ясно было, что не согласиться со мной не могут, — ошибка для стихотворца ужасная. Дальше разговор пошел о сегодняшнем обеде по поводу премии «Большая книга». Я сказала, что там такие официальные люди, что мне ничего не то что светить, но и поискрить не может. Ира подтвердила, что эта премия идет от министерства по печати. Я же сослалась на то, что читала нечто подобное в третьем номере «Знамени». Тут же я вспомнила, что этот номер открывается тремя стихотвореньями Чухонцева. То есть я помнила, но говорить не хотела, чтобы не обижать. Но тут я сказала, потому что между друзьями не должна стоять неправда или замалчивание ее. Мне мало понравилось второе стихотворение, составленное из палиндромов. Конечно, все очень искусно построено, а все же я это воспринимаю как игру таланта. Если сравнивать это стихотворение со стихами других авторов, то оно замечательное, но я его сравниваю с самим Чухонцевым, т.е. с лучшими его стихами. Это я и сказала. Но чтобы смягчить сказанное, добавила насчет лучшего: «Под тутовым деревом в горном саду» написано амфибрахийем. Почему-то лучшие стихи у самых чудных поэтов написаны именно этим эпическим размером с некоторым разнообразием построения строф. Так у Пастернака — «Рождественская звезда», у Ахматовой — стихи о жене Лота, у Бродского — «Сретенье», у Липкина — «Имена», у Чухонцева — «Под тутовым деревом в горном саду...» Все же Чухонцеву не давали покоя его палиндромы, он говорил, что хочет сократить стихотворение это почти вдвое, попросил меня, чтобы на этот предмет еще раз прочла. [...] А мне не давала покоя моя ошибка, и я разговор вновь вернула к Тютчеву. Вспомнили, что Пушкин его таланта не заметил, хотя напечатал в своем «Современнике» большой корпус его стихов. Отметил же Пушкин только двух поэтов, кажется, такими словами: первые два безусловно талантливы. Опять неточно, но, кажется, этими двумя были Шевырев и Раич.

А третий-то был гениальный Тютчев. Сошлись на том, что Пушкин его не понял. Но почему? Чухонцев удивлялся тому, что поля в книге Баратынского Пушкин исписывал своими соображениями, а тут... Я предположила, что в Тютчеве уже было начало символизма, дескать, как мог Пушкин принять такое «Тени сизые сместились», мол, какие тени и от чего? Определенности Пушкина это было непонятно и поэтому чуждо. Да и мог ли принять Пушкин такое, чтоб соединить «Самоубийство и любовь»? И я начала вспоминать строфу, первую строчку не вспомнила, но что-то: «Но кто в порыве... Когда кипит и стынет кровь, не ведал ваших искушений, Самоубийство и любовь». Ира и Олег смотрели на меня странно. Они не могли у Тютчева вспомнить этой строфы. Я бросилась к книжному шкафу, но была перестановка книг, и я не нашла Тютчева. Неужели это строки кого-то другого? Что же такое со мной делается? Вскоре, когда Чухонцевы пошли на свою дачу, я перезвонила Олегу и попросила проверить. То ли он поленился, то ли я действительно все на свете перепутала. Сейчас надо одеваться и ехать на обед «Большой книги». Но лучше бы остаться я отыскать Тютчева, у меня на этой нервной почве сейчас медвежья болезнь. Как вообще ехать в таком состоянии? Туда меня везет Наташа Иванова на редакционной машине. [...] По дороге спрошу Иванову, м.б., она помнит строфу Тютчева, а может не его? Если так, то, значит, я впала в старческий маразм. [...]

31 мая 2006

Вчера состоялся обед «Большой книги». Большие бизнесмены сняли огромный зал в ГУМе, где когда-то была демонстрация мод, а сейчас, кажется, демонстрация спортивного инвентаря и спорттоваров. Одной стороной зал выходит на ту часть Кремля, где трудится во имя нашего блага сам Путин. Бизнесмены настолько круты, что для «Большой книги» им очистили зал, установили его просторными круглыми столами, столов, наверное, дюжина. До начала обеда все толклись в фойе с бокалами шампанского, красного вина или со стаканами соков. Первым, кого я увидела, был Вася Аксенов. Мы разговорились, он спрашивал, что делает моя Лена и так же ли она красива. Я рассказала коротко о ее миссии и что она красива, т.е. сама миссия и Лена. Пока мы разговаривали, нас без конца снимали телекамеры и фотоаппараты. Конечно, не меня, меня никто и в лицо не знает, я ведь случайно за короткий период была на третьей тусовке. Снимали Аксенова и подошедшего к нам прозаика Королева, который выразил восхищение моим творчеством, а в особенности моей шляпкой, дескать, такие были в моде во времена его прабабушки, но я сказала, что купила ее в этом году в Иерусалиме.

[...] Ничуть не огорчилась, что моя «Хвастунья» не попала в четырнадцатименный список. Но Вася просто-таки в лице изменился, видимо, был уверен, что выйдет в финалисты, поскольку на него все время наставляли камеры. [...]

В финалисты вышел и Коржавин, он, думаю, получит третью премию, так как из мемуаристов выбран он один. Его двухтомник воспоминаний я прочла еще в Иерусалиме [...]. Поразило не излишне подробное топтание прозы, поразило несоответствие мыслей и стиля. Мысли как бы антисоветские, а стиль письма — совершенно советский с православными вкраплениями. Так, говоря о подлецах или о следователях, автор почти всегда говорит или «я ему — не судья, Бог судья», или «не хочу в него бросить камень», или «я его не сужу, пусть земля ему будет пухом!» Ну что ж, милость к падшим надо и призывать и проявлять,

но ведь не таким лобовым, ханжеским образом. [...] Что же мне было там приятного? А то, что до обеда ко мне подходили многие и хвалили, кто стихи, кто прозу. Ради этого стоит иногда выходить на люди. Ведь обо мне не пишут и мне не звонят. Вернулась я вместе с Машей<sup>34</sup> на такси. Позвала на борщ, вареники и овощи Чухонцевых. Мы очень хорошо поговорили за ужином. Слава Богу, строфа оказалась Тютчева. Олег проверил еще вчера, позвонил мне на мобильник, но я спала и не слышала звонка. Вчера он по третьему разу читал мою «Хвастунью», в восторге, говорит, что бестселлер. Наверное, думает, что я огорчена, но виду не подаю. Я была бы огорчена, если бы надеялась. Как хорошо не иметь материальной надежды! [...]

Я уже давно вернулась с сырой прогулки. Ходить мне все-таки трудно — одышка. Гуляла с Ирой Поволоцкой. А до этого они с Олегом усадили меня кофейничать. Конечно же, разговор зашел о поэзии. В данном случае Лермонтова, о котором вдруг все почти позабыли. А какой гений! Чухонец прочел по книге белые четырехстопные ямбические стихи, написанные Лермонтовым в 17 лет. Какая сила в этих стихах, где поэт с того света, из космоса проникает в свою могилу, описывает распавшуюся и исчезающую плоть, поедаемую временем и червями. Натуралистически и очень сильно описано, никакой романтики в 17 лет в этом стихотворении. Писал, конечно, гениальный, но психически нездоровый юнец. Ни у кого из поэтов нет таких прочных соседей, как смерть и Бог. А может быть, в такие глубины небытия Лермонтов не боялся погружаться именно потому, что верил в Бога? Может быть... Однако смерти он искал и Мартынова спровоцировал на дуэль. Мартынова, которого все проклинали, пока не перестали замалчивать самого Лермонтова, пожалуй, и винить нельзя. Не может никакой человек, проживая свою земную жизнь, понимать, что рядом с ним — гений. Не понимали этого и впоследствии живущие рядом с Мандельштамом. Не только власти не понимали, но даже собратья. Никто, — кроме Ахматовой, несмотря на ее эгоцентризм. Каждый стихотворец, небось, себя считал гением, и сейчас так сплошь и рядом.

Никак не установится ясная, теплая погода. Но все равно за окном очень красиво: сочная зелень, белокопытник выпростал свои свечки, осина сбрасывает с себя пушистые Сёмена-подковки, все перед калиткой усыпано ими. Они еще похожи на серебристых червячков крупного размера. Цветут яблони в этом году пышным цветом. Но мало птиц, совсем исчезли соловьи, видимо, нашли себе место получше. Они же выют свои гнезда на земле в кустарниках. А у нас, возле самой станции Мичуринец, снесли весь кустарник и выстроили здание непонятного происхождения за двухметровым каменным забором. И это перед самой железной дорогой. Видимо, железная дорога с посвистами электричек не пугала соловьев, а вот уничтожение кустов испугало. Жаль. Ведь как пели в прошлом году! Но м.б, еще для них холодно? Поживем — услышим. [...]

2 июня 2006

[...] Жить спокойно я не даю сама себе. Не дают жить устоявшиеся мысли о собственной бездарности — литературности, мелкости, эгоцентрическом внимании к своей особе и ее переживаниям, отсутствие в стихах интереса к другим людям. Только литературность я опровергаю памятью о том, как в полусознательном состоянии написала стихи в кремлевской психушке, совершенно законченные: Моя палата голубая, / моя палата 36, / Лежу и стенку колупаю, /

Не пить не хочется, ни есть. Да написалось само собой простым карандашом, который мне выдали на десять минут, написалось еле различимыми буквами. Ну и что с того? Кому это надо, кроме как мне, чтобы самовыразиться и скинуть с души тяжесть, самовыражение — некий громоотвод. Но это и есть графомания. И когда бы и где в критике или в статьях других поэтов я ни читала, что есть настоящая поэзия, всегда прихожу к выводу: я — графоман-эгоцентрик. Вот и эту ночь все просыпалась, прочтя в «Арионе» статью мне неведомого Скворцова<sup>35</sup>. Он пишет о молодой поэзии, собственно, о подмене ее мелкой самовлюбленной графоманией, когда каждый чих для чихнувшего кажется достойным всеобщего внимания. И тут уже никто не скажет «Будь здоров»! А сам себе здоровья не пожелаешь, ибо не видишь, что болен графоманией. А если и видишь, как я? Что меняется? Вот я вижу, удручаюсь, но не бросаю писать стихи. Правда, на некоторое время прекращаю. Стихи сами прекращаются. Месяца полтора ни гу-гу, и я начинаю тосковать о блаженных минутах, когда снисходит «вдохновение», пишу это слово в кавычках, ибо переживаемое вдохновение — не более чем эрзац, слабое эхо вдохновения, пережитого истинными поэтами задолго до тебя. [...] Почему же, легко владея версификацией, я так беспомощна? Возможно, потому, что не люблю никого, кроме себя? [...]

На улице хорошая погода, прояснения с облачностью. Марина еще не пришла, ее Оля завтракает, только что проснулась. А сейчас половина двенадцатого. Оденусь и погуляю с ней.

3 июня 2006

Ночь почти не спала, дремала с пята на десята. Сейчас подготовила публикацию для «Нового мира». Из десяти стих. только одно кажется неплохим. Для чего же мне все это? Ну не буду рассуждать, а то опять далеко и глубоко зайду. Что есть, то есть. Марина ушла на работу, и Оля с ней. В доме тишина, и мне она даже приятна. М.б. потому, что Машка приедет с ночевкой. А до нее приедет некая Мила, с которой познакомилась по телефону. Она мне привезет письмо от неведомой мне француженки, взявшейся за перевод «Декады»<sup>36</sup>. Оказывается, как мне сообщила Мила, эта француженка перевела мой «Круг» еще в восьмидесятые, который был напечатан в тамиздатской книге, посвященной Сахарову. Это для меня новость не из приятных. Как это она могла перевести «Круг», если он — венок сонетов? Меня уже однажды перевели на французский, помню «В Гегарде», в котором «Боже, чужими словами / Даже с тобою говорю» в обратном переводе зазвучало: «Господи, я тебе всегда лгу». После этого ужаса я никому не давала согласия на перевод моих стихов. Но там и сям переводили без согласия. Я долго сомневалась, прежде чем согласиться, чтобы меня переводил Даниель, муж Валентины Полухиной<sup>37</sup>. Только когда они мне сказали, что Даниель переводил Заболоцкого, Мандельштама и Бродского, согласилась. Вышла в Лондоне книга — билингва. Лена, знающая язык, говорит, что смысл и образность переданы правильно, но моя музыка исчезла. А если у меня своя музыка, это еще вопрос вопросов? Если музыка моя, то тогда я — поэт. Сейчас позвоню Леночке и закрою тему и дневник, надеюсь до завтра. [...]

4 июня 2006

[...] Приехал Полищук с чайной розой. Я же вручила ему все подарки, привезенные из Иерусалима. Накормила борщом, кофе с сыром. Были у меня и котлеты, но Дима вегетарианец. Перейдя из кухни в мою комнату, он прочитал

то, что я подготовила для Нового мира. Ему все стихи понравились, и это меня обнадежило, м.б. — не так все плохо, как мне кажется. А уж Паша Крючков и вовсе поднял мое настроение. Ему очень понравилась подборка, но когда он покопался в оставшихся стихах, мы с ним два заменили, а одно добавили. Говорил, что я ошибаюсь, считая их плохими, они, мол, просто совершенно другие. В прошлогодних, де, было больше живописи, а в этих — больше музыки. Вот и Лена мне в Иерусалиме о них говорила: очень хорошие, но совсем другие, и потому тебе кажется, что все плохо. Дескать, мне всегда так кажется, и зря я к ее мнению не прислушиваюсь. Даже обижалась на это. [...]

Паша мне принес от Люши<sup>38</sup> замечательный подарок — первый том дневника Корнея Ивановича и том его переписки с Репиным. Буду читать, а то все ерунду журнальную, как вернулась, читаю. Я же Люше послала через Пашу «Хвастунью». Не знаю, как строгая Люша отнесется к моей легкомысленной прозе, где есть и о Корнее Ивановиче и о Лидии Корнеевне. С Люшей и деду, и матери исключительно повезло. Она талантливый составитель, редактор — короче, литератор. При этом необыкновенно работаща. Она и менеджер и литагент. Такой не только преданности, но и вдохновенной работоспособности не часто встретишь. Люша — уникальное явление, особенно в наше циничное время.

[...] Начало двенадцатого. С самого утра было энергичное солнце, а сейчас оно за гладкой, но достаточно прочной пеленой облачности. Хочу выйти погулять, дала слово Лене, что буду ежедневно ходить, ну хоть по 30—40 минут. Я и сама знаю, да лень, и поломанный позвонок при ходьбе вызывает боль. Однако соберусь и выйду на улицу. [...]

#### 5 июня 2006

Вчера ко мне заходила Лариса Миллер<sup>39</sup>, с начала июня вместе с мужем снимающая неподалеку дачку. Лариса мне принесла новую книжку стихов. [...] Я порадовалась. А вечером и вовсе наслаждалась, читая дневник Корнея Ивановича. Он, еще восемнадцатилетний, остро чувствует литературу. Например, надо иметь отточенный глаз и слух, чтобы поперек принятому понять вредоносность Белинского. И характер Пушкина чудесно понимает, сравнивая лишь его письма, — что ни адресат, — Пушкин другой. Пушкин разный, если говорить упрощенно. Это понимает К.Ч. в юном возрасте. А у нас толстолобые мужи все спорят, был ли Пушкин демократом или монархистом, атеистом или христианином и т.д. [...]

Ночью была оглушительная гроза, а сейчас развиднелось, а вот и опять помрачнело. Надо бы погулять, но трудно отважиться.

#### 6 июня 2006

Вчера развиднелось настолько, что было 28 градусов жары чистого неба. Мы с Олей пошли гулять, т.е. я собиралась дойти до Ларисы Миллер и сказать ей о книжке. Очень приятно автору сказать хорошее, конечно, если оно есть. Теперь мало кто из коллег кому что-либо говорит. По себе знаю, подарить книгу и ждешь отзыва, хоть и понимаешь: глупо ждать в наше неотзывчивое время. [...] Уличка, по которой мы шли, была еще в непросохших лужах, но Олечка их ловко перешагивала или проходила там, где помельче, а я за ней. Все в буйном цвете — в особенности сирень. Даже на моем участке расцвел куст

бордовой сирени. А по дороге нам встретилось целое дерево сирени (не куст), оно благоухало сладко, но тонко. По обочинам вымахали одуванчики-мутанты, таких высоких я еще не видела. Краснели листья лещины и жались к заборам синие цветики. Оля, которой послезавтра исполнится 8 лет, назвала их колокольчиками. Но колокольчики мне запомнились иными чашечками. Мне вот и дорога запомнилась, но отыскать знакомый дом не удалось. За год все достроилось, пристроилось и перестроилось. Прежде их дом стоял на самой близкой к железнодорожному полотну улице. А теперь еще целая улочка появилась почти впритык к рельсам. Было и пустое огороженное место, видимо, проданное под новую постройку. Было жаль возвращаться, не высказав Ларисе радостного мнения.

[...] Не знаю даже, возвращаться из Иерусалима в апреле или в мае. До самого июня Марина жить у меня не сможет — Оля ходит в школу, ее надо проводить и встретить и т.д. А я не могу одна. [...] На самом-то деле мое свободное время — тоже рабочее. В такое свободное время меж чтением и глядением в окно, или сидением с книгой на крыльце как раз и появляется стихотворная строка, и я бегу к компьютеру, и тут же приходит стишок целиком. [...]

Чуковского читаю с неугасающим интересом. Оказывается, впервые определение «Шестидесятники» появилось у него аж в 1901—1903 гг., а вовсе не у Рассадина, точно так же «сороковые роковые» сначала появились у Блока, а уж потом у Самойлова. [...]

Пока никого не могу найти, кто бы свез меня на кладбище. Пасмурно, и вряд ли кто захочет отвезти меня. [...]

7 июня 2006

[...] Марина на работе, значит, и Оли нет. Какая бы она ни была хорошая девочка, а суеты с ней все равно достаточно. Так спокойно, что написалось стихотворение, третья строка, которой вертелась в голове перед сном. Так часто бывало, — что-то поет в тебе единственной строкой, а проснешься — и записываешь целое стихотворение. Вот оно:

\* \* \*

Ой, неужели гром прочищает горло,  
Чтобы спросить меня, молниями сверкая:  
Ой, почему так много в тебе перемерло,  
Будто ты не человек, а страна какая?

Ой, для чего мне задан вопрос на засыпку?  
Я и сама не знаю своих владений.  
Ой, из Китая ветер сносит мою улыбку,  
Ветер персидский хлещет по лбу сиренью.  
И до того тяжела облаков мокрая вата,  
Что я мечтаю разжиться на зиму шкуркою куньей.  
Я оттого, что обкрадена, — воровата,  
Я оттого, что оболгана, стала лгуньей.  
Ой, перемерло во мне несколько поколений  
Добрых порывов, будто бы молодцев добрых...  
Ой, мое небо в громах, в молниях, в пене,  
Не задавай мне своих вопросов подробных.

7 июня 2006

Покамест, поскольку только написано, нравится. Так бывает частенько, а после помотришь — муторно станет. Но не буду себе портить признаниями радость хотя бы в эти минуты. [...]

8 июня 2006

Что-то не хочется вспоминать смешное, настолько мне вчера было не смешно, а как-то печально и даже одиноко. И это в такой большой толпе столов, за которые уселись писатели с добавком издателей и редакторов! Все празднование 75 лет «Знамени» проходило в зеленом приусадебном дворе Льва Толстого. Повезло, что успели с Карякиными и с Машкой до закрытия музея осмотреть его. Разительно отличаются комнаты обитания Толстого от его жены. У нее — сдержанная роскошь, у него — сдержанная простота. Но детская без излишеств. По тем временам княжеский дом скромн.

[...] Я остро чувствовала свою неуместность в тусовочном мире, свое одиночество в нем, свою никому ненужность. Нечего ездить по балам, — слишком старая невеста. Да, забыла сказать, что день был на редкость холодный, хорошо хоть я знала прогноз и оделась в теплую предзимнюю куртку, а то бы не только сиротствовала, но и мерзла.

[...] Очень жалею о том, что вчера выехала в «свет», от него мне стало темно, даже в ушах. Вчера написался стишок, но музыка еще в ушах стояла. И вот исчезла. [...]

10 июня 2006

Наконец-то договорилась с сыном Марины, он свезет меня на кладбище. Всякий раз, когда навещаю Сёму, возвращаюсь домой с чувством умиротворения. Нет, это не означает чувства исполненного долга, хотя и не без этого. Всякий раз мне кажется, что он видит и слышит меня. Подолгу я никогда не могу побыть возле его могилы, потому что кто-нибудь, меня привозящий, всегда торопится. Просто я подхожу к памятнику и, перекрестившись, целую холодный гранит. Потом я усаживаюсь на скамеечку и закуриваю. А тот, кто меня привозит, подметает каменные плиты перед его могилой. Просторно. Я потратила немало денег, чтобы возле него приготовить место для себя. Поедем в 12 дня и вернемся около часу.

[...] Фима Бершин, который жил у меня в прошлом году месяц, приохотил меня к футболу<sup>40</sup>. Теперь смотрю мировой чемпионат, удручаясь, — наша русская команда не прошла на чемпионат. Ведь хочется, чтобы мы хоть в чем-то вышли вперед, а не только по смертности. [...]

17 июня 2006

Неделя выпала из дневника напрочь. С одиннадцатого по пятнадцатое я как безумная писала свои плачи, которые назвала «На четыре стороны света». В такой эйфории с написания «Гимнов» я, пожалуй, никогда не была. Писала запойно. [...] Дула в свой плач аж до 15-го. А 15-го у меня был Паша Крючков, я прочитала законченную вещь, и он сказал, что это событие. Мы решили поменять уже отобранную «Новым миром» публикацию на мои плачи. Возможно, это и не разумно, но вещь мне еще и сегодня нравится, а те стихи, что я отдала в «Новый мир», уже далеко отошли от меня. Разумностью я не отличаюсь. Были вчера у меня Ирина Ермакова<sup>41</sup> и Ирина Василькова<sup>42</sup>. Они пришли в восторг

от моей вещи, очень интересно высказывались, как и Паша. Даже не верится, что так отзываются о моей вещи. [...] Ко мне они опоздали, объяснили опоздание тем, что, разговаривая о Цветкове<sup>43</sup>, пропустили электричку. Их крайне раздражает, что Цветков сейчас самый модный и известный среди молодых поэт, сам же он в летах. А я и не знала, что Цветков стал некоей знаковой фигурой. Поэтессы возмущались тем, что Цветков стихотворно высказывается, что плевать он хотел на Ахматову и Пастернака, а если бы встретил Бога, то «дал бы ему в рыло». Ужасно! Но я им сказала, что не менее ужасно и то, что они такое значение придают популярности Цветкова, скандальные популярности проходят, а наше дело писать и не озираться постоянно по сторонам, мол, я тоже озираюсь, но редко и одновременно. [...]

Десятого, как и собиралась, была на могиле у Сёмы. С ужасом увидели, что несколько покосившийся памятник, оказывается, уже исправили, но из цветника повырывали траву вместе с землей, да еще сделали деревянный опалубок, чтобы цемент не разъехался. Дома я бросилась звонить в музей Чуковского и просить Сережу Агапова<sup>44</sup>, человека совершенно прекрасного, помочь с землей, нужно было ведра четыре привезти, но музей не отвечал. Я на другой день позвонила — в трубке молчание. Я решила, что это мне знак — не просить. И начала думать, кто бы меня мог довести до кладбищенской конторы, и вдруг звонит Сережа. Я ему: «Ой, дорогой Сережа, пыталась вам дозвониться...» Сережа сказал, что именно по этому поводу и звонит мне. Он с Наташей Продольновой<sup>45</sup> был на кладбище — сажали цветы на могиле Чуковских, зашли к Липкину, увидели беспорядок и хотят все сделать, согласна ли я? Я благодарил: «Сам Бог мне вас послал!» Они убрали опалубок, привезли и насыпали земли и даже вырванный кустик посадили. 14-го Сережа и Наташа приехали за мной на Сережиной новой машине, взяли меня на кладбище, чтобы я увидела, как и что они сделали. Пусть пошлет им Господь здоровья, сил и таких же верных друзей, как они, в особенности на старости лет! Все на могиле Сёмы и вокруг нее преобразилось, а тут еще, пока я сидела на скамеечке, они отскабливали с плиток застывшие пятна цемента и мыли плиты. Еще советовались со мной, какие цветы посадить. Но я не знаю, какие. Кроме барвинка ничего придумать не могла, полностью положились на вкус Наташи. [...] Пока Сережа пошел наполнять очередную лейку, она спросила меня, почему я не выступаю нигде, мол, меня никто не знает из ее знакомых, и сама она меня узнала именно на выступлении с группой авторов «Ариона» в 97 году. [...] На кладбище я объяснила моей поклоннице свою позицию: в пионеры, в комсомол, в партию не ходила, по Лужникам выступать не ездила, хоть и предлагали, да и, выйдя из С.П., диссиденткой не была, никаких заявлений не делала. Короче, не суежилась. Писала в стол, в основном. И возможно, поэтому Господь теперь, когда мне скоро 78, все еще дает силы для вдохновения. Книги мои издают, и если они что-нибудь значат для русской поэзии, то будут читаться. А не значат, ничего не поделаешь, зато пишется, а это большое счастье. Когда вернулся Сережа с лейкой, Наташа сказала, что надо и оградку уже покрасить, и она за это берется. Ну, уж такой доброты я не только не ожидала, но и давно ни от кого не видела. [...]

18 июня 2006

[...] Звонит Паша и говорит, что ему позвонил Василевский<sup>46</sup>, всегда сдержанный и хладнокровный, и сказал, что хочет мою вещь напечатать как

можно скорее. [...] А тут еще позвонила Валя Ботева<sup>47</sup> из Донецка и поздравила с замечательной поэмой. Оказывается, она прочла в интернете, что я написала шедевр. Это, значит, поэтессы дали сообщение. Больше никому. И надо же было так случиться, что Ермакова с Васильковой попросились ко мне в гости именно на другой день, как я поставила точку в последнем плаче.

20 июня 2006

Вчера запись в дневник пропустила. Все ожидала звонков, хотела постараться помочь Лене уложить папу в хорошую больницу, накануне обзвонив половину моей телефонной книжки. Некоторые обещали. Но никто не позвонил. [...] Очень тяжело переносу дни, когда Марина сутки на работе. Казалось бы, ну чего впадать в несвященный ужас? А вот впадаю. [...] А тут еще быстрое написание плачей из меня словно бы воздух весь выпустило. В связи с этой вещью к вечеру я в большом волнении ждала прихода Чухонцевых, как накануне, будучи у них, мы договорились. Очень страшилась, а вдруг королева голая. Еще я, как всегда, хотела накормить их борщом, был и плов. Но позвонил Олег, сказал, что у него разболелась спина, и если я хочу, пусть приду к ним. А как мне не хотеть? Во-первых, я их люблю, во-вторых, одной мне плохо, а в третьих, если не в первых, хочу прочесть. Вот я и подхватила, налила в банку борща, взяла рукопись, и руки в ноги. Я даже и помечтать не могла, что им так понравится. «Это твои "Двенадцать", — сказал Олег, — можешь, как Блок: "сегодня я гений"!» Гений не гений, а жаль мне мгновений, когда писалось. [...]

[...] Погуляла минут сорок. Погода восхитительная. Вокруг первозданная красота, если не обращать внимания на архитектурную избыточность новососедских. Для передышки по дороге оперлась о сосновый ствол, хорошо, что ладонями, а не спиной. Сосна оказалась щедрой на смолу, и я шла к дому со склеенными ладонями, еле оттерла мылом и щеткой. Все же в каком чудном месяце мне повезло родиться, жаль только, что очень давно. В эту субботу мне стукнет 78. Умом понимаю, даже иногда и больным сердцем понимаю, а вот душой нет. Она осталась подростком.

26 июня 2006

За эти дни никаких крупных событий не происходило помимо жары, мирового первенства по футболу, скандала с выселением жильцов из своих законных домов в Южном Бутове, моего дня рождения и поездки на кладбище. Вчера приезжали на машине помощницы Фоменко — художница Лиля Сокуренок и ее подруга Таня. Накануне они приехать не могли, и мы по телефону уговорились съездить на могилу Семёна Израилевича. Так и сделали. Я взяла половину разных цветов, принесенных мне накануне. Только на кладбище не ощущался зной — от обилия зелени и близости смерти. Деревья-то и вокруг дач, но той прохладой, что на кладбище, от них не веет. Замечательная Наташа, друг Сережи Агапова, директора музея Чуковских, уже посадила лилии, и они выросли. Я даже сначала подумала, что кто-то навесил могилу и воткнул лилии. Хорошо, что первые крупные цветы над Семёй — лилии — соломонов символ. Во всяком случае, когда он построил первый храм, орнамент стен был в лилиях. Я также навесила с цветами Тарковского, у него вчера был день рождения. Мы были днем, до нас могилу никто не навещал, хотя за оградой было все аккуратно, прибрано, не то, что ровно год назад. В будущем году будет 100 лет со дня его

рождения. Были мы и у Пастернака. Я спустилась к памятникам Корнею Ивановичу и Лидии Корнеевны. Там полный порядок, красиво посажены мелкие розовые цветы, это тоже Наташа постаралась. Сегодня она хочет прийти ко мне и срезать засохший куст жасмина, чтобы в будущем году жасмин ожил, дал ростки. Конечно, я вряд ли дожусь его цветения. [...]

На мои 78 собралась, как я говорю, вся наша улица. Преувеличиваю, как всегда. С нашей улицы были Чухонцевы, Иванова, Соломоновы<sup>48</sup>, Ришина с мужем Аликом и Лариса Миллер с мужем, живущие летом через улицу. Из приезжих были Попов со Светланой<sup>49</sup>, Полищук, Поболь, Маша, Бершин, Джаник<sup>50</sup> с Лидой. Вечером приехал Сережа Агапов с Наташей из дома Чуковских, прихватившие с соседней улицы Алену, жену Паши, и его двоих очаровательных мальчиков. Все мы, человек тридцать, слава Богу, расположились за двумя столами на участке. А часа за два до сбора гостей была страшная гроза с градом, и я думала, что придется тесниться в домашней духоте. Но Марина меня успокоила: вот увидите, гроза с градом и ливнем пройдет быстро и до гостей земля успеет высохнуть. Так и вышло. [...] Расходиться начали после восьми и не сразу все. А человек пять оставшихся гудели до полуночи. Вернее, пели. У Бершина оказался замечательный бас, а у Сережи тенор. Пели русские народные песни, которые так любил Сёма. [...] Опять собирается гроза, хоть и вечером вчера была изрядная. В 9 утра я вышла на обещанную Лене прогулку. [...] Земля сырая, и много сосновых, уже раздавленных, шишек валяется. Я почувствовала к ним сентиментальную жалость, которую, как могу, стараюсь вытравить. [...]

27 июня 2006

Звонила вчера Леночке, они с Маней вечером вылетели в Прагу. Будут строить выставку Беди Майера. Теперь я ее буду слышать редко. От этого еще тоскливей, ибо на меня навалилась тоска. [...] Мои заплачки «На четыре стороны света» никуда, я вижу, не годятся. Нет ничего нового ни по содержанию, ни по форме. Выхлопной пар поэзии. А я-то, дура, так радовалась на первых порах. [...]

Уже я погуляла. Пойду что-нибудь перекушу и начну пялиться в ящик. Правда, в 5 вечера ко мне придет любительница моих стихов, и я подозреваю ее в глупости. Но хорошо, что придет, разобьется мое одинокое сидение в доме, какое не переносу.

28 июня 2006

Вчера ничего особенного не происходило. Да и что может происходить, если сидишь на месте. Вот начало происходить убывание лета. Это всегда грустно, особенно у нас, живущих здесь, где лето проходит в лучшем случае, как пожароопасный сон, в худшем — как дождь. А нынче такое чудесное лето — солнце вперемежку с грозами. Лето в лесу. А зима в лесу — беда. Зима очень длинная, чтобы человеку не раздражиться, не озлобиться. Где наши приветливые улыбки? А были ли они у народа, стиснутого лесами и холодом? М.б. старость приводит меня к причинам нашей угрюмости? Однако не старость. Мне, боящейся оставаться одной в доме, тем более круглые сутки, повезло. Я уезжаю на зиму к Лене в Иерусалим. Даже в городе, где велика опасность со стороны арабов, люди спокойны и улыбкивы, даже ортодоксы в шляпах не так угрюмы, как мы. [...]

Такое впечатление от пейзажей Израиля, что, кажется, даже море цветет, особенно если смотреть на него из грота. Но вот русская речь не цветет, а лишь изредка мелькает. И от этого мне несправедливо грустно. [...] Этот языковой и прочий патриотизм мне самой противен. Кстати, насчет английского. Перед отъездом мне позвонила Леночка и сказала, что мой английский переводчик собирается еще одну мою книгу выпустить. Кому же я там нужна, если здесь никому не нужна? Об этой ненужности я вчера говорила с Ивановой. [...] Иванова повздыхала, мол, я выхожу из всех жанров, что она считает, что мне должны были дать премию «Поэт», а вот не дали. И Букера, как она понимает, (а она понимает) за «Хвастунью» не дадут. Я сказала, что тоже это понимаю и не огорчаюсь. Так ли это? Не совсем. Из-за денег не огорчаюсь, хотя они никогда не лишние. Но точно — не огорчаюсь. А вот из-за непризнания, за неотмеченность, очень даже огорчаюсь.

[...] Вечером меж двумя трансляциями с чемпионата заходил Чухонцев, я накормила его борщом и тем же хачапури. [...] С Чухонцевым говорили (вернее, он говорил) о том, что половину стихов у Пастернака можно безболезненно для себя сократить, например, помимо поэм, многое заумное начальной поры, а вот у Мандельштама ничего нельзя изъять. «Гений!» — сказали мы хором. Я очень люблю разговаривать с Олегом наедине. Если Чухонец разойдется, это не вполне внятный монолог, хотя и с внятной мыслью. Просто я стала плохо слышать, а он монологи ведет тихим голосом, к тому же — достаточно косноязычно. Еще он меня рассмешил, рассказав, что звонил Алехин, и на его: «Прости, Алеша, я смотрю футбол и говорить с тобой не могу», тот ему: «Что это такое? Звоню Инне Львовне, а она тоже говорить не может, — футбол смотрит!» [...]

29 июня 2006

День вчера выдался неожиданно гостевой. Приезжала Машка, установила мне драгоценный подарок Соломоновых — телефонную электротрубку. Только мы с Машкой и Мариной натолкались борща, салата и картошки, как раздался звонок. [...] Приехал замечательный болгарский поэт и редактор «Факела»<sup>51</sup> Георгий и очень хочет со мной познакомиться. [...] «Инна Львовна, это Надя Кондакова<sup>52</sup>, мы сейчас за вами придем». Делать нечего, я сказала, что сама приду. А ведь идти-то два шага, даже на улицу не надо выходить, забор между нами до сих пор не возведен. [...]

Как обычно теперь водится в подвыпившей компании, Георгий стал говорить, что я сейчас самый великий поэт в России. Тем не менее лезть — вещь великая, и она меня подбила прочесть «На четыре стороны света». Впечатление невероятное, поэт так целовал мне руки, а в особенности так пожимал, что теперь у меня синяк на кисти. [...] От всех прямых и косвенных разговоров о переводе меня на болгарский, от намеков на то, чтобы я перевела одно стихотворение Георгия на русский, я уклонялась, хотя он еще до моего чтения прочел свои стихи и подстрочно перевел. Уклоняться мне помогло и то, что он говорил, как трудно что-нибудь издать, денег нет. Я уверяла, что меня не надо ни переводить, ни издавать. Тогда подключалась спонсорша, мол, даст деньги на книгу. Но я ее заверения пропускала мимо ушей. Люди они очень милые, а он и поэт хороший. Но что-то было мутно. [...]

30 июня 2006

Вот и июнь пролетел. На улице попрохладнело. Июль синоптики обещают прохладный. Поглядим. А в Израиле жарко, идет война с террористами. Глупое правительство спохватилось, когда все почти отдало, поселенцев силком выдворило из домов, ими построенных. [...] Неизвестно, чем еще обернется все это. Если следовать истории, Библии, то Иерусалим снова должен рухнуть. Несчастный избранный Богом народ, он перед Незримым вроде бы за весь мир в ответе и на протяжении всей истории карается за свои и за чужие грехи. Вот и не думаю я, что еврейское государство может еще долго просуществовать. Думать об этом настолько печально, что я пытаюсь бессмысленно пялиться в окно. И обесмысливаюсь.

Между окном и улицей, почти вплотную прижимаясь к окнам, уже совершенно безразличный к человеческим мыслям растительный мир. В комнате темно от впритык подступивших к глазам рябинок, шиповника и зеленого навеса осин, берез, кленов и елей. Лес он и есть лес. И равнодушная природа... Но так ли это? Как рудимент древнего равнодушия в пустыне Негев я увидела тамариски и еще какие-то деревья, у которых кроны стали плоскими, похожими на зонты от солнца. Можно и другие примеры вспомнить. Но для чего? А перед кухней разросшийся белокопытник. Недавно его побил градом. Пока мне не сказал Полищук, что эти огромные листья не лопухи, все считали их за гипертрофических лопухов-мутантов. Между прочим, таким гипермутантом мне кажется и аксеновский роман «Москва Ква-ква». Все в романе утрировано, именно утрировано, а не гиперболизировано. Дан пласт населения, то есть не пласт, а земляной вал элиты. Я сама в пятидесятых была в возрасте героини Глики Новотканной, но жизнь была гораздо по-будничному проще и оттого страшней.

Правда, я была провинциалкой, однако приезжала к маме в Москву-у-у! Жила я в 36 году в доме на набережной у вскоре уничтоженных дядей (теток сослали). В дом приходили и дети, например, сыновья Микояна, дружившего с дядей Саркисом, 1-м секретарем цеха партии Донбасса. Несколько раз видела там и дочь Сталина с братом Васей. Так вот, ни взрослые, ни дети не вели патристических разговоров. Никакого высокопоставленного парения. Да и домработница Мотя была деревенской девой, уверена, никак не связанной с кагебе. Иначе, она была бы более осмотрительна и при мне, восьмилетней, не обсуждала бы с домработницей Аллилуевой (они дружили) смерти жены Хозяина, так Сталина называли и дядья в разговорах с Микояном и между собой. Да при мне бы и домработница Аллилуевой, будь она гебешницей, не говорила бы Моте, что это хозяин ее убил, чего ей было стрелять в себя, если она завела будильник на 8 утра, да и наказала ее разбудить, собиралась куда-то.

Так что краем глаза восьмилетней девочки я и партийную элиту увидела. Да, все было проще и страшней. Правда, Сталина родственники ни в чем не обвиняли, считая, что все дурное идет от Берия. Я была совсем маленькая, когда присутствовала при разговоре захавшего к ним незадолго до гибели Кирова. Память зафиксировала этот короткий разговор из-за слов «Нинка-подстилка», я решила, что такая кукла есть и потом пересказывала разговор Моте и расспрашивала, что за кукла Нинка-подстилка. Не помню кто, дядя или Микоян, который был, кажется, спасшимся 27 комиссаром, напомнили Кирову, а помнит ли он, что в 20 году он, Киров, посадил в бакинский подвал

меньшевика Берия, а вскоре Багиров его выпустил. Так вот этот Берия имеет влияние на Хозяина, Нинка-подстилка то и дело приезжает к хозяину из Тифлиса. Вот как действует: через Нинку-подстилку! У Кирова была только одна мрачно-спокойная фраза: «Теперь об этом поздно говорить». Услышанное и запомненное мной подтвердила тетя Женя, вернувшаяся из Потьмы.

Думаю, Аксенову понадобилась гипербола, ибо с разных реалистических позиций это время было разными писателями освещено. Но гипербола, да еще с модным привлечением Платона, Афин и Сиракуз, ариадниной нити и проч., получилась грубой, топорной, как девушка с веслом. [...]

Сегодня пятница. Очень боюсь быть в одиночестве на своей утлой даче. [...] Надо заставить себя одеться и выйти на прогулку, но так не хочется, смерть, как не хочется. [...]

5 июля 2006

Только что звонила Леночке в Прагу. Они с Маней уже заканчивают подготовительную работу, корабль построили, теперь будут располагать телеэкраны и картины. [...] Вчера Сережа Агапов с Наташей покосили разросшийся бурьян на участке. Оказывается, пошли осинки вовсю, и Сережа мне объяснил, что уже на будущее лето мой утлый домишко не в травах будет утопать, а в густом лесу. Большое им спасибо. Даже сырость вместе с бурьяном от окон отступила.

8 июля 2006

[...] Приезжал вчера Коля Поболь. Говорили о книге, о Липкине, обещает, что осенью издадут. Хорошо бы! [...] Читала Коле «На четыре стороны света», понравилось. Коля строг как читатель. Впрочем, читаю всем, кто ни появится. А завтра и вовсе у меня будет чтение в музее Чуковского. «Ну, это — дом родной», — говорит мне Паша Крючков, и я так себя успокаиваю, а на самом деле боюсь.

Да, вчера звонил мне Юз Алешковский<sup>53</sup>, как я была счастлива слышать его голос и то, что он мне говорил. Очень занят, приехал на какой-то фестиваль литературы, на тот самый, о котором и поэт-болгарин, пожавший мне руку до синяка, говорил. Но все же Юз собирается выбраться в Переделкино, навестить Рощина<sup>54</sup> и меня. [...]

16 июля 2006

В Израиле война. Страшно подумать, чем она может обернуться для Израиля. Но удивительно устроен человек. Даже в Израиле большинство населения занято повседневностью. Так и я. Параллельно с сидением перед телевизором и горькими раздумьями занимаюсь составлением книги, даже в гости хожу. Вчера, например, дошла до музея Окуджавы, где устраивался юбилей Олега Хлебникова<sup>55</sup>. Он еще на моем тесном вечерочке в музее Чуковских напомнил о своем юбилее и о своем желании, чтобы я сказала несколько слов о его поэзии.

Но с утра в субботу у меня барахлило сердце — перебои и не ярко выраженное трепетанье. Я уж, было, хотела остаться дома. Накануне ко мне приехала с ночевкой Томочка<sup>56</sup>, я шла встречать ее на станцию при 30-градусной жаре по бестеновой улице. М.б. это сказалось. Так или иначе, [...] пульс стал на

место, и я после ряда выступающих, заинтересованных в «Новой газете», сказала несколько слов по сути стихов, аналитически, формулировочно, но не комплиментарно возвышенно, как положено на юбилеях. [...] На трибуну с очень неудобной лесенкой еле взобралась с помощью Хлебникова, а с трибуны сошла с помощью Евтушенко.

Сегодня позвонила Леночка, она уже из Вены снова вернулась в Прагу, 19-го будет дома в Иерусалиме. Я зову, хоть и знаю, что бесполезно, уехать от войны ко мне либо на дачу, либо на городскую квартиру. Снова сегодня отказалась, считает, что через недельку все в Израиле устаканится. Но я-то знаю свою дочь — она ни за что не покинет Израиль именно в такое время. Что тут скажешь? Ведь и я поступила бы точно так же. Я сказала Ленке, что как бы там ни было и что бы ни было, я в середине октября, как намечено, приеду к ней.

Еще раз просмотрела новую книгу<sup>57</sup>. Первая часть «На крылечке» не плоха, вторая часть «На два дома» и третья часть «Сны старой Евы» бесцветны. Ровные по уровню, но уровень средний. Закljučают книгу «На четыре стороны света» — вполне соответствует моим представлениям о хорошем. Так что, не знаю, что делать. Хорошо бы две срединные части сократить, но, увы, я не понимаю, что именно. [...]

*21 августа 2006*

Давно не садилась за дневниковое дело. Все следила за войной Израиля и, чтобы не было уж так страшно, возилась со своей книгой. А ее как-то в разговоре Чухонцев назвал дневником, так что, в сущности, дневниковым делом я все же занималась. Выбросила из книги 25 стихотворений, оставила 76 и заплачки. В файле «лишнее», куда я отправляю брак, уже сто страниц, т.е. 100 стих. Есть среди них и не совсем завалящие, просто в этой книге лишние. Созвонилась с Комаровым<sup>58</sup> и предложила книжку. Хорошо будет, если она ему не понравится. [...] Что же было кроме войны и книги за отчетный период? Трижды были приступы пароксизмальной мерцалки. Дважды справилась сама, а один раз со скорой помощью. В тот день у меня были Джаник с Лидой, Джаник сделал шашлык, мы с удовольствием ели. И вдруг...

10 августа женился Федя<sup>59</sup>. Леночка говорит, что свадьба была очень многолюдной и веселой. С Леной я разговаривала ежедневно, она, бедняжка, в поезде Вена—Прага так прищемила в дверях мизинец, что кончик вместе с ногтем раздробился. Позавчера она прилетела в Москву — папа совсем плох.

*21 августа 2006*

После долгого перерыва написала две страницы, а тут вдруг отключили свет, и все пропало. Здесь надо каждые пять минут запоминать, свет, пусть и ненадолго, вырубает часто. Но повторять сегодня же уже написанное неохота. А подробно я писала о том, что срочно прилетела Леночка — совсем плох Годик<sup>60</sup>. Вот я и писала, как мне его жаль, все же 20 лет прожили. И что бы там ни было, у него было при всем его эгоизме много беспомощно добрых черт. Вчера врач казал Лене, что ему осталось жить неделю. Хотя бы — безболно. Пока он на боли не жалуется, иногда приходит в себя и говорит с Леной. [...]

*28 августа 2006*

[...] Очень хочется писать прозу. То я придумала назвать ее «Утраченными возможностями», то «Письмами самой себе». Второе трудно по форме, первое —

по содержанию. Хотя тем и характеров немало. Утраченные возможности — отнюдь не реализация того доброго, что в человеке. Сожалеть, но в ироническом ключе, можно о многом, даже о лестничном остроумии. Кстати, не обязательно и сожалеть.

Есть люди, которые и не догадываются, что ими утрачено. Например, надо обязательно написать о Таисии Павловне Бузовкиной<sup>61</sup>. Еще вставной рассказ «Не будь ханжой»! Вещь вообще должна состоять из вставных в мой монолог рассказов. Все это можно и в виде писем к себе писать, но тогда нужно вложить некие о своей сущности разоблачительные мысли, да и вообще пофилософствовать, но этого не умею. Главное же — раскрыть новый файл и писать. И все будет образовываться само собой. [...] Все может быть. А возможно и завтра осмелюсь раскрыть новый файл и пойти, поехать, полететь по разные души, события и случаи.

Впрочем, события — для великомудрых, а с меня и случаев хватит, как забавных, так и печальных. Ими полна жизнь, которая, пожалуй, сама по себе главное событие, все остальное в ней случаи, даже война. Кстати, вспомнить, как во время войны я получала полную тарелку лобии за выпивку кружки водки. Чем не война — война с тыловым голодом? Но самая жестокая война — это война с самой собой. Вот тут-то и нужны письма к себе. Как объединить письма к себе и утраченные возможности, ума не приложу. Ум все больше прикладывается к тому, что я опять написала бесцветную книжку стихов.

Конец августа уже пятнает зеленое желтым, и я смотрю на опавшие листья и на утраченные возможности этого лета. Почему, когда Сережа Агапов, директор музея Чуковского, косил у меня на участке высокий бурьян, срезал пустившийся в рост осинник, я, вместо того, чтобы нажать на «делит» и разом скосить все мною нарифмованное за зиму, сидела и пропалывала книгу, точно не зная, какое растение в ней живое, а какое — мертвое. Я вообще трудно отличаю живое от мертвого, жаль и того и другого. Все же я выкинула из книжки 30 стихотворений, осталось 76. И опять — бесцветно. Видимо, живое с мертвым так срослось, что ни света, ни тьмы, одни серые сумерки. Ты в них сидишь и пытаешься воспоминаниями перепахать и переполють все жизненное пространство. Да еще пытаешься вытащить из него пружинистую репку веселья, не зная, за какую бабку уцепиться и какая мышка позади. А позади, оглянься, — компьютерная мышка, и она-то, полуживая-полумертвая, окажется последней подмогой, и сказочная репка веселья пружинисто выскочит на свет.

Преддождевой воздух пружинист. И тебе, старухе, кажется, что ты пружинистой походкой возвращаешься с прогулки. Нет, сейчас ты вовсе не сожалеешь, что почти все время жизни истратила на лежку на тахте и сидку перед окном. До чего же ты не любила ходить — какая утраченная возможность! Но разве об этом ты сейчас думаешь? Тебе кажется, что ты пружинисто идешь, а на самом деле в тебе пружинится смех.

Хотя ничего смешного нет. Ты возвращаешься от Чухонцевых, перманентно то ярко, то тускло недомогающих, перманентно озабоченных друг другом, мелкими хлопотами, дачными неурядицами, — то пол проваливается, то стены трескаются, то краны текут, а тут еще и телефон не работает. [...]

Сегодня у Чухонцевых новая проблема — кот. Вы сидите в сумраке застекленной, закрытой на все окна террасе, чтоб комары не залетели. Ты в который раз нудно вздыхаешь вслух, что книга твоя бесцветна. Чухонцев

маловнятно советует то ли еще раз проглядеть книжку, то ли прополоть, то ли пересоставить, то ли повременить с изданием, то ли поспешить. Ира выносит сосиску на широкое большое крыльцо — кот должен питаться. Рыжий в белых пятнах, упитанный кот по-барски разлегся на квадратном половичке и, если бы не властная лень в глазах и в позе, сошел бы за собаку. Но псы сторожат хозяев, а коты свое имение.

— Ира, зачем ты кормишь кота? Куда его зимой? Зачем приучаешь к дому?

— Как же не кормить, ты сам его привел!

— Ничего подобного, я кота не приглашал, я его просто окликнул.

Как тут не рассмеяться? Но вскоре смех перескакивает на тягостный разговор о прогнившем поле, на высокие ремонтные цены. Трудно управляться прозаиком с поэтом, а поэту с прозаиком. Вот если бы и Чухонцев сжато-ироничную, как Поволоцкая, прозу сочинял, пол бы не гнил. Или — напротив. Была бы она поэтом, был бы этот гниющий пол им до фонаря. Ну и зря ты так рассуждаешь. Вспомни аккуратно-хозяйственного Заболоцкого, вспомни чистоплотного Окуджаву! Однако у них были жены. А тут каждый сам себе и муж, и жена. Но в доме чистота, грязная посуда в раковине не валяется. Просто какие-то перманентные обломы то со здоровьем, то с бытом. Ты их обоих очень любишь, в особенности его, потому что поэт. Потому что завидуешь, тебе бы тоже хотелось так писать. Хорошо, что ты умеешь завидовать, обожая. Иначе бы ревность и зависть давно тебя съели. А меж тем ты сидишь у них и ешь тонкокожий лаваш с сыром и зеленью.

Чухонцевых же ты частенько зазываешь на обеды, у тебя есть помощница и вкусно варит борщи и жарит котлеты. Но почему ты так раздражаешься, когда они лениво, высокомерно соглашаются на обеды и при этом опаздывают? Могу только догадаться: тут дело не без той же зависти. Вот если бы они за едой говорили о твоей книжке, ты была бы довольна! Тебя бы не охватывала раздраженная тоска от их жалобы: на нездоровье или безденежье. Мало ли кто тебе на это не жалуется? Все жалуется. И ты со спокойным сочувствием выслушиваешь. И не тоскуешь. Да и мало ли кто тебя хвалит! Но это тебе почти всегда безразлично. Тебе нужно, чтобы твои вирши ценил тот, кому завидуешь. А завидуешь одному Чухонцу. И у других стихотворцев завидуешь кое-чему, но редко. Зато совершенно не завидуешь премиям. Не то чтобы тебе деньги были не нужны. Но одно из двух — либо деньги, либо одержимость.

Графоманской одержимости в тебе навалом. Но ты завидуешь плодоносящей одержимости, то есть таланту. И не только Чухонцеву, но и тем, великим, умершим. Ты, плохо отличающая мертвое от живого, завидуешь и мертвым гениям. И вот сейчас я тебе скажу: именно в этом случае ничего ни отчего различать невозможно, ибо жизнь всегда перемешана со смертью, а поэзия никогда. Много чего я тебе о тебе же рассказала. Пора и пожалеть тебя, и честь знать. И пора тебе вернуться к Чухонцевым, омраченным предстоящим ремонтом пола и котом. Но с котом все уладится. Вечером ты идешь на вечернюю дружескую прогулку по улице Довженко. Улица длинная. И Чухонец, озабоченный, как быть зимой с котом, которого однажды окликнул, останавливает всех жителей, знакомых и неведомых: не их ли рыжий кот с желтыми пятнами? Наконец из одной калитки выходят двое в изрядном подпитии и с бутылкой. Олег и к ним с вопросом о коте.

— Идем с нами к магазину, там легко сможешь продать своего котяру, — предлагает тот пучеглазый, что с бутылкой, — неча по дворам подкидывать!

— Я кота не продаю, я ищу, чей он.

А из калитки выдвигается сначала внушительный живот, обтянутый черной майкой, а вслед за ним остальной волнистоголовый хозяин:

— Вы не Чухонцев?

— Чухонцев, — с растерянной смиренностью склонил Чухонец очки, — не ваш ли желто-белый кот приходит к нам? Зимой мы не всегда на даче, где же он будет жить?

— У меня и будет жить, это мой кот. Он родился у Олега Хлебникова в день его рождения, 9 июля. Пять лет тому назад. Очень он у меня упористый, ему всю улицу подавай, всю территорию. Вон и к Соломоновской кошке в гости ходит. У него уже и сын и дочь черно-белая, тоже у меня живут.

— Ах, — обрадованно, даже благодарно улыбнулся Чухонец, — так вот с кем как-то приходил ваш кот. Большой концерт устроили.

И ты радуешься, что одной заботой у Чухонца меньше.

*10 сентября 2006*

Вчера улетела Лена. Слава богу, отца она подняла на ноги. Оказалось, что ни инсульта, ни метастазов не было. Он был отравлен галоперидолом, но если б не Лена, он бы так, обреченный врачебным прогнозом, скончался. Я за эти три недели так напереживалась за него, а, что греха таить, главное, за нее. Ведь Лена бросила всю работу, вылетела (и это не первый раз) в Москву. Она похудела, и силы уже не те, чтобы так мотаться и изматываться. Кроме того, ей приходится оплачивать няньку для двоих — Годику и его жене, у нее рассеянный склероз. А ведь у Лены даже квартиры собственной нет, и пенсии не будет. Вот умру, останется ей моя квартира, но когда умру, неизвестно. А жить уже, пожалуй, и не хочется. Уже три месяца ни строчки не пишу, а это единственное, что меня удерживает в жизни. А еще — боюсь старческого маразма, боюсь, что, не дай бог, Лене придется возиться со мной, как с отцом.

Рождаешься, чтобы мы ни говорили о неподходящей эпохе, всегда вовремя, а вот умираешь редко когда вовремя. В безделье жить невыносимо. Задумала написать нечто параллельное и в то же время перекрестное «Хвастунье». Показать иные свои черты и иные черты жизни. Много, в том числе и смешных положений и случаев, осталось за пределами «Хвастуньи». Уже было начала писать. Но если «Хвастунью» писала для себя, не думая о ее публикации, то сейчас оглядываюсь и на тех, о ком пишу, — не обиделись бы, — и на себя, — не слишком ли вульгарно или интимно, и т.п. А так писать нельзя. Писание — единственное дело, которое надо делать без оглядки, это уж потом, на остывшую голову правишь, сокращаешь и уточняешь. В особенности это касается прозы.

Что касается стихов, то тут я, возможно, легкомысленна. Правлю редко. А все же в последней книге кое-что исправила. По поводу книги стихов жду весточки от Комарова. Я ему давно послала рукопись, но он позвонил недавно, — только что открыл ее в интернете, сказал, что немедленно прочтет и позвонит. А тут у меня телефон выключился, дожди утопили кабель (на всей улице так). Вот и сейчас дождит. Лета, можно сказать, и не было. Как говорит Чухонец: все лето стояла осень. [...]

[...] У Чухонцевых подходит к концу настил полов, которые, как оказа-

лось, вовсе не прогнили — под слоем паркета обнаружился прочный слой крашенных досок. Непрочность быта дает ощущение непрочности жизни, и это Иру и Олега выбивает из колеи. [...]

Сегодня ко мне обещался приехать Дима Полищук. Он завален работой и заботами о детях. Ему не пишется. Конечно, для вдохновения необходима некая доля ленивой праздности, ну хотя бы некий простор во времени. Я не только сочинять, но и спать не могу от мысли, что утром надо непременно встать и куда-то ехать. [...] Что-то я разворчалась. Просто — гнетущая погода, не день, а сплошные мокрые сумерки. И — тоска.

*14 сентября*

В воскресенье вечером приезжал Дима. Привез мне сигареты, фотографии, которые брал для книги о Сёмене, а также книжку Ахматовой с автографом «С.Липкину, чьи стихи всегда слышу, а однажды плакала». Накормила его и его Наташу борщом и варениками с картошкой, выпили кофе. Снова рассматривали одну папку из архива С.И. Но, увы, ничего неожиданного не нашли. Диме все кажется, что мы что-то упустили. Какой он замечательно внимательный, дотошный, когда дело касается других, и какой безнадежно махнувший рукой на свои стихи, ибо загружен по горло заработком. Я им читала начало своей прозаической вещи и окончательно услышала не от них, а от себя, что все плохо начато и не может дальше продолжаться. Ибо писала с оглядкой на читателя и на невыдуманных персонажей. О том, что любая оглядка, будь то на цензуру, будь то на самоцензуру, будь то на власть, будь то на моду, губительна. [...] Перед отъездом Дима больше часу демонстрировал на компьютере фотоснимки их десятидневного плавания с детьми на лодке по реке Медведица, которая впадает в Волгу. Дивные пейзажи, сосновые берега, местами крутые. Выразительные деревья, облака и безлюдье. В деревеньках, которых не видно, по экскурсии Димы, не больше пяти домов. [...] Но что меня поразило, так это огромные заброшенные полуразрушенные храмы в уже несуществующих селах. С каких пор они перестали существовать? Понятно — храмы вскоре после революции, а села? Видимо, исчезали постепенно вслед за храмами. И впрямь — наказание Божье. За сожженные усадьбы что ли? Никогда не пойму, почему наказываются все оптом, а не в розницу. Впрочем, сов. власть и в розницу уничтожала.

Нет, не зря демонстрировал мне Полищук путешествие на лодке. В память врезалась картина: разрушенный трехъярусный храм со стеной, похожей на монастырскую. Из кладки второго этажа поднялся целый лесок. Как это может быть? Наташа объяснила, что со временем ветром землю нанесло, вот и поднялись деревья. А мне кажется, что это по воле небес прикрыты земные раны. Вот о такой церкви я писала в посвященных Недоступу стихах<sup>62</sup>. Правда, из нее выросли всего три березки, а внутри — одуванчики, незабудки и ромашки. Но для снимков нутра именно этого храма уже не хватило пленки.

[...] Вечером поужинать, а по их режиму — отобедать заходили Чухонцевы в жуткой аллергии от бессмысленного ремонта. Перемывали косточки некоторым друзьям-поэтам и поэтам, нам чуждым, но беззлобно. Даже о тех знаменитостях, что исполняли особые поручения КГБ, говорили, скорей, аналитически, чем осудительно. Но я, надо признаться, с отвращением вспомнила, как Юнна Мориц в свое время на смогистов напустилась, как была рецензентом в ЦК КПСС (писала туда рецензию на «Волю» Сёмена Израилевича, вышедшую в

США), как кинулась на баррикады в августе 91 года, и вот теперь, получив года три тому назад премию Сахарова за мужество, публикуется не только в Литгазете, но и в газете «Завтра». Эта всегда чувствует, где и как можно пожить, и в какое время и кому нужно пригодиться. А время сейчас, ой, нехорошее, — тут и явные фашисты и нацболы фашиствующие. Жуть подумать. Но думать не хочется. Лучше смотреть в окно.

Там уже холодная, но в эти дни сухая осень. Вчера ангел Сергей Агапов свозил меня на кладбище, — и могила и площадка, которую я купила для себя, была покрыта коричневой листвой — слой в четыре пальца. Сережа метелкой все вымел и с могилы, и с плиточного покрытия. Я протерла ограду от паутины и поставила букет гвоздик, который мне подарили студенты литинститута. Вокруг же на всех могилах было зелено с редкими желтыми пятнами листьев. Просто удивительно, ведь две недели назад в перерыв между бесконечными дождями Наташа Продольнова, друг Сережи, убирала, даже бархотки посадила на могиле. Сережа сказал, что столько осыпи на нашем участке оттого, что над ним две осины, — вон они стоят облетевшие. [...]

[...] Сейчас что-нибудь перекушу, возьму ноги в руки и заставлю себя походить хотя бы минут 20, на дольше меня не хватит — одышка и болит поломанный позвонок. Так что, дневник, до завтра. Ничего не пишется, надо хоть дневником себя занимать. А согласилась бы на поездку в Баку, сегодня уже бы увидела море и свою улицу. [...] Нет, вдруг не найду своего дома и родных могил — дедушка, бабушка, мой добрый, несчастный папа и мой безвинный младенец.

*15 сентября 2006*

Снился мне вчера престранный сон. Я сижу в кинозале, слегка поворачиваюсь и узнаю в пожилом мужчине Мандельштама, — черты несколько изменены, но узнаю. Я восклицаю: Осип Эмилевич, Вы гений! Он смотрит недоуменно, мол, как его узнала, да и с чего это я взяла.

— Конечно, гений. Когда в жизни полная безнадега, мы говорим: Ах, Александр Герцович, чего там, все равно, когда тоскуем по родному месту и друзьям, то говорим: В Петербурге мы сойдемся снова, когда урезонируем завистника, то говорим: Не сравнивай, живущий не сравним.

Мандельштам, слегка улыбаясь, озирается. И я понимаю, что он не хочет, чтобы его опознали другие. Тут, заслоняя поэта, возникает большого роста человек. По его виду сразу становится понятно, что он не только большого высокого роста, но и очень высокого положения, замашки нового русского из правительства. Однако, он не официальное лицо, а некое теневое, могущественное. И на дворе не советская власть и не путинское государство, а нечто другое. Это я понимаю по многим приметам, их не хочется перечислять, главное, потому что этот внушительного вида человек в одежде с почти ковбойскими прибабками не только опекает Мандельштама, но и скрывает его от каких-то новых властей. Между прочим, этот некто интересуется, чем я занимаюсь. Я отвечаю, что у меня есть посредственная книга стихов и есть очень плохая. Потом действие разворачивается в фантастическом доме, где и я живу, как выяснилось. Дом фантастичен не только тем, что в нем большой Некто скрывает Мандельштама, но и своей внутренней планировкой. Роскошные квартиры переходят по кругу одна в другую, правда, есть и общий широкий коридор в густонаселенном

доме, но проходит он не меж квартирами, а с краю. (Кстати, круглые дома с полукруглыми квартирами мне снятся часто.) Властный опекун Мандельштама при мне обращается к нему с предложением как-то улучшить, облагородить мои стихи. Но я говорю, что хоть они либо посредственны, либо совсем плохи, все же обладают некой своей музыкой и вряд ли есть смысл эту музыку редактировать. Тут опекун опального гения протягивает мне пластиковую карточку с тремя выпуклыми пластмассовыми делениями: «Возьмите и передайте своей маме, она будет обеспечена на всю оставшуюся жизнь». Я отвечаю, что мама моя живет в Америке, но он поясняет, что и в Америке его подарок имеет большую силу. Я выхожу из дому и несу на ладони этот пластмассовый вход в рай, так на открытой ладони я обычно и продавцам протягиваю деньги. И тут ко мне подходят два полицейских, совсем как в том булгаковском сне, что снился мне в самом начале шестидесятых (я этот сон описала в «Хвастунье»). Так вот подходят уже не милиционеры, а именно полицейские, хватают мое сокровище и спрашивают по-тюркски, откуда это у меня. Пока я сбивчиво вру, что нашла в канаве, полицейский роняет пластиковую карточку в канализационную расщелину. Они раздосадованы, а я обрадованно возвращаюсь в дом за вещичками, чтобы ехать на дачу. В ярко-желтом от солнца подъезде меня встречает Мандельштам и, закинув голову, спрашивает, куда я собралась. И узнав, что на дачу, просит: «не уезжайте, ведь я люблю вас». Говорит по-мужски, а вот на прощание целует в губы по-братски, едва прикоснувшись. Многие мелочи из сна я здесь упускаю, т.е. незначительные ответвления от сюжета. Сон был цветной. Мне большей частью снятся цветные сны.

А вот что было днем: позвонил Комаров и сказал, что мою книгу прочел дважды, а ночью еще раз перечел, что стихи замечательные, но в предложенной мною книге по сути две книги: «На четыре стороны света» и «Сны старой Евы», что он хотел бы издать три части книжки, исключив «Сны старой Евы», ибо это совершенно другая, отдельная книга стихов. Я ответила, что подумаю и дам ему знать. Конечно, я очень разволновалась и раздумалась. Неужели Комаров прав? Безусловно, я до безобразия много написала с августа 2005 года по июнь 2006. Но я уже выбросила 30 и оставила 76 стихотворений + 218 строк «заплачек». Последнее — для меня совершенно новое по ритму и структуре. И это можно было бы, так же как и Сны, издать отдельной книжицей. Но в чем смысл? Во-первых, бывают в книге разные циклы, так книжку «В пригороде Содома» тоже можно было бы разбить на три. В новой книге я чувствую некую общую ниточку, — в первой ее части «На крылечке» я на русской почве в русской жизни, во второй — «На два дома» — это я в двух местах — в России и на Святой земле, — в третьей части — «Сны старой Евы» — я в Иерусалиме углубляю книгу библейским мотивом, но вовсе не всегда сплю, я помню о доме, куда и возвращаюсь в последних стихах этой части. А последняя часть по смыслу и интонации расширяет мой мир, где плачу об общем мире, и о России в частности. Так что есть у меня своя логика построения книги. И почему отдельный большой цикл надо называть отдельной книгой? [...] Вечером я [...] помчалась к Чухонцеву. Он нашел, что у Комарова есть своя логика, тем более что Комаров любит издавать отдельные тонкие книжки, а у меня аж целых сто страниц! Но он, Чухонцев, лучше убрал бы последнюю часть, с ее отдельной музыкой и т.п., а «Сны» ему нравятся, он бы их оставил. В конце концов Чухонцев сказал, что еще раз просмотрит на этих днях книгу, а пока думает, что ничего из нее изымать

не следует. [...] Прокрутившись бессонно ночь от мысли, что вся книжка никуда не годится, вот и можно из нее изымать то одно, то другое, я сегодня часов в 11 утра позвонила Ицковичу, — не хочет ли ОГИ издать мою новую книгу. Ицкович сказал, что с радостью, сказал, чтобы я приготовила электронный вариант, а он на следующей неделе заедет, заберет и прочтет, — ему мои последние стихи, дескать, очень нравятся. [...] Лучше было бы совсем не издавать, повременить и т.д., но я уже три месяца — ни строчки. И мне кажется, что эта книга давит меня своим грузом, а избавлюсь от нее и — новое напишется. Ведь от пустоты одиночества меня спасают вспышки вдохновения. К этим вспышкам, а не к книжкам, я и тянусь.

Сегодня я одна и днем, и ночью. Звонила Леночка, у нее и у детей все в порядке. Вчера у нее была Маня, разбирали платяной шкаф. Этот встроенный шкаф в комнате, где я живу по полгода. Так живо вспомнилась и комната, и теснота в шкафу непролазная, и балкон с синим небом, деревьями и птичками. Через месяц буду там, уже истосковалась, а потом там буду тосковать по Переделкину. Такая у меня двухместная жизнь. [...]

*16 сентября 2006*

Вчера я не только футбол смотрела, но и все подряд до начала второго ночи. Жутко одной в доме. [...] Мне было жутко, и я вовсю врубил ящик. Наверное, даже двенадцатичасовое включение в новости, полные катастроф на земле и небе, в сериалы-боевики и проч. спасает от тревожного одиночества. Поневоле вспоминаю соседку по двухместной палате в 1-м Меде. Она, одинокая пенсионерка лет 60, с утра до вечера телевизор держала включенным (прежде так домохозяйки не выключали радиоточку). Не отрывая глаз от телевизора, моя соседка еще пыталась и со мной заводить беседы. Хорошо, что я была ходячей, впрочем, как и она. Она с остановками на врачебный осмотр пялилась на экран, а я почти все время проводила в санитарной комнате, курила и даже какие-то стишки кропала. Сёмен Израилевич еще был жив, и я не понимала, что значит сплошное одиночество. Соседке я не делала замечаний, дескать, неможугу целый день жить под голоса из ящика. Я жалела ее, но не за одинокость, а за убогость. Ведь лучше читать. А вот сама вчера так и не раскрыла дневников Корнея Ивановича. Из новостей узнала, что ведутся пока безуспешные поиски киллера, убившего вице-президента Центробанка Козлова, узнала, что в нескольких городах России идут отстрелы лиц не только кавказской национальности, но и закавказской и среднеазиатской, а те, обороняясь, тоже убивают. Опрос показывает, что 57 % населения считает, что этнические разборки будут возрастать, особенно в Москве и в Питере. Еще узнала, что дума приняла закон о более строгом наказании нарушителей дорожного движения и школ вождения машин, дескать, там берутся взятки. Но ни слова о ГАИ, которое одно из самых взяточных структур в обществе. Впрочем, всюду взяточничество. И об этом вчера говорили по разным каналам. А еще был часовой фильм, основанный на фактах, под названием «Щипач» — это просто ода ловкому карманнику и его наставнику — вору в законе. Виртуозный артист-щипач пробирается на высокопоставленную тусовку и во время танцев под «развратную», всюду запрещенную западную музыку обирает несколько присутствующих, в том числе выкрадывает бриллиантовую брошь у Галины Брежневой. Вся милиция встала на уши. В милиции оказались артисты-следователи, специалисты по карманникам. Вы-

жившие работники давали интервью. Главный мотив — развращенная элита высших брежневских эшелонов, а наиглавнейший мотив — восторг перед искусством щипача и сыщика. И это на НТВ, где до новостей шел сериал «Улица разбитых фонарей» с почти сверхнравственными работниками угрозыска. Короче — сказка о милиции, раскрывающей все убийства. Как ни смешно, но эту сказку приятней смотреть, чем документальный фильм о щипаче. В первом случае — все ложь, во втором — цинизм полулжи, одобренный фактическим материалом. Вот так познавательно минули вчерашние полдня, вечер и полночи.

[...] На улице холодно, Марина прибавила тепло в котле, с которым я не могу управляться. Попробую тепло одеться и выйти на воздух из своей прокуренной комнаты. В других комнатах не курю, Марина не выносит дыма, да и вообще в другие комнаты не захожу, разве что раз в день, чтоб одеться и позвонить Лене по телефону, имеющему тональную кнопку. Вот и сейчас пойду позвоню и оденусь, так как слышу — Марина уже вышла на кухню.

*17 сентября 2006*

Вчера узнала от Лены, что у Годика опять психический срыв, а нянька его уехала на несколько дней, и так я разволновалась за Ленку, что всю ночь не спала. Я уж ей говорю: раз не можешь здесь жить и не можешь отца забрать в Израиль, надо смириться — пусть все идет, как идет. [...] Сегодня я ему позвонила. Говорил он совершенно разумно, спрашивал, сколько книг вышло у меня за жизнь, что сейчас готовлю к печати, расходится ли его книга и как с гонорарами. [...] Он просил меня к нему звонить, буду, если это хоть сколько-нибудь облегчает дело и самочувствие Лены. [...] Вчера днем приезжала Светлана Васильева. Поговорили о названии моей книги, ей нравится «Сны старой Евы», я послушала ее стихи, и мы даже минут сорок с ней погуляли. На дворе довольно холодно, но ясно. Меж негустыми облаками — солнце. И это после долгих беспролазных дождей приятно. Мы шли не по Довженко, а по прилегающим улочкам, там — солнечней. И яблони, яблони сплошь в антоновке и краснобоких плодах. Красиво! Отрадно! Но как называются красные яблоки, позабыла, да и небольшая спица по части фруктовых сортов. Вечером вместе с Мариной смотрела танцы на льду, пытаюсь заглушить беспокойство за Леночку. Потом, как всегда, наглотавшись снотворных, на сон читала дневник Чуковского за 1903 год. У него, у молодого, мелькают то и дело парадоксальные мысли, сомнительные на первый взгляд. Но только — на первый! Мне запомнилась его мысль, что цели можно достичь лишь бесцельно. Не знаю, как в других областях, но в области искусства, в частности стихотворчества, думаю, что это именно так. Тогда, в итоге, и добиваешься цели, когда не нацеливаешься ни на форму лирического высказывания, ни тем более на читателя. Вообще пишешь как бы бесцельно, вслушиваясь в словесную музыку, на радость себе, и достигаешь цели. Еще мне нравится высказывание Корнея Ивановича, что самоуверенный человек всегда глуп. Это мне как маслом по душе, так как я крайне не уверена в том, что делаю, и правильно ли оцениваю свое и чужое, и разные события и ситуации. Да и трудно понимаю, кто прав. Помнится, еще в школе читала Белинского о Пушкине и видела его правоту. А прочла Добролюбова и тоже увидела правоту. Так и в жизни: похвалят мои стихи — почти верю, отнесутся кисло — скисаю. А вообще-то склонна думать, что все у меня плохо. И это чаще всего, и любому одобрению радуюсь по-детски как сказочному чуду.

На сон читаю что-нибудь, иначе не усну. Но вчера уснула всего на полтора часа и до утра проваландалась от страха за Лену. Ведь ей скоро стукнет 55, даже не верится. Тем не менее это так. А у нее забот и работ выше крыши. Она, бедняжка, еле выдерживает этот груз, а тут еще безвыходность с папой.

[...] Вернулась с рынка Марина, ее сын Витя занес обеденный стол в комнату Сёмена — самую просторную на даче. Боюсь, не хватит мест. Ведь у нас здесь всего две скамьи от стола на кухне, который так же занесем в большую комнату, да три стула и два табурета.

*18 сентября 2006*

[...] Вчера приходил Чухонец с моей рукописью. Книгу решили назвать «Сны старой Евы». Он говорил, что книга сложилась, что ее импровизационный характер имеет свою сильную сторону, когда на одной странице одна мысль, а на другой — противоположная. От оценки воздержался. Хотя предыдущие две книжки оценил высоко. Несмотря на всю мою глупость, ум у меня трезвый, и я поняла, что книга ему мало нравится. Ну что ж, мне она тоже кажется намного слабее, чем две предыдущие маленькие книги «В пригороде Содома» и «Иерусалимская тетрадь». Мне кажется после уже трех с половиной месяцев полного молчания, что больше ничего не напишу.

Вчера на ночь продолжала чтение дневника Корнея Ивановича. Он, молодой, почти всех своих знакомых остро высмеивает, почти все — дураки. Так, видимо, и было. [...] Не спала с 2.30 до 6. Очень хотелось закурить, но я себе не позволила, иначе выработается рефлекс — просыпаться и курить посреди ночи. Бессонница подобралась ко мне в старости, а Чуковский страдал от бессонницы, оказывается, с молодых ногтей. В дневнике Корней Иванович серьезен, со многими взлетами и падениями настроения, и только в своем желании «написать» на свой лад Евгения Онегина шаловлив. И в преклонные годы он был шаловлив. Думаю, что от юности к старости перекинут мостик, а меж этими двумя берегами располагается текущая, в пятнах ошибок и в лунных бликах умонастроения, зрелость. Очень уж красиво выразилась, а значит, — бездарно. Чего-чего, а бездарности во мне хоть отбавляй.

За окном солнечно и потеплело. Марина метет опавшую желтизну осени. Но деревья еще почти все зеленые, это не та осень, которая в одночасье, бывало, всем золотом падала наземь.

*20 сентября 2006*

Вчера был удивительный день. В 10 утра по новостям культуры 2 минуты посвятили 95-летию Липкина. В 12.30 до 13.35 показывали фильм 1998 года о нас с Сёмой. Этот фильм еще при жизни Сёмы показывали, и он ему очень нравился. Сейчас же я смотрела со слезами и радостной улыбкой одновременно, — чем не Мазина из «Ночей Кибирии»! Плакала — нет Сёмы рядом, улыбалась — Сёму не забыли. [...] Сёма читал мощные свои стихи и высказывал умные вещи с присущим ему чувством достоинства.

В 16 часов Сережа Агапов заехал за мной, по дороге я занесла Чухонцевым два их ноутбука, Ира присоединилась к нам, и мы поехали с цветами на кладбище. [...] Гости начали постепенно сходить и съезжаться с 6 вечера до 8. [...] Были Паша Крючков с Аленой и чудным малышом Мотей, он ел преимущественно свежие огурцы с хлебом. Пришли Иванова, Ришины, Полищуки,

Соломонов, Сережа Агапов, Фима Бершин. Вспоминали Сёмена Израилевича весело, я припоминала всякие его причуды и выражения. Фима остался ночевать, а Марину Соломонов повез домой. К их отъезду все уже убрали, столы скамьи и стулья растащили по местам. Все всем хватило и даже осталось. [...]

Фима уехал, я ему собрала все цветы, какие мне вчера принесли, за ним заехал румяный Игорь Волгин<sup>63</sup>, он довезет Фиму до кладбища, тот положит цветы на могилу Сёмену Израилевичу, а потом уедет в город. [...]

21 сентября 2006

Вчера вечером навещала Чухонца, выглядит измученным. Вскоре зашел Пашка, принес по два последних № 8 и 9 «Нового мира» Олегу и мне. Поговорили о Пашиной поездке в Армению, каждый вспомнил свою Армению. Русских принимают хорошо. А вот в Азербайджане даже заикнуться нельзя, что ты полуармянка. Сергея Никитина, вышедшего петь «Виноградную косточку в черную землю зарю» и неосмотрительно сказавшего, что сейчас он споет песню полугрузина-полуармянина, чуть со свистом не согнали со сцены. Так что мне не стоит жалеть, что отказалась от поездки в Баку, а ведь так хотелось!

Сейчас звонила Леночка, я ей сказала, что позавчера Наталья Иванова произнесла о ней очень возвышенный тост как о человеке, писателе и деятеле, и что вчера Паша мне сообщил, что в 11 № Н.М. написал о ее книгах — это «Архипелаг ГУЛАГ» еврейского народа, и что, когда выйдет четвертая книга, он напишет большую обстоятельную статью. Паше как бы в голову не приходит, когда он говорит, что все должны прочесть о Терезине, что сейчас основное население читает книжки с фашистскими воззваниями и не только по поводу евреев, а о выдворении всех неславянских наций за пределы России. Об этом русские фашисты уже и с экранов телевизоров заявляют. Что-то дурное у меня сегодня настроение, изнурительная одышка — вчера еле додышалась до Чухонцева, хоть его дом от меня в полутора минутах, даже меньше.

Приходил Лев Николаевич, золотые руки и пьяница в одном лице. При встрече приподымает край грязной, как и вся одевка, шляпы, приветствует. У него небольшой домик и 20 соток земли. Сад ломится от яблок, приглашал собирать, но мне трудно нагибаться, да еще тащить. Так он сам на велосипеде мне привез, да еще и картошки для меня прихватил. А сейчас починил входную дверь так, чтобы на три оборота закрывалась, а то и на один запирать было с трудом. Все это оттого, что домишко старый, все в нем перекашивается или от сырости разбухает. Лев Николаевич любит поговорить, например, о том, что он незаконнорожденный потомок Льва Николаевича Толстого. Но наш Лев Николаевич так трудно и медленно заикается, что выслушивать его почти невыносимо. Держит же он себя галантно, и это никак не совмещается с внешним весьма неопрятным обликом. [...]

24 сентября 2006

Только я взялась за журналы, как за меня взялись сразу бронхит и астма. [...] Однако и сквозь задыхание, почти бездыханность, насквозь просмотрела два номера Н.М. [...] Интересна статья Кушнера, который сравнивает с Батюшковым как Грибоедова, так и Мандельштама. (Интересно, что имена Батюшкова и Грибоедова разработчикам компьютерного словаря ничего не говорят, ибо они подчеркнуты красной чертой как безграмотные). Да, интересно, что от Кушнера

останется, если не помнят уже Батюшкова? А вот Кушнер не подчеркнут красной чертой — известен. [...] Я было собралась полемизировать со статьей, да увидела бессмысленность спора. Если уже Батюшкова и разошедшегося на поговорки Грибоедова забыли, так для чего мне вступать в спор с Кушнером, пусть даже и в дневнике. Так что интересно то, что совершенно вдруг неинтересно. Прочла книжную полку Дмитрия Полищука, хорошая работа, приятно, что Полищук и моей «Хвастунье» нашел место.

Стихи почти все или крайне бездарные или лихо сколоченные, но ни сердцу, ни уму не нужны. Но тут я свой обзор периодически прерываю. Так как возвращаюсь к той же мысли: забыты безусловный Батюшков и грандиозный Грибоедов. Однако в именительном падеже имя Грибоедова не подчеркнуто. Анненский, Ходасевич, Кузмин, Плещеев, Случевский, Сологуб, Майков — взяла наугад. Оказалось, что компьютерному словарю известны только Ходасевич и Кузмин. Державин, слава Богу, не подчеркнут. Но эта игра — подчеркнут не подчеркнут — может далеко завести, даже в библейские и древнегреческие имена-времена. Енох, Иезеркиль — пророки, а подчеркнуты. Ахилл — известен. Ну, хватит дурака валять. Тем более — строить из себя умную, ведь Древнюю Грецию, как и древний Рим, знаю очень плохо, почти совсем не знаю. [...]

25 сентября 2006

Ничего не помогает — ни нобулайзер, ни валюматик, — тоже аппарат, но не для долгого вдыхания, а для спрея. День на день не приходится, но и ночь на ночь не приходится. Если прошлую ночь я, наконец, спала, как только в раннем детстве спят, то эту очень дурно, с 3.30 до самого утра прокашляла. Очень мне было душно, хотя окно оставалось раскрытым. Снился же мне какой-то уж совсем не человеческий сон, а собачий, если условиться, что собаки могут читать. Я читала какую-то книжку, прилежно водя пальцем под строками. Меня заинтересовала фраза: «Я с двумя дочерьми вошла в лес, а там горел петушиный хвост, напоминающий синюю бороду из сказки». Повествование шло от первого лица, под которое третье лицо, например, «я» легко подставлялось. Я немного отошла пальцем назад по тексту. Выяснилось, что мать и дочери, хотя и жили тогда у богатеев, были завшивлены. Я еще отступила пальцем по тексту, где писалось, что если бы «я в двадцать лет не вышла замуж за старшего егеря, то так бы и жила в свинарнике, и у меня от разных кобелей уже было бы 16 детей. А так, у меня три сына, старший — егерь у барина, средний — начальник охраны у купчика, а младший — легкомысленный пустобрех». И далее, водя пальцем туда-сюда по тексту, я вдруг поняла, что повествование идет от имени суки, рожденной у таксы и шотландского колли. Целая родословная была дана. А сын егерь — охотничий пес, сын, начальник охраны — сторожевой пес у купца, а младший пустобрех — рожден от дворняги. И еще некоторые подробности собачьей жизни написаны от первого лица так, что мне во сне уже казалось, что я и есть собака, написавшая эту книгу. Проснувшись же я в половине четвертого от своего лающего кашля. Ну просто заходилась кашлем. Лишь отпустило, попыталась заснуть и досмотреть собачий сон. Но не вышло, не спала, лаюше кашляла. Если бы не кашель, могла бы досмотреть. У меня часто прерывающиеся сны продолжаются. Даже случаются сериалы снов — из ночи в ночь. До чего ж было противно чувствовать себя псиной, хоть и голубых кровей. Видимо, наступила пора писать прозу, а я все откладываю, все отодвигаю, будто у меня

полжизни впереди. А на самом деле в те две ночи, когда мучительно задыхалась, спокойно думала, что вот-вот умру и не замечу, что умерла.

Я уже как-то жаловалась, что у меня появилась оглядка на героев моих персонажей и на читателя, т.е. появилась автоцензура, с которой, кстати сказать, бороться гораздо тяжелей, чем с государственным цензором. Сейчас вроде бы я от этой оглядки по сторонам несколько отошла, если не совсем. Но что-то во мне скрючилось и никак не распрямится. Может быть, так жизнь свернулась в эмбрион, и нет никакой возможности родиться снова. Вот и снится книга о собачьей жизни. Может, и впрямь скоро богу душу отдам. 21-го утром, когда я сидела за компьютером, в комнату залетела маленькая коричневатая птичка, похоже — малиновка. Но залетела неглубоко в комнату и тут же вылетела. Я не верю разным приметам, но этой верю: залетел голубь в 54 году, побился о стены в палате, и у меня умер мальчик. А незадолго до смерти Сёмы в коридор залетели две синицы, бились о стекла, мы им уже и двери отворили на крыльцо, и подгоняли их с Мариной к дверям, а они все отказывались от воли. А Сёма просил их не трогать, не гнать, мол, с какой стати гоним? Это было дней за девять до его ухода. Вот так-то. Кто же запускает птиц оповещать о смерти? Вряд ли Сам. Возможно, его старшие егеря из ангелов? Вот и сон прямо в две руки. [...]

26 сентября 2006

Стоит пронзительно-ясный, но уже вырвавшийся из бабьего лета, прохладный денек. Правда, его синее небо меж островками облаков, его зелено-солнечные деревья стоят за окном, куда мне покамест не выйти, не подышать прелой прохладой осени. Я все еще сильно кашляю и плохо дышу. [...] Ту часть ночи, которую я спала, мне почти досконально, словесно снился сюжет «Не будь ханжой!»! Думала, лишь проснусь, выпью кофе и усядусь за рассказик. Он ведь такой емкий, маленький. Но очень я ослабла. Вся искашлявшись, уснула и спала аж до 12 дня. Сейчас 3 часа дня. Говорила по телефону с Леной, она советует мне завтра с утра отправиться к Недоступу, сделать снимок.

[...] В начале октября, уже не за горами, выйдут у меня «Заплачки» в Н.М., которые мне казались оригинальными. А между тем в них любому читателю все понятно. Неужели я заблуждалась? Выйдут и в «Знамени» «Сны старой Евы». Тоже не знаю, хороши ли. Меня сейчас утешает мысль, что «Хвастунья» названа в магазине «Москва» лучшей книгой августа, да и в интернете (сообщила Ленка) она возглавляет пять лучших книг, остальные четыре, по словам Лены, иностранных авторов. А ведь как я боялась публикации, как сомневалась в качестве вещи, как колебалась... Может, и насчет новых своих стихов зря беспокоюсь? Но что-то мне говорит: не зря, не зря! [...]

27 сентября 2006

Обойдусь без обследования! Я почувствовала резкое улучшение. Кашлем, как смехом, уже не захожусь. Еще слаба, но постараюсь окрепнуть, до отлета совсем недалеко — чуть больше двух недель. [...] Настроение гнетущее: три с половиной месяца сплошного молчания для меня, графомана, слишком много. И кажется мне, что это уже навсегда. А вот существовать растительно не могу и не хочу. Лучше... Впрочем, зачем думать об этом? Пусть все происходит и само по себе, и по воле Божьей. Но само по себе и есть Божья воля. Что же до моей воли, то ее надо собрать, укрепить молитвой и надеяться на хорошее.

28 сентября 2006

Вчера приезжал Ицкович<sup>64</sup>. Привез книгу стихов Айги<sup>65</sup>. Как надо долго прожить, чтобы понять и принять чуждое тебе! Так вчера перед сном с поздним горьким пониманием прочитала многие стихи Айги. [...]

Все поздно. Даже моя поездка через 17 дней к Леночке до самой весны — очень позднее предприятие, накладное для дочери. Накладное — душевно, материально я никого не обременяю. Но я все слабее себя чувствую. И мои восклицания в телефон, что настало резкое улучшение, — для поддержки собственных сил, не более. Получается, я Лене вру. Конечно, вру. Ведь она меня просила сделать обследование у Недоступа, но я боюсь больницы как огня. А ведь бывало, и писала там и отдыхала. Да мало ли что бывало! Когда-то я даже молодой была. Вон на заставочной фотографии экрана я с Сёменом. Мне — 60, но выгляжу достаточно молодо. Сёме — 77. То есть он всего на год моложе меня сегодняшней, он спустя год после онкологической операции. Но разве можно его, тогдашнего, сравнить со мной сегодняшней? Тогда он еще подолгу гулял в Красновидове, хотя к реке спускаться ему было уже не так легко. И все же вдоль реки мы часто гуляли, а по полю, в сторону одной деревушки, он сам любил двигаться. Зимой это поле было блескучее, а летом пахучее, высокотравное. Сёма тогда много писал, в том числе не только об этих травах, где он окликал Аннушку и Маринушку (Ахматову и Цветаеву), но и такое по-молодому мощное стихотворение, как «Новый Иерусалим». Вообще, в отличие от меня, Сёма любил ходить. А уж теперь я и вовсе ходить не хочу, ибо задыхаюсь при ходьбе. Еще в прошедшую зиму я довольно сносно осиливала 2-й этаж в Иерусалиме. [...]

Вчера дочитала в Н.М. повесть Бутова<sup>66</sup> (не путать с Битовым) «Мобильник». Вещь замечательная. Хотя в повести два героя, один живой, автор, а второй умерший, но живущий в памяти автора. [...] Сам же автор вовсе не аморфен, он мыслит, чувствует, существует рядом с Пудисом, который уже погиб, и все же кажется некой полноценной тенью уже ушедшего. Это вещь — реалистический символизм, и то, что у автора остается мобильник Пудиса, мобильник, который автор бросает в могилу, только подчеркивает эту символику. Мобильник в земле, связь прервана. Но прервана чисто физически, реально, а в сущности не прерывается в сознании автора. Пудис всегда боялся смерти и именно в силу этого (по мысли автора) так интенсивно и внутренне свободно жил. Немудрено, что наедине автор и Пудис почти не разговаривали, потому что разговаривать с самим собой, если даже одна твоя часть старше второй, странно. Меж тем ничего странного в повести, написанной плотным, точным и горячим языком, нет. И это также замечательное свойство «Мобильника». Мне захотелось высказать свое восхищение Бутову, и я позвонила. Поскольку знаю, что редко к кому сейчас кто-нибудь вторгается с восхищенной критикой. Все читают только самих себя или тех друзей, соседей, от которых не отвертеться. Так и получилось. Бутов рад был моему звонку.

30 сентября 2006

Вот и последний день сентября. 2 недели стояла прозрачно-сухая погода. Сейчас — мокро, молодая рябинка перед самым окном как-то потемнела и влажно пожухла. Через две недели я распрощаюсь с еще до конца не оголившейся осенью и отправлюсь в пальмовую зелень. Что-то на этот раз не хочется ни с осенью расставаться, ни с одинокими мыслями. Они настолько одиноки, что

уже не детородны. И ждать, что вот перемену обстановку, и мне запишется, уже глупо. В тучах появился некий пробел далекого солнца, и листва на рябинке приняла медный цвет. Возможно, и в голове образуется некий солнечный пробел? Все может быть, но я уже не верю. [...]

Вчера я почти весь день продремала. Утром искупалась и так обессилела, что целый день пролежала в постели. Почти все время спала с перерывом на новости и прогноз погоды. Новости грузинские и пахнут дымом, но не шашлычным, а пороховым. Но думаю, до войны дело не дойдет. У нас думцами и правительством исподволь и напрямую нагнетаются антиамериканские настроения. [...]

А меж тем солнце почти вылупилось из облаков, и рябинка снова приняла иную окраску — бронзовую. При этом сама листовенная бронза кажется воздушной, колеблемой, но не сдуваемой. Хочу осмелеть, одеться и выйти на воздух. Кашель у меня долгоиграющий, ждать пока пройдет, смешно. Выйду на улицу.

*1 октября 2006*

Вот уже и октябрь, еще светло от отсутствия дождя и присутствия осенних красок. Солнце где-то внутри облаков. Это из моего окна была видна только медь и бронза рябины. Вчера же я минут на пятнадцать выходила на улицу. В начале участка Кондаковой, прижимаясь друг к другу стволами, сошлись в одну крону клен и береза. Желтая и красная листва вперемешку — непередаваемой прелести пестрота, да еще на фоне вполне зеленого дуба. Сегодня же я вряд ли отважусь выйти — мало спала, много съела, отяжелела. Марина ушла к своим детям и накормила меня впрок.

[...] Вечером приезжали ко мне Джаник с Лидой. Через Джаника вышли на меня организаторы переводов с туркменского. Оказывается, уже вышел огромный в бархате и золоте фолиант, где есть и стихи Туркменбаши<sup>67</sup>. [...] Джаник видел этот фолиант, там есть и перевод Липкина — обязаны заплатить. [...] На очереди — книга самого Туркменбаши. Оплачивает Газпром, сам Миллер привлекает известных поэтов к переводам. Одно стихотворение — тысяча долларов. [...] Я сразу же отказалась.

— Я так и сказал им, — подтвердил Джаник, моя сестра ни за что не согласится, — и все же обещал познакомить тебя с подстрочниками стихов Туркменбаши. Прочти хотя бы.

Я прочла одно из нескольких. Такую, и даже похуже, восточную лирику я переводила много. М.б. некоторые как Наби Хазри, окажись на месте Туркменбаши, были бы не лучше его. Мао тоже сочинял душещипательные вирши. Сейчас, наедине с собой, думаю, а во всех ли случаях я так принципиально отказалась бы? Нет, не во всех. Например, если бы у Лены не было ни шекеля на хлеб. Наверное, в таком случае поступилась бы совестью. Ну, а если бы у меня не было бы ни рубля на хлеб? Пожалуй, лучше сдохнуть от голода, чем от позора. А еще лучше не сдохнуть, а побираться. [...]

*3 октября 2006*

Сегодня день рождения Феди и день ангела Иры и Олега. Федю я через Лену сейчас поздравила, Чухонцевых поздравлю позже. [...] День вчера стоял глухой, т.е. телефон молчал. Единственный звонок был из Финляндии, спрашивали разрешения на публикацию. Переводчица летом ко мне приезжала, когда здесь была Лена. Удивительное существо эта переводчица. Молоденькая, высо-

кая, с непроизносимым для меня именем и почти совершенно слепая. Как она только дом нашла! Ведь мы с Леной могли ее встретить, но кто знал? Проводила ее на электричку Лена. Живет эта чудесная девушка в Питере на приличную финскую пенсию по инвалидности. Пишет рассказы. Один взяла «Звезда». Держит она себя непринужденно и независимо от своей слепоты.

Полдня вчера смотрела тупо телевизор, — вроде бы меньше одиноко. А полдня и вечер читала дневник молодого Чуковского. Начало XX века. Как разнится жизнь по сравнению с началом нынешнего века! Мир, т.е. люди абсолютно другие и в то же время те же самые. Тогда все приносилось на алтарь идеям, теперь — на алтарь валюты. И то и другое человечество приводит к революциям и войнам. Межклассовая борьба сменилась межконфессиональной. Можно много говорить о различии, да и о сходстве жизни той и этой эпох. Прогресса, кроме технического, нет, есть изменение стиля. Особенно это видно по литературной жизни, то есть по ее повседневности. Раньше кипели страсти идеологические, теперь — денежные. В молодые годы Корнея Ивановича существовала прямота критических высказываний, острая полемика, невзирая на лица. Нынче этого совершенно нет. Никто никому напрямую не скажет своего отрицательного мнения, идет тихая подковерная борьба за место под баксами. Если и идет открытая борьба, то она — не по художнической линии, а по политической, и воняет большими деньгами. А говорят, что деньги не пахнут. Еще как пахнут! И не только потом, но и кровью. [...]

Ожидаю звонка от Ицковича по поводу моей книги. [...] И чего я так об этой книге беспокоюсь? А с того, что мне уже около четырех месяцев не пишется, и кажется: вот сбуду с рук написанное и меня посетит вдохновение. Этого счастья всегда жду, а когда оно приходит, то кажется вполне обыденным. Впрочем, так и с другими видами счастья, например — со счастьем любви. Но блаженство вдохновения острее и слаще любого другого. [...] Улягусь за дневник Чуковского. А там и новости посмотрю. Муторно от почти бессонных ночей.

*5 октября 2006*

Вчера позвонил Ицкович. Книгу берут, хотят издать в твердой обложке, есть у них такая серия, где стихи, а к ним прилагаются какие-либо высказывания авторов, даже письма и эссе. Но мне, по мнению редакции, ничего из-за моей самодостаточности не надо, а нужен большой блок моих фотографий, именно моих, а не с кем-нибудь в компании. Я спросила: а с Липкиным и дочерью можно? Можно по одной фотокарточке. Вчера целый день просматривала альбомы и коробки с фотоснимками. Тяжелое это дело — двигаться от детских лет к старости и по дороге терять очень близких, одних, с кем развела жизнь, других — навсегда. Невыразимо больно перебирать снимки, где мы с Сёмой или он один. [...]

Лена моя вместе с Серёжей совершенно больная улетела преподавать в Голландию. Вчерашний ее звонок растопил мое сердце, заледенелое в тоске: «Мама, я тебе заказала перевозку, чтобы тебе не идти так далеко от самолета до выхода, у тебя же одышка! Слушайся меня и скажи стюардессе, что тебе заказана перевозка. А тебя ждут попугайчики на дереве перед балконом!»! Какая внимательная дочь, и как хорошо понимает, что у меня ледяной камень на душе. Теперь уже кажется, что мне вблизи от Леночки станет лучше. Кто его знает, м.б. и вдохновение вернется.

[...] Продолжаю читать дневник Чуковского, где много метких наблюдений

и определений. Интересно видеть, как и в какую сторону меняются литераторы, да и незаметно для себя и сам Чуковский. Хороши его портреты Репина (но тут большая дружба и соседство), Шаяпина, Гумилёва, Блока, Мережковского. Один Гумилёв равен себе, и стоически неподкупен Блок. Почти все остальные пытаются приноровиться не просто к власти, но и к большевистскому сознанию. Интересен в этом смысле Горький. К власти принаравливается, но большевизм ненавидит. Это пока 1919 год. На этом месте погас свет, и — остальное пропало. А писала я о том, как незаметно для себя и Корней Иванович менялся. Но повторяться лень. Это же запись в дневник, а не статья какая-нибудь или обзор литературных событий и людей.

Звонил Юз. Он в эйфорическом ступоре от книги стихов «Эхо». Повторять его слова даже себе самой неловко и нелепо.

*6 октября 2006*

[...] Марина всю убирается в кухонных шкафчиках. А мне печально, что в доме будут жить чужие люди. Но что поделать, если дом зимой ни в коем случае нельзя оставлять, — не только обворуют, но и сжечь могут. Да и без грабителей могут замерзнуть трубы. [...] Пришло в голову, а не назвать ли мне книгу «Дневник старой Евы» вместо «Сны старой Евы»? Уж очень меня «сны» пугают — несет от них какой-то затхлостью, символической условностью.

Продолжаю с все возрастающим интересом читать дневник Чуковского. Пока читаю, хочется запомнить отдельные высказывания. Но память никуда не годится, прочитываю и тут же забываю. А вот мысль, брошенная походя, запомнилась: должно пройти столетие, чтобы восстановилась русская культура. Кажется, литература. [...] Запомнилось и то, что Блок никак не понимал молодых и не желал понимать модернистов. Видимо, крупные поэты плохо воспринимают новые поколенческие веяния, а Чуковского это удивляет. Ну, лучше читать, чем писать.

*15 октября 2006*

Вот я и у Леночки в Иерусалиме. Оттого, что мне дома в последние месяцы и не спалось и не писалось, я думала, что не испытаю счастья по приезде. Как хорошо, что я ошибалась! Мне сразу стало спокойней и радостней. Я отлично выпалась. Вчера вечером Леночка показала мне письмо Юза Алешковского ко мне. Он меня до неприличия преувеличенно расхваливает. Не знаю, что и отвечать. Я хоть и хвастунья, однако не настолько. Накатаю ответ прямо в дневник.

«Здравствуй, мой дорогой, мой любимый Юз!

[...] Что говорить, пусть ты и преувеличил мои способности, мне это как никогда кстаети. Четыре месяца ни гу-гу. А вдруг с твоих легких рук снова запою? Тем более что в открытом настежь балконе зеленое дерево с мелкими зелеными попугайчиками. Они не образованы, не знают даже иврита, не говоря о русском. Они те самые аборигены, которые никаких языков, кроме своего, не желают признавать и постигать. Мне тоже хочется быть независимой ни от кого стихотворицей. Это не так-то легко, если за спиной и перед глазами примеры русской классики. Но ведь и у попугайчиков, возможно, свои традиции и своя преемственность. [...] Вслушалась в их разговоры, не Семейство, а струнный оркестр: кто на скрипочке, кто на виолончели, а кто и на контрабасе, иногда и флейта вступает в дело. А вот барабанных палочек в крыльях никто не держит». [...]

На улице — красота, тепло. Я еще хожу очень плохо, но надеюсь на улучшение. Ездили с Леной на такси в район мебельных магазинов. Я присмотрела очень симпатичный компактный диванчик и купила его к Леночкиному дню рождения. Его уже привезли. Это тоже для меня радость. Вчера меня встречала и Маня, похудевшая и похорошевшая. Лена сегодня утром показала на компьютере три ее новых картины — замечательные. Как я хочу, чтобы у нее все было в порядке при беспорядочной жизни.

В Переделкине перед отъездом была у Чухонца [...], очень люблю говорить с Олегом наедине. Мы с ним читали несколько прежде мне не известных писем Пастернака, в том числе письмо Коле Иванову, чьи стихи Пастернаку сильно не понравились. Но он многословно и как можно витиеватей передавал свое мнение. Так многословно он часто поступает, чтобы не обидеть. Более формулировочное письмо Пастернак адресовал сыну по поводу его поэтических упражнений. Это письмо хорошо бы переписать в крупном типографском формате и вывесить в литинституте, да и в домах у многих стихотворцев не помешало бы. [...] Здесь я только по Чухонцу и буду скучать. На моей даче будут жить Ицкович с Леной и собачкой. Это неплохо, — все же знакомые люди, и люди неплохие. А еще заскучаю по русской речи, так уже было три зимы. А будет ли писаться — неизвестно. Ну, да ладно, я уже много понаписала. Кстати, Чухонцу кажется, что Пастернак кокетничает, часто ругая свои стихи, мол, не нравятся — не печатай! А мне кажется, что можно быть недовольным написанным и в то же время отдавать книгу в печать. Вот к чему я отдала книгу стихов в ОГИ, ведь я ими недовольна? Может, надеюсь, что скинула книгу с плеч и снова начну писать и блаженствовать, ведь лучших минут ни у поэтов, ни у графоманов не бывает.

*16 октября 2006*

Сегодня после обеда поехали с Леной по ее делам в архив Яд-Вашем. В третий раз я посещаю этот скорбный музей и всякий раз в душевном мраке. Впервые мы были в Яд-Вашем с Сёменом. Зашли в зал, где лица и имена жертв катастрофы высвечиваются в полной темноте. Мне стало не по себе, и мы вышли. Меня угнетало какое-то парадное, черное в огнях, горе. Ужас — это далеко не скорбь, а некое утробное чувство. Второй раз, в прошлом году, я была там в музее. И тоже не знала, как поскорей выбраться на волю. В музее нет сквозного прохода от входа к выходу. Все устроено по типу лабиринта, где в каждом уголке и между демонстрируются тематические киноленты, фотографии, картины и еще разное. Но ты не можешь миновать ни одного поворота, ибо везде люди. Тебя как бы насильно втискивают в людской поток, и где уж тут скорбеть! Так и рвешься на воздух. Не знаю, все ли испытывают то, что я, но думаю, — многие. Все должно содержать в себе свободу, даже скорбь.

Лена долго искала необходимые ей сведения, сказала мне, что в архиве нет никакой системы. А так очень тихо, люди молчком сосредоточены на бумагах и компьютерах. Никакого шуршания бумагами, которое мне обещала Лена, так что я даже в такси крутила строки: Под горною синевой, / Под желтыми флагами / Осень шуршит листвою, архивы — бумагами.

Осень еще шуршит зелеными листьями, но для середины октября необычно прохладно. Ехали мы туда мимо целой цепочки крупных алых роз. Красиво! В архивном зале пробыли два часа. Сначала я обзревала дивный городской

пейзаж. Но сколько можно обозревать с одной точки? И я уткнулась в сканворды, которые мне в дорогу купила Машка.

Сейчас к Сереже приехали друзья его друга из Далласа, оказывается, они обо мне слышали. Как это странно, хоть и приятно. Сегодня как раз Лена нашла в интернете текст короткой радиопередачи к моему 75-летию. Ведущий удивляется в беседе с Фазилом Искандером, что нигде о моем юбилее не сообщалось. [...] Но меня это не колышет. Я мечтаю об одном, чтобы Бог дал мне еще немного жизни и работы. А то я кроме дневника уже четыре месяца — ни словечка, ни рифмочки. Но поплачешься, да и упадешь шаром в лузу. Вот я и плачусь, чтобы попасть курсором в зарифмованную мысль, ибо мысль ко мне приходила всегда с рифмой. Я элементарна, проста, как амеба. Амеба хорошо рифмуется с небом, но не с голосовыми связками. А под небом моего неба только безмолвие плавает. Вот я уже начала играть словами, выпендриваться. Значит, больше нечего сказать.

*17 октября 2006*

Завтра день рождения Леночки. Будем многолюдно отмечать ее 55 лет. Просто не верится. До сих пор она мне кажется маленькой испуганной девочкой, держащейся за мою юбку и кричащей тоненько: я мамина! я мамина! я мамина! И теперешняя ее самостоятельная сила кажется оболочкой, под которой трепещущая душа, ищущая поддержки и не находящая. Напротив: это моя маленькая девочка всех поддерживает, для каждого находит не только участливое слово, но деятельную помощь. А иначе, не имея добрейшего сердца, как бы Лена занималась тем, чем занимается? Я бы не выдержала такого груза физической и нравственной ответственности перед мертвыми и живыми. А ведь я всеми считаюсь сильной. Мне хватало душевных сил многое пережить (даже библейские судьбы), но все свои переживания я изывала стихами. И не перед кем конкретно не отвечала. Только перед собой. Это, конечно, тоже нелегкое дело, ибо всегда считаешь себя то виноватой, то совершенно ничтожной и никому не нужной. Но Лене я почему-то еще нужна... [...] Я все тяжелей хожу, двигаюсь с открытым ртом. А вокруг так красиво, хочется еще насмотреться на красоту земли. [...]

*22 октября 2006*

Вчера приезжала Ивон Грин, английская поэтесса, которая переводит Липкина. Она нас повезла в ресторан и там читала свои переводы «Золы», «Молдавского языка» и «Военной песни». Лена и Сережа говорят, что хорошо. Ивон рассказала, что за переводы Липкина взялось еще несколько человек, с ее подачи влюбившихся в его стихи, так что она даже ревнует, но говорит, что это поможет делу, ибо вовлеклись в перевод литературно влиятельные люди. Вообще день вчера был очень насыщенным. С утра — стихи, днем слушали в шотландском храме семь сонат Гайдна в чудесном исполнении струнного квартета. Вот какая пошла полная жизнь у меня. [...]

*25 октября 2006*

Все никак не могу вернуться к дневниковым записям, потому что у меня образовалась большая переписка с Юзом Алешковским, да и стишки начала кропать.

[...] После насильственного выдворения израильтян из домов, которые они

строили и жили в них 20 лет, а в особенности после войны с Ливаном, арабы утвердились в том, что армия Израиля вполне сокрушима. Все же боюсь, как часто это бывало, если верить Библии, Израиль вновь падет.

*31 октября 2006*

Давно ничего не записывала, т.е. писала в дневнике письма. Да и что записывать? Обычно к дневнику прибегают, когда плохо. А тут вроде бы все хорошо, например, в субботу была с Леной, с кузенком Юза и его женой в католическом храме в Бейт-Шемеше. Храм небольшой, но очень красиво расписан. Построен он на месте византийской церкви, от которой остались только обломки с мозаикой, выставленные для обозрения перед храмом.

Вечером к нам пришел Коля Поболь. Продолжали выпивать и закусывать после первых гостей. Коля, как всегда, прекрасен, многознающ, добродушен, ни капли злобы в этом человеке я никогда не замечала. А дружны мы с конца семидесятых! [...]

*3 ноября 2006*

Последние дни были суматошными. По утрам я писала стихи, ближе к вечеру и даже днем набирались, в основном, гости Лены и Сережи. Вчера звонил кузен Юза, звал завтра на службу, в Горненский монастырь, в 8 утра. Если я знаю, что завтра мне так рано надо подыматься, я всю ночь не сплю. Да и дом подымать на ноги в 7 утра не хочу. Савелий обещал, что из храма заедет, если будет недождливая погода, возьмет нас с Леной на Мёртвое море. [...]

*17 декабря 2006*

Что-то в последнее время все письма пишу и ни слова в дневник. Видимо, это потому, что здесь есть интернет и нет друзей, нет Переделкина, по которому все равно скучаю, хотя рядом с Леной мне спокойно и даже стихи писались полтора месяца. Теперь наступил перерыв, думаю, что длительный. И отлично. Мне уже казалось, что я бесконечно пишу из старческого непонимания, что хорошо, а что — плохо. Впрочем, так оно и есть. Не может неграфоман написать за такой срок 33 стишка. Немыслимо. Перекопирую в дневник письмо к Юзу, так как в нем есть рассказик из жизни, который я нигде не упоминала. [...]

«Я люблю игры. В юности замечательно играла в шахматы, взяла первое место среди женщин московской области, и меня хотели тренировать на мировое первенство. Я, конечно, отказалась не только потому, что стихи не давали покою, но и из трусости. Если бы не было Нью-Васюков, то моя история была бы занимательна. Но занимательно то, что повторяется литературный вымысел в жизни. Или же идет параллельно. Ибо тогда я еще литературного источника не знала. Вкратце история: мне было 20 лет, я приехала к маме на лето в Москву. Моими друзьями были люберецкие шахматисты — два первокатегорника. Так вот, когда они выходили на командное первенство, заболела их шахматистка. И меня попросили заменить ее, мол, проиграешь нам — минус очко, не поедешь, нам опять же — минус очко. А вдруг с их стороны не будет женщины, тогда нам — плюс очко. А вдруг, что маловероятно, выиграешь, опять же нам плюс. После долгих уговоров, уговорили, выдали мне документ, где обозначили меня как игрока 4-й категории, ниже — только пятая. Даже преуменьшили мои шахматные способности. И мы выехали в Раменское. Там меня познакомили с моей соперницей. Боже, как я перепугалась! Это была огромная первокатегор-

ница, при этом с высшим техническим образованием и в очках. Я же была уверена, что никогда даже до студента не могу дорасти. А уж когда в очках, то это — умник невозможный. В жутком страхе села я за доску. Она играла белыми и сделала ход конем. Я перебирала в уме дебюты, но такого не вспомнила. Пошла пешкой и нажала на часы. От страха у меня началась медвежья болезнь, так как следующим ходом она подставила мне коня, но я, конечно, была на стреме и жертву не приняла. Побежала в уборную, где вскоре раменцы выставили караул, — а не подсказывает ли кто мне ходы в уборной? А первокатегорница с высшим образованием и в очках продолжала подставлять фигуры, я же увиливала и делала малозначащие ходы. Наконец, между нажатиями на часы и беганьем в уборную, я подумала: чего я ужасаюсь? Вот уже открыт у нее весь королевский фланг, два хода и ей — мат. Это было, наверное, на ходу восемнадцатом. Я в последний раз нажала на часы и, вернувшись из уборной, объявила: извините меня, но Вам — мат. Оказалось, что она умела только фигуры передвигать, и ее взяли раменцы, как люберецкие меня, — а вдруг? Но нахалы вписали ей 1-ю категорию. Тут меня включили на личное первенство между женщинами. Я выиграла и, поставив точку на шахматной карьере, возвратилась в Баку».

*3 января 2007*

Вот тебе, бабушка, и Новый год! Уже не помню, когда открывала дневник, — все письма писала с октября 2006-го, да и стихи. [...] Вообще-то жизнь у меня после ухода Сёмы странная, поделилась на два пространства — на Подмоскowie и Иерусалим. Но во снах, которые мне снятся третьи сутки, я уже во второй половине бытия, т.е. — в смерти. И так странно: мне снятся всякие письменные вести из жизни, как будто она и есть инобытие. Словно бы все мое существование поменяло место, зеркально отражающее жизнь. Но это уже не жизнь, а смерть. Это я понимаю не только после сна, но и во время его. Вторая реальность поменялась местами с первой, и мне до слез жаль тех несчастных жителей гетто, которые мне посылают письма из жизни. Просыпаюсь — подушка влажная. И впрямь плакала во сне. Не пойму, к чему этот новый сериал снов (у меня же сны многосерийны). То ли пора мне на тот свет, то ли в конце прошлого года начиталась Борхеса. Особенно меня поразили его рассуждения о вечности, рассуждения со многими ссылками на философов, начиная с Платона. А по мне сейчас каждая минута — вечность. Видимо, я слишком стара, чтобы жить на два дома или вообще жить. А на улице солнце и довольно тепло. Понимаю, что надо выйти на прогулку, но как вспомню, что буду двигаться с безумной одышкой, открыв рот и тараща глаза, не хочется собираться на улицу. Но Лена меня все равно погонит. Но вот когда подъем я одолею и выйду на зеленую аллею, то буду радоваться скамейке, солнцу над собой и куполу монастыря, лишь опустишь глаза, и всей зимней зелени. За несколько дней до Нового года однажды выпал кратковременный снег. День — и от него не осталось и следа. Но нет, следы еще день продержались, мы выходили с Леночкой погулять, и было странно видеть на зеленых кустах лаванды и розмарина белые пятна снега. Да, с Иерусалимом мне не особенно повезло, если иметь в виду не глобальную, а локальную географию, — горные тропы мне уже не по силам. Не знаю, посетит ли меня муза и в этом году. Но если верить Алешковскому, звонившему мне перед Новым годом, то муза меня не покинет. Вообще Юз для меня уже полгода — подарок судьбы. В своих письмах, густо посоленных словотворческой матерщиной, он

так по-ангельски возвышенно пишет мне о моих стихах, что я и на самом деле временами верю, что я — поэт. И тогда пишутся стихи — единственное блаженство, оставшееся мне от жизни. Однако я уже не знаю, если верить снам, на каком я свете — на Этом или на Том. Я решила о снах написать в дневнике, чтобы заболтать сны, пусть мне еще думается, что я жива. Не люблю неизвестности. Ничего не зная про инобытие, я его боюсь.

4 февраля 2007

Сегодня годовщина маминой смерти. Я разгрустилась. Позвонила Томочке. Но что хорошего я могу сказать ей о себе? Ничего. Сердце никуда не годится. Была неделю в больнице. Мерцала. Пульс восстановили. Но сказали, что вряд ли это надолго. Что я должна думать об операции — замена клапана. Я этого не хочу. Если бы я знала, что либо умру, либо выживу и — только, я бы пошла на операцию. Но ведь могу калекой остаться, еще большей, чем сейчас. И значит, быть еще большей обузой для Лены, чем сейчас. Жить не хочется. Ибо для меня противно жить, чтобы лечиться. Другое дело — подлечиваться, чтобы жить и писать. Но в данном случае у меня не жизнь, а сплошная лечеба.

Вся жизнь моя происходит сейчас во снах. Интерьер почти всегда один и тот же — общежитие, больница, гостиница, дом творчества. Никогда не снится дом или квартира. Все — общее и все в близком соседстве. Главный герой — Сёма, он почти всегда болен, и я, как могу, отталкиваю от него смерть. Остальные герои часто меняются — кроме Леночки, в основном женщины-соседки по номерам, палатам, комнатам д.т. Все эти места как-то неразрывно связаны между собой и представляют нечто общее в обстановке жизни. А иногда мне снится и какой-нибудь необычный предмет, совмещающий в себе три предмета. Так, позавчера приснилось нечто, привезенное на какое-то всемирное сборище, — новая модель оружия, похожая сразу на детскую коляску, автомобиль и ракету ярко-желтого цвета. На этом международном мероприятии с трибуны кричал сильно взлохмаченный внешне и внутренне человек: «Хватит нам, русским, ваших Бетховенов и Кантов. У нас свои есть. А то заполонили собой весь мир и весь рынок, бизнесмены, миллиардеры, всюду они в бесконечном количестве!» Кричал он о Бетховенах и Кантах, но было очевидно, что речь шла о евреях. Вот такой сон.

Вчера мне сообщила по телефону Марина — ей звонили из Нальчика и просили, чтобы я написала хотя бы страничку о Кайсыне Кулиеве к его столетию. Я бы, конечно, написала бы, но сейчас бессильна. А ночью сегодня ехала с Сёмой в Нальчик в поезде, где купе представляло собой все тот же интерьер со многими жильцами. У Сёмы резко поднялось давление, а я это упустила, недосмотрела. Очень часто снится мне, что я нерасторопна по отношению к Сёме и вообще плоха.

Мои бесконечные сновиденные комнаты, напоминающие сообщающиеся сосуды, напоминают мне лабиринты Борхеса. Он видел жизнь то как отражение снов, то как отражения отражений. Что же, может, так оно и есть. Меня, когда я и здоровой была, отражения предметов увлекали больше самих предметов.

8 февраля 2007

Ну вот, помимо тяжелых снов, которые мне снятся вопреки моей жизнерадостности, появилось нечто из внешней жизни. Меня приглашают на книжную ярмарку в Иерусалиме. Увы, слишком поздно. Столько ярмарок прошло мимо

меня, не сосчитать! А вот эта для меня запоздала. Сердце никуда не годится, страшная одышка. [...] Но пойти на книжную ярмарку и увидеть, что на стенде есть мои книги, мне бы хотелось.

Лена послезавтра вернется в Иерусалим. В Либерце ее, бедняжку, обокрали, утащили кошелек со всеми деньгами и визой. Так что ей придется после двух недель напряженной работы добираться до Праги и аэропорта неизвестно как. А тут я ее жду со своими болячками. [...]

А сегодня ночью мне снилось вообще черт-те что. Снились младенцы, которых от пожара защищают ткани типа разноцветных кубиков. Это я явно перетрудилась над сканвордами. Ведь после больницы я почти ничего не хочу читать. На сон заканчиваю дневник Всеволода Иванова<sup>68</sup>. Какой несчастный человек! Как он был уверен, что потомки его прочтут и разберутся в его таланте. А м.б. он себя уговаривал? Хорошо жить иллюзиями или самообманом, в этом смысле Всеволод Иванов почти счастливчик советской закваски с проблесками недоумения по поводу сов. власти. Но его недоумения лишь в малой степени связаны с реальной жизнью, больше — со своим недостаточным лит. успехом. Если бы с этим делом было бы все в порядке, он бы никакого беспорядка вокруг не замечал. Как жаль, что я абсолютно лишена иллюзий и самообмана. Нет и не может быть у меня шансов остаться в русской поэзии, как нет никаких шансов у России стать подлинно демократическим государством. И не подлинно — невозможно при таких гангстерских замашках правительства и чиновничества, а значит, по нисходящей — любой социальной группы или прослойки. Народ безмолвствует. И это, пожалуй, все же лучше революции. Не будет бескровной революции в стране, где и в «мирное» время погибает столько народу, в том числе и бизнесменов. Они расстреливаются киллерами. Но если посмотреть на наши детские дома и дома ребенка, то и родители — киллеры, и государство. [...]

15 февраля 2007

[...] Прилетела из Праги Лена — замечательное событие! Отправились мы к кардиологу — и чего только он мне не наобещал — и инсульт с полным параличом в том числе — и речи, если я не буду аккуратно пить одно лекарство и проверять раз в неделю кровь из вены. Уже это ожидание не окрыляет. Еще он сказал, что никакая операция мне не поможет, а будет еще хуже, чем сейчас, и, возможно, с осложнениями. Лена, возмущенная нелицеприятной правдой, спросила: «Ну что-нибудь вы можете сказать хорошего?»

— Ничего хорошего, увы, сказать не могу. Будет только хуже.

Леночка возмутилась жестокостью врача, а я нет. Только расстроилась и растерялась. На что мне такая жизнь и такие перспективы? Я человек, не умеющий заниматься сразу двумя вещами. Получается, что я теперь буду жить для того, чтобы лечиться, а не для того, чтобы писать, пусть и плохо. [...]

Но было и приятное событие. Сережа и Лена взяли меня в Тель-Авив, и я видела свою правнучку. Прелестное создание, хоть и беспокойное. Но ей всего полтора месяца, почти все младенцы в этом возрасте мучаются с животом. К трем месяцам, говорят, проходит. У Лизаветы глаза на пол-лица, маленький и остренький подбородок, волосы прямые, длинные и черные с тенденцией светлеть. Глаза, думаю, будут зелеными, как у Тамарин<sup>69</sup>. Но это еще не факт. Цвет глаз у младенцев меняется. Одно меня беспокоит: Федя уезжает в Италию на гастроли с Полуниным, и Тамарин едет вместе с ним. Так менять климат

полуторамесячному, по-моему, опасно. Но молодежь теперь иначе думает и иначе живет. И возможно, молодые правы. Я уже в своей правоте сомневаюсь в любых областях жизни, в том числе и в поэзии. У меня большая электронная переписка с Алешковским, Полищуком и с Валентиной Полухиной. На ее письмо, где хорошо говорится о моих стихах в общем (я ей и Даниелю послала новые) и выделяются отдельные, я ей написала:

«Спасибо за добрый отзыв на мои стихи. Конечно, так много написано за короткий срок, что слабые стихи неминуемы. А сильные в малом количестве, что нормально. Когда я понимаю, что так много слабого, вспоминаю Блока. Он писал потоками, циклами, когда слабые стихи неизбежны, как неизбежны горы с ущельями, подножьями, но ведь у гор есть и вершины! Таким примером я себя успокаиваю. Противоположную Блоку поэтику представляет Мандельштам, у которого — сплошь вершины и никаких пропастей. Пожалуй, еще у Ахматовой так. А вот у Цветаевой — Блоковская кардиограмма, как мне кажется. Взлеты и падения. Но какие взлеты! При том, что она работала над стихами, не покладая рук, а Блок их просто выдыхал. Результат же почти одинаков. Ну я тут неуместно занялась размышлениями о поэтических "пейзажах". А возможно, — и уместно. В моем возрасте только дурак не задумается о своей далекости или близости к истинным образцам».

Сегодня обещают бурю и натиск, то есть — дождь и ветер. На улице — хмуро. А вчера сияло солнце, и мы с Леночкой ходили в ближайший сад, вернее, аллею сада, что над монастырем, многожды мной упомянутом. До него нормальному человеку 2 минуты ходьбы. А для меня этот подъем вверх занимает с передышками 10 минут, и на аллею к скамейке я выхожу с пульсом 100. Насчет прогулок здесь мне не повезло. Все — на горах, и я все старалась горы преодолеть ходьбой, вот и сорвалась в тяжелую мерцалку. Теперь, перепуганная врачами, я ничего преодолевать не хочу. Но я опять, позорница, о болезни. На самом деле меня удивил дивно цветущий миндаль. Лепестки его белы с некоторым налетом голубого, сердки — розовые. Так вот мне миндаль по большей части кажется голубоватым, а Леночке розовым. Никто из нас не дальтоник. Но, видимо, каждая улавливает доминирующий для себя оттенок. [...]

13 мая 2007

Вот я и вернулась домой в Переделкино. До этого дня никаких записей в дневнике не делала. Я опять — после больницы. Анемия. И всякую гадость во мне искали. Не отпускали домой. Конечно, в Израиле медицина лучше. Но в моей голове вертелась все время одна строчка: я хочу помирать на родном языке. [...]

23 мая 2007

20-го улетела Леночка. Грустно. Но ей здесь, несмотря на то, что она провела два славных семинара, было очень тяжело. Возилась с отцом, который мало что смыслит. [...]

У меня до начала июля будет жить Машкина саратовская подруга Оля, а после небольшого перерыва вновь придет ко мне до осени. [...] За мной не надо присматривать, но мне надо знать, что хотя бы через комнату есть еще одно дыхание.

Дни стоят чудесные, все бурно цветет. Участок уже принял совершенно летний вид, загустел цвет зелени. Солнце сияет. Хотя бы в нынешнем году лето

было теплым. В городе, конечно, жарко. А я как жительница пригорода эгоистично мечтаю о тепле. За компьютером сидеть неохота. Лучше в саду сидеть и играть в реми, что я и делала вчера почти весь день. Играла с Фимой Бершиным. Кстати, ему не понравились мои стихи, опубликованные в «Дружбе народов». Почему — я не спрашивала. А то есть анекдот, как один трижды обращался к Господу, мол, ему плохо и почему Господь не помогает. Дважды не было ответа, а в третий раз послышался голос с неба: «Ну, не нравишься ты мне!» Тем более что Бершин честен и совершенно прав. Я на днях перечитала все, что написала осенью и зимой. Увы — плохо. То есть не то чтобы провально, уж лучше б провально до самого дна, чем средний уровень то ли воды, то ли тины. Говорят, воробья на мякине не проведешь. Значит, я воробей, который себя не проведет на своей же мякине. С таким настроением и горьким пониманием еще долго во мне не возобладает графоман. Это к лучшему, хотя уж очень я люблю моменты, когда пишется. [...] Печально это понимать, когда тебе 79 лет и уже ничего не изменишь. Поздно менять профессию. Теперь хочется только одному научиться: умирать с минимальными тяготами для окружающих. Хорошо бы сразу. Но такой милости у Господа я не заслужила ничем.

Моему Сёмочке повезло, умер мгновенно. Сейчас я занимаюсь его книгой для издательства «Время». Не знаю, понравилось бы это Сёме, но я после четырех лет ожидания поняла, что не оплатишь — не издадут. Внесла 3 тысячи долларов. Книга уже три года лежит сверстанной. Я договорилась, что в конце книги помещу не публиковавшееся при жизни. Там достаточно много стихов, все не поместятся. Но все и не нужно помещать, а только лучшее. Надо мне отобрать стихотворений 24. Обращусь за помощью к Полищуку. Я перестала доверять своему глазу, своему мнению. [...] Пока, слава Богу, у меня нет никакого маразма, а лишь холодная трезвость старости.

24 мая 2007

Сегодня попохладнело, и я собираюсь на премиальный вечер Чухонца. [...] Около девяти меня разбудил мобильный телефон. [...]

— Я вчера приехал из Питера, а на столе у меня ваша новая книга, на днях привезли из типографии<sup>70</sup>.

— Ну как она выглядит?

— Замечательно! И стихи замечательные, я читаю. Вы, Инна Львовна, как коньяк.

— Чем старей, тем лучше?

Ицкович пообещал мне книжек 10 привезти на вечер.

А вчера я звонила и во «Время», и в «Русский мир». У меня не осталось ни одного экземпляра «Эха» и «Шкатулки». Справилась, покупается ли «Шкатулка»? На что мне редактор Филин сказал: «Вы человек умный, и я хочу вам сказать, что фантастическим спросом пользуется книга Седаковой. А ваша, как все в этой серии [...]». Филинское «как у всех» меня задело. Почему это, когда о себе говоришь, что, к примеру, дурак, это еще выносимо, хоть и печально. А вот когда тебе говорят, что ты дурак, невыносимо больно. Возможно, больно от подтверждения твоей же мысли. А возможно, что человек, как себя ни клянет, в глубине души надеется, что он сам к себе так беспощаден, а не другие.

Звонила Леночке — автоответчик. Все крутится глупый стишок:

*В степи*

Куда ни оглянись,  
Степь опыляет жизнь.

Куда здесь ни ступи,  
Солдатский прах в степи.

Куда здесь взгляд ни кинь —  
На косточках полынь.

Куда здесь взгляд ни брось,  
И здесь с тобой мы врозь.

25 мая 2007

Вчера был не только весь день удивительный. Без пробок с Серёжей доехали до кинотеатра «Россия». Серёжа только припарковал машину, как мы увидели огромный рекламный щит, на котором светилось лицо Чухонца. Мы приехали за полтора часа до съезда гостей и зашли в кафе на полувоздухе, т.е. с крышей, но с открытой верандой и входом. Все красиво и чисто — Запад, которого я, кстати, не видела. Заняты почти все места молодым, средних лет и даже пожилым клиентом. Мы заказали по маленькой чашке кофе и по фруктовому пирожному, самому дешевому. Меня потряс счет — 800 рублей! Это же третья часть средней пенсии! Откуда у народа такие деньги? Или это собрались банковские клерки, биржевые дилеры. А может, и такие одноразовые кутилы, как мы? Я потрясена.

В 18 часов начался съезд гостей. Тут сразу же меня нашел Дима Ицкович и показал мою книгу — оформлена прекрасно! Церемония была чудесной. В перерывах между выступающими играл струнный оркестр имени кого забыла, так как заслушалась виртуозным исполнением. Речь Чухонцева была абсолютно в его манере: умна, раздумчива, точно он советуется со всем залом, и скромна по отношению к себе. После того, как я побывала в кафе, угощение банкетное мне показалось почти преступным, слишком шикарно, вплоть до целиком зажаренных осетров. [...]

27 мая 2007

Вчера стоял, вернее, совершенно не двигался душный день. Сухой воздух дышал сиренью и поэтому казался еще гуще. Вдыхать его мне было труднее, чем в мороз. А м.б. просто сказывалась моя одышка. Кое-как добрела с приехавшей Машкой и Олей до музея Окуджавы послушать певицу-гитаристку (фамилию забыла). Она пела песни Булата не совсем в его манере, но чистым грудным голосом. И я вдруг живо вспомнила Булата, нашу молодость, наши сборища и стыдно сказать, заплакала, хорошо, что не громко и редкими слезами. Возраст. А плакать теперь считается неприличным, даже на кладбище. [...] Сегодня в шесть утра меня разбудили соловьи. Это, наверное, их последнее жениховство. Потом снова уснула после кофе, и снился кошмарно кровавый сон, кровь к родне. Но откуда такие ужасы?

Но о печальном говорить сегодня — Троица. Говорят, соловьи поют до Троицы. Но я помню, как весь июнь пел соловей в Малеевке над оврагом, куда выходило окно Ахмадулиной. Сон — в руку, только заговорила о родне, как позвонила моя сестра Оля, собралась меня навестить, придет часам к шести

вечера, а не видела я ее аж с сентября. [...] Жду ее с волнением, хотя знаю, что не избегну полуудивленных нотаций по поводу моей материально-бессмысленной жизни, а также жизни Лены. [...]

29 мая 2007

Май подходит к концу. Такого жаркого мая в моей жизни не было. Бывал жарким в смысле работы, а вот в смысле погоды не был. Сейчас читаю толстые журналы и некоторые книги, которые мне дарят. Последнее — сущее наказание! Но и предпоследнее не лучше, разве что никто не ждет моего мнения, и это уже отранно. В «Дружбе народов» читала некоторые письма Ницше. Он предрекает конец европейскому еврейству и образованию некоего то ли государства, то ли... Антисемит при этом вполне умеренный.

Еще до осени далеко, а я уже напряжена неизвестностью — кто разделит мое осеннее и зимнее одиночество. Предположим, я на октябрь—ноябрь полечу к Лене. А дальше что? Я загадываю наперед, как молодая. Словно я бессмертна. Но не получается у меня жить данной минутой, хотя жить именно так и надо. Ничего не пишется. В ушах — никакой музыки. А ведь с музыки начинается все. Она обычно слышится в ритме будущей строчки, а там и стихи из нее вырастают очень быстро. Когда я, полемизируя с Ахматовой (когда б вы знали, из какого сора) и с Цветаевой (стихи растут как звезды и как розы), писала, что стихи рождаются из ничего, я имела в виду музыку. Однако и музыка у меня, как мне кажется, то ли устарелая, то ли общая. Правда, не попса.

12 июля 2007

Целую вечность не усаживалась за дневник. Обычно такое происходит, когда мне совершенно не пишется. Но тут — хорошая причина. Издательство АСТ предложило издать книги Семёна и мою. По 200—250 стр, в твердом переплете. Значит, надлежало сократить и составить мою и Семёну книги изрядно. Со своей я справилась быстро, повыбрасывала стихи из «Эха», добавила из «Житья-бытья», напечатанные только в журнале. Нужно только еще название придумать, да никак не придумаю. А вот с книгой Липкина мне было очень трудно. Чем пожертвовать? Его главную тему, какой нет ни у одного поэта, этот экуменический узел поэзии, в который затянуты многие конфессии и счастливо-редкостное умение поэта посмотреть на Бога изнутри каждой конфессии, конечно, надо было сохранить в целостности. Но у него есть и повторяющиеся мотивы, обращенные к Высшей силе. И дидактические моменты в стихах. Есть стихи прямолинейно политизированные. Этим я и жертвовала. Но кто знает, правильно ли? То, что в небольшой по объему книге не стоит публиковать «Техника интенданта», я сообразила и поставила в конец книги «Жизнь Переделкинскую», и вещь отличная, занимательная и для среднего читателя, обожающего мемуары. Меня поразило и то, что в книге, по крайней мере, двадцать шедевров, а из них шесть — гениальные. Маша мне отформатировала, книги получились в нужном объеме. Так что осталось придумать название для своей книжки, да еще думаю открыть книжку Семёна не так, как он ее открывал, сообразуясь с приблизительной последовательностью датировки, а стихотворением «Имена», хоть оно и написано во время войны, а не раньше. Потрясающее стихотворение, где Адам дает имена предметам и явлениям, замечательное начало для книги поэта, продлевающего жизнь предметов и явлений. Так вот главная тема Липкинской поэзии и 20 наилучших стихотворений сразу делают его не только оригинальным, но и крупным поэтом. А во

«Времени», которому я и заплатила за книгу, Липкина что-то не спешат издавать.

На дворе чудесная теплынь — 30 градусов, а обещают и вовсе африканскую жару. Хорошо мне, деревенской, а каково городским? Участок мой с каждым днем все дичает и дичает. Уже окна мне застыт подрастающие осины, имеющие способность размножаться со скоростью нынешнего времени. Слава моего двора — лопухи — уже достигли человеческого роста. Но и сквозь зеленую изоляцию до меня доходят телефонные звонки с упорным слухом, что я навсегда перебралась в Израиль. Думаю, эти слухи перед скорым моим юбилеем не случайны.

[...] Рассадин прислал мне книгу статей о Самойлове, Соколове, Липкине, Блажеевском и Хлебникове. Если две первые милы, то о Липкине и Блажеевском хороши, о Хлебникове приличные. Но в книге есть статья и обо мне. Статья, хотя почти комплиментарная, но плохая, я в ней то ли мечусь между Цветаевой и Ахматовой, то ли бегу от первой ко второй. Что за чепуха! Почти ничего о поэте женского полу я не читала, где бы ни возникали эти великие поэтессы. То с ними сравнивают, то к их клану причисляют, то топчут их именами. Глупо.

14 июля 2007

Вчера написала страницу, а она исчезла. И я не бралась восстанавливать написанное, оно было заурядным, как и стихотворение, которое вчера написала. Весь день тревожилась, что уже три дня от Леночки ни слуху, ни духу. Моя тревога отразилась в двух строчках, завершавших стихотворение, которые самому стихотворению — ни к селу, ни к городу: И моя годовалая дочь / Пепел ест, а не манку<sup>71</sup>. Кроме того, во вчерашнюю ночь мне снился, как всегда, непонятный дом — сразу дом творчества, общежитие, дача и больница — все коммунальное, густонаселенное. В этом сне дом был тот же, но в полном разорении, а стелька в моей туфле была в крови, как и сама ступня. Последнее время, да и раньше случалось, мне снятся сбывающиеся сны. Так, недавно проснулась и рассказала Оле сон: столкнулась в общем коридоре с Рассадиным. Он говорит: «Давай обнимемся нежно» — и исчезает. В тот же день мне принесли от него книгу с надписью «Инне нежно — Стасик». И еще я ей рассказывала два-три сна, имеющих непосредственное отношение к ближайшему случаю или только-только минувшему. На этот раз мое сновидчество печально подтвердилось: позвонила Леночка и сказала, что их квартиру в Иерусалиме обокрали. Но я так обрадовалась, что она жива-здорова, что вяло отреагировала на случившееся. Впрочем, кражу я ждала. Еще задолго до отъезда Лены и Серёжи в Европу я советовала поставить на окна решетки. И как я ни убеждала Леночку, что решетки только поначалу неприязненно замечаешь, а там привыкаешь, как я привыкла на даче, она в ответ говорила о вольном просторе. [...] Недели тому у меня был такой жуткий сердечный приступ, что, казалось бы, после него, раз осталась жива, радуйся каждому дню. Возможно, есть такие счастливые люди, но не я. Только получает, как я за работу и планы на будущее, которого до самой смерти не достигнешь. А смерть — это будущее, какое невозможно предугадать и какое ни в каких снах не приснится. Как ни крути, даже способность провидеть относится к земному времени. Возможно, лишь чей-то вечный сон может предсказать наше будущее? Все может быть из того, что может быть, и даже из того, чего быть не может. Такое время на земле.

11 сентября 2007

[...] Не пишется, не думается. Вернее, думается, но все — о завтрашнем дне: где и с кем буду доживать жизнь. Здесь или в Израиле. [...] Постоянно думаю о смерти как о каком-то варианте освобождения от непосильных дум и забот. [...]

7 апреля 2008

Наконец-то я вернулась позавчера домой! Слава Тебе, Господи! Начинаю дневник со дня Благовещенья. Это символично. Да и как иначе думать, если, начиная с октября 2007, я в Израиле болела на всю катушку и на все провода, какими была опутана в больнице, когда мне после двух месяцев со дня автоаварии, после лежки с треснутыми ребрами и т.д. еще и ритмоводитель вшивали. Надеюсь, что этот аппарат будет руководить моей оставшейся жизнью и не позволит шастать по небу Москва—Израиль и обратно. Конечно, я буду безумно тосковать по Лене. Но как вспомню, как она намучилась со мной, да и сама пострадала в аварии, ей пробил чем-то острым надкостницу, и она по сей день ходит на перевязки. Меж тем работает как бешеная. Мало того, что пишет каталог-книжку про Петра Кина, она еще и семинар взялась вести по интернету, обучать рисованию. Сто человек в ее семинаре, из них восемьдесят рисуют так, что диву даешься, а ведь начинали со спирали, с круговых движений (школа Иттена, школа Фридл). Лена всем при заданиях коротко отвечает, советует. Короче, получилось некое чудо преподавания и учебы.

11 апреля 2008

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Думала, с возвращением к любимому окну меня оставят хворобы. Да не тут-то было! Жить-доживать придется на фоне недуга. Обидно. Сейчас чувствую себя виноватой уже не перед Леной, а перед Олей, согласившейся жить в моей избе и писать. Оля очень чувствительна, боится за меня, тревожится. Сегодня в литературном музее отмечают столетие Марии Сергеевны<sup>72</sup>. Меня очень просили выступить. Кто еще остался в живых, хорошо ее знавших? Но куда мне! Позавчера было 38,5. Так что бронхит продолжается, если это бронхит. Но больше о болячках не буду.

Есть новость: вот-вот в продажу поступит многострадальный том стихотворений Сёмы. Заключив сразу после его ухода договор со мной (инициатива издательства), «Время» тянуло время так, что в прошлом мае я предложила книгу издать за мой счет. [...] Вот-вот поступит в продажу и мое небольшое избранное, которое предложило издать АСТ, несколько позже у них выйдет и Семён Израилевич. Это избранное составляла я. [...] По драгоценной нелюбви к своим стихам и столь же драгоценному легкомыслию я покидала в рукопись непомерно мало стихов, написанных до 2000 года, и сверх меры — стихи последних лет. Но меня это ничуть не заботит: помру — и никакая книга не останется после меня. Буду забыта, как забыты многие второстепенные поэты. Тогда спрашивается, почему я с радостью согласилась с предложением Алёхина издать в будущем году книжку моих новых стихов? Почему? У Веры нет инерции, ибо, если она есть, то есть. Инерция Любви прекращается не сразу. А вот инерция Надежды никогда не прекращается. Даже в отчаянье. Но мы не всегда осознаем, что надеемся. Потеря всяческой надежды ведет к потере жизни — к самоубийству. Даже не обязательно удавиться, удавить в себе надежду, пусть неосознанную — тоже самоубийство. [...]

13 апреля 2008

[...] Вчера открыла «Знамя» и открыла для себя 27-летнего Евгения Никитина. Наконец-то появился совершенно своеобразный новый поэт со своим взглядом сквозь реалии жизни на саму жизнь. Все у него наличествует, что надо — обновленный ритм и словарь, свежее страстное чувство, ненавязчивая ироничность, острота ума. Чтобы не быть голословной, скажу хотя бы о музыке: несмотря на длинную строку, анжамбеманы, ритм быстрый. Можно было бы подумать, что скорость достигнута за счет многих внутренних рифм. Но многие теперь пользуются внутренними рифмами — не новость. В данном случае летящая музыка — не просто эффект виртуозной техники, а обусловлена самим содержанием. Мне всегда кажется, что форму образует содержание, а поиск формы для содержания редко когда успешен. Редко удается в уготованное русло загнать реку. Как хочется, чтобы в суеде тусовок и юношеских отрицаний всех и вся он не стал бы искать эдакое такое — левой рукой за правое ухо. Он, родом из Молдавии, сейчас живет в Москве, снимает комнату и занимается устройством поэтических вечеров. Последнее обстоятельство меня и настораживает. Но думаю, сильный талант упасется от искушений. [...] Хочется написать Никитину письмо, но он так презрительно поминает скопом всех предшественников, что мое восторженное мнение для него, думаю, пустой звук.

[...] Сейчас позвонила Олеся<sup>73</sup>, привезет мне книгу Семёна Израилевича. Ура! Книга полная с добавлением некоторых ненапечатанных. Очень красивая. На ярко-белой обложке дивный портрет Липкина. Сёма улыбается едва-едва, скорее мимолетная полуулыбка, а глаза внимательно-грустные. Как я ни обрадовалась, а плакать захотелось. Тираж 3 тысячи. Послесловие Немзера.

14 апреля 2008

День начался великолепно. В окне желтоватые почки рябины выпростали молочно-зеленые листья, спасибо ночному дождю. Да и Оле спасибо! Она мне предложила в стихотворении слово «проточное» изменить на «немолчное», а это и точней и углубляет смысл.

\* \* \*

Стремленье к облакам у сосен  
Слабей, чем юности амбиции.  
Но старость далеко не осень,  
Скорее некий стиль провинции.

Не вижу для себя угрозы. —  
Я из провинциалов чокнутых.  
Стихов полуживые розы  
В воде стоят на полусогнутых.

Вода отнюдь не из-под крана,  
А родниковая, немолчная.  
И если в розы прячу раны,  
То это просто так, побочное.

14 апреля 2008

Надо же — нравится этот стишок, ведь мне редко нравятся мои пробы пера, а теперь и пробы клавиш.

17 апреля 2008

Вчера, когда я смотрела повторение футбольного матча «Зенит» — «Марсель», позвонил Чухонцев и очень нервно сокрушался, что премию «Поэт» дали не мне, а Кибирову. [...] Именно в эти дни, когда жюри обсуждало и решало, я преспокойненько написала три стишка, один из них позавчера читала Олегу по телефону, хотя такой привычки не имею. Вчера менялась погода, и, видимо, поэтому я проспала целый день. После разговора с Чухонцевым, в котором я его утешала, досмотрела матч. Я обрадовалась, — у нас в стране все так нехорошо, зыбко, такое воровство, что приятно, что хоть в спортивном соревновании наша команда выигрывает. Правительственная команда. А значит, все сверху вниз крадут в крупных масштабах. Оля беспокоилась, что я после длинного дневного сна и беседы с Чухонцем не усну. Но я спала как убитая. Утром за завтраком Оля в окне увидела чудо-птиц и мне показала. Красавицы: светло-коричневые в белых и голубых пятнах, с синими подкрыльями, крупные. Может быть, сойки? Скорей всего, но надо бы узнать. Впервые остро огорчилась, что у меня нет интернета. Там обо всем можно узнать, даже описание внешности сойки. [...]

18 апреля 2008

Дождь то идет, то стоит в виде тумана. С этой записи пошло стихотворение<sup>74</sup>. [...]

21 апреля 2008

...

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Марина Красина помогала маме справляться с переделкинским бытом. Когда Липкина не стало, Марина согласилась ночевать с мамой на даче.

<sup>2</sup> Поэт и прозаик Ефим Бершин в то время жил у мамы на даче. Он замечательно описал маму в очерке «В лесу, где не бытует эхо...» Поэтическое бытие Инны Лиснянской (Обрывки мыслей)». «Дружба Народов», 2006, № 11.

<sup>3</sup> Ирина Ришина — журналист, в прошлом многолетний сотрудник «Литературной газеты», где она опубликовала множество бесед с известными писателями, и Музея Булата Окуджавы в Переделкино.

<sup>4</sup> Константин Петрович Богатырёв (1925—1976) — российский филолог, поэт-переводчик, специалист в области немецкой литературы, известный своими диссидентскими взглядами. 26 апреля 1976 г., в девятом часу вечера, неизвестные нанесли Богатырёву несколько ударов кастетом у порога его квартиры на пятом этаже «писательского» дома (Красноармейская, 25). С переломом основания черепа и в бессознательном состоянии Богатырёв был доставлен в больницу. 15 июня он пришел в сознание, однако объяснить причины происшедшего отказался. 18 июня Константин Богатырёв умер. Его убийцы не были найдены. Распространено мнение, что за убийством стоял КГБ.

<sup>5</sup> Семён Израилевич Липкин (1911—2003) — поэт, переводчик, муж Инны Лиснянской.

<sup>6</sup> Евгений Ермолин. «Костер в овраге».

<sup>7</sup> Олег Чухонцев, любимый мамой поэт, сосед по даче.

<sup>8</sup> Павел Крючков, сотрудник Государственного литературного музея, заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир», литературный обозреватель «Радио России», руководитель проекта «Звучащая литература», лауреат премии «Тэффи».

<sup>9</sup> Воспоминания об Арсении Тарковском были написаны в 1995 году, опубликованы в журнале «Знамя», 2005, №1. 20.2.1996 мама писала мне: «Тарковский отправился в "Знамя", кажется, в № 4. Ну, еще надо, чтобы графу понравился». 15.3.1996 мама с горечью сообщает: «Что касается редактируемого тобой "Отдельного", то я тебе, кажется, то ли по телефону сказала, то ли написала: "Знамя" отклонило... Слишком много вас и очень мало Тарковского». 22.11.1996 мама писала: «В прошлом году...меня уже от полного душевного краха спас Тарковский, т.е.

писание о нем. Публиковать вызвался после грубого отказа "Знамени" и др. "Стрелец", "Третья волна" хотела издать отдельной книжкой, я остановила и то и другое. Вот что я сдам в архив — это точно. Но когда писала, мне становилось все легче и легче...Жалею ли я, что — в архив? Ничуть! Не задумывайся, моя умница, на что это и кому это? Тебе — это».

<sup>10</sup> Андрей Немзер, известный литературовед, высоко чтит маму. «Лиснянская делает осязаемым самодостаточность всего, к чему прикасается ее слово», — писал он в книге, выпущенной по случаю присуждения маме в 2009 году премии «Поэт».

<sup>11</sup> Наталия Борисовна Иванова, известный критик и литературовед, была маминой соседкой по даче. Их сердечной дружбе посвящены многие страницы маминых писем.

<sup>12</sup> Игорь Петрович Золотусский, историк литературы, исследователь жизни и творчества Николая Гоголя.

<sup>13</sup> Владислав Отрошенко, писатель и эссеист.

<sup>14</sup> Сергей Чупринин, писатель, литературный критик, главный редактор журнала «Знамя».

<sup>15</sup> Поэтесса Ольга Постникова.

<sup>16</sup> Станислав Рассадин. «Книга прощаний. Воспоминания». М.: «Текст», Серия «Коллекция», 2004, 2009.

<sup>17</sup> Николай Поболь, близкий друг нашей семьи. Маму потрясла его скоростная смерть в 2013 году. В сборнике «Жил певчий дрозд...», изданном П.Поляном, есть и мамины слова: «Какое горе — умер редкой души человек Николай Поболь. Трудно даже говорить об этом — ушло от нас огромное чудо доброты, щедрости, понимания и сочувствия. Коля питал окружающих его людей заботой и включенностью в их судьбы. Его все любили. С ним дружили настоящие поэты: Штейнберг, Липкин, Рейн. А также многие художники. Занимался он по профессии географией и по любви — поэзией Мандельштама. Когда Мандельштам в нашей стране мало кто знал, Коля Поболь рассказывал о нем и распространял его стихи. Очень много Коля помогал молодым, а не только таким старикам, как я. Если в космосе есть дыры, то глубокая дыра останется с нами после ухода Николая Львовича Поболя».

<sup>18</sup> Речь идет о проекте «Билет на пароход в Рай», посвященном двум еврейским художникам, пытавшимся вырваться из оккупированной нацистами Праги в Палестину. Из Братиславы на корабле под Панамским флагом они добрались до Палестины, но англичане не дали евреям сойти на берег и переправили всех, оставшихся в живых, в британскую тюрьму на остров Маврикий. Один из художников, Фриц Гендель, покончил в тюрьме самоубийством, а его друг, художник Беда Майер, добрался до Палестины, всю жизнь прожил в Израиле, работал, где придется, а по ночам писал картины. Я познакомилась с Бедой, когда ему было 90 лет. Выставка «Билет на пароход в рай» открылась 9 мая в мемориале «Терезин», и ее успех превзошел все ожидания. Чешские художники вернулись на родину. 4 года выставка путешествовала по Чехии и Австрии, затем экспонировалась в музеях Израиля.

<sup>19</sup> Ирина Поволоцкая, прозаик, лауреат премии А.П. Белкина, жена Олега Чухонцева.

<sup>20</sup> Поэт Юрий Кублановский, которого мама высоко ценила.

<sup>21</sup> Поэт Григорий Корин (1926—2010).

<sup>22</sup> Дмитрий Полищук, поэт и литературный критик, был маминым главным «экспертом». Из Иерусалима она ему первому посылала новые стихи и с волнением ждала критики.

<sup>23</sup> Книжная полка Дмитрия Полищука, «Новый Мир», 2005, № 8.

<sup>24</sup> Александр Викторович Недоступ — профессор-кардиолог, доктор медицинских наук.

<sup>25</sup> Стихи детей из Терезина. Составление и вступительная статья Елены Макаровой. Перевод Инны Лиснянской. «Иностранная литература», 2004, № 5.

<sup>26</sup> Юрий и Ольга Соломоновы, журналисты, друзья мамы по Переделкину.

<sup>27</sup> Сергей Макаров, зять, детский писатель.

<sup>28</sup> Семён Израилевич Липкин. Угль, пылающий огнём... Восп. о Мандельштаме / Сост.: П.М.Нерлер, Н.Л.Поболь, Д.Полищук. М.: РГГУ, 2008.

<sup>29</sup> С поэтессой Олесей Николаевой нас связывает дружеское родство. Мы учились в Литинституте, Олеся была на нашей свадьбе, вышла она замуж за Володю Вигилянского, сына писательницы Инны Варламовой, ближайшей маминой подруги. Позже он стал священником, отцом Владимиром. В 2010-м Александрина Вигилянская, дочь Олеси и о. Владимира, снимала фильм «Больше, чем любовь», про маму и Липкина, в марте 2014-го о. Владимир отпел маму в Переделкинском храме.

<sup>30</sup> Поэт Александр Кушнер.

<sup>31</sup> Писатель и поэт Дмитрий Бак, директор Государственного литературного музея.

<sup>32</sup> Писательница, вдова поэта Андрея Вознесенского (1933—2010).

<sup>33</sup> Писатель Василий Аксенов (1932—2009).

<sup>34</sup> Мария Лыхина, друг семьи, любитель-фотограф, она приводила в порядок мамин архив в компьютере и снимала маму и Семёна Липкина на видео.

<sup>35</sup> Артем Скворцов. Кокон инфанта, «Арион», 2005, № 4.

<sup>36</sup> Роман С.Липкина «Декада» был переведен на французский Ниной Кехаян и издан в 2008 г. Editions de l'Aube. Этот роман, посвященный истории переселения малых народов Кавказа в 1944 г., чрезвычайно современен сегодня. В нем есть такие слова: «Национальное самосозна-

ние прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови».

<sup>37</sup> Даниель Вайсборд перевел стихи из книги «В пригороде Содома». Валентина Полухина, литератор, автор книги «Иосиф Бродский глазами современников».

<sup>38</sup> Елена Цезаревна Чуковская (1931—2015).

<sup>39</sup> Лариса Миллер — поэт.

<sup>40</sup> На эту тему у Фимы в очерке очень смешной пассаж про то, как они с мамой смотрят футбол. «Так вот, сидим, смотрим, как Аргентина с кем-то играет. И вдруг Лиснянская говорит: — Этого Гонсалеса надо выгнать с поля! — Почему вдруг? — спрашиваю. — Он ничего плохого еще не сделал. — Потому что я переводила одного Гонсалеса на русский язык, и он оказался страшным занудой.

Парадоксальность ее ассоциаций — не метод, а некая врожденная особенность. Словно с рождения в Лиснянскую вживили особый чип, который не дает возможности воспринимать окружающее без примеси».

<sup>41</sup> Поэтесса Ирина Ермакова, лауреат премии «Московский счет» (2007) за лучшую поэтическую книгу года.

<sup>42</sup> Ирина Василькова, прозаик и поэт.

<sup>43</sup> Поэт Алексей Цветков, лауреат премии Андрея Белого (2007) и Русской премии (2011).

<sup>44</sup> Сергей Агапов, директор Дома-музея Корнея Чуковского.

<sup>45</sup> Наталья Продольнова — научный сотрудник Дома-музея Корнея Чуковского.

<sup>46</sup> Андрей Василевский, главный редактор журнала «Новый мир».

<sup>47</sup> Поэтесса Валентина Ботева, мамина приятельница.

<sup>48</sup> Юрий и Ольга Соломоновы, журналисты, друзья мамы по Переделкину.

<sup>49</sup> Писатель Евгений Попов и его жена, писательница Светлана Васильева.

<sup>50</sup> Джаник — мамин брат по материнской линии, композитор Евгений Терегулов (1950—2011).

<sup>51</sup> Болгарский поэт и директор издательского дома «Журнал Пламя» Георгий Константинов.

<sup>52</sup> Надежда Кондакова, поэтесса, соседка мамы по Переделкино.

<sup>53</sup> С писателем Юзом Алешковским мама, будучи в Израиле, постоянно переписывалась, они все собирались встретиться, да не вышло.

<sup>54</sup> Писатель и драматург Михаил Рошин в то время очень болел, и мама его при возможности навещала.

<sup>55</sup> Поэт Олег Хлебников, заместитель главного редактора «Новой газеты».

<sup>56</sup> Мамина родная сестра.

<sup>57</sup> Книга «Сны старой Евы» вышла в ОГИ в 2007 г.

<sup>58</sup> Геннадий Комаров, поэт, основатель и главный редактор петербургского издательства «Пушкинский фонд».

<sup>59</sup> Федор Макаров, внук. Клоун, актер в «Снежном шоу» Славы Полунина.

<sup>60</sup> Григорий Александрович Корин (1926—2010), поэт, первый муж мамы, мой отец.

<sup>61</sup> Соседка по дому.

<sup>62</sup> «На Истре», см. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3-4.html>

<sup>63</sup> Игорь Волгин — поэт, телеведущий.

<sup>64</sup> Дмитрий Ицкович, директор издательства ОГИ.

<sup>65</sup> Поэт Геннадий Айги (1934—2006).

<sup>66</sup> Михаил Бутов, прозаик, лауреат премии Русский Букер, сотрудник «Нового мира».

<sup>67</sup> Сапармурат Ниязов, президент Туркмении (1990—2006).

<sup>68</sup> Всеволод Иванов. Дневники. ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.

<sup>69</sup> Тамарин — жена Федора Макарова.

<sup>70</sup> Речь идет о книге «Сны старой Евы».

<sup>71</sup> Стихотворение не нашлось.

<sup>72</sup> Мария Сергеевна Петровых (1908—1979) — поэтесса и переводчица.

<sup>73</sup> Олеся Николаева, лауреат премии «Поэт».

<sup>74</sup> Дождь то идет, то стоит в виде тумана.

Пыльца — это мед в красной чашке тюльпана,

Память о первом солнце — в капле воды,

А от пчелы остается память беды, —

Как пылесос, хоботок венчики ранит,

Пестики чистит, да и тычинки таранит...

Дождик сейчас как цветок — мелок, да стоек,

Дождик прошит синими крыльями соек.

В горле першит, но от чего, не знаю —

То ли пчелы кропотливость припоминаю,

То ль синеву подкрылий — неба клочок,

То ли пустых усилий влажный зрачок.

*Александр Тимофеевский*

## Жду хороших вестей

\* \* \*

Гуляет август. Лето дачное.  
Пора стрекоз.  
Себе представить что-то мрачное  
Нельзя всерьёз.  
Ведь только выйдете за двери вы,  
И сразу ах!  
Играет солнце в каждом дереве,  
Как в зеркалах.  
По всей зелёной территории,  
Где листьев вязь.  
У этого всего с историей,  
Какая связь?  
Пол в доме залит липкой кровью,  
Везут гробы.  
Паны дерутся — у холопов  
Трещат чубы.

2008

\* \* \*

Пришли мне, доктор, мумиё  
Или пристрельни из нагана —  
Всё в этой жизни не моё,  
Я сам не своего романа.  
Я не по той проплыл реке,  
Не то звезда мне шелестела,  
Не то чертили на руке  
Мне указующие стрелы.  
Я вдруг нечаянно стал сам  
Тем, что всем сердцем ненавидел,  
Весь этот ужас, грязь и срам,  
Взглянувши в зеркало, увидел.

1990-е — 2015

---

*Тимофеевский Александр Павлович* — поэт, сценарист. Родился в 1933 г. в Москве. Окончил сценарный ф-т ВГИКа. Автор более 20 книг стихов для взрослых и детей. Лауреат многочисленных премий, в том числе «Венец» (2006), премии журнала «Дружба народов» (1998), «Антология» (2009) и др. Живет в Москве.

## Памяти Владимира Мотыля

«Багровый цвет снегопада»

Песня времен Гражданской войны

Эти сосны в снегу  
И дубы вековые,  
Этот зыбкий закат  
И холодный рассвет...  
Всё, что вижу вокруг,  
Что зовётся Россией, —  
Я её полюбил,  
А она меня нет.

Трупный запах войны,  
Ад теплушек солдатских,  
Скорбный список утрат  
И болезней, и бед...

Всё мне шепчет вокруг,  
Что пора нам расстаться —  
Ты её полюбил,  
А она тебя нет.

Непонятно за что  
Мы так любим Россию,  
Все мечтаем увидеть  
В окошечке свет.  
Жду хороших вестей,  
А приходят плохие —  
Я Россию люблю,  
А она меня нет.

## Марш 30-х годов

Чеканным маршем, развернув знамёна,  
Проходим мы с винтовками в руке,  
Привет, страна поэтов и ученых!  
Пусть знает враг — граница на замке.

Дымят заводы и тучнеют пашни,  
Летят пилоты над Москвой-рекой,  
Нам машет Сталин из кремлёвской башни,  
Привет тебе, любимый наш, родной!

Мы так живём, чтоб быть за всё в ответе,  
Чтобы исполнить партии приказ.  
Мы рождены, чтобы на всей планете  
Устроить жизнь такую, как у нас!

\* \* \*

Я просто не мог иначе  
И рифмы кидал с плеча,  
Небрежность — залог удачи  
Поэта и богача.  
Небрежность, во всём небрежность,  
Проклятье тем, кто скуп,  
Вот также дарил я нежность,  
Касаясь случайных губ.

Я в щедрости был небрежен,  
В небрежности был я щедр —  
Так в паводка дни, безбрежен,  
Поля заливают Днепр,  
Как в паводок, заливая  
Все низменные места...  
Пусть критик вам, заливая,  
Укажет на те места  
И строки в моих стихах.

1983

*Вадим Шамиурин*

## Рассказы

### *Гюнтер*

Все засуетились, забегали. Машина подъезжала. Старенький москвич выворачивал из леса. Рядом с этой машиной все становилось странным, но быстро подстраивалось и поворачивалось другими углами и шестеренками, образуя новое взаимодействие, новую картинку. И вот «Москвич» застыл. Стало сразу очень тихо. Проступили птичьи голоса. Дверь со стальным визгом распахнулась, и Гюнтер стал выбираться из салона.

— Боже мой, — с улыбкой, с явным акцентом, сказал он.

Вперед вышла Тамара и первой его обняла, остальные в нерешительности стояли и не знали, как приветствовать гостя.

Тамара же взяла Гюнтера за руку и повела ко всем. Он шел, глядя по сторонам, осматривая округу, останавливая взгляд на домах, деревьях и столбах. Но подойдя ближе ко всем, отпустил руку Тамары и стал обнимать каждого. Что-то проговаривая на немецком. Все обмякали в его объятьях и говорили что-то в ответ на самим себе неизвестном языке, уж точно не русском, немецком или английском. Но желая показать, что они тоже очень рады.

Гюнтер не долго всех дурачил и уже без акцента спросил:

— А теперь кто мне покажет дорогу к сортиру?

— Коля, — сразу же велела Тамара, — покажи.

Коля кузнечиком запрыгал впереди, а Гюнтер шел следом и смеялся, подбадривая юную прыткость.

Сели пить чай. Конечно же, из самовара. Пусть и электрического. Гюнтер шутил и что-то оживленно рассказывал. Но все чувствовали себя странно. Даже маленький Коля сидел тихо и, не отрываясь, смотрел Гюнтеру под нос. Его завораживало то, как шевелятся его усы. И ему казалось, что это именно они приводят в движение этого долговязого и шумного незнакомца.

Тесть все хмурился. Он держал руки на коленях, сцепив между собой, и не шевелился. Смотрел в окно. Тамара на него поглядывала. Она все то убирала, то добавляла что-то на стол. Отвечая Гюнтеру, даже если вопросы были обращены не к ней. Никто не мог выдавить из себя ничего внятного, словно он по-

---

*Вадим Шамиурин* родился в 1980 году в г. Клайпеде (Литва). В 1998 году переехал в Санкт-Петербург. Окончил факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета. Живет в Петербурге. Финалист премии «Дебют» 2005 г. Публиковался в журналах «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни» и др.

прежнему изъяснялся на заморском языке. Теща сверяла выражение своего лица с выражением лица Тамары, в отражении то вскидывала брови, то расплывалась в какой-то бессмысленной улыбке.

Тесть не выдержал и вышел. Тамара быстро справилась с минутной растерянностью. Сделала вид, что так и надо.

Гюнтера пригласил я. Вовсе не Тамара. И только ради меня она так держалась.

Человек сходит с ума. Когда ты юноша, это кажется таким романтичным и желанным. Сумасшествие в представлении юнца такая оригинальная возможность найти собственные границы и выйти за них, это освобождение от гнета общества, его правил и обыденности, противопоставление себя серой людской массе, возможность быть эксцентричным, надменным, непоследовательным. Сойти с ума можно от любви, от одиночества, от тоски по чему-то, чему не можешь дать название. Обычно засоряешь словами о нем или блокноты, или чьи-то уши. Только все это не имеет к сумасшествию никакого отношения.

Совсем иного свойства ужас, от которого волосы становятся дыбом, на лбу выступают капли пота и сердце замирает в груди. И мир, врывающийся в твоё сознание, и твои сны. Стены нависают над тобой, тебя раздувает до огромных размеров и одновременно смыкает в точку. Таблетки рассыпаются по полу. Не отдавая себе отчета в происходящем, в отчаянии понимаешь, что это больше никуда не уйдет. Теперь все это будет определять твою действительность. И ужас крепнет. Ужас растет.

И только потому что Тамара держит тебя за руку, ты еще жив.

Я стал переводить книги Гюнтера несколько лет назад. Мне позвонили из нового издательства. Я, не раздумывая, принял предложение, так как, конечно же, слышал о нем и даже читал в чужих переводах.

Дело двинулось споро. Было начало декабря. К стеклу липли хлопья снега. День выныривал в сумерки. Я становился за старую конторку, которую приобрел давным-давно, еще в студенчестве, в комиссионном магазине, и начинал работать (мог концентрироваться только так, стоя). Подбегали дети, а с ними волною накатывал шум, теребили меня и делали все, чтобы привлечь к себе внимание, приходила Тамара и отгоняла их от меня. Но они вовсе не мешали мне. Погружаясь в текст, я словно перемещался в параллельное пространство.

Я перевел первую книгу. Сдал работу в издательство. Получил гонорар. Все хорошо.

Тесть лежал и вслушивался в тишину. Дом спал. Коля ворочался и постанывал во сне, словно щенок, иногда его коленки ударялись в обитую вагонкой стену. Теща очень старательно сопела, повернувшись к стене, но тесть знал, что она не спит. Вот слышится, как встает с кровати Тамара и идет в детскую, она поднимает Колю и усаживает на горшок, доносится ее тихое: «Пись, пись, пись...». Журчит струя. Тамара укладывает мальчика обратно в его кровать и поправляет одеяло. Снова тишина. Дом замирает. Осторожно и медленно, но упругие доски прогибаются под весом шагов, шлепают голые ступни. Приглушенный мужской шепот и первые отрывистые поцелуи. «Не надо, не надо», — тихо. Дыхание учащается. Подминаются пружины. Тесть не дышит от неловкости. Задержала дыхание и теща. Через некоторое время все наверху затихает.

Гюнтер приехал в город. Меня как переводчика его книг пригласили на официальную встречу. Действо происходило в Доме современной литературы и книги на набережной Макарова. Зал был полон. Меня усадили за стол на сцене. Гюнтер сидел тут же. Отвечал на вопросы. Он мне кого-то напоминал. У него были большие уши с длинными мочками. Но я представлял его выше ростом. В общении с журналистами он вел себя непринужденно, позволяя шутливые ответы. Ведущая вечера, словно вдруг вспомнив обо мне, стала спрашивать меня про работу над книгами Гюнтера, я, краснея и нервничая, мямлил о великой чести. Вопросы вновь посыпались на него, а я сидел и думал, что веду себя словно школьник. Мне было стыдно и хотелось, чтобы все это скорее подошло к концу. Я проклинал себя за то, что согласился принимать в этом участие. Но вопросы вдруг закончились, все стали подниматься со своих мест. Отмахиваясь от людей, заслонивших все вокруг своими лицами, Гюнтер вдруг пробрался ко мне, крепко и ободряюще пожал руку. Я почувствовал сухую и шершавую ладонь, словно затвердевшую глину, но теплую и живую. Мои плечи расправились, и я ощутил легкость и благодарность. Сразу же все эти люди вокруг потеряли силу надо мною. Для них не существовал я, и они перестали давить на меня своим присутствием. Я поднял глаза, но Гюнтер уже отпустил мою руку, его влекли куда-то и пытались завладеть его вниманием. Люди оттеснили меня. Я остался стоять. Но теперь уже это не было важно.

Какого цвета безумие? Паутина на потолке. Она свисает тонкой нитью, с налипшей на нее пылью. А остальное все белое. Простыня, решетки на окнах, мои пальцы с едва заметно пульсирующими венами. Раз. Раз. Раз. Вздрагивает пульс, словно заело. Раз. Раз. Раз. Капает капельница. С подбородка срываю слезы и впитываю в пододеяльник. Тамара стоит у окна, смотрит на далеких птиц. Исчезает. Раз. Раз. Раз. Прыгают на одной ноге дети, играя в классики. Только у Коли ничего не получается. Дима учит его, раздражается. Раз. Раз. Опускаются мои веки от тяжести. Раз. Я в темноте, пристегнут ремнями к кровати, но они меня не спасают от черного ужаса, затекающего в окно, подминающего меня, и несущего, и кружащего, и орущего. Раз, раз, раз. Камни падают на нарисованное мелом солнце. Какого цвета отчаяние? Отчаяние. Отчаяния. Дима. Дима. Ты должен быть осторожен. Дима оборачивается. Машет рукой. Он не слышит.

Я представлял, как мы идем с Гюнтером по улице и оживленно разговариваем. О разном. Я рассказываю ему про свою семью, он говорит о том, как становится все меньше воздуха в Европе, все вязнет в медленной повседневности. Слонялся по улицам.

Дима прыгает у подножья гаражей. Мальчишки, сплевывая, один за другим забираются на крышу, переругиваются и смеются. Скрываются там в вышине. Диме ничего не видно. Он говорит Коле, чтобы тот ждал его тут. И он лезет за ними. Он добирается до края крыши, хватается за него. Подтягивается. Макушка и глаза уже видят, что там наверху. Мальчишки далеко, они так и шагают по крышам дальше и дальше. Дима закидывает один локоть на крышу, видит, как через трещину в шифере пробивается тугой пучок травы. Тело его дрожит от напряжения. Ему не за что ухватиться, и пальцы сами обхватывают траву. Ноги теряют опору, он висит в воздухе, подтягивается, но никому его

подтолкнуть, подтянуть, ему не хватает сил. Только судорожно сжимают траву пальцы.

Пальцы было не разжать, даже когда приехала скорая. Сверху с крыши испуганно смотрели мальчишки. Его положили на носилки, такие огромные. И накрыли простыней, напивавшейся сразу кровью у изголовья.

Так я потерял ребенка.

В квартире было все так же тихо. Я становился за конторку и смотрел в окно, на крыши гаражей. Мне нужно было продолжать переводить. Но ничего не получалось. Говорил, не оборачиваясь.

— Я не могу больше.

— Можешь, — отвечал он.

— Я не выдержу, — кривился я.

Тамара приводила Кольку. Он смотрел на меня, как я бормочу что-то. И очень пугался. Прятался лицом к ней в ноги.

— Гюнтер, — говорил я, — Гюнтер, сделай что-нибудь.

Он клал мне руку на плечо, чуть сжимал. И уводил из комнаты Тамару с сыном.

Первенец. Когда у тебя появляется первый ребенок, мир становится огромен. Он разрастается вширь и вглубь. А потом сжимается в чем-то одном, сердце замирает от новостей со всего света. Эпидемии, войны, катастрофы. И ты как отец здесь, чтобы противостоять всему этому. Ты между своим ребенком и любой опасностью. Любой. И поэтому вновь и вновь Дима падает с крыши, снова и снова, не успевая даже испугаться, умирает. И эту череду не остановить, и не важно, открыты твои глаза или закрыты, ты видишь это.

Я стоял и смотрел на Гюнтера. Хотя было бы правильнее сказать, в моих глазах отражался он. Не весь, его лицо. Его усы. Обрамляющие губу, прикрывающие ноздри, жесткие, словно ненастоящие. Он тоже смотрел на меня. И это продолжалось долго, так долго, что начало казаться, что я просто смотрю в зеркало. Я нахмурился. Это движение отразилось на его лице. И я почувствовал, что мои мышцы ведут себя странно. Они были, словно после лидокаина, совершенно не слушались меня. Но вдруг, стоило улыбнуться ему, они тут же отозвались. Я не хотел улыбаться, но стоял и улыбался, потому что это делал он. Это продолжалось очень долго, до тех пор пока мои мышцы полностью не освоились с чужой волей. Он кивнул. Кивнул и я. Он заговорил, но его голос вырвался не из его рта, а из моего. Я не удивился. Мысленно, очень тихо и слабо я только и смог сказать:

— Спасибо, Гюнтер.

А сам исчез. Растворился, чтобы не чувствовать больше ничего.

Занавески, пропитанные солнцем, чуть шевелятся. Чирикают птицы. Чирик-чирик. Колька смотрит на кровать Димы, но кровать нетронута. Колька думает о том, чтобы Дима уже ожил, сколько можно. Без него скучно. Встает с кровати и, шлепая босыми ногами, спешит в комнату мамы. Но вместо мамы он видит этого человека. Застыв, долго смотрит на него. Замирая от страха, но движимый какой-то убежденностью, что по-другому нельзя, Коля подкрадывается к тумбочке и достает из верхнего ящика ножницы.

— Что ты делаешь?! — вскрикивает за его спиной Тамара.

Я просыпаюсь. Мои пальцы ощупывают губу. Усы уничтожены.

Поравозвращаться.

## Последняя зима

Я сидел на кухне и слушал радио. Постановку Гоголя. За окном темнота. В окне не разобрать ничего, только мое отражение в свете настольной лампы. Приемник был вытянутый и желтый. Я крутил колесико, настраивая волну. Гоголь потрескивал, как огонь в камине. В квартире было холодно. Я притащил из комнаты одеяло и закутался в него. Бабушка спала, охая и вздыхая во сне. На ней сидела кошка. То ли грела, то ли грелась.

Мы постепенно обживались. Квартира была маленькой, к тому же захлавленной всеми вещами, которые мы перевезли из старой квартиры. Так на кухне оказался мой письменный стол, он стоял вдоль стены в соседстве с холодильником. Я должен был делать уроки. Но дело не двигалось. Мне было тоскливо.

Наша старая квартира была в центре города, окна выходили на центральную площадь. А эта квартира в низком блочном доме, с холодными стенами и темным прямоугольным двором. Пустынным, чужим и тревожным. Мне ничего не нужно было в этом дворе, я всегда стремительно его пересекал, торопясь на остановку автобуса по дороге в школу. Под ногой хрустели одноразовые шприцы.

Хотелось есть. Я взял кусок хлеба и, посыпав его солью, отщипнул мякиш. Поставил чайник на плиту. Смотрел на голубую корону пламени. На кухне раковины не было. Прошлые хозяева сняли ее и забрали с собой, вместе со смесителем, трубы забились деревяшками. Воду в чайник нужно было набирать в ванной. Вода была другой, чем та, к которой я привык, с каким-то кислым запахом. Чая не было. Я налил в кружку кипятка и так грелся.

После Гоголя стали говорить о новой колонии на Луне. Я раскрыл учебник по физике. Но мне было неинтересно. Полистал английский. Тоже нет. Стал читать. Заснул за столом.

Мы жили с бабушкой. Сперва родители оставляли меня у нее изредка. Потом уже к ним я ходил, как в гости. И никогда не ночевал у них. Уж больно им было не до меня. Скорее меня просто заслоняло всегда что-то. Я был, но не на переднем плане, а где-то на краю видимости, и это их устраивало. Они не хотели казаться хорошими родителями. Все было по-честному. Они ничего были мне не должны. И мне тоже не мешали жить. Стоило мне попросить денег, они никогда не отказывали, даже одалживали, если у них не было. Я быстро научился этим пользоваться. Только вот иногда мне казалось... это могло длиться даже несколько дней кряду, я даже переезжал к ним, мама чистила картошку, жарила котлеты, отец закинул ноги на стол, рассказывал мне за кого болеть, а за кого не стоит в новом футбольном сезоне... я почти сразу верил, что все наконец-то налаживается... Но я приходил со школы и уже с порога видел, что они опять задвинули меня на задворки. И хотя они с горящими от болезненной радости глазами смотрели на меня и даже разговаривали со мной, но взгляд проходил сквозь меня, и слова возвращали только пустоту. В этот момент внутри меня неслась выжигающая внутренности волна. Раз за разом. Снова и снова. Чистая гладкая поверхность скорчилась и потемнела.

После школы я поехал в консульство. Я добивался разрешения с четырнадцати лет. Но с самого начала что-то не заладилось. Со мною были внимательны и обходительны. Быть может, даже лучше было бы, если бы меня вышвырнули

тогда пинком под зад. Но мне сказали, что мой возраст еще не позволяет мне сменить гражданство. Решение можно принимать только в шестнадцать лет. Что сейчас мне проще оформить обычный паспорт, а уже в шестнадцать отказаться от паспорта и оформить другое гражданство. В шестнадцать я так и сделал и, когда прошел в консульство с документами на руках, на меня посмотрели, как на сумасшедшего. Кто так сказал мне сделать? Я стал рассказывать, и из моего рассказа заключили, что разговаривал я не с консулом, а с обычным дежурным, который таким образом решил успокоить прыткого юношу, мало ли что там в этих мозгах за два года изменится. Он ведь не мог даже предположить, что я настолько уперт и терпелив. И настолько доверчив и глуп. Отказавшись от гражданства, я сделал мою и так непростую ситуацию и вовсе неразрешимой. Я завис в воздухе, стал юридически невесомым. Но со мною были все так же терпеливы. И я настойчиво каждый месяц записывался на прием к консулу. И у меня даже мысли не было, что может не получиться. Я знал точно, этой весной мы с бабушкой уедем. Словно это уже произошло.

Консульство располагалось в центре города, совсем недалеко от того места, где мы раньше жили с бабушкой. В очереди томились несколько человек, судя по документам в руках, стоявших за обычными туристическими визами. Я прислушивался к их разговорам, словно через их плечо заглядывая туда, по ту сторону мира, куда так стремился.

— Юноша, вас ожидают, сюда, — я не сразу даже сообразил, что это говорят мне. Передо мною стояла девушка, высокая, в черных туфлях, в белой рубашке, с открытой шеей и стянутыми в конский хвост, блестящими гладкими светлыми волосами. Она терпеливо молчала, ожидая, когда я наконец соображу, что к чему.

«Что-то новенькое», — подумал я.

И точно, я стал замечать, что хотя, на первый взгляд, все оставалось, как и прежде, но люди, которые находились в консульстве, стали другими, но не в смысле, что новыми, незнакомыми, а вели себя иначе. Были сосредоточены и молчаливы. Обычно меня чуть ли не по плечу хлопали, как племянничка, который заскочил к любимой тетушке.

Переступив порог кабинета консула, я понял, что не так.

Консул был не консул. Вернее, этого человека я видел впервые. Значит, он, быть может, совершенно по-другому отнесется ко мне и решит мою проблему. Словно что-то внутри взорвалось. Я в отчаянии опять осознал, что вновь попался. Во мне вновь проснулась надежда.

Надежда — самое ужасное, что есть в моей жизни. Она превращает течение дней в судорожные толчки. Меня бросает из одной крайности в другую. Меня то переполняют энергия и счастье, чувство того, что мир смотрит на меня и видит, а значит я неслучаен, то, наоборот, разочарование, апатия и опустошенность. Иного не дано. По пять раз на дню. Такими рывками я и двигаюсь вперед. Или мне это движение только кажется.

Консул испуганно и неуверенно посмотрел на меня. Кто этот ребенок? Что ему надо? А я судорожно пытался вытащить из портфеля папку с моими документами.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Добрый день, вы присаживайтесь.

Когда немного успокоились и он и я, я стал рассказывать, а он перекладывал листочки из моей папки.

— Мы хотим уехать вместе с бабушкой, уже все готово, осталось только

оформить гражданство. В этом году я заканчиваю здесь школу. Летом хочу поступить уже там в колледж...

— А родители?

— Вот их согласие.

— Мне нужна справка о том, что у вас нет гражданства.

— Но вот вид на жительство...

— Но это не значит, что у вас нет гражданства. У вас может быть вид на жительство и гражданство.

Я не стал спорить. Я знал, что таких на первый взгляд абсурдных требований в системе очень много. Я был к ним готов.

— И если я принесу вам данную справку, вы дадите мне гражданство?

— Да, основание у нас есть, но следует соблюсти все формальности.

Консул хмурился. Он чувствовал, что что-то здесь не так. Я же не хотел давать ему время. Я сгребал со стола свои документы. Я ликовал. Всего лишь простая справка. В ОВИРе я быстро ее получу. А дальше только вопрос времени. И все сбудется!

Я вылетел из консульства и помчался домой.

В нашей старой квартире еще никто не жил. Пустые запыленные окна. Серая мутная внутренность. Трещина по балкону. Я, задрав голову, стоял и смотрел. Я видел, как на этом балконе словно снова сидит моя бабушка, в платочке и плаще. Ей было сложно выходить на улицу, третий этаж, пустой заасфальтированный двор. Она садилась на стул, который вытаскивала из комнаты, и загорала белой кожей, подставляя лицо клонящемуся к вечеру солнцу. Сторона была теневая, но около пяти солнце выкатывалось из-за угла центральной улицы на площадь. Я помахал рукой бабушке, но сразу одумался, когда от меня кто-то шарахнулся. Воспоминание развеялось.

На все нужны деньги. Именно поэтому мы были вынуждены продать квартиру. Эти деньги требовались на переезд. Чтобы купить уже там что-нибудь на первое время. А уже после переезда продать все, что останется, и разрубить все концы, сжечь все мосты, все корабли. Чтобы не было никаких путей обратно. Во мне бушевала молодая кровь. Земля, на которой я родился, отталкивала меня, глаза завлакивали грезы о других пространствах, меня тянули другие горизонты. Со мною было все более-менее понятно. Но бабушка... и хотя я над этим особо не задумывался, воспринимал как данность, но она не то что просто не мешала мне, доверчиво следуя моему юношескому сумасбродству, но вместе со мной хотела того же. Уехать.

Сорок лет назад она приехала сюда за дедом, на занятые победителями территории, в послевоенный разбомбленный город, с двумя детьми. Дети выросли, город отстроился. Жизнь прошла. Тело постарело и стало чужим. Эти ноги, измученные водянкой, слоновьи ноги, этот живот в складках, сползающий, тянущий к земле. Редкие волосы — не прекрасно седые, а желтые, остающиеся в гребешке при каждом прикосновении, хоть не расчесывайся. Этот мир помутневший, эта чужая земля. Бабушка хотела домой. И бабушка не собиралась умирать. Она, как и я, видела себя под другим небом.

Автобус выбирался из старого города, минуя пустыри и новостройки, повернул в мой новый район. Мешок. Пузырь. Пересекая невидимую мембрану, я ее отчетливо чувствовал. Мрачнели небеса, прижимались к земле и засасывали в себя черноту дома, тени то ли людей, то ли диких собак мелькали на краю видимого. Душу сжимало от безнадежности. Что, если ничего не получится?

Мигнули и стали разгораться фонари. Мир по-прежнему видел меня и посылал знаки.

Бабушка смотрела сериал. Я подогрел куриный суп и сделал ей чай. Покормил кошку вареной путасу вперемешку с батоном. В двух словах передал мой разговор с консулом.

— Осталось дело за малым.

Но бабушку сейчас волновало другое. Попросила меня перевести, о чем говорят герои сериала. Телевизор упрямо выдавал только местную речь. Это было возмездием. И еще одним напоминанием. Это мне быстро надоело. Я засобирился обратно в центр. Позвонил Валере, договорились сходить к Тане.

Обратный путь в центр, как водится, был короче.

Я знал, что это пустая трата времени, но все равно решил заскочить к родителям, нырнул в их подъезд и, открыв своим ключом дверь, зашел к ним в дом. Они спали. Тяжелые шторы были плотно задернуты, словно здесь бразильские ослепительные сертаны, а не сумрачный край мира. Я сел в кресло и немного подождал. Включил телевизор. Сделал громче. Они не шевелились. Только шумно сопели. Воздух набирался в их грудные клетки и вырывался через слипшиеся сухие губы. Я встал, нашел их вещи и поискал в карманах деньги. Ничего не нашел. Не выключая телевизор, вышел.

Валера взял собаку, и мы пошли прогуляться.

Валера уже сделал все уроки, я же вовсе не собирался. Конкретные повседневные вещи, из которых в дальнейшем складывается большое и хорошее, не находили во мне отклика. Это большое и хорошее должно было прийти однажды в один миг, его можно достигнуть, в него можно перешагнуть. Валера был не таким. Его жизнь составляли простые вещи и действия. Они были ему интересны. Учеба ставила конкретные цели, впереди ждала мореходка, при этом береговая специальность, в этом не было романтики, но и черствости тоже не было. Чувствование другой гармонии. Наверное. Ведь можно слушать, как число трансформируется из формулы в формулу, как слово меняет шкуру, подобно удаву. Валере нравились математика и иностранные языки. И он был терпелив к моему нетерпению.

— Ты слышал, что на Луне формируют новую колонию?

— Да, — кивал Валера, — тысяча двести человек на третьем уровне. На глубине восьмьсот шестьдесят три метра обнаружена система пещер.

Мы зашли во двор к Тане. Она спустилась к нам, постояла на крыльце. Мы посоревновались с Валерой в остроумии, но она с нами все равно не пошла, только хохотала. Таня была полновата, это было связано с болезнью сердца, но это не мешало ей иметь красивые карие глаза и улыбчивые губы, которые я однажды попробовал поцеловать, но моя попытка не увенчалась успехом. Мне было легко с Таней, я становился легче, острее, спина моя распрямлялась, плечи становились шире, взгляд горел, и появлялась уверенность в себе. Такого не было со мной с другими девочками.

Мы побрели дальше. Темнота вокруг была влажная и густая. Снега все не было. Только в конце ноября с неба скользили в один из вечеров белые хлопья, которые не могла остановить поверхность земли, и они, не останавливаясь, проходили сквозь, как призраки через стены старинного замка. Но это была обычная зима здесь.

Собака Валеры была похожа на растолстевшую лису, она бежала рядом без особого энтузиазма, только потому, что мы все равно не дали бы ей разлечься на тротуаре, эти прогулки были больше интересны нам, а не ей.

Я рассказал про консула, Валера также согласился, что консул что-то проморгал и сразу не разобрался, но упускать возможность нельзя, и не затягивать, достать справку, и дело в шляпе. Сомнений в правильном ходе событий не возникало, и легкое чувство сохранялось.

Я вернулся домой около одиннадцати. Бабушка проснулась. Я помог ей пописать в горшок. Набрал в бутылку горячей воды и положил в ноги, старому сердцу не хватало сил на большой круг кровообращения, руки и ноги были ледяные. Только и спасала кошка. Из невидимых трещин в стене дуло.

Я поехал в ОВИР за справкой через два дня, согласно часам приема. Пообивать пороги мне пришлось здесь, когда я отказывался от гражданства. Правила были все те же. Множество справок, согласий и разрешений, переводов, запросов, заявлений, фотографий. Это было похоже на игру. Я делал ход, мне отвечали, я попадал на горячие зоны и скатывался на несколько ступенек назад, я пропускал ход, попадая на предпраздничный день или же на изменившийся график приема, я мчался от кабинета в кабинет, протискиваясь в последнюю перед обедом минуту или в оцепенении ждал у закрытых дверей. А в конце — сомнительный выигрыш, я перестал быть гражданином, стал лицом без гражданства, гражданином мира, как те собаки на северном полюсе.

Пустяковая справка обещала новые мыканья.

— Я не могу вам дать справку о том, что у вас нет гражданства, у нас нет такой формы.

Я бледнею, умоляю, кричу, плачу. Меня отпихивают, мое место занимает другой проситель. Но это мы все проходили, я вновь протискиваюсь в кабинет, я делаю вид, что взял себя в руки.

— Но я могу дать вам справку о том, что вы отказались от гражданства тогда-то и тогда-то.

Я ликую, я шепчу слова благодарности, мои руки тянутся к благодетельнице, я готов пасть к ее ногам и целовать краешек ее дорогих джинс.

Наигравшись в цирк вдоволь, я выхожу на улицу и озадаченно смотрю на справку.

— Надеюсь, это то, что нужно.

Напрасно.

Я слушаю радио. Передают лунные новости. На окне красные жалюзи, оставшиеся здесь от прошлого жильца. Они придают кухне современный вид. В моем понимании. Ведь ничего подобного в нашем доме никогда не было. Старые, но не антикварные вещи. Хлипкие и поблекшие. Вобравшие в себя слабость времени, а не его терпкий густой запах. Эта слабость перебралась сюда. В этом нагромождении вещей теряется всякое усилие. Это не починить и не выбросить. Оно занимает место, и не только пространство. Если уже есть стол, не купишь еще один. Если есть шкаф, то другой уже некуда поставить. Вот и здесь — вакансий нет. Места все заняты. И надо быть другим человеком, не таким как я, чтобы что-то начинать менять. Я только и могу, что тосковать о неназванном, теревить призраков застывших человеческих стремлений. Пришла кошка. Потерлась и помяукала. Ласковая, добрая, родная.

- Согласно этой справке у вас уже было гражданство.
- Да, было.
- Тогда ничего не получится. Вариант был только в том случае, если бы у вас с рождения не было бы никакого. Но вы приняли гражданство другой страны, вы потеряли свой статус.
- Но что мне теперь делать?
- У вас очень интересная нетипичная ситуация, для которой еще не разработаны четкие правила и процедуры. Все очень запутано. И запутано на ровном месте... Вы сами во всем виноваты.
- Я понимаю, но что мне теперь делать.
- Ничего. А там видно будет.

В моей смерти прошу никого не винить. У разбившегося черепа разрастается густая кровавая лужа. Я шагал, шагал, шагал. Пока холодный ветер не выдул, пусть пока и частично, мое черное отчаяние. Я никогда не гулял по своему новому району. С удивлением вышел на широкий проспект за дальними домами, пошел вдоль него, по левую руку высились портовые краны, пахло рыбой, солью, мазутом и железом. И так же неожиданно я вышел к паромной переправе. Подошел к воде. У набережной были пришвартованы катера и лодки, по бокам висели черные старые крыши. Город отступил назад. В стороны и ввысь раскинулись небо и вода. Я хотел поплакать. Но ничего не получилось.

Ночь сплеталась из пугливых снов и беспокойных вздохов бабушки. Я накапал ей валокордин. По потолку пробегали прямоугольники отраженного с улицы света. Нагромождение вещей на местах своих временных пристанищ причудливыми черными очертаниями то обступали, то словно волны откатывали.

На следующий день в школу я не поехал. Вышел на улицу. Пересек двор, направляясь к переправе.

- Эй, братиша, подкинешь немного денег?

Так и есть, они самые. Серые, болезненные, источающие свой сладковатый густой запах, натянутые до обрыва, опасные. Со мной особо разговаривать никто не стал. Я был чужаком, по ошибке забредшим туда, куда совершенно не следовало. Я нарушил незримую границу. Когда меня били, я с удивлением ощущал облегчение. Страх больше не было. Только вспыхивали яркие вспышки, когда чья-нибудь нога слету футболила мою голову. Гол. И я потерял сознание. Я очнулся от холода, лежа на земле, на полусгнившей траве под забором. В некотором удалении кто-то стоял и ждал, когда я очнусь. Я пошевелился, постанывая от всплесков боли, перевернулся на бок. Я был без куртки и без ботинок. Один глаз не открывался, и я видел все как на плоском экране в кинотеатре. Звук был соответствующий.

- Ты дурак, — сказала Алла.

Алла училась в нашей школе, но потом ее то ли перевели, то ли исключили. Говорили, что она стала героиницей. Лицо ее было как скорбная маска, и губы словно не шевелились.

- Они хотели тебя убить, ты им не нравишься.

Я молчал. Странное кино.

- Но я сказала, что тебя знаю. Но этого будет недостаточно. Они в следующий раз не остановятся.

Она стояла все там же и не подходила ближе. Грязная земля. Ржавая сетка рабицы. Низкое небо. Черно-белый мир.

Но маятник настроения на то и маятник, если он не сломан, то он не остается на месте. И уже на следующий день, глядя на расступившееся небо, на облака в свете низкого холодного солнца, я наполнялся уверенностью, что все образуется, что все идет по плану, и этот план подписан не мною, в этом моя судьба, и поезд уже не остановится. Мы с бабушкой заварили чай из ее запасов, и она даже дала мне деньги, чтобы я сходил в магазин и купил «Сникерс». Поделив его на две равные части, мы пили чай вприкуску и размышляли, как это будет. Мы приедем в начале лета, большой город встретит нас шумной и равнодушной толпой, снимем квартирку ближе к моему колледжу, чтобы я спокойно себе сдавал экзамены. Здесь квартира будет искать своего покупателя, и с этим тоже проблем быть не должно, несколько месяцев можно и подождать. После моего поступления мы купим квартиру, я устроюсь на подработку, будем жить скромно, но с единицей в уме, ведь я молодой, я все смогу, ведь там — это не здесь. Там...

Ночью я ворочался, то засыпая, то просыпаясь от бабушкиных вздохов. Они становились все чаще, они вплетались в мою дрему.

Я услышал только, как бабушка сгоняет кошку и садится на кровати.

— Мне плохо, — выдыхает она.

— Бабуля, спи, — бормочу я.

И после этого абсолютная тишина. Я с облегчением проваливаюсь в глубокий сон. Просыпаюсь утром. Бабушка мертва.

На похоронах только я и родители. Мама плачет, не переставая. Отец плохо себя чувствует. Я бросаю ком сырой глины в могилу, дальше могильщики быстро закапывают. Холодно. Моросит дождь. Мама сторблена. Похожа на старушку. Мы едем в автобусе с кладбища вместе. Почти не разговариваем. Но мне хорошо рядом с ними, как давно не было. Словно мы опять одно целое. Доезжая до центра, мы выходим из автобуса, идем некоторое время в одну сторону. Они держатся друг за друга и идут чуть в стороне от меня. Проводив их до парадной, я прощаюсь с ними, от чего им словно становится легче. Я не застаю дома Валеры, иду к дому Тани. Мы стоим на крыльце. Таня хохочет над моими шутками, и я остроумен отчаянно, как никогда до этого. От смеха она не может дышать. Мне страшно возвращаться домой. Я предлагаю остаться с нею до утра. Она не может отдышаться. Заливается новым смехом. Через несколько дней она узнает все. Смотрит на меня недоуменными и испуганными глазами. Я опускаю взгляд, протискиваюсь дальше по школьному коридору.

Прижав кошку к себе, я чувствую, как бьется ее сердце. Я выхожу из квартиры. Спускаюсь вниз. Выхожу во двор. Воняет от стоящих неподалеку мусорных контейнеров. Кошка испуганно мяучит. Я не пытаюсь успокоить ее. Я не пытаюсь найти оправдание себе. Я захожу за угол дома, идет дождь, она дрожит, совершенно не ко времени я вспоминаю, как кормил ее котенком, мне было лет пять, когда родители принесли ее домой. Я отдираю ее когти от себя и опускаю на землю, у окна в подвал. Она не перестает звать и жаловаться. Она старая. Она не проживет на улице и двух недель. Но быть может кто-нибудь будет более милосердным, чем я. Из забавы или жалости сделает то, что был должен сделать я. Я спешу прочь, не оглядываясь.

- Гражданство?
- У меня нет гражданства.
- Родственники?
- Здесь разрешение родителей.

Я готов к этим вопросам. На все вопросы у меня есть справка, я, предвосхищая, все раскладываю на стойке.

- Вы понимаете, что обратно уже не сможете вернуться.
- Да.
- Не мне вас переубеждать. Подпись здесь, здесь и здесь.

Я расписываюсь и прохожу. Все на удивление просто. Меня просят раздеться. Моют и стригут. Выдают свободный комбинезон. Везут на автобусе. Из автобуса я вижу окна нашей старой квартиры. Через полчаса мы в аэропорту. Через два часа уже на месте. Двигатели разогреваются. Вокруг меня люди в таких же комбинезонах. Разных возрастов, поодиночке и группками. Ко мне подходит серьезный мальчик и внимательно смотрит на меня снизу вверх.

- Ты тоже летишь на Луну?

Я киваю.

— У тебя растерянный и одинокий вид. Не надо бояться. Хочешь, можешь взять меня за руку.

И тут я начинаю рыдать.

### *Море солнце песок*

Мне нужно немного успокоиться, отдохнуть, развеяться. Нервы ни к черту. Приехать сюда — это замечательная идея. Море, солнце, песок... Темнело здесь рано. И поэтому я заселился в номер, уже когда моря было не видно. Только этот шум волн из темноты совсем рядом. Мне стоило это каких-то десять долларов, и администратор на стойке стал сразу же понимать мой английский. Улыбаясь и тараторя что-то, он пылко мне что-то говорил, но, натолкнувшись на мой равнодушный вид, переключился на портье и повелительно и коротко ему что-то выкрикнул, и вот я уже шел вслед за своими чемоданами.

Оставшись один, я, раскинув руки, рухнул на большую, во весь номер, кровать и, погасив свет, лежал в полной темноте и слушал волны. Шум водной стихии должен был меня умиротворять. Но я только морщился. Мерные удары волн о берег откликались во мне только растущим раздражением. Я поднялся с кровати и попытался закрыть поплотнее окно. Но странно, шум не стал тише. Я промучился всю ночь, но так и не смог заснуть от этого грохота. В яростном забытии я встретил рассвет.

Разбитый и взвинченный, я отправился к стойке администратора.

— Ай ам сорри, бат ай нид ановер рум, ай кант слип, то мач нойз оушн вайвз.

И вновь отличным переводчиком стала зелененькая бумажка.

Новый номер был тише. Я задернул шторы от утреннего солнца и проспал до самого вечера.

Я приехал один. И мой приезд был больше похож на побег. Еще позавчера я был в Москве и не помышлял ни о каком Египте. Закрутилось все после того, как я вышел из офиса, домой я вернуться не мог. Там была обиженная Ира, после того, как я наорал на нее. Она ласкалась ко мне, я же попросил оставить

меня в покое, я слишком устал от этих нервяков на работе, и мне хотелось просто покоя, но она все трогала меня и трогала, на меня накатило, я отпихнул ее и стал орать, повторяя в исступлении, что я ведь попросил оставить меня в покое, попросил. В этот момент увидел в зеркале свое в ярости искривленное лицо и только тогда перестал орать, но все равно не мог успокоиться. Пошел на кухню, налил себе виски, выпил. Очнувшись только утром от назойливо жужжащего телефона, я заснул сидя за кухонным столом, а передо мною лежала пустая бутылка. Еще пьяный, я сел за руль и поехал в офис. Опоздав на переговоры, я закрылся в кабинете, достал коньяк из бара, просидел так до пяти часов, кто-то ломился в дверь, и слышались визгливые голоса, но я не выдавал себя, и, когда голоса замолкли, натываясь на углы и стулья, предпринимая тщетные усилия остаться незаметным, вывалился из офиса и спустился в свою машину. Благоразумия мне хватило. Я перебрался на заднее сиденье и заснул. Потом были бары, и все плыло, мерцало, меркло и вспыхивало. Осознал я себя в самолете. Когда человек на соседнем сиденье сказал, что мы летим в Египет, вместо удивления я почувствовал, что все правильно.

После приземления меня посадили в автобус и привезли в этот отель. Голова раскалывалась. Было душно. От похмелья неприятно трепыхалось сердце. Но вместе с тем была уверенность, что так даже лучше. Это отвлекало.

В компании, где я работал, пошли проверки, и мое теплое местечко стало накаляться до красноты. Дело было в обналиченных бюджетных деньгах, чего, как оказалось, делать совершенно не следовало. Но кто разберется, что следует и что не следует делать в этой рашке.

Но здесь все было по-другому. Я должен был развеяться и во всем разобраться. Море, солнце, песок...

Проснувшись, я отправился в бар. Как был, в мятом костюме, в уже кисло пахнущей рубашке, весь липкий, расползающийся. Но брать себя в руки не было ни сил, ни желания. А хотелось только немного унять этот шум в голове. Впрочем, я уже понял, что это все те же морские волны. Я вышел из номера, к главному корпусу вела выложенная плоскими камнями дорожка, мимо подсвеченного пустого бассейна, мимо пластмассовых столиков и сложенных зонтов. От легкого бриза качались широкие листья низких пальм.

В баре никого не было, только бармен с темной блестящей кожей сидел на высоком табурете и смотрел какие-то арабские новости.

— Дабл виски! — велел я.

Пойло было отвратительное, с анисовым привкусом. Поморщившись, я подхватил стакан и вышел к бассейну на воздух. Вокруг по-прежнему никого не было. Некоторое время подождав, оглядываясь по сторонам, я разделся до трусов, но потом стянул и их, плюхнулся в воду, дыхание сперло от холода, но, отфыркиваясь, я поплыл к противоположному краю. Шумело море, плескалась о борта бассейна потревоженная вода, но никто по-прежнему не показался. Казалось, что в этом отеле я один. Быть может, впрочем, так и было. И вдруг я почувствовал панику. Нереальность происходящего стала очевидной, от холодной воды сознание прояснилось, и впервые я осознал, что все, что вокруг происходит, не может быть нормальным.

Я выбрался из воды и стал одеваться, морщась. Костюм был неуместен и слишком явно напоминал о моих проблемах, которые по-прежнему никуда не ушли. Чувство беспокойства усилилось. Я вернулся в свой номер, решил устроить инвентаризацию. Хотелось вспомнить, как я сюда попал и смогу ли выбраться.

Я вытряхнул все из карманов пиджака, вспомнил, что у меня было еще теплое пальто, с облегчением нашел его скомканным рядом с кроватью.

Почти сразу я нашел рекламный проспект, в нем договор, билеты. Значит, все в порядке, моему появлению здесь все-таки есть здравое объяснение. Паспорт, кошелек, к которому было около тысячи долларов: пятисотка, стольники и десятки. Отправляясь в путешествие, я обеспечил себя карманными деньгами. Взял паспорт, в нем стоял штамп о въезде... Ладно, ладно. Тревога утихала. С этим разобрались. В карманах были какие-то чеки, за еду и бензин. Во внутреннем кармане пиджака запакованные палочки для суши. Ключи от квартиры. Ключи от машины. Телефон... я проверил все карманы... телефона не было... ладно, ладно...

— Вер из олл пипл?— спросил я у бармена.

— Виски? — вздернул брови он.

Это было бесполезно, я обреченно кивнул.

Путевка была на десять дней. Впереди у меня были еще восемь незабываемых дней. После второго виски я стал привыкать к его вкусу, он уже не казался мне столь отвратительным.

На следующий день люди нашлись. Не много. Немецкая семья с ребенком. Две старушки неопределенной национальности. И брюнетка с длинными прямыми волосами, с полоской лифчика и ниткой трусов. Я устроился на лежаке рядом с бассейном, уже переодевшись в купленные в отельной лавке плавательные шорты, наконец избавившись от ненавистного костюма. Там же я приобрел шлепанцы, футболку с пирамидами и серую кенгуруху, вечерами было холодно. Я постепенно начинал синхронизироваться с окружающим пространством, но одно мне мешало расслабиться — шум близкого моря. Я лежал и пытался не слышать этот мерный, приглушенный, но отчетливый грохот, в монотонном ритме, снова и снова. Этот ритм проникал внутрь головы, и уже ему подчинялись и стук пульса в висках, и мысли, однообразные и неотступные.

Мне придется отсюда уезжать обратно. И этот срыв, это бегство еще выйдет мне боком. Становилось очевидным, что вместо того, чтобы лежать на этих обжигающих и твердых перекладах, нужно как можно скорее возвращаться и делать все возможное, чтобы спасти ситуацию. Подключать связи, искать, кому заносить бабло, быть на виду, излучать уверенность и невозмутимость, улыбаться и похлопывать боссов по плечу, в чем-то виниться и на кого-то гневно махать кулаками. Да, это было бы правильно. Но я продолжал лежать и морщиться. Этот шум сводил меня с ума. Казалось, что для тишины сделаешь все что угодно, к примеру, решишь проблему кардинальным образом — какой-нибудь палкой продырявишь себе барабанные перепонки. Я даже усмехнулся. Настоящее безумие.

Разморенный утренним виски, я задремал. На меня обрушивались волны, я не видел их, но чувствовал, как они сминают меня, крутят, наползают громадинами, мне не охватить их и не оформить во что-то понятное, однозначное. Переворачивает меня, швыряет словно щепку, мне страшно, во мне бьется паника, мне не выбраться. Тень нависает надо мной, загораживает и без того черное солнце.

Я дернулся и открыл глаза.

С бокалом в руке надо мной стояла примеченная ранее брюнетка.

— Холлоу! — улыбнулась она.

— Холлоу! — ответил на улыбку я.

— Май найм из Мадлен.

Она решила, видимо, взять инициативу в свои руки. Моего английского, разбавленного алкоголем, хватило, чтобы обменяться любезностями по поводу погоды, отеля, откуда я. Мне попалась бойкая собеседница, на каждое мое слово она выдавала длинные трели, она перетащила свои вещи на соседний лежак и, повернувшись в мою сторону, тараторила и тараторила, и вскоре я благосклонно и вяло поглаживал ее по ногам. Она была из Восточной Европы, со смехом вспоминала все русские слова, которые знала, на вид ей было около тридцати пяти, на вопрос, что она делает здесь одна, она выплеснула на меня поток слов о каком-то своем парне, который «kozel», уехал в Италию по работе, на конференцию, с друзьями, а в твиттере его друга она увидела, что проводят время они вондерфул, хот найтс, герлз анд клабс.

Я быстро стал уставать от нее, уж больно она была напориста, стало очевидно, что в ближайшие дни отвязаться от нее уже не представится возможным. Слыша все тот же непрекращающийся рокот волн в голове, с каким-то злым удовлетворением я понял, что у меня появляется возможность никогда не возвращаться обратно. Это была еще более безумная идея, чем с барабанными перепонками. Я рассмеялся и предложил пойти ко мне в номер и выпить чего-нибудь. Дыхание ее участилось, она перестала болтать и улыбнулась напряженной и жадной улыбкой.

Все произошло быстро. Я навалился на нее и не отпускал, пока она не затихла. Я слышал ее приглушенные крики через подушку, но они были едва слышны, словно крики утопающего в бушующем во время шторма море. Когда она скрылась в глубине и больше не двигалась, я умиротворенно выдохнул. Завалился рядом и лежал, тяжело дыша, чувствуя усталость и спокойную уверенность. Теперь уже точно никто не отправит меня обратно. Я теперь останусь здесь. Море, солнце, песок...

Что-то завибрировало под кроватью. От моего спокойствия не осталось и следа. Телефон. Вот он где. Я переполз через тело Мадлен, перевесился через край кровати, пошарил рукой и нащупал его вибрирующий корпус.

— Алло! — выкрикнул я.

Но ответа не было. Только из динамиков оглушительно громыхали волны.

*Заир Асим*

## Ветка голоса

\* \* \*

утреннее эхо топора  
долетает сердцебиением  
отдалённого сада  
удары похожие на лай

жизнь с видом на дерево  
воздух нагретый светом  
отражается в прозрачных лужах  
квадратных окон

над густой чепухой травы  
витиеватостью пьяного  
вьётся сигаретный дым  
тень остывшего лета

слово набухает тишиной  
замерла ветка голоса  
речь сужена в строку  
как вечность в один день

## *Ландыши*

Впервые за тридцать лет  
проживания в этом доме  
пристально разглядеть  
ландыши под окном.

Это имя цветов  
цвело молчанием букв.  
Так незаметна жизнь  
для мимолётно живущих.

Маленькие паруса листвы  
выгнуты солнечным светом.  
Внимание к близкой земле  
примирает с мыслью о смерти.

Болезнь — пауза сил,  
направленных мимо себя,  
заставила стоять у окна,  
произносить: ландыши.

\* \* \*

я люблю лошадей  
их тела блестят лакированной мебелью  
спины изгибаются закатными холмами  
у них грустные плачущие глаза  
мне было бы нестерпимо больно  
видеть как их убивают по случаю  
но сейчас ем лошадиное мясо  
темное многострунное  
и ловлю себя на чувстве вины  
за удовольствие от вкусной плоти  
не это ли называется любовью  
свободной от духовных предрассудков  
когда одно голодное существо  
существует за счет другого  
и любящие расстаются  
потому что не выносят  
подобного чувства вины

\* \* \*

Чашка с жидкостью горькой  
заменит вчерашнего друга,  
с видом на перекрёсток  
живых манекенов.

Книга в толстой обложке —  
буквальный портрет тишины.  
Так за стеной покоится  
быт безымянных вещей.

Скука внимает пространству,  
зряч разговор немых.  
Распахнута окраина города  
паузой стекла.

Мелкозернистой пеной  
кофе легло на дно —  
песочных часов  
долгожданный конец.

\* \* \*

Утром молчат глаголы —  
сонные жесты нужды.  
В руках осколки  
полезных вещей.

На поверхности автомобиля  
бородавки засохшей грязи,  
стуски магнита,  
точечная земля.

Запотевшие зеркала.  
Сияющий плач стекла,  
как воспоминание  
о вчерашнем дожде.

Долгая битва за место,  
за последовательность.  
Расточительность света,  
ясность прощания.

## *Кладбище*

осеннее кладбище  
солнечный шелест деревьев  
камни-однофамильцы  
все асимовы

папа наклонился с цветами  
и говорит сквозь сон  
я люблюсь светотенями  
красотой общежития смерти

помню этот именной холм  
заросший живот земли  
по очереди бросали  
передавая лопату

здесь мне совсем не страшно  
яркий спокойный день  
ужас — в комнате ночью  
лежать головой во тьме

\* \* \*

плотные дни  
деревья под фонарём  
как тени весны  
с мёртвым зерном

тропинка пустых следов  
выложена прямой  
лепестки шагов  
неизвестности слой

в горле стучат часы  
в небо растёт ветвь  
ясного сна тростник  
тесная ночь лет

лёд — линза воды  
сквозь неё видит глаз  
будущего черты  
отсутствие нас

*Наталья Ключарёва*

## Незабудки самого долгого дня

*Рассказ*

«Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: Господин, оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода? Если же нет — на следующий год срубишь ее».

*Евангелие от Луки*

Первое Танино письмо писатель Фёдоров получил в мае. Поплелся выбрасывать мусор, а в двери — конверт. Почтовый ящик его давным-давно подожгли, а потом и содрали местные шпанята, и он так и не собрался повесить новый, да и зачем — все равно ничего, кроме счетов за свет, ему не приходило.

Фёдоров, всю жизнь игравший в бесконечном спектакле, где сам был и актером, и единственным зрителем, небрежно, как знаменитость, утомленная вниманием публики, сунул письмо в карман и даже нарочно смял, но сердце предательски забилося.

Тем не менее он заставил себя сходить к помойке, медленно, подолгу отдыхая на каждой площадке, поднялся по лестнице, загаженной «котами и скотами», как острил его сосед и собутыльник скульптор Донец, к которому Фёдоров — ради пушного эффекта — хотел было постучаться, но не выдержал и свернул к своей двери.

Однако в квартире, за грязными стеклами которой бушевала, не трогая Фёдорова, чужая, посторонняя весна, он еще немного поломался: зевнул и развернул журнал, неделю валявшийся в пыли под софой.

«Зачем это я?» — наконец спохватился Фёдоров и дрожащими руками разорвал конверт.

---

*Ключарёва Наталья Львовна* (род. 1981, Пермь) — поэт, прозаик, журналист. Автор книг «Белые пионеры», «Россия, общий вагон», «SOS». «Деревня дураков». Входила в шорт-лист премии «Дебют» (2002), лауреат премии им. Юрия Казакова (2007). В «ДН» печатается впервые.

Письмо было написано на тетрадном листе в клеточку. Старательными круглыми буквами. Внизу страницы он увидел рисунок, схематичный, но правдоподобный: опушка леса с поваленным деревом на первом плане. От бревна тянулась стрелочка, на острие которой было аккуратно выведено:

*«Вот отсюда я Вам и пишу».*

Фёдоров зажмурился. От письма, которое он еще не прочел, повеяло чем-то таким родным, хорошим и крепко забытым, что ему стало стыдно за свою унылую щетину, батарею пустых бутылок, махровую паутину в углах.

«Сколько лет я не был в лесу?» — ужаснулся Фёдоров и краем сознания вспомнил, что уже видел эту опушку; да-да, именно ее — но где?

*«Дорогой Василий Михайлович!»* — начиналось письмо.

Фёдоров опять остановился и перевел дух: он отвык от своего имени-отчества, а уж тем более от того, чтобы его называли дорогим.

*«Простите, что я Вас так сразу величаю, но Вы мне, действительно, очень дороги. Ведь я сейчас дочитала Вашу книжечку "Незабудки самого долгого дня". Она — замечательная. Точнее, замечательный Вы, раз смогли такое написать. Вы меня просто окрылили, и я сидела на крыльце, а сама летала — над деревней, над лугом, над облаками — и радовалась тому, что Вы есть...»*

Внезапно писатель Фёдоров ощутил, какой тяжелый и смрадный воздух у него в квартире. Пахло застарелым перегаром, протухшей снедью из холодильника и неухоженной человеческой плотью. Запах одинокой старости, которого он когда-то не мог выносить, избегая визитов вежливости к пожилым родственникам.

«Будто мертвец навалился», — с омерзением подумал Фёдоров.

Ему захотелось дышать. Так сильно и горячо, как уже давно ничего не хотелось. Он вскочил — в глазах потемнело от резкого движения — и бросился открывать окно. Створки не поддавались, пружинили, и в лицо сыпались труха и комья истлевшей ваты.

«Незабудки», так и оставшиеся его единственной книгой, вышли лет пятнадцать назад в безвестном провинциальном издательстве. Смешным тиражом. И канули, не собрав ни одной рецензии.

Сначала он ждал оглушительной славы. Потом — хотя бы отзыва в захудалой городской газетке. Но не дождался даже пары добрых слов от приятелей, которые вежливо принимали в подарок беззащитную книжицу, и все как один — молчали.

Жена его Анна, властная женщина с тяжелым подбородком, книг вообще не читала. Просто ей всегда мечталось выйти замуж за писателя, а тут как раз подвернулся он со своими несчастными «Незабудками», и Анна грубо и решительно взяла его в оборот.

«Как я мог так попасть?» — всю жизнь потом недоумевал Фёдоров, с острой тоской вспоминая последний вечер своей свободы, который остался в памяти подобием потерянного рая, хотя был лишь обычным вечером обычного дня.

Особенно мучительно вспоминались цветы. Он шел на дружескую попойку, где встретил Анну, мимо цветочного рынка, смеркалось, накрапывал дождь, и он вдруг заметил, что пышные пионы в больших белых вазах, похожих на башни из слоновой кости, слегка окрашивают серенький дремотный воздух вокруг себя, будто в них так много цвета, что он переливается через край — туда, где его слишком мало — в скудность пасмурных сумерек...

И от этого наблюдения ему почему-то стало весело и тепло, и опять показалось, как часто казалось тогда, что впереди его ждет что-то очень и очень хорошее. И он, как школьник, вприпрыжку побежал по лужам, догоняя свою судьбу.

Эти размытые дождем пионы жгли его потом все годы семейных мучений. Ведь попавшись в лапы своей «паучихи», как он называл Анну (разумеется, не вслух), Фёдоров погрузился сначала в кипящую боль, а потом в ледяное оцепенение и перестал замечать красоту, которую раньше видел во всем, даже в обычном одуванчике и некрашеном заборе.

А разучившись быть внимательным и благодарным, больше не смог писать.

Вскоре Анна поняла, что просчиталась, но могучий темперамент не позволил ей отступить. Десять мучительных лет она возделывала Фёдорова, как безответную грядку. Пропихивала в местное отделение Союза, выбивала путевки в дома творчества, загоняла за письменный стол...

То, что когда-то было радостью, стало пыткой, Фёдоров возненавидел все, связанное с писательством, особенно — безнадежную пустыню чистого листа, над которой уныло и обреченно сидел, как второгодник над контрольной, пока Анна не разрешала сделать перерыв.

«Хорошо, что она ушла!» — в который раз порадовался Фёдоров, лежа грудью на подоконнике и глотая густой весенний воздух из откупоренного окна.

В ту же секунду квартиру просверлила телефонная дрель — уйти-то ушла, но в покое никак не оставляла, по-прежнему инспектируя каждый шаг.

— Ну? — нетерпеливо гаркнула Анна, и Фёдоров, страдая, отодвинул телефон от уха. — Как успехи?

Он сжался, готовясь привычно соврать, что обдумывает рассказ, как вдруг сквозняк, словно обнюхивая, зашуршал на полу конвертом. И Фёдоров, ненавидя себя, покорно доложил:

— Письмо получил. От читателей. Хвалят...

— Письмо! — презрительно фыркнула Анна. — Если бы премию!

День был испорчен. Паучиха, безошибочно почуяв добычу, набросилась и слопала едва затеплившийся в его безжизненном сердце зародыш чего-то живого.

Фёдоров без сил повалился на софу. Среди грязных, скомканных простыней беззащитно белел ставший таким же неопрятным, как все вокруг, бедный тетрадный листочек. Фёдоров хотел было дочитать письмо, но тут заскучал уже неподдельно и, махнув рукой, отвернулся к стене.

«Поздно, милая девочка. Слишком поздно», — всплыла в голове реплика, будто позаимствованная из какой-то бульварной пьески, и Фёдоров снова ощутил запах разложения, бродивший по квартире.

«Яйца там, что ли, стухли? — машинально подумал он. — Или крыса в вентиляции сдохла?»

Неожиданно ему стало не по себе. Почудилось, что трупный смрад исходит от него самого.

«Кто сотворил ЭТО с моей жизнью?» — горько и беспомощно выкрикнул он в пространство.

Это был его любимый вопрос, его постоянная претензия к миру. Но как ни

глушил он себя обидами и поиском виновных, все чаще приходил к нему и другой — нелюбимый — вопрос:

«Зачем ты позволил сделать ЭТО с твоей жизнью?»

И как бы ни хотелось ему переложить всю ответственность за содеянное на железные плечи бывшей супруги, он понимал, хотя делал вид, будто не понимает, что винить одну только Анну, при всем ее паучьем аппетите, было бы слишком просто.

Додумать эту мысль до конца Фёдоров никогда не решался. Поэтому он постарался растравить себя каким-нибудь болезненным воспоминанием, благо их было хоть отбавляй, неподдельно разволновался и пустил легкую старческую слезу.

Утомленный этими переживаниями, Фёдоров задремал. И увидел во сне ту самую лесную опушку — веселую и солнечную — он сразу узнал ее на рисунке, но не смог вспомнить, а теперь ликовал, будто встретил забытого друга. Это место, этот поросший молодыми березками грибной косогор часто снился ему, всегда наполняя беспримесным беспричинным счастьем.

Фёдоров видел во сне, что идет — легко и быстро, как в юности — по своему заветному перелеску, и душа гудит от радости и переполняющей ее жизни, как веселый весенний шмель.

«Брат мой лес! — плакал он, обнимая деревья. — Как мог я тебя оставить?!»

Проснулся он неожиданно бодрым. Из раскрытого окна тянуло холодом, и, спеша к кольцу, грохотал пустыми вагонами трамвай. Фёдоров поежился, нащупал под боком скомканное письмо и в меркнувшем свете дня дочитал:

*«В Вашей книге, как в природе, нет ничего лишнего. Все на своих местах, все нужно и важно: малейший кропотливый жук и даже бурелом с бурьяном...»*

«Как пишет, — невольно залюбовался Фёдоров. — Будто в школу не ходит! Может, маленькая еще. Не успела выучить, *«что хотел сказать автор»*.

«К нам в школу привезли списанную литературу из района. Стали разгружать, и Ваши «Незабудки» выпали прямо ко мне в руки. Я открыла — и не смогла оторваться. Будто брата потерянного нашла! Мне сразу так захотелось рассказать Вам все. Как мы тут живем. Как под гремучим мостом бежит на месте ледяная Ольховка. Как печально смотрит на другой берег одинокая корова Марфа. Как вчера на закате две лошади — черная и белая — вошли в золотой сноп лучей и превратились в плавные силуэты, не отличимые друг от друга...»

Фёдорову хотелось читать дальше. Но письмо внезапно обрывалось прыгающей строчкой:

«Прибежал Митяй с новым рисунком. До свидания! Обязательно напишу еще! Ваша Таня»

— Ну, почему так? — сморщился Фёдоров, безропотно и почти охотно соскальзывая в привычную обиженность. — Раз в жизни кто-то вспомнил — и сразу прибегает какой-то Митяй, и до свидания! Неужели я не заслужил, чтобы хоть эта ничтожная радость была целиком моей?!

Нахмурившись, Фёдоров перечитал письмо. Царапнули незамеченные сгоряча «книжечка» и «списанная литература». Не видя ничего от подступивших слез, он прошаркал в коридор, грузно влез на табуретку и потянул с антресолей пыльную сумку с остатками тиража.

Сумка оказалась неожиданно тяжелой, руки беспомощно скользнули, и на пол посыпались выцветшие «Незабудки». Писатель Фёдоров, сдерживаясь изо

всех сил, спустился, сел среди своих книг, прижал одну к лицу и только тогда — заплакал.

«Я совсем старик, — всхлипывал Фёдоров, которому недавно исполнилось сорок. — И больше уже ничего не будет. А ведь ничего и не было. Неужели это и есть жизнь? Но за что?»

Он обвел взглядом рассыпанные книги. Они были совсем тоненькие, в бумажной обложке, с незатейливым, как на ситцевых платях, рисунком. Такие и впрямь иначе как «книжечками» не назовешь.

Он открыл наугад:

«Присев на кочку, я услышал дуэт кукушки и лягушки.

— Ку-ку, — окликало с кривой ивы.

— Ква-ква, — отзывалось из болота».

Преодолевая стыд, он стал читать дальше и незаметно добрался до конца книжки.

«Какой же я был, — скривился Фёдоров. — Дурак заповедный. Кому я все это рассказывал? Дрожащие прожилки осеннего листа, неслышный плач травинки, бормотанье ручья, медленные мысли деревьев... И догадался же напечатать! Зачем? Для кого? Лучше б стал лесником. Или биологом. Да что там. Теперь уж поздно. Больше уже ничего не будет».

Фёдоров опять обманывал себя. Самое страшное было вовсе не в том, что книжка оказалась никому не нужной. Перечитывая сейчас «Незабудки», он неожиданно понял, что эта их не востребованность, всегда казавшаяся ему величайшей несправедливостью в мире, была, на самом деле, вполне заслужена и закономерна.

Он любил свою бедную книжку горькой и болезненной любовью, как никчемное, ничего в жизни не сумевшее, никуда себя не приткнувшее дитя. Любил, стыдился, недоумевал и был абсолютно уверен, что дело тут исключительно в глупости и черствости окружающих, не способных «по достоинству оценить».

И вот ему открылось другое. Свет, который он считал главным достоинством своих рассказов, с ложным смирением признавая, что мастерством и талантом они, возможно, не блещут, этот свет — его единственное оправдание, единственная надежда — вдруг оказался ему совершенно натянутым, вымученным, неживым.

«Письмо этой девочки — по-настоящему светло... После него все мои потуги звучат так фальшиво... Неужели и это обман?» — запаниковал Фёдоров и, спасаясь от жутких очертаний правды, начавших проступать в его мутном сознании, включил свою обычную заезженную пластинку:

«Никому нет дела до таких тонкостей и мелочей, люди не хотят остановиться и поглядеть вокруг себя...»

Но мысль, уже запавшая в ум, продолжала, помимо его воли, свою разрушительную работу, будто кто-то впечатывал в душу чеканные формулы приговора:

«Ты думал быть светлым, но никогда не был таким. Хотел быть живым, но не имел в себе жизни. Считал, что пишешь о любви, но не любил. Ты презирал людей — и тебе ответили тем же. Ты сеял плевелы — вот твоя жатва. Ибо у того, кто не имеет, отнимется и то, что он думает иметь. А если свет, который в вас, тьма, то какова же тьма?»

В ту ночь Фёдоров спал немощно и тревожно. Раз за разом ему снилось, как из раскрытой сумки падают вниз его бедные книжки. А он пытается поймать, оступается и летит следом. В другом изводе того же сна из сумки вываливалась лавина настоящих незабудок, и Фёдоров, никогда не рвавший цветы, кричал от боли. Наконец, он очутился на деревянном мостке, и из сумки полилась вода.

«Сейчас кончится!» — он беспомощно и зло дергал молнию, чувствуя, как неумолимо иссякает поток.

«Все еще будет» — звенел за спиной детский голос.

«За что? Ну, за что?» — ревел Фёдоров и безнадежно соскальзывал с мостка вниз, в мерзкий черный провал. И ухватиться было совершенно не за что.

Проснулся он весь мокрый от слез, будто искупался. Накинул плащ поверх халата — ему давно было наплевать, как он выглядит, — и, давясь отвращением и жалостью к себе, побрел в гастроном.

Всю неделю — вплоть до следующего Таниного письма — Фёдоров пил. Чаще один, а иногда со скульптором Донцом из соседней квартиры.

Донец был очень жизнерадостный алкоголик, легкий, болтливый, жалостливый, всегда готовый прыснуть, как девчонка. Фёдоров его ненавидел.

Донец жил вдвоем с огромным псом по кличке Роден. Пару лет назад скульптор подобрал полумертвого доходягу на помойке и поставил на ноги, отпоив, как уверял, подогретым пивом.

— Вчера с Роденушкой в обнимку заснули, — трепался Донец, ничуть не смущаясь тяжелым молчанием соседа. — И он скинул меня с кровати! Я отполз на его подстилку. Но Роденушка соскучился и снова ко мне под бок. А потом опять как потянется — и я на пол! Хорошо спать на полу: дальше падать некуда!

Фёдоров мрачно слушал, и чугунный хмель давил на затылок, унося все мысли, но не принося облегчения. «Незабудки» так и валялись в коридоре, и Фёдоров с Донцом, пробираясь в уборную, ступали прямо по ним.

— Списанная литература! — плевался Фёдоров.

— Макулатура! — хохотал Донец. — Да как много! Если еще бутылки твои сдать, на портвейн хватит!

Донец всю жизнь лепил бюсты Ленина для райцентров, но точно знал, что когда-нибудь сваяет нечто по-настоящему бессмертное. Было бы время. И вот заказы на вождя закончились, и Донец, предоставленный сам себе, не замедлил спиться.

— Ты ведь тоже неудачник, — допытывался Фёдоров, еле ворочая языком. — Чему же ты рад?

— Тому, что жив! — сиял Донец, и Фёдоров чернел от зависти.

— Почему ты жив, а я — нет? — иступленно кричал он. — Куда моя жизнь подевалась? Почему она так и не началась, а уже кончилась? Понимаешь? Ничего не было, ни-че-го! И уже ничего не будет!

— Да ты философ! — умилялся Донец. — Мыслитель! Роден!

В раскрытую дверь квартиры шумно врывался Роденушка, клал тяжелую голову на колени хозяину и замирал, блаженно поскуливая.

— Заведи пса, — в сотый раз советовал Донец, целуя Родена в крутой лоб. — Собаки — лучшие из людей!

*«Мне кажется, собаки так долго живут с людьми, что им без нас одиноко, —*

читал Фёдоров на следующее утро в новом Танином письме. — *Бездомные псы — самые несчастные создания на свете, они в любом прохожем готовы признать хозяина и полюбить на всю жизнь по первому щелчку пальцев. Мне стыдно смотреть им в глаза...*»

По распухшим щекам писателя текли слезы, замедляя бег в неровной щетине. Донец стучал в дверь, но Фёдоров не двигался с места и в глубине своего онемевшего тучного сердца обещал Тане, лесу, незабудкам — самому лучшему, что было в нем — выбраться, завязать, очнуться.

*«Я лишь боюсь, — продолжала Таня, казавшаяся ему уже не школьницей, а молодой и, разумеется, прекрасной девушкой, — что Вы перестанете писать. Ведь в лесу так хочется замолчать и раствориться. Слова нужны только людям, а Вам, я чувствую, нелегко с людьми. Но Вы не молчите — это самое главное. А второе самое главное: не храните в себе обиды. Они могут разлучить Вас с лесом, с радостью, с душой. Надеюсь, этого не случится... Марфа и Митяй шлют Вам привет, а моя любимая ива кланяется до земли. Я же Вас обнимаю. Ваша Таня».*

На конверте был обратный адрес. Фёдоров обрадовался, ведь первое письмо затерялось в беспорядке пьянства. Он хотел сразу же взяться за ответ, пока не остыло сердце. Но для начала понадобилось стереть со столешницы многолетнюю пыль. Потом Фёдоров нудно искал ручку, в забывчивости выдвигая один и тот же ящик стола. Наконец, отправился на кухню попить воды, наткнулся на книжки, сгреб в охапку и решил убрать. Но вдруг обессилел, свалил их в углу, кое-как добрал до софы и провалился в сон без сновидений.

Только через день Фёдоров пересилил бессилие и сел к столу. Призрак писательской каторги, которую он отбывал десять лет под немилосердным надзором Анны, тут же парализовал его.

«Но ведь когда-то я любил писать», — попытался вспомнить Фёдоров.

И вдруг увидел себя — тощего, юного, с пылающими щеками. Как он сидит на корточках под фонарем на виадуке, над какой-то незнакомой станцией, погруженной в ночь, внизу идет грузный товарняк, над головой выются мошки, а он что-то лихорадочно строчит в блокнот и временами счастливо смеется.

И так больно ему стало от этого непрошеного воспоминания, так бесконечно жаль себя. И сегодняшнего — неподвижного, обрюзгшего, давно не смеявшегося и ненавидящего писать. И тогдашнего, обуреваемого мечтами и надеждами, из которых, как ему уже было известно, ни одна не сбылась.

Фёдоров вернулся к письму, заранее зная, что ничего не выйдет.

«Танечка» — написал он и густо зачеркнул.

«Дорогая» — начал на новом листе, но, смутившись, скомкал бумагу.

«Здравствуй» — осенило Фёдорова.

«Или — здравствуйте?» — засомневался он и погрузился в глубокую безысходную задумчивость.

Прошел почти месяц, а Фёдоров так и не продвинулся дальше первого слова. Волнение, проклюнувшееся от писем, завяло. Он перестал открывать окна, запер «Незабудки» на антресолях и, потеряв ручку, окончательно угас.

Последний корабль, который мог бы его спасти, — утлый кораблик, сложенный из тетрадного листа, — проплыл мимо, а он так и остался на своем крошечном необитаемом острове, который уже почти полностью скрыла безжалостная черная вода.

В тот день Фёдоров, как обычно, печальным студнем колыхался на софе и машинально тасовал засаленные обиды. Вдруг посреди сутулых малокровных мыслей выстрелила одна — тугая и мощная, — будто подуманная не его усталым умом.

Мысль была огромным богатырем, подпиравшим небо, но уместалась в коротеньком слове: «Смерть».

Фёдоров встал. Оцепенение разом слетело с него. Кровь потекла быстрее, тело наполнилось жизнью.

Вторая короткая мысль догнала первую и встала с ней вровень: «Сегодня».

Он тщательно побрился, скинул свой вонючий старческий халат, впервые за долгое время нормально оделся и, оставив ключ в замке, вышел на волю.

Он был так сосредоточен на вершившемся в нем Событии, что не заметил еще одно Танино письмо, белой птицей метнувшееся к ногам. Да и вряд ли он стал бы его читать сейчас, ведь он уже вышел на ту печальную и суровую дорогу, по которой каждый идет один. И впервые в жизни не испытывал нужды ни в друге, ни в утешителе, ни в опоре, будто сама неизбежность предстоявшего пути укрепила его дряблый и робкий дух, придала мужества, смирения и силы.

Все движения его были точны и размеренны. Он не делал ничего лишнего, не бросал начатое на полдороге, не ошибался и не мельтешил, как обычно. Будто бы вместо него действовал кто-то другой — полный спокойного достоинства, умудренный, а не изнуренный прошедшим сквозь него временем, кто-то проживший совсем другую жизнь.

И все-таки это был он сам. Он — настоящий, незнакомый самому себе, но гораздо более реальный, чем то жалкое и гадкое существо, которое лежало на диване, ненавидело весь мир, и которое он покорно считал собой.

Он знал, что скоро, почти сейчас, с ним произойдет самое страшное, самое невозможное и несправедливое на свете. То, чего он с трех лет смертельно боялся. Что никак, ни за что не должно, не может случиться с ним... И впервые в жизни не дергался и не роптал.

Фёдоров долго ехал в трамвае. Его лицо, казалось, навеки сросшееся с выражением плаксивой униженности, вдруг расправилось и стало спокойным, даже величественным. Матерившиеся рядом подростки, бросив на Фёдорова случайный взгляд, отошли в другой конец вагона.

Фёдоров смотрел в окно. Медленно и важно, как плакальщицы, прошествовали мимо старые липы городского парка. Мелькнула облупившаяся поделка скульптора Донца. Скрылись за поворотом раскладушки букинистов, где когда-то он пытался продавать свои «Незабудки». Уплыли назад застывшие над шахматными досками старики.

На вокзале Фёдоров попросил билет до станции Урочь. Это была последняя точка пригородных маршрутов. В юности он доезжал до нее, как до ближайшего края света, и уже оттуда пускался в странствия по нехоженным лесам.

— С Луны свалились?! — рявкнула кассирша, и Фёдоров тут же вспомнил свой семейный ад, но как-то отстраненно, почти без боли. — Эту станцию сто лет назад закрыли!

— А какая сейчас конечная?

— Вешки! — огрызнулась тетка, и Фёдоров поспешно сунул в пасть с надписью «Касса» последние сто рублей.

— Еще семнадцать!

— Больше нет. Давайте куда хватит.

Ожидая электрички, Фёдоров внимательно и серьезно читал свой билет, словно ожидая найти в нем объяснение всему, что с ним случилось (то есть не случилось) в жизни.

Но на билете было напечатано только волшебное слово: «Берендеево» и фамилия кассира. Сварливую бабу звали Абрамочкина, и Фёдоров ей сразу все простил.

А потом стал думать неспешно и складно, будто читал свой собственный, так никогда и не написанный, но где-то все равно существовавший рассказ. Ему часто снились эти нерожденные, жаждавшие быть, звавшие и манившие его слова — легкие и стремительные, как ласточки, — он читал их во сне, не веря своему счастью, ибо они были прекрасны. Просыпаясь, он утешал себя тем, что когда-нибудь услышит и запишет их наяву, ведь они жили в нем... И эта надежда была самой горькой из обманувших его надежд.

Фёдоров стоял на платформе, вертел в руках маленький билет с синими буквами и думал, что свирепая гарпия с ласковой фамилией продала ему пропуск в сказку или, наоборот, в реальность, швырнула, как кость, долгожданное приглашение в смерть или, наоборот, в жизнь, в любом случае, сама того не ведая, подписала вольную, равнодушной рукой открыла дверь пожизненного карцера, в котором кто-то за что-то его сгноил...

— Да нет же! — вдруг воскликнул Фёдоров, и толстые вокзальные голуби, лениво подскочив, отошли от него на пару метров.

«Причем тут вообще эта дура? Таня! Вот, кто дал мне свободу, поднес напоследок глоток живой воды. Как жаль, что я ее уже не увижу. Почему же все так поздно, почему?..»

Чтобы не опускаться в свой привычный мрак, он снова уставился в билет. И увидел дату: 21.06.

«Самый долгий день!» — невесело усмехнулся Фёдоров и вдруг заволновался: — «Увижу ли я незабудки?»

До Берендеева он не дотерпел. Выскочил на платформу безымянного километра. В ноздри ударил крепкий полевой дух. Электричка стихла, и Фёдорова окружило неподвижное стрекотание кузнечиков. Он спустился по раскрошенным ступенькам и, почти не касаясь земли, пошел среди спелого разнотравья.

Стало душно. На ходу он повесил шляпу на макушку березы-подростка. Скинул пиджак в широкие ладони лопухов. Галстук черной змеей остался лежать на узенькой тропинке. Фёдоров смеялся, и в расстегнутый ворот чистой рубахи текли потоки слез.

Запахавшись, он остановился, вынул блокнот и легко начал письмо Тане.

«*Душа моя*, — писал Фёдоров, и солнце пекло его в лысое темя. — *Я вижу жаворонка, он стоит в небе...*»

Фёдоров ослабел, опустил на колени и глубоко-глубоко вздохнул. Огляделся по сторонам, подмигнул внимательным незабудкам и вывел кренящимися буквами еще одну строчку:

«Вот то, что никогда не умрет: цветы, лето, дорога в полях, голоса птиц...»

Фёдоров лег на спину. Письмо продолжалось, но он уже не мог его записать:

«В глубине солнечного дня живет спокойное торжество над смертью.

Просто лежишь в траве и сквозь наклонившиеся к тебе ромашки смотришь, как меняются очертания облаков, как иногда отрывается от края маленький завиток и тихо растворяется в бездонном синем...»

Таня стояла у мостка через Ольховку и ждала гостей. Рядом вглядывалась в цветущую даль корова Марфа. Тане мнилось, что писатель Фёдоров тоже придет ее поздравить, ведь она его пригласила и подробно объяснила, как добраться. Только вот — успело ли дойти письмо? Надо было раньше спохватиться!

По давней материнской привычке она стала тихонько напевать колыбельную — чтобы не волноваться.

На холме за рекой показалась белая панамка. Босые пятки Митяя уже стучали по нагретым доскам моста, когда над ромашками взошел праздничный розовый платок его прабабки Анфисы, младшей Таниной сестры. Несмотря на светлый — вместо обычного черного — головной убор, старуха все равно была похожа на боярыню Морозову.

Взявшись за руки, прибежали Мишка с Машкой — молодые родители Митяя, работавшие в школе на том берегу. Из Вешек прикатил на мопеде почтальон Портянкин, поросший непроходимой бородой.

— Ну, води за стол, менинница, — милостиво приказала Анфиса. — Или еще кого поджидаешь?

Таня вздохнула и пошла в дом. Гости потянулись следом. Только Марфа осталась на берегу.

— Дорогая Таня... — начал нетерпеливый Митяй, не успев переступить порог.

— Какая она тебе Таня! — громыхнула клюкой Анфиса.

— А то кто ж? — весело заспорила Таня. — Не Татьяна же Михайловна! Я еще молодая!

Все дружно загалдели, соглашаясь, что Таня, правда, еще очень молода. В этот день ей исполнялось 80.

— Дорогая Таня, — перекрикивал общий гул Митяй. — Я хотел подарить тебе цветы. Но я знаю, что ты не любишь, когда их рвут и они умирают. Поэтому я нарисовал тебе цветов. Много-много, сколько влезло на Землю.

Митяй вытащил из панамки альбомный лист и развернул перед Таней. На рисунке была зеленая лужайка, похожая на купол. Зелени, правда, было совсем немного — почти все место занимали крупные, с кулак, незабудки. Над первым куполом громоздился второй — синий с белыми облаками, а над ним еще один: черный, в котором горели три огромные звезды.

— Это космос, — важно пояснил Митяй, и все засмеялись.



# Стихи и переводы

Я у киосков причащался,  
лез в драку прямо из пальто.  
Я с юностью своей прощался  
раз, может, десять, может, сто.

В дыму пивного зала мутно.  
И вот опять даёшь зарок...  
А юность медлит почему-то  
и не уходит за порог.

Чтобы в славе и в силе,  
словно сосенка ствол,  
встала церковь, месили  
белоснежный раствор.

Встали маковки прямо  
в синеву, как одна...  
Для престольного храма  
злая известь нужна.

Словно свечка из воска,  
среди прибрежных ракушеч-  
ных сырых известок  
вёрст на двадцать горит.

## *Мы выросли*

Мы выросли, мы распростились с бреднями,  
Уж тут не до мальчишеских затей.  
Мы сдержанны: в трамвай идём последними,  
впустив сначала женщин и детей.

Мы выросли. У нас уже отглажены  
на брюках складки.  
В мыслях о судьбе!..  
Глядят соседи сквозь дверные скважины:  
кого мы нынче привели к себе?

Мы выросли. Интересуюсь прозой,  
к стихам мы снисходительны слегка...

Покашливая, любим папиросою  
стучать солидно в крышку коробка.

*«ДН», 1970, № 7*

## *Дороги*

Мечтают все о счастье,  
все рвутся к небесам.  
А я?.. Ну что ж, отчасти  
я в том повинен сам...  
Одна была забота:  
вперёд и наугад!..  
Бескрайняя свобода  
мой ослепляла взгляд!  
Я выпренне глаголю,  
а сам, однако, мал!  
Но счастье я, как волю  
одну лишь, понимал.  
Мерцали идеалы.  
Один завет: лети!  
Но страшные провалы  
чернели на пути.  
Но мир не в нашей власти.  
Наш мир предельно строг!..  
Какое ж это счастье  
без прочности дорог?

## Старики

Придёт черёд — и сяду я внизу  
среди стариков на парапете плоском.  
И я сдавать бутылки понесу,  
бока раздувши двум большим авоськам.

А прошлое моё:  
дым и огонь!  
Бьёт рошу расщепляя, корпусная,  
и рвёт построшки, вырываясь, конь,  
и пушку набок тащит пристяжная.

А прошлое:  
я лейтенант лихой!..  
И в «виллисе» ползу по первопутку.  
И мокрою махорочной трухой  
в самодовольстве лажу самокрутку.

Сейчас стою,  
напрягши две руки,  
там, где сдают бутылки, банки, склянки...  
...Всё о былом пекутся старики,  
с утра навесив орденские планки.

## В море

На черте проходит лайнер скорый...  
Я уверен: там на нём сейчас  
кто-то есть один такой,  
который  
море вдруг увидел в первый раз...  
Над бортом висит волна,  
прямая,  
чёрная, обрушиться грозя...  
Он стоит, на чаек поднимая  
удивленьем полные глаза!  
Он стоит, как прежде я,  
под бризом,  
в гвалте и не ведает о том,  
как он мне сейчас, далёкий, близок,  
мокрым, радостным, с полуоткрытым ртом...

\* \* \*

Нескладно и негладко  
все шли мои дела...  
Внезапная догадка  
меня вдруг потрясла!  
Я понимал бескрыло —  
кругом был чёрный цвет...

Догадка озарила  
сияньем целый свет!  
И толстую тетрадку  
завёл я для поэм,  
чтобы свою догадку  
открыть, ликуя, всем!

«ДН», 1975, № 3

## Юван Шесталов

*С языка манси. Перевод Евгения Винокурова*

— Что такое: на вершине дерева —  
сильный ветер?..  
— Мысль.

*Мансийская загадка.*

«На вершине дерева сильный ветер...»  
Человек, задумайся над этим.  
Не стой безучастно, как спокойная лошадь.  
На вершине дерева сильный ветер!

Дерево живо, в нём соки жизни...  
В голове — в вершине человека — сильный ветер:  
то волнуются мысли.  
Если шум вдруг услышишь,  
не брани вершину дерева...  
Человек, задумайся над этим:  
почему гнутся ветви,  
почему говорит так громко листва?  
Стань на мгновение  
вершиной дерева.  
Прими на себя натиск ветра.  
Брось в лицо ветра свои вопросы,  
печали, сомнения и все загадки этой жизни,  
жизни, что пахнет горечью дыма  
и росной сладостью ягод...

Стань на мгновение  
вершиной дерева.  
Около земли тихо,  
травы ведь здесь не шумят, а только стелются.  
А корни дерева ушли под землю,  
щупая тьму  
своими долгими крючковатыми пальцами.  
Они не знают о ветре.  
Укрытые мхом, как тулупом,  
они сосут вкусные соки земли.  
Но видят ли они жизнь  
с её красотой и дрожью?  
Нет, только листва, что на вершине,  
видит мир.

Оттого она и зелена,  
и распускается с каждой новой весной.  
Листья принимают удары первыми.  
Они мыслят смелее других,  
Они ценят больше других  
жизнь, её бесконечный трепет.  
На вершине дерева сильный ветер...  
Хорошо.  
Не опали ещё листья!  
Человек, задумайся над этим,  
Не стой безучастно, как спокойная лошадь.

...Стань на мгновенье  
Вершиной дерева.

## *Валентин Колумб*

*С марийского. Перевод Евгения Винокурова*

Земля тянет меня,  
О, как притягивает к себе земля!..  
Но не так, как тянет  
Иных,  
Которые сетуют:  
«Как отяжелело моё тело,  
Не протяну, наверное, и месяца,  
А протяну скоро ноги!..»

Нет, моя молодость ещё белозуба.  
Ныть мне рано,  
Может, и я недолго протяну,  
Но как я завидую космонавтам,  
Тем, что преодолели  
Притяжение земли,  
Победили земную тягу!..

Я бы только их одних и славил,  
Если бы не было хлеборобов...  
Как бы высоко в небо ни взлетел  
Человек,  
Но кормит нас хлебом чёрная земля.

Поэтому даже самый славный космонавт  
Кланяется земле в своём Байконуре,  
Когда захочет сорвать колос.

А что такое Байконур?  
Не знаю, что такое «Байко»,  
Но «нур» по-марийски значит — «поле»,  
Байконур, должно быть, — это поле,  
Поле, где растут хлеба...А если нет?..

Но ничего, право же, если на нём вырос не колос,  
А только колосс...  
Вот он — урожай эпохи.  
Не сеять семена смерти,  
А пожинать счастье!  
Это ничего, если Байконур  
Закрыт для сеятеля:  
Ведь это поле космической славы.  
Не зря же ракета похожа  
На продолговатое и тугое  
Хлебное зерно,  
Взращённое руками хлеборобов!  
Вся разница лишь в том,  
Что зерно падает в мягкую и сырую пахоту,  
А ракета — в нераспаханную  
Целину мироздания.

*«ДН», 1975, № 3*

# *События. Суждения. Судьбы*

Дмитрий Голубков

## «Всё на свете — камень и песок»

*Из записных книжек (1952—1970 гг.)*

*Мой отец, московский поэт, писатель и художник Дмитрий Голубков начал вести дневник четырнадцатилетним, в 1944 году<sup>1</sup>. Несколькими годами позже, в 1952-м, к массивным тетрадам добавились и записные книжки: студент факультета журналистики МГУ всегда и всюду брал с собой компактные блокнотики — так же, как сегодня мы не разлучаемся с компьютером. Многочисленные записные книжки служили копилками для его памяти. В них можно найти емкие портреты современников, пейзажные зарисовки (карандашом, чернилами и словом), подслушанные диалоги случайных попутчиков и сочные изречения охотников и рыбаков, размышления об искусстве и государственном устройстве и истории России, даже конспекты рассказов и поэтические наброски. Судя по следам карандаша, автор время от времени перелистывал мини-хроники своих поездок и использовал ту или иную страничку в писательской работе.*

*Вниманию читателей предлагаются фрагменты записей отца, посвященных его поездкам и путешествиям по европейской России, на Урал и в Узбекистан, а также найденная мною в его бумагах ранее не публиковавшаяся автобиография.*

Марина ГОЛУБКОВА

### Автобиография

Я родился в Москве, в семье прораба Николая Дмитриевича Голубкова, ветерана Первой мировой войны, солдата Русского экспедиционного корпуса. Рассказы отца (георгиевского кавалера, кавалера французского ордена «Круа де герр» и Сербского военного креста), выходца из старой московской семьи, хранителя фамильных преданий, восходящих к временам Очакова и покорения Крыма и Цусимской морской битвы (участником ее был брат моего деда — героически погибший матрос крейсера «Память Азова») — оконкретили для меня русскую историю, одомашнили ее, если можно так выразиться, приохотив мое воображение к темам родной старины. Бабка моя (мать отца) — Хоботова, женщина властная, суровая. Она была портнихой во Владыкине, шила для самой М.Ник.Ермоловой.

---

<sup>1</sup> Голубков Дмитрий Николаевич (1930—1972) — автор 14 книг прозы и поэзии. Романы «Недуг бытия: хроника дней Евгения Боратынского» (1973) и «Восторги» («Дружба народов», 1993, № 3) изданы посмертно. Дневники Д.Голубкова впервые полностью опубликованы в книге «Это было совсем не в Италии» (М.: Изд-во «Маска», 2013).

Значительнейшим впечатлением моего детства была Отечественная война 1941—1945 гг. Лето 1941 года застало нашу семью в подмосковном поселке Ильинка. В двух километрах от нашего жилья располагался аэродром, и немецкие самолеты беспрестанно бомбили. Впервые я тогда увидел огонь не за дверцей печки, и кровь, текущую не из царапины. Мы — десяти-, одиннадцатилетние мальчишки, — набрав недозрелых яблок и круглых камушков для рогатки, пытались удрать на фронт. Ничего не получилось, и нам пришлось довольствоваться ролью «мальчиков на побегушках» в Быковском колхозе: безропотно пололи длиннющие свекольные грядки за речушкой Пехоркой, лушили горох, копали картошку. В дощатой колхозной столовке мы гордо съедали тяжелые ломти липкого серого хлеба и азартно хлебали капустные и крапивные щи...

В 1945 году я поступил в Московскую среднюю художественную школу, с головой погрузившись в восторги искусства. Впервые — в пятнадцать лет — ощутил желание рассказывать и записывать, впервые понял, что литературу люблю не только как читатель, а ревниво, пристрастно, родственно... Но писать стал позже, лет с девятнадцати—двадцати, учась на факультете журналистики МГУ.

Будучи студентом, работал некоторое время в газете «Московский комсомолец» — корреспондентом сельскохозяйственного отдела. Первые мои стихотворные опыты поддержал С.М. Городецкий, внимательно следящий за моей работой и поныне<sup>1</sup>. Впервые напечатался я в 1953 г., в газете «Московский комсомолец». В 1955 г. я был принят на службу в отдел национальных литератур Гослитиздата. Знакомство с эпосом кавказских народов, дружба со многими поэтами Кавказа, неоднократные поездки в Кабарду, Грузию и Армению резко расширили мой кругозор, сделали меня энтузиастом переводческого труда, дали темы и образы для многих моих стихов.

Все мои родичи и предки по отцовской линии — москвичи. С младенческих лет я, так сказать, пропитывался московским духом, московским бытом, особой московской гордостью. И понятие «Москва — это родина» было для меня воистину кровным, каким-то домашним, семейным даже.

В этом городе в старинной московской мещанской семье родился мой дед — мелкий таможенный чиновник, человек поэтичной души, увлекавшийся пением (он был «по совместительству» певчим Елоховской церкви) и демократическими идеями русской революции Пятого года. Он несколько раз арестовывался; в его квартире на Новобасманной укрывались революционеры — боевики. В Москве, в Александровском военном училище, учился мой отец — отсюда он добровольцем отправился в окопы Первой мировой войны, а позже, в 1941 году, — в народное ополчение.

...В семье жил сочный, особенный московский язык, не умирали отзвуки фольклора — легенды о знаменитых московских разбойниках, рассказы о замоскворецких купцах—чудилах, воспоминания отца о девятьсот пятом годе, о злоключениях Русского Экспедиционного корпуса, посланного защищать французов в 1915 году, о семнадцатом годе, о нэпе... Среди наших родственников и свойственников были люди самого разного социального обличья: и рабочие, и деревенские активисты, и отпрыски купеческих и дворянских фамилий, и даже сельский священник. И все они рассказывали, и многие из них обладали незаурядными актерскими данными — изображали рассказываемое...

---

<sup>1</sup> Следовательно, эта автобиография была написана до 1967 года, когда умер Городецкий.

## Поездки, путешествия, мысли и наблюдения

### Москва и Подмосковье (1952—1957)

«Верю — ибо это нелепо; верю, ибо это невозможно». *Блаженный Августин*<sup>1</sup>

**Отец осенью** привез из Владыкино маленькие кусты сирени и посадил их. Они принялись, скоро будут цвести. Они — от большого владыкинского куста, который цвел во времена юности отца и матери.

...**С карниза упал птеник**, ушибся и жалобно кричит. Все побросали свои дела, столпились вокруг продавщицы воды, положившей птенца на свою синюю коляску. Толстая, с косами, девочка ест мороженое и густым низким голосом поет: «Как жалко, бедненький...»

Всем жалко и весело, что из-за судьбы птеника они забыли — охотно — все свои дела и бесконечно долго могут стоять тут под горячим небом и жалеть птичку.

...**Первые послевоенные годы**. Первые мои свидания с девушками. Возвращаясь по ночам, вхожу на цыпочках, ем скудный ужин. Мама просыпается:

— Не жуй так громко — есть хочется.

**Молодой человек** имеет два носовых платка. Один — для парада, другой — для себя.

**Художники поехали на завод** — писать ударников. Вошли, балагурия, в отдел кадров. Девушки в хороших шубах, румяные, беспечные; обсуждали с жаром похождения Тарзана («Лучше с Ваней на диване, чем с Тарзаном на экране»).

Ударники были простые, некрасивые люди. Они волновались: приятно, что напишут на полотне! Одна из девиц спросила: «А у вас *чего-нибудь* поинтереснее нет?»

**Милиционер** на углу. Смотрит, улыбаясь, на девушек, в кармане — зеркальце.

...**Коллекционер**-перекупщик говорит:

— Я бы ликвидировал эту картину — тыщ за пять.

...**Недобрая старуха**; поджатые губы; сухие, безразлично-зоркие глаза. Как *из простых* делаются злюки, дряни. Легкость прививки зла — бытового, незлодейского; обидеть, присвоить, оговорить; ненаказуемо, просто — очевидность выгоды; распространенность примера.

...**Княгиня-домработница**. Во время войны к М.И.М. пришла старуха — бывшая княгиня-богачка, владелица имений, заводов, выездов. Очень красивая, нищая, голодная. Попросила: «Возьмите меня домработницей, я все буду делать, мне кусок хлеба нужен». — М.И. взяла, кормила, платила, старалась все делать сама. Но та обижалась — хотела честно работать. Жаловалась: «Сегодня в очереди меня назвали барыней. И вчера булочник, вешая хлеб, сказал: «Пожалуйста, барыня!» Нахал! Как он смел? Разве я барыня? Я тружусь за кусок хлеба».

Но она оставалась гордой и красивой барыней, и по старинной привычке на ночь долго и тщательно мылась.

**В троллейбусе**. Бородатый опухший человек сует, передавая за билет, пригоршню мелочи:

— На все.

**Медяк в пыли**. Иду по пыльной дороге. Вижу: блестит монета — двадцать копеек. Навстречу — деревенская баба. Перехватила мой взгляд, уставилась на двугривенный. Я прошел вперед, оглянулся — она поднимала монету, воровато глядя на меня.

**Инвалид** без обеих ног шел на двух костылях. В рогатке одного костыля он нес хлебную буханку.

---

<sup>1</sup> Эту максиму Тертуллиана нередко ошибочно приписывают то Фоме Аквинскому, то Блаженному Августину. — *Прим. ред.*

**Домработница** гуляла с солдатами. Хозяйка сделала внушение: они, мол, неизвестно какие, кто их знает...

— Да что вы, Марьянна! Да они ж как херувимчики: чистенькие, красивенькие. Да уж куда чище-то: разувает один сапоги, я портянку-то в руки бяру, нюхаю — и не пахнет!

**Захарьино** (около Подольска): старая церковь; большой пруд с мохнатым, зеленым островом. Ветлы. Церковь с маленьким, неогороженным кладбищем — на берегу. Ребята загорают прямо на могилах.

...**Весь ужас нашей поэзии** в том, что чувства людей остались такими же, какими были сто лет назад. Но официальные поэты упрямо сочиняют невиданную бодрость и новизну, выдумывают какую-то социальную любовь. Кто ловчее выдумает — тот ярче и талантливее.

**У наших писателей** слишком много всяких правил, законов, обязательных образцов — поэтому они скованы в своем творчестве. Раньше не было в таком количестве этих рогадок, и творчество было непринужденное.

... **У многих книжоумных** людей — каменное, вечно-одинаковое, вдумчивое выражение лица. Потеряно всякое чувство живой наблюдательности.

**Ум** — это способность осознать себя дураком.

**Деревенская амбулатория** в большой крестьянской избе. Через коридорчик — хлев, сено. Полутемная прихожая с бюстом Сталина (1955), белой печкой в виде прямоугольного высокого стула и геранью в высоких чугунных горшках на подоконниках.

**Пожилой полковник в отставке** хочет омолодиться, надоедает врачам в поликлинике. Наконец ему советует один молодой медик:

— Обратитесь к доктору Фаусту! — Полковник по всем коридорам разыскивает доктора Фауста.

**Деревья** кажутся иногда живее людей.

Мокрый асфальт отражает малиновый свет реклам — словно тротуар вымазан губной помадой. Ночь испачкана рекламами.

**Не смотрю на афиши**, на газетные стенды — смотрю на лица людей, на небо, на землю — это важнее.

**Деревня Марьино** (написать рассказ). Это — невдали от Звенигорода. Умирает старая крестьянка; просит положить ее под яблоню, на землю. Мечется, задыхается. Прошел дождь, ей стало легче: она даже встает, ходит по двору и зовет гусят... Ей стараются не давать масла, мяса. Она сердится, требует, чтоб давали все... Ей опять хуже, — чувствует, что умрет скоро; сама встает с постели, идет в чулан, где спит ее старшая дочь (дом сдан на лето дачникам), гневно выбрасывает из шкафа дочкины пожитки, просматривает свои вещи — в чем ей в гробу лежать. Все, оказывается, готово: и белый плат, и платье, и крышка для гроба. Успокоенная, она ложится в постель... Вечером в летний сарайчик приходят дети, внуки, старик-муж ее и сестра — одутловатая и неразговорчивая пожилая женщина с пристальными серыми глазами и тонкими губами скупердяйки. Пьют чай. Старуха внезапно раздражается:

— Хватит вам чаевничать-то!

— Сейчас, сейчас, — успокаивают ее.

Она наклоняется к столу, вырывает блюдце мужа, жадно допивает чай и, отдуваясь, ложится на спину. Говорит мужу:

— Ты теперь хозяин и живи себе один в доме, лежи на печке, сиди себе на лавочке. А в город, к детям, не ездь сам; позовут — приезжай, погости — и опять возвращайся, один живи...

Старик не слушает, ему тяжело, он знает, что это — последние ее слова. Он натягивает засаленную кепку и выходит на дорогу. Сидит на обочине, курит, плюется и приговаривает скрипуче:

— Вот ведь, надо же ведь... Прямо наказание, ей-богу...

Старуха умерла в четыре часа утра — проснулась, пошевелила лиловыми губами, крепко закрыла глаза. Из-под век выкатились две крупные слезы и застыли...

Два дня тело лежало в доме. Бубнили пришлые старухи — читали псалтырь; съехались дети, невестки. Непрерывно во двор заходили старухи в черных, темно-синих и лиловых платках, некоторые — по бедности — в темно-красных, а то и просто в белых — будто бы соучастницы какого-то молчаливого заговора, единомышленницы умершей. Крестили, вздыхали и уходили; пришел распухший плотник, снял мерку. В такси приехал батюшка, поколдовал над телом, уехал восвояси, провожаемый неодобрительными пришептами соседок:

— Ишь, деньги-то не забыл взять...

На третий день был вынос; по обе стороны двора стояли соседские дети, женщины, старики и старухи. Вдовец в тяжелых сапогах, в порывшемся солдатском френче, стоял у растворенной двери, прислонясь виском к косяку, опустив глаза в землю. Он много пил, был тяжело болен и знал, что скоро и сам уйдет туда, куда ушла его супруга, с которой жил он неладно — поколачивал ее, сам бит бывал по пьяному делу. Но было ему темно и одиноко в этом сумрачном многолюдье, и он искоса заглядывал в дверь, на лицо покойной с прокушенной губой и желтым, как обкуренная кость его мундштука, лицом. Он был деревянно-спокоен, и только когда запели: «Со святыми упокой», — голова его сама собой мелко затряслась, будто он поддакивал кому-то: да, да, да...

Старший сын покойницы, слушатель партшколы, с грубым презрительным лицом, вкованным в тупой, прямоугольный затылок, валял дымящуюся папироску из угла в угол рта и тоже смотрел в землю. Потом он взял крышку гроба, украшенную алюминиевыми веночками, надел ее на голову, словно корыто, и первый пошел к распахнутым загодя воротам. Детишки заглядывали в окна пристройки, где лежала умершая, особенно настойчиво заглядывал один — рыжий, с белесым шрамом от лишая на затылке. В окне мелькала горящая свечка, большой серебряный крест, слышалась деловитое и скорое гудение батюшки. Видно было, как какая-то старуха поймала костлявую батюшкину руку и поцеловала ее, всхлипнув. Священник — старый невысокий хромо́й человек в вытертой рясе и высокой остроконечной коричневой шапке, горбоносый, с желто-серыми прямыми волосами, с холодными, равнодушными, но цепкими глазами, негромко и четко продолжал бубнить:

— Новопре́ставленная Ната́лия... Вои́н Васи́лий... Новопре́ставленный Анато́лий...

Какая-то настырная, кособокая старуха все подсовывала ему маленькие книжечки с нарисованными чернильным карандашом крестами и вписанными печатными крупными буквами именами усопших и убиенных, кого надо было помянуть. В каждую книжечку были вложены рубли и трешницы, и священник опрятно вынимал их двумя пальцами левой руки, незаметно клал в карман, не отрывая глаз от крупных чернильных букв. Сперва он читал всех поименно, но потом ему надоело, и он бегло выкликал два-три имени, добавляя: «А также помяни и других, усопших и убиенных рабов божиих...»

Древняя горбатая старуха, опершись обеими руками на костыль, пристально смотрела на него и шевелила в лад с ним губами.

Дочь покойной, с таким же грубым, как и у брата, лицом, неестественным, коровьим голосом ревела сзади гроба:

— Мамушка, куда ж ушла ты, как хорошо жить-то было нам вместе...

Соседи знали, как была покойная дочку, как несправедливо обделила ее имуществом, как матерно ругала ее, но сейчас, у гроба, верили ей вовсю и тоже плакали, молчаливо соглашаясь, что жить с покойной ее дочке было бесечно и радостно.

17-летняя внучка покойницы с зареванным, красным, как вареная свекла, лицом шла у гроба, стесняясь своих велосипедных брюк. Ее брат, 11-летний мальчишка, все

забегал вперед и щелкал детским фотоаппаратом. Гроб донесли еще лишь до колодца, до середины улицы, а женщины стали уже выносить столы во двор, готовить пироги и вино.

Курица влетела на стол и начала клевать кутю.

— Кыш, проклятая! — прогнала ее невестка покойницы...

*Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Псков,  
Старая Русса, Карелия, Болгария (1958—1964)*

**Троица в Загорске** (в нынешнем Сергиевом Посаде. — *М.Г.*). Небывало жаркий после недавних холодов майский день (28 мая). Утро, 9 часов. Сажусь в поезд на ст. Абрамцево. На платформе Иван Никанорыч, старик, сторож при доме отдыха. В руке — пучок черемухи. Народу в вагоне — не протолкнешься — все в Загорск. Мальчуган лет пяти в синем шерстяном свитере обалдело шуруется под солнцем. Старушка с малиновым, распаренным оборчатый лицом, в лиловом платке, в бежевом пыльничке; на платке — белая крупа черемухи. Иван Никанорыч бережно выбирает крупинки черемухи из платка незнакомой старушки — наверное, чтобы она красивее была ради праздника. В вагоне обсуждается «случай»: вчера вечером сошел с рельсов где-то возле Мытищ товарняк...

**На станции Загорск.** Мужичок (вроде прораба):

— Вон лес-то гонят в поездах — бесплатно... Из Воркуты, заключенные.

В Загорске идут пыльной Вокзальной улицей. Проезжает поливальная машина, брызгает водой. Сквозь белесую зелень тополей и тусклые стволы берез блеснули купола Лавры...

Входим во двор. Кричат грачи, шумно хлопают крыльями жадные голуби. Без четверти десять — удар колокола, звон — тугой, высокий, плотный — будто в синь неба бьют широкой серебряной доской. Около митрополичьих палат двумя шпалерами стоят старухи, старики, женщины — патриарха ждут. Митрополит объявляет — патриарха не будет: «Ступайте в Успенский Собор...» Иконы Рублева, Ушакова смутно и тревожно горят в глубине храма. Острые язычки свечек... Люди входят, выходят, крестятся, кланяются, передают друг другу вперед свечи:

— С праздником... Передайте свечку! — И все это — подчиняясь какому-то общему ритму, точно сговорившись заранее... Прекрасно поет хор — и многие подпевают истово и искренне, с одержимой верою во что-то главное, забыв о многом дурном, забыв о том, что гибнет все, что стронций пронизывает все живое, что близок страшный час, — как дети, доверчиво, уверенно и певуче просят:

— Го-споди, поми-илуй, Господи, поми-илуй!..

**Переславль-Залесский.** Резные избы — темные, хмурые. Сараи и клетки крыты соломой, на кровельных планках — суковатые рога. Болотисто. Куча сырых бревен. Канавы с темною водой; кучи щебенки. Раскидистые ветлы, ракиты. У ворот на лавочках густо окают старухи. Одна что-то рассказывает. Так хочется подслушать, но неловко, да и они дичатся, смолкают...

**Плещеево озеро** — пасмурное серебро.

Войлочный туман насылается озером на город.

**В Ростове Великом** деревенский парень лет тридцати пяти сидит на замызанной ступеньке автобусной станции, крупными зубами рвет румяную булку. Глядит на руины разбираемого большого дома и говорит:

— Здоровый дом был, а в ем гостиница и столовая (деревенские редко употребляют слово «ресторан»). А теперь посмотрели — негодным признали. И пошли, пошли курочить дом-то... А дом здоровый был.

**Волга.** Спокойствие, сила, воля. И лица людей спокойные, уверенные, с острыми

глазами, созданными для большого окоема. Вечером на набережной полно народу... Старая грусть — в незнакомом городе, вечером, на летнем бульваре — млеющие звуки музыки, шершавые потемки, шорох тяжелой листвы, женские глаза в глубокой тени, смех...

— Как живете?

— Да так, коряво...

**У подсобки** — иду снизу, с реки. Все пахнет черемухой, распаханною землей (красивые, серебряно-лиловые на солнце, пласты болотистой, глиняной земли)... Сквозь сосредоточенную, не тихую тишину пробился соловей — робким перещелком пустил по кустам, по загадочной притаенной воде. Во дворе на подсобке (рядом) — вопль пьяного в белой рубашке:

— Не нынче, дак завтра все это разнесу! Во — иду, и все мене бояться. А ну!..

И на берегу — тоже пьяный, краснолицый, болезненно белое дряблое тело. Вскakiвает босой ногой в порточину и говорит сидящей у куста женщине (при ней двое детишек):

— А чего — я не то, что ты. Как ты, что ли, с двенадцати лет под черемухой е...ся? Проститутская зараза у... — Говорит почти добродушно, и видно, что настроение хорошее. Только что искупался, холода не побоялся, выпил... Она слушает, улыбаясь равнодушно. Девочка и мальчишка кидают в воду камушки и шишки... Рядом, в молодой траве — бутылки, бумажки, коробка из-под «Шипки».

Ни черемуха, ни соловей не исправят. Ни Моцарт, ни Толстой не помогут. Навсегда так — грубость, пьяное зверство, пустота жизни, которую надо заливать вином, затуманивать папиросами и распутством, встряхивать погромами, войнами.

Разговор в поезде:

— Ты не знаешь, где петуха достать хорошего? — Зачем? — А на работу будить. У меня хороший был, горластый, да ударили морозы, он гребень отморозил, аж почернел гребень! Пришлось резать. Тут уж не до песен.

**Борис Пастернак** был неуклюже-изящен. Длинная шея, огромный подбородок, широкие, но низко опущенные плечи, длинные болтающиеся (болтливые?) руки, — и прекрасные глаза — все вроде бы странно, дисгармонично — и на редкость цельно, оригинально — красиво, врезающееся в память, в сердце. На природе — в ветвях и листве он казался особенно гармоничным, хоть двигался довольно быстро и говорил не тихо. Но в Москве, большом городе его словно уязвлял бес суеты — он начинал куда-то спешить, судорожно улыбался. (В Гослите моя встреча с ним, в 1956 году, кажется, в феврале. Самозащита?)

Пастернак был гениален — он был словно перепуган своей гениальностью и стеснялся ее.

**В нынешней литературе** так называемые «молодые» сбиваются в стайки и, держась за одного «лидера», гуськом проходят с ним «в литературу» — так жуликоватые подростки проходят, держась друг за дружку, по одному пятаку сквозь автоматический контроль (метро).

**Костлявая старуха** с седыми космами, с проваленными глазами, с зубами, как расшатанный забор, склоняется к коляске, где под шелковым голубым одеяльцем лежит крошечная девочка месяцев восьми. Старуха ласково ослабляется, она вот-вот умрет, но ей не страшно — она сроднилась со смертью, приучила себя к ней. А девочка бессмысленными и ужасающимися синими глазами глядит на смерть в старухином обличье, девочке страшно... Рождение со смертью встретилось.

В Пскове жила **Софья Перовская**. Сад ее родителей сообщался с садом вице-губернатора Муравьева. С его сыном Николаем она, девочкой, играла в саду... Когда ее, взрослую, осуждали за революцию, казни ее особо страстно и настоятельно требовал Николай Муравьев.

Софья Перовская... Я пишу не о ней — я пишу о России.

**Старая Русса.** Платный вечер поэзии. Куплен один билет (сорок коп.).

*Рассказы Николая Ивановича Протопопова<sup>1</sup>:* «**Как дед к черту барина возил**».

Бывший иерей Дегунинской церкви слышал от своего деда, дьякона:

— Дед мой — крестьянин Дмитровского уезда — родился в местах, близких к нынешнему Учинскому водохранилищу. Застал крепостное право, великолепно помнил его. Барин у них был бешеный: дерку устраивал за малейшие ослушания — сам не знал, чего хотел. Дед мальчишкой-то в форейторах у него был. Вот однажды, в страшную метель, в холодину лютую, велит барин кучеру:

— Закладывай лошадей!

— Куда ехать прикажете?

— К черту!

И ни слова больше. А переспрашивать нельзя было — сейчас дерку жесточайшую задаст! Заложили лошадей, поехали. Барин-то в кибитке теплой, в шубе едет, а кучер на облучке, на вольном ветру, а форейтор — дед мой — на лошади. А метель — жуть. Ездили-ездили — барин высунулся из кибитки — даже он замерз — и спрашивает:

— Куда погоняешь, дурак?

— А к черту, ваше благородье!

Барин усмехнулся и рукой махнул:

— Домой теперь.

Потом именье было немке какой-то продано. Она собашница была — азартная. И держала только сук — всех пород: и немецких, и испанских, и даже из Америки... И вдруг одна ее собачонка родов не выдержала — издохла. А дед мой к тому времени дьячком стал. Мальчиком в церкви певал. Его там заметил священник, добрый был такой батя... И вдруг барыня обоих призывает к себе: и священника, и дьячка. Приходят. Барыня обращается к священнику:

— У меня собачка умерла, самая любимая... — И в платочек — плакать. — Так вот — гробик я велела сделать уже — а я хочу, чтоб ее в церкви отпели.

Священник покраснел:

— Это невозможно.

А дьячок, дед-то мой, прямо онемел. Старуха пыхнула:

— Драть сейчас обоих!

И отодрали. Но собачонку так и не отпели.

А следующий барин тоже был не того: 24 пары сапог, штиблет, туфлей. Каждое утро велел начищать их все до блеска... Последним-то владельцем был Салтыков, тот самый, Щедрин. Он смирный был, не обижал. И довольно простой. Дед был уже дьякон в возрасте. Женился давно, дети были. Михаил Евграфович к нему заходил иногда. Приходит однажды и говорит бабке моей (это было уже после отмены крепостного права):

— Я хочу продать имение — хлопотно с ним. Не купите ли вы — я задешево отдам и в любую рассрочку — потому как очень вы хозяйственная и честная женщина...

Мать, конечно, ни-ни — думать нечего — откуда деньги-то у дьяконицы? Потом ее долго все родные и знакомые помещицей дразнили.

**Никто в наших деревнях** (особенно — молодые) не хранит старины, воспоминаний, истории. Живут и умирают, как трава — без памяти, без смысла, без прошлого и будущего.

**Мама рассказывала: в Бобруйске** (начало XX века) строили дом — завалы стружек. Девочки выбирали самые длинные и нацепляли их сзади — как шлейфы.

**Лев Сергеевич Рудник<sup>2</sup>:**

— Дядя мой — грек, Демосфен Кирнакович Кирнакиди, железнодорожный инженер в Орловской губернии. Купил небольшое имение — возле тургеневского

<sup>1</sup> Муж тети Анюты, героини романа «Милеля» — родной сестры отца писателя.

<sup>2</sup> Рудник Лев Сергеевич (1906—1987). Советский режиссер театра и кино. В 1940—44 гг. — директор и художник ленинградского БДТ.

Спасского-Лутовинова, с конным заводом... Он был чужак — выписал верблюдицу с верблюдом, и на орловских лугах пас этих неведомых местным крестьянам тварей. Мужики ненавидели верблюдов — они забили верблюжонка камнями, а верблюдица сдохла с тоски.

**Я видел Сталина** рядом — как вас. Это было на Дзержинке, в 1932 году. Он вышел из машины, в руках — пухлая папка с делами. Шпики вокруг — видимо-невидимо. Вдруг он уронил папку — и дела рассыпались по мостовой. Но никто не нагнулся собирать — и вождь сам, молча, склонившись, старательно собрал дела до последнего листика (все боялись прикоснуться — знали, что дела секретные, а кругом — шпики).

Сталин, **Берия** и какой-то известный грузин — кинорежиссер любили собираться вместе и петь по несколько часов кряду грузинские песни.

**Я хорошо знал Севу Меркулова**<sup>1</sup> — правую руку Берии. Он написал для Берии, который был совершенно безграмотен («исчо» — вместо «еще»), «эпохальную работу» — «К истории возникновения большевистских организаций в Закавказье». Берия приезжал в Москву (30-е годы) в отдельном вагоне — привозил фрукты и вино ящиками Сталину, Кагановичу, Молотову. Останавливался в гостинице «Селект». Однажды звонит мне Севка Меркулов в десять часов вечера:

— Понимаешь, приехал Лаврентий, сидим в «Селекте», в отдельном кабинете — вино, шоколад, фрукты — всё есть, кроме женщин... Ты специалист — достань!

Я звоню одной, другой девочке — никого дома нет, поздно. Решил взять простых б... Вышел на улицу Горького — и тут ничего приличного. Взял все-таки каких-то лахудр распоследних, подошел с ними к «Селекту» — а это роскошная гостиница была, машины вокруг стоят — вижу, нельзя их везти. Дал им по червонцу:

— Ступайте, девочки, по домам!

Вошел в номер, рассказал все — Лаврентий хохотал до упаду.

На Воркуте сидел я со знаменитым тенором **Печковским** — лучшим Германом Союза<sup>2</sup>. Вместе ехали до Вологды. В Вологде повели нас всех в баню. Входим голые, пар, жара. Вдруг — двери настежь, и десятка полтора женщин — обслуживающий медперсонал вологодской тюрьмы:

— Тов. Печковский, не стесняйтесь — спойте, пожалуйста!

И он, в чем мать родила, тут же, в парной, стал петь романсы Чайковского («Ты — звезда на ночном небе...»).

О себе, о своей посадке, рассказывал так:

— Я часто ездил в Тбилиси — там меня очень любили. Приезжаю как-то раз (в тридцатые годы), иду по проспекту Руставели, все узнают, раскланиваются... Вдруг — какой-то человек в фуражке, с голубым околышем (ГБ) подходит и говорит:

— Печковский, ты сегодня вечером, не забудь, поешь у нас в клубе.

Я возмутился: «Что за нахал!»

А он снова:

— Не забудь — смотри, не опоздай!

<sup>1</sup> Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953) — советский государственный и политический деятель, руководитель ГУГБ НКВД СССР (1938—1941), нарком госбезопасности СССР (1941, 1943—1946), министр госконтроля СССР (1950—1953). Работал вместе с Берией с 20-х годов, пользовался личным доверием. 23 декабря 1953 года вместе с Берией приговорен Военной коллегией ВС СССР к смертной казни и в тот же день расстрелян.

<sup>2</sup> Печковский Николай Константинович (1896—1966) — русский советский оперный певец, Народный артист РСФСР (1939). В октябре 1944 г. был арестован, а в январе 1946 г. сослан на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь в Заполярье за «сотрудничество с оккупантами»: оказавшись на оккупированной немцами территории, давал концерты, зарабатывая себе на хлеб. Реабилитирован в 1954 г. О концерте Печковского в ЦДРИ в 1967 г. подробно рассказано в дневниках Голубкова.

Разъяренный, звоню из номера прямо Берии, рассказываю. Он цокает языком — какой нахал!

— Приезжайте ко мне — разберемся.

Беру грузчика, еду к Берии. Он вызывает с десяток высших чинов:

— Кто? Опознавайте.

— Вот он, — говорю, — и тыкаю пальцем в одного.

Берия:

— Какой нахал, народного артиста оскорбил! Неделю карцера...

Этот нахал был **Абакумов**. В 1946 году он стал министром МГБ — и за неделю своего карцера отплатил Печковскому десятью годами северного лагеря.

**Карелия. Обычаи финские.** Придешь в деревню днем, все в поле, изба не заперта. У дверей, внизу, стоит под углом палочка: хозяев нет. Смело входи, ешь, пей... Оставь на столе немного денег (рублей 5). Гостеприимство и честность. Воров наказывали так: расставляли их руки, крепко привязывали к палке. Распятый так вор брел по дороге. Его все узнавали, никто не впускал. Он замерзал на дороге.

**Вчера, 19 мая, в день моего рождения,** на нерусской, неродительской земле, в 30 км от Софии приснился мне странный сон. Мне лет шесть-семь, летний полдень, очень тихо, плавится воздух под медлительным солнцем. Ильинка, лесные (еще густые, довоенные) окраинки; мы идем с отцом. Он уже старый, седой молчаливый, близкий, телесно близкий, теплый и добрый — роднее и добрее всех. И я хоть совсем еще мал, обнимаю его за спину и, задыхаясь слезами, говорю:

— Папа, прости меня, я сейчас заплачу, папа, но я тебя очень, очень люблю...

И он большой горячей рукою обнимает мои плечи, гладит шею и голову — и молчит, молчит... И я смолкаю — знаю, что его нет, что он меня не услышит, и я никогда не услышу его... Проснулся в слезах. Господи, как страшно, что так мало доброго успеваем мы сказать своим близким, своим родным. И как прочны эти связи меж мертвыми и живыми, как крепко держит наши души (не только тела) земля, как таинственно и просто зовет она нас к себе, в себя... Вот она, любовь земная, вечная... Уходим, но являемся к живущим памятью, сном, слезами, вечным зовом весенней зелени, написанной строки, семейного предания, высокого подвига...<sup>1</sup>

*Село Константиново, Рязань, Вологда, Москва, Белозерск,  
Локарево, Пермь (1965—1968)*

**Истинное искусство** порождается религиозным благоговением перед чудом природы, человеческого бытия, души человеческой. Видеть в летящей бабочке универсум движущегося космоса, ощущать в слове божественный голос, родственно и почти-тельно любить цветок — вот что делает поэта. Потому, чем древнее — тем меньше скепсиса и цинизма, тем больше преданности художника миру.

**Теплоход «Макаренко»:** Москва — Константиново — Рязань.

**Село Константиново.** Крутящийся голый изрезанный берег. Несколько свежих (завтра 3 сентября, юбилей Есенина) ступенек, припорошенных белым песком, прикрытых дерном. Наверху, слева — грузная и прекрасная, но безобразно калеченная церковь без колокольни (взорвана по приказу комиссара — «Негде и некому молиться»).

Старые избы, крытые соломой (редко — дранью). Огромное село, некрасиво раскиданное, «сплющенное» с Кузьминским. На околице — унылая линия столбов телеграфных, грязный пруд с гусями; свиньи копошатся в пыли (крученые хвостики);

<sup>1</sup> Под впечатлением этого сна был написан первый рассказ Дмитрия Голубкова — «Отцовский табак», названный журналом «Огонёк» лучшим рассказом 1965 года.

ровная пыльная дорога; смутно, страшно далеко — реденький перелесок (настоящий лес — за 6-7 км), на другой стороне Оки. Пусто, голо, грязно, убого. А стихи раннего Есенина — все о лесе, зелени. *Образ реки нет совсем. Поэт сказочного* (неконкретного) мышления и живописания. Поэт-романтик.

Несколько девчонок — школьниц яростно метут метлами дорогу, вздымая облака пыли. Стоит крашеная пожарная машина; слева — некрасивый клуб. Из грузовика ребята и девушки (комсомолцы) выгружают длинные скамьи, дурачась, выжимают их, как штангу: «Возьмись, ну! За что вас мать родная кормит...»

На электростолбе дико орет репродуктор — джаз, советские песни. Перед маленьким домиком в три окна (мемориальная доска врет: «В *этом* доме родился и жил поэт С. Есенин) — толпа с парохода, люди из рязанского обкома. В дом пускают по 15 человек. Капитан нашего парохода и экскурсовод (старый еврей, инженер водного транспорта, произносящий «Анна Снегина», «уроды» — лекции по пароходному радио). Домик новый, планировка — как до пожара. Александра Есенина — тревожная, худая, иссохшая, бедно одетая, стоит в дверях, терпеливо и раздраженно отвечает на вопросы:

— А вы сестра Есенина?

— Да.

— А ваш отец был кулак?

— При всем своем желании не мог им быть, так как работал в Москве приказчиком.

— А все настоящее?

— Да — вот даже скатерку вчера отчищали — восковые пятна от икон.

Новенькое, только что сшитое лоскутное одеяло, муляж черновиков; потертые старые перчатки и тросточка; интересные фотографии. По-настоящему трогают лишь древняя яблоня с толстым, обмазанным глиной стволом у амбара и древняя ива у дома.

Пошли по селу:

— Где помещичий дом?

Женщина:

— Вон, около клуба. Здесь он наслаждался с ней.

Большой барский сад и парк, тянувшийся до церкви, вырублен весь. Старый дом с мезонином; вошли в калитку. Над задним крыльцом — вывеска: «Пошивочная мастерская». Вышла пожилая приветливая женщина:

— Войдите! Посмотрите!

Внутри — пусто, беленые стены, маленькие окна. Девушки и женщины стучат машинками, поют: «На позицию девушка...» Уютный мезонин. Желтые листья тополя лезут в окна, «ищут тех, которых помнят».

Кладбище над прудом. Большая ива. Яма. Бедная изгородь. Ни куста, ни деревца. Как попало — холмики могил, придавленные большими камнями (как в тайге). Многие могилы безымянные, почти все без дат (например, алюминиевый крест и черная дощечка — «Ежовы»), могила отца Есенина.

...Частичная (частная) пошлость обязательно сопутствует гению, крупному человеку — ведь невозможно все время дышать чистым кислородом, нельзя быть все время одиноким — эдак и с ума свихнешься.

Пошлость (бытовая) Пушкина («у... А.П.Керн»), периодическая придурковатость Бальзака; случаи глупости Шаляпина; смешные пошлости Л.Андреева; заносы Блока... Только Л.Толстой совершенно лишен пошлости — второй после Христа человек. Иступленно чистая, нетерпимая к грязи, одинокая душа.

Настоящая талантливость, высшая духовность зреет (и проявляется) лишь в борении с порочным (в себе, творце), мрачным, склоняющим властно и страстно вниз (Достоевский, Блок, Толстой).

В одиннадцать вечера — **Рязань**; пешком по шоссе. Ледяной ветер. «Торговый городок» — белые стандартные домики (рынок?). Беленые воротца (вроде шлагбаума): «Рязань». Скульптура «Колхозник с телкой» (известка). Площадь свободы. Цветочные часы с высокими жесткими багровыми цветами. На углу — деревянный домик дворянский, с мезонином, высоким крыльцом, тонкими колоннами — маленький, но высокий; трогательный. Квадратные охряные дома, выстроенные пленными немцами. Поворот влево, под гору. Вонь (речушка?), пыль, редкие фонари. Крутой холм кремлевского вала. Вверх, вдоль вала — по асфальтовой полосе. Слева — вал, внизу под ним — полоса огородов, огни улиц. Справа — улочки, деревянные похиленные домики, желтые старые деревья. В деревянных сплошных воротцах — прорези для ящиков почтовых. Каменная белая стена, витиеватые ворота (низкие). Входим во двор. Дрова, сараи. Направо — белый квадратный собор с маленькой луковкой; какие-то могилы. Лезем за ограду, зажигаем спички под ветром — *Я.П.Полонский, гравёр по жести; Хвошинская*. Задираю голову — чудным призраком, утонувшим в ночи и осенних деревьях — высокий мощный куб розово светящегося — откуда-то снизу и изнутри — храма с куполами — злачёными (блестят, как оружие из-за пазухи) и разноцветными; купы дерев словно образуют продолженье церкви. Обходим кругом — высокое каменное широкое крыльцо (как дворец); азиатский орнамент (лепной) дверей, металлическая чеканка. Смотришь снизу — куполов не видно, и стройный мощный четырехугольник, орнаментированный светлой каменной лепкой, кажется не то феодальным замком, не то дворцом Ренессанса. Это — творение крепостного мужика Бухвостова.

**Москва. Уже с 26 декабря** — каждый день как бы 31-е: сутолока, лихорадка, гам, духота, слякотный, вдрызг разбитый бесчисленными ногами снег, и елки, коробки, свертки, ошалелые лица женщин, банды детишек орущих...

**Женская жажда творчества:** стоят по два часа в Елисеевском за курицей — фаршировать. Голодные, усталые; одна учит другую (глотаю слюнки): «Сперва яйцо, потом муки промасленной. Потом опять яйцо...»

**Моды зимы 1965 года:** молодые модницы вырядились в высокие, до колен, сапоги. Стучат ими решительно, воинственно. И сами стали мужественны, солдатообразны. ...Кривые, тугие, черные ноги (колготки в рубчик) — как сделанные из автомобильных шин. Черные, красные, серо-голубые колготки. У мужчин — короткие пальто, шапки «Абрам-царевич», воротники шалью уже не модны. Я — последний боярин Москвы. ...В эпоху **Леопарди** в Италии бороды носили люди прогрессивного толка (карбонарии и т.д.)... Нынче модны седые волосы. Встречаются женщины и даже мужики с тщательно выбеленными, фальшиво вырывающимися и кричащими прядями волос. Скоро будут брать напрокат шрамы, морщины и костыли.

**Новый год** ощущается как огромная грань — два мира: умирание дня, серость, остаточность осени — и белизна, новизна, брезг добавки световой, синий лед над головой: надежды.

...Каждое столетие в самом своем начале выставляет основную вешку, символ, знак — обещание, знак — программу (1600-е гг. — Болотников, Смутное время, 1700-е гг. — Пётр, Северная война, Полтава. 1805—1812 — Наполеон, Аустерлиц, Бородино. 1904—1905 — Цусима, революция, желтая раса, распад).

**Достоевский** вреден и страшен любому правительству. **Толстой** тоже.

...В сущности гений, большой писатель — поэт всегда делает из мухи слона, бурю в стакане воды: сдыхает облезлый мерин — Лев Толстой пишет «Холстомера»; свидание с проституткой в загородном доме свиданий — Блоковское «Унижение»; детская игрушка — рахманиновский «Полишинель»... Взрослый улыбнется, пожмет плечами — ребенок разрыдается, запомнит на всю жизнь.

Кто из наших сверстников (30 лет) кандидат в гении? **Кто заменит Пастернака? Кончаловского?** Не пустят. Те успели — от старых зарядились... Мы — не успели.

**Искусство.** Оно питается непосредственностью, верой в чудо, которое может быть понято, соотнесено, которое конкретно. Поэтому даже средний художник лучше, талантливей изобразит плотника, затесывающего венец, или пекаря, вынимающего свежие хлебы из печи, чем космонавта, работника при счетно-электронной машине (процесс создания чуда). Чудо должно быть просто и повторяемо. Я люблю работу сапожника, но я знаю, что могу овладеть этим чудом сам. А космонавт? Все делает машина. А машина не будит вдохновения поэтического. Дети в общем довольно равнодушны к механическим игрушкам. А древний лук, «меч», пистолет — воодушевляют без конца.

**Художники,** задававшиеся (сознательно и самоупоенно) максималистскими задачами («победить человечество своими стихами», «пересоздать Вселенную») часто становятся кумирами своего времени, но почти никогда не переживают его и не властвуют в грядущем (Брюсов, Бальмонт, Скрябин).

**Анекдот.** Старик со старухой, в совхозе на нищей «пенсии». Решил к Хрущёву обратиться: «Помогите!» Хрущёв говорит: «Ты спишь хорошо?» — «Сплю». — «А ты не спи, попробуй». Ночью старик не лег спать — вышел за ворота. Видит — возы с сеном вывозят, с луга. «Куда?» — «Молчи, старый — мы тебе завтра воз привезем». И правда: рано утром воз сена во дворе. На следующую ночь — снова. Везут грузовики с зерном: «Куда?!» — «Молчи, мы тебе — машину зерна...» Разбогател старик. Решил Хрущёва отблагодарить. Взял флягу меда, бидон сливок — в Кремль. Вечером поставил у порожка. Утром — к Никите Сергеевичу: «Благодарим Вас, примите подарочки!» — глянь — нет ничего! Хрущёв: «Ты не спишь, и у нас тут тоже не спят».

...**Хрущ в** театре «Современник» (после разжалования). Спектакль «Большевики». После — в кабинете директора — стол, коньячок. Нина Петровна одергивает, не дает пить. Он помаленьку увлекается, ему хорошо (вокруг — молодежь). Рассказывает: «Я многих этих знал — Цюрупу, других. А про Сталина это верно («Если человек любит себя, то это роман на всю жизнь»). Он меня вызвал, говорит: «Мы вчера Анастаса взяли...» — «Что вы, Иосиф Виссарионович, он же...» — «Взяли, взяли. И — знаешь? Он на тебя показывает... Придется и тебя взять...» Так десять минут мучил. Потом улыбнулся: «Иди, иди. Анастас на свободе, не возьмем...» Во как шутил!» — «От таких шуточек и инфаркт недолго». Хрущёв (наливаясь кровью): «За такие шуточки в морду бить надо!»

...К власти рвутся люди преимущественно дурные, безнравственные. Потому почти все правительства и власти безнравственны. И потому чаще менее безнравственны монархи: власть наследственна, переходит механически. Среди них возможны даже хорошие особи: блаженненький Федор Иоаннович, Александр II, Алексей Михайлович (Тишайший). **Узурпаторы** всегда — негодяи, ибо сознательно и напористо стремятся к власти лишь вполне безнравственный человек.

**Вологда.** ...Доярки спят по 4 часа в сутки. Даже за пятерку в день одна доярка не могла найти себе замену на два дня (чтоб съездить в город к матери).

**Сырые мхи,** красиво заплесневелые мертвые ели (как в кружеве серебряно — зеленоватом). Много можжевельника (вереска). Чапыжник. Комариная жуть (чуть нагнешься за ягодой — облепляют).

**Гор. Тотьма** (3 июля 1966 г.) — чудо тишины и старины. Тесовые мостки. Ни одной асфальтовой улицы. Деревянный город. Ворота — деревянная резьба. Церковь Иоанна Предтечи (идешь — улица в гору, на горе — боком — церковь, высокая — высокая, вырубленная из облака; белая, легкая, воздушная — и твердая, надежная).

В **Тотьме** говорят: «божатка» (крёстная).

**Вытегра.** Холмы, осклизлые мостки; мутная река. Железные корытца около официальных зданий — для мытья обуви. В каждом городе — выставки цветов.

...Подробности быта, черты бытия.

Финская архитектура, деревянная (продмаг). Кафе-ресторан «Онега» — уборная во дворе. По улице прогнали стадо черно-белых коров — на бойню.

Мокрые серо-коричневые улицы, деревянные дома о двух или трех окошках, с висячими галерейками, фонарями. Из одного окошка — человек в кепке, похмельный инвалид (?) с тупым и недобрым любопытством глядит на улицу; за плечом — спинка железной кровати: удобно оттуда палить прохожих из пулемета.

Пожилая баба с красным ступенчатым лицом (подбородок—нос—лоб):

— Наши на золотые медали учились, а поехали в Москву, их там засыпали.

Возле «Дома приезжих» (приплывших) — речушка — шлепанье полоскаемого белья (женщины идут из центра, по асфальту и мосткам с тазами на плече или голове).

Высокий берег Сухоны —  
Овраги и горушки.

Хочется подсмотреть, что делается во дворах. Над кустами, веревками с пеленками, над огромными тополями — и поленищами березовых дров — мощно и светло возникает и растет громада обезглавленного храма.

Облака — как из железной пыли.

**Ферапонтов монастырь.** Фреска Дионисия. Поразителен Никола Чудотворец — в правом углу, в углублении — громадное, скорбное, умное, прекрасное лицо. Вокруг врат — плавный ритм облаков.

В окрестностях Кириллова и Ферапонтова — уйма валунов, дорога скачет и юлит по холмам.

В северных деревнях и городках — множество валяющегося дерева: поленицы, ломаные мостки, прясла, пни, бревна, щепки. Народ мелкий.

Ферапонтов с двумя длинными узкими зелеными шатрами — как початки недозрелой кукурузы на горе. Внизу — прекрасное, плавных берегов озеро, ветряная мельница, как щетка «ерш», избушка.

**Белозерск.** Темно-серый деревянный город под светло-серым небом. Темная зелень, волглая, тяжелая. Крыши — телесный светлый клин чиненой дранковой кровли — словно солнце ударило в свинцовую крышу. Запах тополей, цветов — весенний...

**В Кирилловом монастыре в Успенском соборе,** у дверей чудная фреска, вся голубая: парящие на круглых облаках ангелы, грациозно изогнувшийся Христос с младенцем на руках. Все плавно, округло, небесно.

**Локарево.** Сосны. Колодец с кружкой, привязанной на цепи. Белый пароход похож на церковь. Большие липы в цвету. Земляника. Лесная дорога. Хорошо, хорошо! Сухой сосновый воздух. Долго валялся под сосной на мягких перепревших шишках.

**Русский интеллигент и русский простолюдин** — непримиримо разные. Русский интеллигент всегда вольнолюб-максималист. Но любой уклад российской государственной жизни должен исключать вольнолюбие и свободу. Русскому простолюдину не свойственна государственность.

**Картинная галерея в Перми** — в Кафедральном соборе. Директор — бывший физкультурник (преподаватель). Топил галерею, все залы. Многие иконы и скульптуры испортились. Хороший (сохранился) Архипов («Купола», «Баба»), Хороший Сомов, (Портрет Карповой) Туржанский, Гвидо Рени.

Поразительные деревянные скульптуры — сидящие Спасители, Никола Можайский. Распятие (XVII—XVIII вв.).

Мужики-пермяки, скуластые, желтолицые, узкоглазые.

Сходство (типажное) с некоторыми венгерскими старыми скульптурами (епископ Стефан Пермский — его влияние?). Мастерство — удивительно (анатомия, школа). Не верится, что обошлось без художников-мастеров, учителей.

**Экскурсовод в Пермской картинной галерее.** Коренастая рослая молодая баба, крашеная рыжая голова втянута в плечи; серое лицо с выдвинутым подбородком, напوماженным ртом, похотливыми подведенными глазами. Говорит:

— Вот портрет г-жи Лютиц. Работа Головина. Ну, Головин был декоратор... Вообще ничего работа, ничего... А это — Борисов-Мусатов, «Аллея». Ну, Борисов-Мусатов — представитель товарищества «Мир искусства». Это были пессимистические художники. Упадок и грусть разоренных дворянских гнезд. Но красиво, вообще ничего работа, ничего сделано...

Умирающее золото заката.

**Приезжали врачи из Ленинграда:** у этого — рахит, у этого — трахома (про скульптуры).

**Торт с Лениным.** Директор лесопункта: «Не будем рубить — нас самих срубят». Торжественная пьянка в столовой. Повар — сюрприз: шалаш Ленина (торт) с зелеными роскошными завитками. Тащит «картину»: «Вот к следующему разу Владимира Ильича тоже сделаю» — торт расплавился под лампой и рухнул.

**«Праздник нынче.** Обдерут нас с тобой на базаре, как белку».

**Черт и старушка.** Старушка получила «пенсию» 55 рублей. Полдома — у нее, полдома — у соседа с детьми. Сосед просил понянчить детей — она отказывалась. В первую получку пенсии — в подпол стук: из подвала вылезал черт с рогами. Говорил: «Не хочешь, старуха, в преисподнюю?» — каждый месяц давала 50 рублей. Два года отдавала, стала нищенствовать. Нянчила детей соседа. Ее стали укорять в жадности, проговорила подружке. Выяснили: это — сосед.

**Надо растить душу.** Очень полезно почаще забывать себя — просто физически забывать, превращаясь в зрение, в слух, в сочувствие и в соучастие... Жаль, что слишком медленно мы растем душой. Рост тела, плоти обгоняет развитие духа. Отвислые подбородки и мясистые щеки затягивают печати духа, как грязь затягивает след человеческий.

### *Узбекистан: Ургенч, Нукус, Ташкент, Бухара, Самарканд (1969—1970)*

**КАРАКАЛПАКИЯ** (более трети территории Узбекистана).

**Когда работают** — навязывают валик из скрученного платка вокруг тюбетейки, чтобы пот не заливал глаз.

**Ургенч.** Мутные арычки. Вонь. Тусклые от пыли мелколиственные топольки. От Ургенча до Нукуса — местным самолетиком «Ил-2», спиной к квадратному оконцу. Позвоночник чувствует провал пустоты, в теле «цвиркает» что-то. А глядеть в оконце визави — ничего: плавное пространство, занятое ровными прудами и арыками, кажущимися с высоты ясно-бирюзовыми — как цветки. Пустыня началась; желто-серые пески с темными продолговатыми пятнами солончаков — словно следы древних великанов. Затопленные рисовые поля. Кладбища с мелкими могилами — чтобы солнце и ветер быстрее настигали покойника, распыляя его ненужное тело. Земля на аэродроме в пятнах луж с белесыми соляными обводинами.

**Нукус** скучен, сух, пылен. Деревя сохнут. Подпочвенная горько-соленая вода бьет даже из некоторых колонок, темными и белесыми разводами ползет на стены, внезапно выходя из-под земли.

В гостинице — арматурные прутья торчат из разглоданных ступеней. Стены «туалета» вымазаны сохлым калом, двери в номерах расщеплены и выщерблены, словно их драли на лучину. Горничная — каракалпачка — маленькая, с тонкими короткими и косыми ножками, с большой, круглой и легкой головой, желтоликой, как перезрелая тыква. Глаза косо склеенные, с редкими ресницами (нижними), чернoble-

стоящие. Дочка — во втором классе: сутулая, с черной косицей, губастая (рот — помидор «парыш»).

**Ресторан** «Сорок девушек» (амазонки) — на втором этаже: стекло, небо. Среди ясного дня, безветрия — вихрь. Куча бумажек над крышей гостиницы (напротив), какая-то картонка путается в небе, толкается среди бумажек, словно обнюхивая их («У нас ветер работает уборщицей»). Хлеб «нан» — круглые, вроде больших ватрушек, лепешки (посередине — он желтоватый).

**Женщины** — в пузатых балахонистых платьях (цветными клиньями вертикальными — зеленовато-желтыми, лилово-черными). Ходят медленно, как-то незаметно — словно летят в замедленной съемке.

Девушка в музыкальном училище играла Патетическую сонату Бетховена — лихо резала сложные пассажи — как мальчишка срезает проволоочной сабелькой маковки лозинки.

**Дорога к Кара-Тау:** унылая серо-белая пустыня, редкие кусты — полынка — с седыми вихорьками. Жесткие саксаулы. «Степная роза» (эремурусы — зонтичные). Крошечные деревца — пересохшие, полые внутри. Ствол увенчан плоскими подушечками семян, пахнущими маринованным огурцом (издали — как пальмочки). Ящерка серо-песочного цвета с яркой блестящей (словно кварц) хвостика. Солончаковые пятна — как обводы пота на солдатской гимнастерке.

Огромная стена из необожженного кирпича, замазанного по верху глиной — грубая, примитивная, чем-то страшная, слепая.

**Поселок**, где добывают щебень (из сланца?) — на голой, пыльной равнине — плоские коробки мазанок, грязных без крышек сараев; редкие кусты, топольки чахлые, худосочно длинные. Детишки купаются в арыке — мутном, тягучем, словно сусло. Добрые, улыбчивые люди. Лица широкие, но остро сплюснутые сбоку. Подглазья и щеки плоско стесанные, профиль скудный, почти безносый. Скулы высокие, сильно разогнанные вширь (у казахов лица мягче, круглей). Глаза большие, но крепко вогнанные в тугие треугольники век.

**Юрта** — полкилометра обочь дороги. Понурые овцы неподвижным каре стоят в сторонке. Привезли цистерну воды, поят их. Верблюд жеманно и медлительно ведет горбатой головой, смотрит с насмешливой печалью (иронизируя над самим собой). Переступает плавно, едва заметно колыхая телом — женственно, аристократично: нищие рюриковичи пустыни.

Обьягнись овца: парень подхватывает, несет и ставит в тень, у юрты, ягненочка. Тот пьяно шатается на тонких ножках, грязно-серый, словно из-под изработанной копирки, весь в мокрых нашлапках песка, прилипшего к шерсти. Жалобно, пискливо, требовательно покрикивает.

**В юрте** прохладно. На песке — кошмы, ковры; все пересыпано мельчайшим песком. Пыль вечности. Сумрак. Хлопает отворотами холстины, задувает в щели ветер, приятно веет мелким песочком по босым ногам. Постепенно, круговыми обводами зрение вынимает из потемок подробности окружающего: осторожно — рядом лежит малыш, совсем голенький; спит на кошме, расплеснув руки, будто плавает на спине (грудь у всех азиатских ребятишек очень широкая и высоко поднятая — как бы постоянным вздохом напряженная). Живот смуглый, глиняный; глубокий круглый «молодой» (недавно отъединенный от материнской пуповины) пупок запечатан шариком засохшей глины (пупок словно пробит дождевой капелькой в глиняной пыли). Голова — продолговатая.

Остробородый старик важно полулежит (на боку), курит трубку, не здоровается. За ним — двое солдат в гимнастерках с зелеными погонами: лица коричневые, каменные, с настороженно блестящими щелями глаз.

Собаки близ юрты — смирные, крупные. Днем — тихи, к вечеру настораживаются, злеют. Днем небо ватно-голубое, тусклое. К вечеру синее.

**У Кара-Терена, в палатке.** Пожилой человек — маленький, плотный, проворный. В тубетейке (черной, с белыми «перцами» — из-под нее — желтовато-седые короткие волосы), с черными лирическими и плутоватыми глазами, в которых поблескивает выражение удачи и печали («лемешевское») — вдруг запел, высоко, резко, нежно. Упоенные своей силой верха... Окончил ГИТИС в 1935 году. Стал народным поэтом.

#### ТАШКЕНТ

**Грецкий орех** — огромное, красивое дерево с густой, темно-зеленой шелковистой листвой, увешанное зелеными яблочками будущих орехов. **Адамово дерево** — нежно-салатного цвета большие листья (на молодом деревце, потом, как на дубе, — темней). У взрослого дерева листья — как лопасти лопухов; белые цветы гроздьями — похожи на каштан; плоды — зеленые карандашники стручков.

**Дома** с эластичными контрфорсами — после землетрясения (бревно, смягченное подложенной доской — чтоб не заваливалась от толчка стена). Глиняные **дувалы** — стены дома, переходящие в ограду, глиняные (раньше — слепые), все окна — во двор. После землетрясения возвращались на родину («дайте ордер хоть под котлован», т.е. были согласны ждать, сколько угодно).

**Канал** (отвод — рукав Боссу) **Калькаус**. Обрывистые, замусоренные берега (внизу — как пропасть); домики над водой. Беленые хатки, дворики, виноградные лозы; виден хлев, в нем — белая корова. На плоской крыше загорают ребятенки — совсем голые. Худые, истеричные кошки; крупные, неторопливые собаки.

В зоопарке — конкурс певчих птиц.

**Медресе Кукельдаш**. XVI век: серый камень, огромный торжественный портал, полуovalы окон. Лошадь задралась — на холме, у стены возле завода, огороженного грязным кривым забором. Узбек крутанул узду — скинул в наказание верхнюю петлю сбруи, украшенную цветными кистями и крепимую за ушами лошади. Она, сильно вильнув в сторону, затрещала кустами и стихла.

Садик — шагов десять в длину, столько же в ширину. Горлинки — облитые, изящные — как бы керамические, темно-сиреневые — гурлыкают, бесстрашно летают, садятся на ветви яблонь и вишен, кричат беспокойно, страстно: что-то шаманское, заклинательное.

Парфюмерный аромат сладких белых лилий, на длинном стебле — крупная белая, с желто-золотым витком в сердцевине, звезда.

У арбы огромные колеса — чтоб переехать через любой арык.

#### КУЛЬТУРА

Считалось, что народы Средней Азии ничего не создали — «бесплодный массив окраин арабской и иранской культур». «Скифы... о древности спорили с египтянами» (Помпей Трог, I в. н.э., «История искусств Узбекистана», изд-во «Искусство», 1965 г.).

XIV–XV в. — переход тюрков в Средней Азии от кочевой жизни к оседлому земледелию. Таджики — древнейший народ, его искусство — основа всей тюркоязычной культуры. Истоки — сакского, согдийского, бактрийского происхождения. Скифы основали Парфянское и Бактрийское царства.

У узбеков была поговорка: «Тугульды — улыды» («Родился — умер»).

**Афрасиаб**. Взаимопроникновение двух стилей: мифологический реализм и звериный орнамент. Мараканда — главный город Согдианы. Дважды восставал против македонцев (во второй раз Александр повелел его разрушить).

**Пожилой узбек**, откинувшись назад, как-то игрушечно мчит на угрюмо-нахмуренном ишаке; улыбается автобусам; пена бороды падает на яркий ультрамариновый халат.

**Чайхана в ургенчском аэропорту**. Грязный садик; помосты и столики обычные (как в кафетерии). Кок-чай (зеленый чай. — *М.Г.*) — в узеньком придворке меж буфетом и дувалом — у сердитой узбечки, — пожилой, худой; она ест плов руками. Лоснящимися пальцами дает липкую жирную сдачу. Сам должен заварить чай (ложечка — 2 коп.). По-

русски почти не понимает; свободных чайников нет. Толстый веселый узбек (целая компания в мокрых от пота носках на «каравате») протягивает чайник. Почти все пиалы — с «готовыми тостами»: на доньях «500 лет Навои», «Юбилей Самарканда», «100 лет Ленину» и т.д. Через канаву, за калиткой — лоточница: вареные яйца, лепешки. У мальчишки с другой стороны (сидит на травке тоже уже вне чайханы) — пук редиски. Узбечка, командующая чаем (которая ела плов) бранит: нельзя мыть редиску водой из колонки («не из самовара здесь!»). Магнитофон вырабатывает бесконечную музыку; эстрадный азиат поет, верещит по-сорочьи, выкрикивает хохмы на узбекском (записан смех слушателей), притворно, приторно рыдает...

Пью чай, гляжу, слушаю — и кажется, что глаза делаются узкими, а в поры, отворенные потом, лучами солнца, лезет Азия. Не страшны орды Тамерлановы, и все — песок, трава, лазурь...

Прекрасное, в пыли рождённое,  
Добытое огнём и голодом.

#### БУХАРА

**Бедана (птичья чайхана):** перепелки, кормимые кукнором, балдеют. В жару вывешивают клетки на ветви, обматывают темным тряпьем. Птицы поют: длинной, захлебывающейся трели предшествует короткий, нервный кошачий звук («мь-рь, р-ру»), потом бьет: пит-чит-чит... — не жалеет горла.

Азийская сойка со светлорычей грудкой (из скворчиных) на бульваре запела как соловей.

**Еврейский квартал.** Живут с Исхода.

**Корейшиты** — жили здесь арабы (племя, откуда Мухаммед). Постройки типа ассирийских и древнешумерских: двери деревянные с декоративными крупными гвоздями, медный молоточек.

**Ляби-хауз** (над водоемом): страдальчески уродливые, согбенные, все из обрубков сросшихся составленные, шелковицы. Гнездо — как корзина, поставленная на попу. Поблескивает клюв белого аиста; воробьи льнут к гнезду — аист их защищает, и крохи с его «стола» им тоже перепадают. Аисты на Востоке — лишь в Багдаде и Бухаре; его темное крыло делает тень малышам.

**Медресе Семь ниш** (вместе с айваном портала). Колонки портала — из оникса — серовато-зеленого теплого камня, похожего на воск; ночью сквозь них просвечивает зажженная спичка.

**Орнамент.** Три кита: растительный, геометрический, эпиграфический (надписи из поэзии, из Корана). Мастер делал исчисление суммы и разности корней, высчитывал среднее число, делал соответствующий раствор циркуля, чертил хорду. Найдя центр, можно было, как в тождестве, определить все остальное. Нигде наука так не переплеталась с искусством, как в исламской культуре.

**Мечеть Магоки Отари** (XII в., домонгольский период): говорят, возле нее два года просил милостыню Марко Поло. Высокие карагачи, запах роз. В будке часовщика — бухарского еврея — на коврике — наяда в обнимку с лебедем, «Незнакомка» Крамского. Часовщик гордится: уверен, что эти соски, нацеленные в глаза туристов и крошечная рука наяды — произведения искусства. Еще (там же) — серп и молот в маках пурпурных.

Старик (в одном из «кумполов» торговых): лицо поражено песью — ложной проказой, вся кожа — в белесых голубых пятнах (как бы следы после ссадин).

**Минарет Калян (Восьмое чудо света).** Чингиз, разрушив Бухару, оставил его.

Азиаты жмут руку двумя руками, и сам вынужден ответно протянуть вторую руку, чтобы пожать жмущему.

**Ганч** — алебастр, замешенный на молоке и яйцах.

**Халат** из тысячи заплат.

**Люлька** — стоячая, прямая, на двух валиках; посредине доски (дна) дырочка, чтобы мочиться; качается с боку на бок.

**Названия узоров** (кирпичных): кольчужные, куфические, прозрачные.

**Медресе Мири-араб** стоило три тысячи рабов. Оно — действующее; «семинаристы» в халатах, тюбетейках играют в волейбол (во дворе натянута сетка). Свастика (древнеперсидское приветствие) означает борьбу огня и воды. Гитлер оставил лишь огонь. В нишах — «сталактиты» в углах, украшенные синими звездами, золотыми кубиками и т.д. На куполе — опять «корзина» аистов. В состав эмали входила кровь племенного быка. Из **михраба** (алтаря мечети) виден двор, и точно (геометрически) наложен портал медресе. На левом куполе медресе — бирюзовый тюрбан, как бы порванный (сорванный сбоку).

**Торговля в Бухаре священная**, женщин еще очень мало.

**Мавзолей Саманидов** в Бухаре: 80 положений кирпичей. Рядом — **шелковица**, распростертая по земле, — вроде лежащего на спине дракона, задравшего лапы. Шелковица (страдальческие, судорожно прямящиеся тела в обрубках). Еще юными побегами — зелеными ветками, непрестанно срезаемыми, кормят червей шелковичных; они с отвратительным хрустом пожирают нежную листву. Одна — будто древний легендарный мученик, несущий на вытянутых руках свою кудрявую голову.

**Медресе Абдуллахан**: наклонилось; развалины портала; шумная, узкая, кривая улочка. Орнамент — ультрамарин и зелень Персии. Напротив — бедная Медресе **Мадарихан** (раньше — его матери). Тут живет **Сергей Николаевич Юренев**<sup>1</sup>. По улице направо, потом — налево — парк Кирова, много зелени — и придворная его чайхана. Однорукий чайханщик: кроткий — благодарит, когда приносишь сам пиалы и чайники (после чаепития).

Юренев: «Выплесните, душенька, эту бурду, — певуче, как в детских радиопередачах. — Капайте, капайте — там еще есть. Это самый цимис. Одна капелька упала, значит, сейчас и другие будут...» (А сначала, чтоб доварить чай, выливает из пиалы с четверть жидкости, ловко переворачивая, чтобы жидкость вылилась разом.) «Сколько мне лет? Решите задачу: в шестьдесят я дал себе зарок молодеть с каждым годом, теперь мне — сорок шесть. Сколько мне лет на самом деле?» — «Семьдесят четыре». — «Вы — гениальный математик».

Во дворе **Мадарихан** шум; выставлены койки (раскладушки); дымят печечки — буржуйки, сушатся перины. В лоджиях (со второго этажа начиная) развешана выпотрошенная огромная рыба; дети и старики — на стульчиках и лавочках.

Каменное обиталище — келья (**худжра**); шлемообразное окно над входом; низкая притолока — приучает к смирению. Посреди худжры — две каменные ступень-

<sup>1</sup> Юренев Сергей Николаевич (1896—1973). Исламовед, историк, этнограф, исследователь архитектуры Средней Азии, дворянин по происхождению. Окончил МАИ. С 1920 г. зав. кабинетом церковной археологии при Витебском отд. МАИ. В том же году вся его семья выслана в Тверь. В конце 1929 г. после ареста братьев уехал в Среднюю Азию. В 1931—34 гг. преподавал в вузах Ферганы и Бухары. Из-за болезни матери вернулся в Тверь (Калинин), где участвовал в организации Калининской картинной галереи. Во время наступления немцев на Москву в октябре 1941 г. вынужденно остался в Калинин с больной матерью; возглавил брошенную бежавшим музейным начальством Калининскую картинную галерею, спас все музейные ценности, работал преподавателем местного пединститута. Вскоре по доносу был обвинен «в сотрудничестве с врагом». 11 августа 1942 г. осужден военным трибуналом гарнизона г. Калинин на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Освобожден 24 ноября 1951 г. Впоследствии жил в ссылке в Бухаре, вел раскопки, собирал коллекции древностей, частично переданные им в МГУ и Эрмитаж, а также по завещанию — в музей Бухары. В 1952—58 гг. штатный археолог реставрационных мастерских. Выйдя на пенсию, абсолютно бескорыстно продолжал деятельность археолога, краеведа и неофициального гида. Знаток народных ремесел. Реабилитирован в 1989 г. В 1995 г. имя Юренева присвоено правительством Узбекистана одной из улиц Бухары.

ки, дугами; задняя часть кельи — выше: «Пройдите во внутренние покои». Комната — двухступенчатая, ее разделяет маленькое, как старинный клавесин, пианино (хозяин в молодости обработал много народной мордовской и татарской музыки и иногда вспоминает ее). По стенам висят гиждуванские блюда — как древние щиты, изукрашенные грозными и прекрасными узорами; миниатюры — в круглых и овальных рамках темного дерева («голубой кирасир» в мундире николаевском, с эполетами — дед хозяина.) Под потолком — карнизик, на котором — статуэтки Хамро Рахимовой и Джуракулова. В стенных нишах встроены книжные полки; папки. Железная («больничная») койка — сзади, в углу; над ней — икона Богоматери (XVII в.) и копии иконы XII в.; горит керосиновая коптилка — хозяин спит при ней. Зимой обогревается керосинкой. При входе, в правом углу — кирпичное возвышение, выложенное сверху мраморными кусками — черными, розовыми, белыми (старая кирпичная тумба выложена мрамором): «Я люблю мрамор. «Кисанька» и «Котысынъка» — приبلудные, для них на базаре он ежедневно покупает «кошмясо» (легкие, требуху — «по средствам»). Говорит сладко, певуче, иногда — едко, изящно, танцевально склоняя и вибрируя тонким, чрезвычайно протяженным станом. «Я прошел курс десятилетнего образования в лагере...» — Подает клубнику на старинном бронзовом блюде с позеленевшей чеканкой: «Я ее не мыл. Я решил, что все равно, ежели есть на ней бациллы чу-мы, про-ка-зы, си-фи-ли-са, то они останутся, как их ни мой...» Лицо ласково, едко; постоянная улыбка ежит жесткие узкие щеки и большие, бронзовые, матово блестящие глаза. Весь — длинный, подчеркнуто, вызывающе прямой, узкий; ноги семят легко и проворно. Сильный, резко вытянутый череп; густые, темно-сивые прямые волосы над квадратным шишकाстым лбом; длинная лопатка сквозистой черно-серой бороды. Нос крупный, архитектурный; веки крупные, коричневые; глаза блестят касторовым музейным лаком — кардинал эль-грековский из музея им.Пушкина; вздутия ушей (в фас) несколько превышают меру. Собирает шерсть кошек; ее прядут и вяжут «благосклонные дамы, которые еще есть в Бухаре. В Москве тоже есть? Я подозреваю, душечка, что это всего лишь жен-щи-ны!»

Юренив приехал в Азию в 30-х годах, стал преподавать русский язык в первых азиатских вузах. Старуха-мать затребовала его обратно, потом — «обязательное десятилетнее образование». После войны, уже осиротев, вернулся сюда насовсем. Увлёкся археологией; стал знатоком керамики. Его коллекции — в Эрмитаже, в Московском университете, хранятся они и в двух кельях соседнего медресе Абдулла-хана — сотни коробок и коробочек, тщательно пронумерованных и описанных. Он передает их московскому музею Восточных культур.

Я (взволнованный обстановкой, «на полном серьезе»): «Тут, наверное, хорошо думается, слагаются высокие философские мысли, хорошо создавать неторопливый философский труд...»

Юренив лукаво кивнул Борису Крячко<sup>1</sup> (журналисту «Советской Бухары»): «Как вы думаете, можно посвятить нашего гостя в сущность моей философии? Станьте на середину внутреннего покоя, лицом к этому столбу; сосредоточьтесь на чем-то безвыходном, мучающем вас длительное время... Сосредоточились? Теперь подымите глаза вверх. Отдерните эту занавеску (темно-вишневого цвета, из туркменского шелка — плотного как вельвет, с черной каемкой). Читайте...» Я благоговейно воззрился на текст, оправленный в изящную деревянную рамку и взятый под стекло. Изысканно, строгими каллиграфическими литерами было начертано: «Нас..ть».

<sup>1</sup> Крячко Борис Юлианович (1930—1998). Филолог, в совершенстве владеющий английским языком. Работал учителем, гидом-переводчиком. Увлекался Востоком и Средней Азией, скитался по городам и весям. Был и судоремонтником на Камчатке, и чернорабочим-котельщиком в Таллине.

Первые публикации — в 90-е годы. В «ДН» были опубликованы повесть Бориса Крячко «Края далекие, места-люди нездешние» (2000, № 1) и рассказы (2002, № 5).

**Кишлак Уба.** По Самаркандской дороге, на автобусе кинопередвижки (автофургон «Дневное кино»). Справа за окном — сквозь деревья — белым и изумрудным посверкивают на солнце строения Махи-Хосса.

Арык цвета какао. Мотоциклист в лазоревой тенниске (любимые цвета белый, синий, лазоревый) и ярко-красном тюрбане прищурился метко, остро — на скаку мопеда — словно из лука целит... Грязный хауз с желтой водой. Пыльные акации. Непобедимо свежая, светлая и пышная зелень урюка.

Шофер Ахмет — жилистый, маленький, сутулый, коротко стриженный; черная, росисто лоснящаяся щеточка усов; щербатые, но крупные и гладкобелые, как обсосанные карамелины — подушечки, зубы.

Солнце и истязает — и бодрит; сухой, всепроницающий зной. Солончаковые пятна как пот на выжженной гимнастерке. Рощица седой, как бы всегда запыленной джиды. Розовые, вширь топорщися кисточки — метелки тамариска. Хлопкосеяльный, пожарно-красный трактор — неуклюжий, высокий, как бы двухэтажный, — похож чем-то на чигирь; три колеса с бочками. Налево — стройная колонна **минарета Вабкент** (строил ученик мастера, воздвигнувшего бухарский **минарет Калян**). Легче, нежней, летучей. Из сдвоенных длинных кирпичиков, перехваченных узкой терракотовой перемычкой; голубые крапины.

Шоссе обсажено тутами, карагачами, тополями. Хлопковые поля (он еще низок, кудряв — как картофельная ботва). Развалины глиняной мечети (деревянные резные столбы).

**Кишлак Уба.** Хауз, обсаженный тополями и кукурузой. Хамро в белом платке (кто-то недавно умер), в бледно-зеленой рубаше до пят, в калошах на босу ногу (ногти тщательно подстрижены — полукругом, пальцы чистенькие, изящные). Пилой подрезает ветви тополя — чтоб не загорали солнцем урюку. Рядом, на пыльном коврик — подушка и табакерка из грушевидной маленькой тыквы, — коричневая, заткнутая кожаной кисточкой (нас пахнет затхло, душно — древесной трухой). Лицо Хамро — старческое, но свежее, коричнево-розовое; нижние веки поджаты, а щеки растянуты — как у большинства старых курильщиков или сосателей табаку. По-русски — ни слова. Засуетилась, повела, перепрыгивая через арык, усадила на коврик. Шоферу велела лезть на дерево и стряхивать урюк — он, смеясь, повиновался. Ягоды полуспелые, но сочные, сладкие, — посыпались в низинку, сочно заросшую высокими кукурузными султанами. Крикнула невестке — та принесла «дастархан» — толстый ковер с завернутыми в него лепешками, блюдом с леденцами и сахаром, чайник, пиалы и две подушки. Старуха черпнула из мутного хауза кастрюлькой, размочила в ней клочья черствого хлеба и дала нам; неторопливо разлила чай (сперва — немного себе в пиалу, потом эту воду влила обратно — для доварки в чайник, потом Ахмету, потом мне — по трети пиалы); неспешно рассказала шоферу что-то. Внучек Сатор, пять лет; шароварина правая разодрана вдоль. Хамро деликатно прикрывала наготу мульчищей ляжки (он лежал на пузе, швыряя через спину урючные косточки и неустанно жуя новые ягоды). После трапезы ладонями провела сверху вниз. Потом — дело: повела во двор. Дувал, высокий деревянный порог в узких воротах; глинистый двор плотно убит; несколько тондыров глиняных (в них она обжигает игрушки, а потом раскрашивает их тремя цветами красок, разведенных на урючном клею).

Мастерство — от бабки (раньше — весь кишлак это умел). Рядом, в глинобитном хлеве (пристроен к дому сбоку) — корова; дверь резная; старый кумган; на кошме, в углу, под тряпками — мешки с игрушками.

На обратном пути в машину сели узбеки: старуха в крашенных шерстяных носках и в красивой белой шали как бы из крупных белых монет, запутанных в ажурной паутине; мальчик с упорным косвенным взглядом — хмурым, как у всех здешних детей.

Швейцар — узбек (он же и садовник в гостинице) — сдает комнатку в своем домике «у пожарки»: рупь с полтиной за койку. Подушки твердые, словно глиной набиты, и узкие, как диванные валики. В номере — бездействующий телефон (на низкой табуреточке, орнаментированной растительным узором); балкон, ковры. Люстра (три рожка) так пыльна и темна от мух, что кажется обугленной.

В городах — множество мальв.

Странное ощущение от жары: звон в черепе — тонкий, медленный; вибрация всего тела — словно кровь колыхается поперечными волнами... Ночью из гостиничного окна — зеленый, болезненно жгучий тюльпан неоновый фонаря.

«Поезжайте на шестой машине...» (т.е. на 6-м автобусе). Автобусы старые — отдуваются, хрипят и попукивают на подъемах.

#### САМАРКАНД

С аэродрома видны холмы — синие и лиловые, с темно-зелеными пятнами, — даже кусочек снеговой горы. Много зелени в городе — но и асфальт, и дышать трудно (из-за массы машин). Экзотика — и Москва, и даже Париж (судя по картинам импрессионистов). Стройка, ремонт, доски, котлованы, то и дело дощатые заборы.

**Площадь Регистан. Медресе Тилля-Кари:** двор зарос небольшими шелковицами, усеян жирными жемчужинами сладчайших плодов.

**Формовка:** из лесса плюс немного жирной глины — бурые как ржаные хлебы кирпичи (по обязательной железной мерке). Сперва плющат дощечкой, потом обрезают ножами с боков (Тилля-Кари значит «позолоченный» (по-таджикски), — как бы клонятся набок — из-за косых лесов.

Мастерская организована в 1929 году, 120 человек. Алексеева Пелагея Алексеевна — обжигальщица, формовщица и печки загружает. В худжре медресе сложена гончарная печь; внизу — оконце, виден стелющийся огонь. На досках («такта») плитки сырца, в десять-одиннадцать рядов. Она влезает в остывшую печку (не всегда — иногда в еще жаркую), кладет на такту глазурованные плитки сырца. Сама она — из Ульяновской области, в 1939 году ее привезла сюда тетка; в войну работала в войсковых частях на кухне — разнорабочим; красивая, строгая женщина со скорбным изломом бровей.

Глиняное тесто мешают на столах руками. Его гладят и режут парни — во дворе, под шелковицей; проветривают, формуют. ...Потом кирпичики — на солнечной сушке, потом — на терракатовую печь — вроде пещеры, в щель которой залезает женщина и укладывает кирпичи колодцем — как дрова (огонь сперва небольшой дают, потом покрепче, в щели оставляют отверстие — следить, чтоб кирпич не перекалялся).

**Первый обжиг** — на солярке; остывшие кирпичи подвергаются глазурованию (жгут траву ишкор).

**Второй обжиг** выявляет цвет. Кирпичи обмазывают из большого таза мутную серую жижей. После обжига они делаются синими. Жижка чуть зеленее — получится чудесная бирюза. После двукратного обжига — кирпичи для мозаики, а для майолики нужен трехразовый обжиг.

Керамика Самарканда идет по всей Средней Азии и в Азербайджан.

**Реставраторы.** Жара несусветная: «Нам этот климат хорошо для здоровья». Равняют стену — чистят, чтобы плитка держалась. Потом — установка изразцов, заливают чистым алебастром.

Кричит майна (из породы скворцов).

**Недолговечность изразцов:** кустарность, консерватизм. Черепок скоро теряет глазурь (Илья Ильич Дударов, архитектор-художник, реставратор, ученик **Щусева**). Ведется разработка полимерных смол: нужен шероховатый черепок (в старину в форму клали даже песок), так как гладкий плохо сцепляется с глазурью, и она шелушится. Методика И.П.Горина — холодная керамика, без обжига глазури (обжигать только черепок: «Послезавтра лечу в Москву — с черепком»). Пропитка поверх-

ности кремнийорганическими соединениями — для водоотталкивания (водоотталкивающий состав). «Залатают верх какого-нибудь купола — а низ уже шелушится, облетает. Мастера — народные самоучки, без образования; не могут привлечь настоящих керамистов». В Ташкенте Дударов сотрудничал с Щусевым по отделке театра им. Навои. (Его племянница — **Вероника Дударова**<sup>1</sup>). Живет тоже в худжре — по примеру Юренева — в **Шир-доре медресе**.

В.П.Кондратенко — химическое образование, заведует керамической мастерской (основоположница?). Лаборатории даже нет — все бесконтрольно; керамическая мастерская не справляется, идет в дело любой брак: «В зиндан не сажают, голов не секут». Женщины — добросовестнее; все держится на Марье — хозяйке. Химик Н.Гражданкина разработала состав ишкора (статья «Тайна голубого изразца»).

Окраина Самарканда: русский садик, виноград, белые розы. Хозяйка — псу: «Не греметь!»

**В парке.** Воскресенье, очередь за пивом. Модест Иванович, 62 года (т.е. 1908 г.р.); моложав, в рубашке зеленоватой навывпуск; широкое, бледное лицо с голубоватыми пристальными глазами. В локте — выем (рана, внутри нет кости) — «я весь дырявый». Здесь с 1938 г., после Хасана. На пенсии; иногда приглашают (образование — инженер — энергетик, — смету для колхоза, консультацию). 180 р. пенсии. Три войны (Хасан, Финская, Отечественная). Оба сына погибли. В позапрошлом году умерла жена. Слезы из-под век — но сдержан, достоин. «Ехали с Дальнего Востока в отпуск в 1932 году; все с маузерами. На станции сошли («поезд стоит 25 мин.»). Пошли в буфет; только подняли рюмки — «гу-у...» — ушел (поезд). К начальнику. Друг — мне: «Что ты бледный, как мел?» — «А ты? За потерю оружия — три года. Трибунал, безо всякого». Побежали к начальнику, скандал ему: «Чемоданы — черт с ними, вот оружие нам верни!». По селектору — на другую станцию (верст 70). Дали дрезину. Все в порядке.

Народ здесь хороший, благодарный. ...Одному узбеку никто не мог починить самовар. Я подпаял, подлудил. Он мне везет: десять мешков картошки, потом — десять мешков капусты. Я ему: «Ты ох...л?» Он еще четыре мешка — муку... Продавать пришлось».

**Завод хозбытизделий;** лесопильный цех — в глубокой ложине. Склон — красиво — золотистый от выжженной травы (кое-где — пушисто-зеленые кустки). В траве, внизу — собачонка, худющая, грязная: дети вытащили из сортира: три крымских татарчонка (один — беленький), глазастые, вежливые, красивые дети. Плечи и спины горячие, коричневые — как керамические плитки, только что вынутые из печи.

**Вечером** (с татариним Зинатулиным) — по старому городу; он отлично разбирает дорогу, ориентируется (голос крови?). Узкие улочки, тротуары то и дело соступают вниз и карабкаются вверх — вровень с карнизами. Дворик, под деревом спит старик... Шелковица проросла сквозь дувал; дверь соступает с тротуара — в полуподвальное помещение (направо — деревянная дверь, комната; чтобы попасть во двор, надо подняться). Путаница уровней: улицы, двора, жилья, двор как бы на втором этаже.

В стене загорается оконце — неровный овал с железной паутинкой (решеткой), посмотрело на улицу — и таинственно сгасло. Кто за ним? Немного спустясь, стена опять оживает — сама собой. Нет: на противоположной стороне зажглось точно такое же оконце, и тоже посмотрело, и тоже сгасло (будто кино показать собирались). Висячая галерея на толстых оштукатуренных бревнах; идем под висячим балконом (точнее — домом, нависшим над дувалом на мощных бревнах, он только небольшим выступом выдался над улицей; узкое, как бойница, окошко). Пыльно, бедно, улочка виляет — словно робеет отчего-то. Деревья развалились по оградам, тутовник свеши-

<sup>1</sup> Дударова Вероника Борисовна (1916—2009) — советский и российский дирижер, педагог. Народная артистка СССР (1977).

ваит изуродованные лапы. Скольжение света в листьях и щелях домов, близкие белые звезды. И вдруг впереди — спокойный, вроде бы и небольшой мавзолей **Гур-Эмир, гробница Тимура**, — стоящий сам по себе, независимо и грозно — как планета, с непонятной целью приблизившаяся к земле. Сторож — старый таджик, тоскливые и плутоватые глаза, огромный нос, отплюснутый вбок; одинокий. Рассказывал, как пришел с фронта, всех потерял — нет ни души. Живет в Гур-Эмире, в конурке (вроде красного уголка), обклеенной плакатами и пособиями по истории. С купола Гур-Эмира — словно жирные змеи сползают.

Ночью вышли к Регистану. Средь каменных сундуков, серо-сиреневого ночного неба (геометрия зданий и прямоугольных небесных пространств) — словно пирамидальный тополь, смутно мерцающий и темнеющий бархатными тенями, — какие-то купы, живые, теплые. Это — минарет Шир-Дора, айван (глазурь — изумрудная и голубая, опять же змейная), холодно-голубоватое и серое медресе Улугбека. Странный гармоничный волнующий профиль. Дальше — пустыни покатыми, изгибающимися улицами — вниз. Запахло пивным сусликом — винный завод. Некрасивый светло-серый куб оперы. Огромный ровный пустырь. Трибуны, построенные к юбилею; однокорейка трамвая — позади, дугой (на остановке он долго ждет, чтоб разминуться со встречным). Напротив трибун — большие плиты (панели), постаменты (будущего памятника?), яркие прожектора, зачем-то нацеленные на пустые трибуны. И под ними, на бетонных плитах — студенты и студентки (косички, пестрые легкие балахоны — зубрят к экзамену с книгами и тетрадками). Слева, сзади — общага, но там им душно.

**Софья Федоровна Ракова.** 1-й проезд Розы Люксембург (шел берегом озера — черного, вонючего, поросшей донником; вышел на улицу Р.Люксембург — околища). Зеленые своды тутовых деревьев, клены, тополя, единственная в Самарканде липа цветет. Улица, мощенная плитами и громадными, стесанными булыгами; хрустят жирно под ногами, словно гусеницы, белые комья плодов.

Старый беленый одноэтажный дом (во дворе визави — такой же: еврейская семья, девочка лет шестнадцати, с красивым, но претенциозно томным, уже оплывшим лицом и с потными темными глазами). Дед — из Архангельской губернии, бабушка — из Оренбурга, сама родилась в Фергане (третье поколение уже в Азии).

Училась в техническом вузе; во время войны в Самарканд эвакуировали МИПИДИ (Дейнековский) — высшее художественно-промышленное заведение — «прихватили с собой. У глазури по фаянсу — своя технология». Влияние Афрасиаба, его фресок и керамики; традиционные мотивы (вышивка, ковер) — и совершенно новое, свое...

Афрасиаб — раньше тимуридских глазурей, пошедших очевидно, от китайского фарфора (Афрасиаб — коричневое по белому фону и глухо-красные тона).

Путь к голубизне. Заводская глазурь — в Риге, на керамическом производстве (глухой, скучный цвет). Добилась (тарелка: ультрамарин-кобальт, струи лазури, перья бирюзы. Но из-за обжига все течет и расплывается). Ее природное чувство композиции не может реализоваться (технология, реактивы).

«Узбечка с хлопковой коробочкой» — мягко, женственно-легко — хочется подуть, как на одуванчик, но страшно сломать. На фарфоре — «Девочка в синей тибетейке». Прекрасные ранние композиции: играющие дети в зеленых халатах.

На сырой глине — приемом, похожим на аль-фреско, намечен тонкий, музыкальный рисунок, но не ясно, не представимо, что получится после обжига. По белому, обожженному фаянсу расписывает кистями составом из глазурей. «Раньше мастер делал целую серию — закреплял достигнутое. Но я каждый раз ищу новое, каждая тарелка для меня — уникальна, как картина. Но кто пишет десять одинаковых картин?»

«Девочка с пиалой» — автор ищет и черты национального характера. Расточительное творчество, упоение работой, бескорыстное.

**Керамическая** мастерская (возле **Шахи-Зинда**). Мастерская Умара Джуракулова на замке (он сильно сдал, не работает: любимый сын погиб на самолете). На склоне у подножья — беленый длинный домик — сарай: Мухтаров Абдурахим, ученик Джуракулова. Его сын Зариф (14 лет) тоже делает скульптурки, обжигает маленькие, очень красивые тарелки («в абстрактном стиле»). Шедевр Мухтаров — «Погонщик драконов»: всадник, раскорячив ноги, погоняет сразу двух драконов, злобно, но бессильно оскалившихся. Сын сделал юбилейную пиалу «2500 лет Самарканду» (сын начал так: «Отец, что я могу сделать?» — «Ступай, сделай что-нибудь...»)

Хайдар Батуров: удивительно красивая темно-коричневая тарелка со звездной россыпью.

Ракова — художественный руководитель керамической мастерской. Облагородила глазури, учит технологии. Скромная — жалобно просит: «Дайте в печку поставить», но печка всегда занята — и ее затирают.

**Шахи-Зинда**. По лестнице — серо-белой, раскаленной — портал. «Сейчас будет такой взрыв синего!» — мечтательно, вроде бы с испугом и восторгом, говорит Софья Федоровна. Вошли в арку: выплеск лазурей, ультрамарина, бирюзы — струящиеся вертикали, кудри и стебли. Древний камень вспыхивает, горит, жжет и утоляет глаза, измученные зноем. В старой архитектуре был свой микроклимат — даже в простых, частных постройках: одна стена нагревалась, а другая оставалась прохладной — от тени, движения воздуха. «Белое, синее и голубое — цвета печали».

Ишкор — основа (стекловидная часть). На ней — ляпис-лазурь, кобальт (полудрагоценные минералы), глухая глазурь (эмаль).

**Группа мавзолеев**: три ребристых, не расписанных купола, как бы свеянные из жаркой, рыжевато-серой золы. Город мавзолеев, но печали нет: есть ощущение прохлады, отдыха, погружения в небо; радость — высокая и спокойная. Пилястры вертикальными полотенцами, цветущими кобальтом и изумрудом; блекло-лазуревые лепестки нежно вспыхивают на стенах. Я: «Впервые орнамент добирается до нутра». «В самое пекло здесь — отдых». Горлинка влетела в купол — громкое эхо.

На обратном пути — похороны: внизу, под керамической мастерской крики, короткие, обрубленные вопли; довольно спорым, полупоходным шагом движется процессия мужчин. Родичи покойного, впереди — в национальных костюмах (остальные — как попало): тюбетейки черные с белым узором, кушаки, сапоги; все в пиджаках; на плечах несут длинные жерди, на них — развевающийся белый паланкин (там — открытое тело).

За час до этого я видел, как на каменистом, желто-золотом от выжженной травы склоне, в тени стен, плотный, мокрый от коричневой глазури пота мужик рыл могилу. Кетмень положил, закурил...

**Музей истории и культуры**. (раньше был республиканский — теперь государственный). На РЕГИСТАНЕ строится новый — будет Музей культуры, здесь, на Советской, останется лишь музей краеведения. Урманова Мудрика Хасановна — зам. директора, археолог. Со сдержанной страстью показывает и рассказывает: «В 1969 году копала два могильника (V—VI вв. н.э.). I н.э. — только головы, кости рядом — прямо в земле (анalogии нет). Копала и на Афрасиабе, в 1965 году, в экспедиции Шишкина (раскапывали древнее городище, нашли сразу четыре клада — уникальное серебро). Афрасиаб — в списках ЮНЕСКО.

Археологи работают иногда скальпелем и кисточкой — чтоб не «зарезать стену, изветшавший пол»... Студенткой Мудрика Хасановна участвовала в раскопках в Южной Туркмении — на границе с Ираном: искали столицу Парфии. Ели дикобразов...

Отрывали целые залы: зал статуй, зал монет. В музее она работает 15 лет, первый год — зав. отделом археологии; окончила Ташкентский университет.

**Районный центр Ургут** — вековые чинары, под ними — роднички, предгорье, холод. Базар! Ковроткачество! Только там — мастерицы, вручную ткущие сюзанэ; народные керамисты, резчики по дереву...

**Оссуарий** (вроде окоренка из глины) с двумя скорбящими фигурками (V в.). 115 тыс. экспонатов.

**Голубизна** (серьги, тиллякош — кокошник с бирюзовыми подвесками); тумары, нашиваемые на одежду из любимого сердолика; бусинки от сглаза. Лазурь и в книжных заставках.

Фонды — сердце музея. Хранительница фондов музея Инна Ивановна Казанчянц требует сохранности условий — закрытых витрин сигнализаций и температурного режима. В окрестностях Самарканда есть все: мрамор, краски, песок, гончарная глина, гравий (вся керамика Союза — из глины Самарканда).

**Декоративный фанерный щит с Ильичом в кепочке** — улыбающимся, чуть наклонившимся, придерживающим двумя пальцами козырек, — с диаграммами роста промышленности, всякими трубами, пышными деревьями и зданиями — отгораживает сегмент площади, за которым сразу начинается старый город (кривые улочки еврейского квартала, дувалы, резные дверцы и т.д.).

**Чайхана.** Помосты (чаще — голубые, застланные потертыми коврами, — «караваты»).

#### ТАШКЕНТ

**Куйлюк** — базар. **Старик с медведем.** Черно-коричневый, с острой и желтоватой бородкой (китайской — как на старинных гравюрах и картинах китайских) и белыми висячими усами. Черная тибетейка обмотана розовой, с зеленой тесьмой, тряпичей. Выцветший серый халат с синим клетчатым подбоем. В одной руке — пастушеский посох, в другой — длинная цепь намотана, на ней медведь — старый, горбатый, грязно-песочного цвета, как собака — дворняга, с истертым цепью добела оплечьем. Лапы по бокам тоже вытерты досера, как заношенные штаны. Когти длинные и прямые, как сухие корешки хрена. У старика под халатом — голубая майка; он бьет посохом оземь (когда народу поднаберется побольше), нараспев обращается к мишке — просит показать, как чабан сторожит отару. Медведь, опираясь на палку, идет по кругу. Приставляет лапу ко лбу, смотрит вдаль, вокруг — «осматривает стадо». Валится отдыхать. «Волк показался!» — кричит старик. Медведь вскакивает, хватая посох, «прицеливается». «Теперь поиграй с ножом — только лицо себе не порань». Медведь берет пычак и, держа его в лапах, катается по земле, тычась мордой возле самого острия. Ему жарко, слюна капает из носа — мягкого, темного, липкого. Глаза как у деревенского деда из-под нависших бровей — тоскливые, светлые, глядящие вверх. Лапы мягко пластаются по земле — «косолапят», плетутся с выворотом... «Скажи людям "рахмат"», — Мишка ложится, берет палку в задние лапы, одну из передних прижимает ко лбу.

Спектакль окончен; старик сперва стоит в центре. Самые щедрые даятели подходят с рублями; толстая женщина в коричневых шальварах дает полтину. Затем старик сам обходит круг, дают по десять — двадцать копеек, почти все... Он идет в тень; обматывает цепь вокруг носка своего ичига (сапога), кормит мишку — тот зажимает в когтях кус сыру. Старик дразнит для смеху: тянет назад за веревочный намордник, тот рычит... Старик выворачивает губы и дует слюною перед собой — особым способом сплевывает нас.

Перед новым представленьем медведь встает, крутит задом, виляет позвоночником — словно кокетка в шубе; горб сзади висит рюкзаком. В 30-е годы ходил фокусник-уйгур — «советский шипана», с козлиной бородкой. Размахивал мешочком с песком:

«шире круг». Пил два литра керосина, потом отрывал на зажженную спичку (дул тонко — далеко, упругой дугой летела огненная струйка).

**Богатырь с гириями** — молодой парень в белой шелковой майке, в ярко-малиновых шароварах и сапогах «по-мушкетерски» (с отворотами и многочисленными складками), в чалме, усики щеточкой. Гири — как арбузы, на цепях — целый набор; заворачивает их в тонкую кожу, застегивает и уносит.

Два старика под навесом, в овощном ряду, у подножья светло-зеленой капустной горы — пьют чай из белых чайников и пиал — гладкобелых, как яичная скорлупа. В тени — **мелкие торгаши**: туфли, детские пинетки, старые патефонные пластинки, учебники сороковых еще годов, кумыс с чашками: «Даром — татарам, русским — бесплатно». **Ослик**: каждое ухо — прямое и узкое — словно дамская тапочка. На лбу, на сброе — украшенья: белые раковинки на веревочке. Апельсины (московские) по 30 коп. штука.

**Старик-нищий**: щеголеват (светлые ичиги, белая тряпка поверх тюбетейки, палка украшена резьбой и серебряными насечками). Девушка с массой змеистых струек-кос в малиновых ярких шальварах.

**Народ** течет потоками проулков, образованных столами, навесами, рядами сидящих торговцев, стенами окраинных мазанок... По главной «магистральной» базара двумя шпалерами стоят барахольщицы: пиджаки, брюки, ловко расщелкиваемые — словно птица крыльями — взлетают штанины. Тюбетейки гирляндами вспыхивают, струятся меж пальцев; шали, полушубки, дамские лодочки, выныривающие прямо под ноздри покупателя. По обеим бровкам длинной глубокой канавы — два сидячих ряда. Книжки, коверчики (сюзанэ?), самовары, кумганы, коренья, игрушки, арабские книжки<sup>1</sup> (два старика, раскрыв ветхие томики, обчитывают друг друга, важно раскачивая головы, — один с выражением горести, другой — плутовства).

Улица выводит к шоссе, загроможденному машинами (на одной обочине — одни мотоциклы). В низинке — зловонные ручьи, грязное озерко, дальше — отводок канала, «свалка» — и опять — целый табор сидячих и стоячих купцов. Гайки, винты, ножички (солидный старик торгует пычаками в красивых ножнах), стамески, чайники. Сбоку, на холмике и у его подножья — ковры, разваленные по земле, халаты стеганые, кушаки разноцветные к ним... Старый узбек — таксисту: «Довези до сквера — рупь дам». Таксист и девчонки в кабине хохочут: туда по счетчику-то два рубля с гаком. Девчонки (две, одна — невеста таксиста): «До сквера? (старому узбеку) Мы не скверные... Меня что-то с пива на подвиги тянет». Парень-таксист: «Туалет проехали».

Разговор (с парнем-таксистом и девками) о Боге. Парень — только о мечте материальной; девки примолкли.

(И **Самаркандский базар**): голое место. Длинная лощина — русло древлепересохшей реки. Жесткие, то плавно, полого отступающие, то круто нависающие берега. Розоватые цветы на них — безлистные, на длинном жилистом стебле. Под ногами — камушки, галька, белая щебенка... Продавцы бубнов, парень в «финке» и черной тюбетейке бьет в большой бубен; рядом сидит на корточках мальчишка и тоже лупит в маленький бубен. Влажным, страстным баритоном вопит худая, стриженная черная овца с извилистым печальным глазом. Сложной фиоритурой ревут привязанные к шестам ишаки. Ржут и стреляют мотоциклы, расположившиеся круглым оазисом сбоку, за овощными рядами.

Торговки пугливо кажут тугие свертки хан-атласа, разворачивают горделиво гипюр нежно-синего пенного облика.

На крутом холме, вровень с крышей навеса — терпеливый силуэт привязанного

<sup>1</sup> Скорее всего имеются в виду книги, написанные или гравированные арабским шрифтом. — *Прим. ред.*

ослика. В куцем теньке от дощатого стола — старая узбечка сидит в белом покрывале, неподвижно и надежно держит ручонку мальчика — смуглого, как кувшинчик, с тревожным и внимательным взглядом исподлобья; щеки крашены алым (от экземы?). Женщина в пурпурных шальварах, отороченных снизу зеленой орнаментированной каймой с завязочкой. Цветут тюбетейки, платки, шали. Голубые, серые, черные и белые чапаны, матрасоподобные, в полоску, халаты — все это окутано беспокойно движущимся облаком шашлычного дыма. Тут же мороженщик: скоблит железной теркой брус льда, быстро нашлепывает деревянной ложкой холмики тертого льда, лепит их. Ловко скидывает на плоские жестяные кружочки и ляпает сверху бурым сиропом из тутовых ягод. Втыкает жестяную плоскую ложечку, сует в лицо: «Пожалст, марожжин...» — «А горло не заболит?» Женщина рядом (с аппетитом ест мороженое) усмешается: «Вы же не в постель сейчас ляжете? Двигаться будете и солнышко опять же».

Продают манти: кастрюля стоит на железном издырявленном с боков ведре, полном углей горящих. В середине кастрюли — кружка с рыжим соусом и подобьем кисточки. Связки колечек — пяточок штука — медных, с камушками цветными. Кучки шеллака — блестящего и зернистого, как хорошо намавленная перловая каша. Холмы перца — ярко-оранжевого, золотисто-охристого. Горки наса — зелено-бурого, с бархатными отсветами и тенями.

Странной формы серпы — вроде старинных алебард, с тяжелым, толстым лезвием, насаженным на палки. Огромные фуганки. Жаркие пятна расстеленных ковров, платков, шаровар. Торгаш жонглирует ворохом кепок, сшитых из ярчайших клиньев, радиусами расходящимися от центра, — голубыми, черными, лиловыми.

#### УРГЕНЧ

Два ИЛа опоздали (из Ташкента не вернулись — там дождь). В Ургенче — жуткий штурм самолета: трап сотрясается, бедная стюардесса — как щепка в бурном потоке — колышется наверху, распялив руки — не пушает. Пилоты стоят еще выше с невозмутимым спокойствием небожителей. Поместили (у меня — другой самолет, ждать бы еще четыре часа) в виде любезности в чуланчике — на диванчике возле туалета; рядом — баллоны с газом: «не курить»...

Серое сверкание пустыни.

Всё на свете — камень и песок.

*Публикация Марины ГОЛУБКОВОЙ и Владимира ГРАЧЁВА-мл.*

*Алексей Анастасьев*

## Амур: человек против рыбы

«Амур — река рыбная»: так несколько веков говорили на Дальнем Востоке. Известный путешественник Ерофей Хабаров в 1650-х годах с энтузиазмом сообщал: «В той великой реке Амуре осетра и всякой рыбы много даже против Волги». 200 лет спустя ему вторил сатирик и чиновник особых поручений при губернаторе Восточной Сибири Петр Васильевич Шумахер: «Рыбы в Амуре столько, сколько он способен вместить». Ныне здравствующие старожилы вспоминают, что еще в 1970-х лосося на нересте здесь было столько, что глубокие притоки можно было вброд переходить по рыбьим спинам. Как вышло так, что в веке XXI самая богатая (108 видов рыб) река России стоит на пороге биологической гибели?

### *Часовые родины*

«Дружочек, до свидания. Я в Китай пошел, погранпредставительствовать. Буду завтра вечером», — рослый светловолосый чеченец средних лет с безупречной выправкой, полковник Александр Тирон, начальник Погранслужбы ФСБ России по Еврейской Автономной области целует в щеку коллегу Маргариту Поддубную, начальника группы общественных связей.

На протяжении более 850 километров река Амур отделяет Россию от КНР, и этим жарким летним днем мы находимся в самом сердце этого громадного участка — близ погранотделения в селе Ленинское той же ЕАО. В первой половине дня здесь, у импровизированного причала (то есть, попросту, у широкого пляжа за «системой» — полосой колючей проволоки с отдельными встроенными вышками наблюдения) выстроился почти в полном составе отряд судов погранично-сторожевой службы. С 2007-го года речная охрана организационно объединена с пограничной, так что теперь традиционные «сухопутные» военные формулировки вроде «Решите войти?» звучат на Амуре вперемешку с флотскими «Добро на вход!» Сегодня предстоит плановый дружественный визит на сопредельную сторону — прямо через реку, ширина которой в этих краях составляет около 1,1 километра. Будут совместные с китайской погранич-

---

*Алексей Анастасьев* — литератор, журналист, путешественник. Среди немалого количества мест, которые он изъездил, — от Аляски до Тасмании, от Мадагаскара до Огненной Земли — особое место занимает российский Дальний Восток: ему доводилось писать и о тамошних пограничниках, и о заповедниках на Ханке и в Кедровой Пади, и блуждать в тайге, и выходить в Японское море.

ной полицией учения по задержанию «условного нарушителя», то есть судна, незаконно покинувшего свой порт и пытающегося пересечь фарватер, а также обмен опытом за круглым столом с чашкой чая для сотрудников таможни. Такие, говоря казенным языком, мероприятия устраиваются регулярно на всем протяжении амурской границы.

И надо сказать, что все это не для галочки. Погранпредставительство — вещь полезная. В последние годы китайцы что называется взялись за ум — стали охранять границу по-настоящему, а ведь в 1990-х, считай, вообще не следили за тем, кто отходит от их берега к нашему. Не говоря уже о том, что вовсю «сдвигали» фарватер в нашу сторону — ссыпали в воду баржи песка, строили дамбы, и течение «выдавливалось» к северу. Дошло до того, что погранотделение в Казакевичево чуть не смыло в Амур. Теперь — другое дело. Соседи стали реагировать на наши сигналы, сами присылают отчеты: столько-то незаконных рыбацких станом уничтожено, владельцы отселены «в тыл» страны и так далее... Да и реально из года в год число нарушений уменьшается. К примеру, сейчас у нас до середины лета тотальный взаимный мораторий на лов любой рыбы на Среднем Амуре (так называется 975-километровый участок от впадения реки Зея до устья Уссури. — А.А.). Идет нерест осетровых — уязвимое время. Так на реке, считай, затишье — мы задержали всего несколько раз по два человека на джонках. Хотя, конечно, всякое случается. Зимой подо льдом браконьерят — мы выходим на лыжах и снегоходах, проверяем, где тоньше лед, там их и засекаем. И на быстроходных «Ямахах» лихо, не таясь, «влетают» в Россию, а когда их настигнешь, еще и баграми отбиваются — но с этого года у нас на таких есть хорошие скоростные катера типа «Дозор». У них — разведка, у нас — военная хитрость и дезинформация: показываем, что собираемся выдвигаться в один район, сами идем в другой. У них радиосвязь и современные навигаторы, у нас — ДНД: добровольные народные дружины из местных жителей. Очень нам помогают — Амур-то знают досконально, до каждой мели. В текущем году всего 8-9 задержаний набралось, но вынимаем-то каждый раз стометровые сети, так что ущерб велик. В общем, нормальная служба: они лезут — мы гоним, они нарушают — мы задерживаем, они незаконно ловят у нас рыбу, мы ловим их... Ну все, нам пора. К погрузке приступить! — командует полковник Тирон группе выстроившихся скромно поодаль офицеров обоих полов.

И в 11 часов 00 минут сверкающая серой обшивкой над солнечно-голубой водой маленькая российская флотилия отчаливает курсом на Китай. Пограничная охрана начинает службу рано, так что и погранпредставительским встречам по традиции полагалось бы начинаться раньше, но дело в том, что в КНР сейчас только 8 утра. Вся огромная Поднебесная живет без различия часовых поясов по пекинскому времени, и это заставляет человека по эту сторону границы чувствовать себя странно — часы в мобильном телефоне автоматически отбрасывают тебя на три часа назад. Базовая станция китайского оператора China Mobile так сильна, что телефон все время попадает в поле ее действия и «думает», что он уже пересек Амур.

В реальности сделать это самостоятельно вообще невозможно. Даже при наличии всех документов (въезд в Китай для местных жителей группами числом от 5 человек разрешен, согласно региональным соглашениям, без предварительной визы — просто по загранпаспорту) пересечение Амура частными судами запрещено. На частном плавсредстве — хоть на личной яхте, хоть на резиновой лодке — этого не сделаешь. Разве что, как шутят офицеры-пограничники,

погрузить такую лодку на паром и, размахивая веслами, делать вид, что плывешь. Паромы объемом примерно с туристический «Икарус» курсируют между специально оборудованными КПП 6 раз в сутки: из села Ленинского в городок Тунцзян, а на остров Миншань — из столицы соседнего Октябрьского района ЕАО, легендарного поселка Амурзет (эти переходы и обслуживает таможня, работники которой отправились совещаться по погранпредставительской линии).

Отсюда и лежит наш сегодняшний путь: на катерах береговой охраны до погранотделения «Союзное» на 435-м километре течения Среднего Амура — обычное патрулирование, проводимое примерно раз в два дня. Плюс еще километров шесть вверх «экстренно» — до того места, откуда пресловутые ДНД накануне подали сигнал: замечены в утреннем тумане три китайские лодки, две надувные, одна моторная джонка — значит, могут стоять браконьерские сети. На своей стороне, как поясняют в один голос местные старожилы, китайцы давно выловили все, что только можно, да и глубоководные донные участки, где рыба любит скапливаться для размножения и питания, — в основном под российским берегом. Даже сейчас, при моратории на любую ловлю на этом, совсем уже диком и безлюдном участке реки в зоне ответственности Амурзетской и Союзной застав нарушения границы нередки — притом, кстати, что на пограничном участке Амура лов сетями вообще запрещен.

В два часа пополудни к двум выдавшим виды катерам за «системой» в Амурзете гостеприимно приставлены деревянные лесенки. Вода, затопив маленький песчаный пляж, здесь подходит почти к самым зарослям вкусной войлочной вишни, известной в Японии как сакура. Уровень воды в Амуре вообще отличается сильными колебаниями, отчего зависят и судоходство, и работа множества технических служб как на реке, так и подле нее. Но этим летом по неизвестной причине он держится в пределах 4,40 — 4,70 метров при норме в три с половиной. Поговаривают, что дамба гигантской Зейской ГЭС дала небольшую трещину во время землетрясения в июне 2013 г. — 3,5 балла по шкале Рихтера (у пограничников тогда трещины пошли по оконным стеклам и экранам домашних кинотеатров), и, чтобы ослабить напор, энергетики от греха подальше стали сбрасывать в русло больше воды.

Идиллическое спокойствие теплого дня нарушают только знаменитые дальневосточные оводы. Они роятся над нашими головами, огромные, как детские модели вертолетов, но людей не атакуют. Да еще мичман, которому выпало сегодня дежурить — вести катер, отчетливо мурлычет подходящую к случаю песню про трех танкистов — «У высоко-о-оких берегов Амура...» Берега при личном знакомстве оказываются не такими уж высокими — с обеих сторон (хоть с российской и повыше) русло обступают пологими зелеными застывшими волнами сопки.

«Товарищ майор, к отплытию готовы! Товарищи корреспонденты, пожалуйста, займите места, предназначенные для вас заранее, и старайтесь не смещаться!» Для фотографа это задача почти невыполнимая, но мы постараемся соблюдать равновесие. Иначе на высокой скорости выдавший виды катер типа «Аист» будет трудно удержать в равновесии — бравому мичману придется закладывать руль, как на крутом вираже.

«Пользуйтесь последней возможностью — последний год на таких катерах ходим. В Ленинском уже стоят новые для нас на замену. Зато как рассекаем!» — майор Алексей Рашкуев, замначальника пограничного отдела в Амурзете,

перекрикивая бешено тарахтящий мотор, обводит широким жестом панораму. Амур на своем участке он демонстрирует редким гостям с хозяйской гордостью, словно директор некоего заповедника — вверенные ему уголья. «Вот, глядите, слева — Миншаньдао, по-китайски значит Миншань-остров. Видите, какой там подъем?»

Имеется в виду, конечно, — в переносном, экономическом смысле. С южной, «поднебесной» стороны берег выглядит оживленно, как во время ярмарки. Подъезжают машины к современному зданию, обращенному прихотливым узором к реке. «Это музей Амура. Несколько миллионов юаней вложено! Там внутри такая галерея с движущимся стеклянным полом, а по сторонам — вся река, от истока до устья, с городами, лесами, протоками — как на ладони. Мы по линии погранпредставительства там бывали».

Дальше перед глазами поднимаются одна за другой парадные, с иголки достопримечательности — видно, что буквально последних лет постройки: сверкающие пагоды домов отдыха трудящихся, мощные бетонные лестницы к променадам у воды, неожиданная в этих краях гигантская менора на постаменте — недавняя инициатива председателя народного правительства уезда Лобэй. Так он решил отдать дань уважения титульной нации сопредельной российской области, которая, впрочем, составляет там один процент населения. Скоростные дороги со сплошным бегущим потоком машин, толпы гуляющих — выдался день субботний, а пограничный туризм выходного дня весьма популярен в КНР.

С нашей стороны элегическая патриархальная тишина, нарушаемая только кое-где в разрывах цепи пограничной «колючки»: там амурзецкий пляж, который работает по согласованию с местной заставой и местной администрацией в определенные часы суток, но сейчас там плещутся только трое мальчишек в длинных черных трусах по моде 50-х годов; там — несколько ярко выкрашенных домиков некогда большого казацкого села Екатерино-Никольское, названного в честь жены графа Муравьева-Амурского, который полтора века назад разграничил с китайцами территорию четко по амурскому фарватеру. В здешних местах этот фарватер подходит так близко к китайской стороне, что можно чуть ли не жать руки пассажирам прогулочных теплоходов со сверкающими иероглифами на борту. А что касается Екатерино-Никольского, то в 1891 году его проездом посетил будущий император Николай II, и по внешнему виду села создается впечатление, что более примечательных событий в нем с тех пор не происходило.

С одной стороны на приграничном участке ЕАО живет 35 тысяч человек, с другой на том же протяжении берега — 400 тысяч китайцев, озабоченных на глаз чем угодно, только не проникновением на российскую территорию с целью контрабандного лова. И все же. «Сейчас, в разгар лета, кажется, что у нас "мертвая вода". Так ее называют между весенним нерестом земноводных и путиной в августе-сентябре. Когда сюда идет лосось, становится гораздо оживленнее и у нас работы прибавляется. Хотя выше Хабаровска теперь уже совсем мало кеты прорывается, не говоря о горбуше. Рыба затаилась в глубинах, не клюет — жирует. Не особо интересно на нашем участке стало браконьерам. Хотя, впрочем, взгляните», — Рожкуев указал рукой в сторону близкого китайского берега, который успел, пока мы разговаривали, временно освободиться от налета цивилизации и обрести лесистыми необитаемыми островками. Возле одного из них — острова Быкова, принадлежавшего, кстати, до 1998 года России, но после скрупулезной спутниковой демаркации фарватера из космоса отошедшего к КНР, — у кромки воды виднеется что-то вроде пирамидального

нагромождения полиэтиленовых пакетов. Рядом маячит катер китайской пограничной полиции.

«Видите, с весны осталось. На лягушек ставили — у них это законно. Так что весь берег бывает пленкой затянут. Я, когда десять лет назад начал здесь служить, все удивлялся: что за странная береговая маскировка».

С апреля месяца, когда у дальневосточной лягушки начинается нерест, китайские рыбаки вот уже много веков на реке Черного Дракона — Хэйлунцзян (то есть попросту на Амуре) — играют с ней в хитрую игру, которую я иронически прозвал «смертельными нардами». Береговая линия затягивается полиэтиленовой пленкой (в древности на ее месте была просто клейкая материя). Через каждые два метра в ней проделаны, лицом к воде, широкие лунки, обтянутые сетью. Бедная амфибия пытается забраться на берег, чтобы отложить икру, скользит по полиэтилену, при этом смещаясь в сторону в поисках дороги, и в конце концов падает в лунку. Получаются огромные кульки с десятками и сотнями лягушек. А в Китае они считаются деликатесом, и одно крохотное земноводное стоит, между прочим, в переводе на наши деньги 200 рублей. Есть из-за чего затевать рискованную игру с браконьерством в российской части Амура. Своя-то почти исчерпана, и ее не на многих хватает.

«Было так: согласно плану охраны государственной границы, для проверки правого фланга участка отделения «Союзное» выдвинулся наряд лейтенанта Кривинского. Близ впадения реки Хлебная он обнаружил сети для лова лягушек. При обнаружении сели в засаду, дожидаясь подхода предполагаемого нарушителя. В конце концов один гражданин подошел для проверки данного места... Китаец, уже в возрасте, раза в три выше наших! Ребята ему: «Стой!», он — бежать к лодке. Догнали, естественно. Но представляете, Кривинский не смог его скрутить даже вместе со вторым бойцом. Только с помощью третьего удалось связать и сюда, в отделение, доставить», — по привычке перепрыгивая с уставного языка доклада на живой язык приключенческого рассказа повествует Алексей Чернов, начальник погранотделения «Союзное». Приезжим из такого далека он, похоже, искренне рад, хотя маскирует эмоции подобающим офицерским стилем. Места здесь совсем дикие, по дороге на «уазике» к месту высадки наших катеров старший лейтенант даже наткнулся на медвежью лежку — а это километр езды, не больше. Кругом — море таежных сопок, и даже выезд (примерно раз в неделю) в Амурзет считается здесь «визитом на Большую землю». Что уж говорить о Биробиджане, куда удастся выбраться раз в месяц, если гравийная дорога в порядке.

Постоянное общество тут, таким образом, невелико — кроме личного состава «Союзного» только один пасечник из одноименного заброшенного села. Еще в прошлом году насельников было трое — но, словно в детской считалке, один умер, второй погорел (хозяйство восстанавливать считал слишком хлопотным и уехал к сыну в Красноярск), а третий вот остался. Удержала его, как поговаривают, дивных органолептических качеств маньчжурская конопля, по части которой он большой специалист и которая растет здесь в изобилии, в том числе и на берегу, за «системой», — за ней, коноплей, бывает тоже, проникают сюда нарушители, как китайские, так и отечественные.

А событиями и краевой мифологией здешние места, наоборот, богаты — было бы только с кем поделиться историями. Про ведьму, которая похоронена на здешнем староверческом кладбище под расколотым камнем — она, мол, топит нерадивых заснувших на посту пограничников в Амуре; про погибшего контра-

бандиста, который в пресловутые «лихие девяностые» грабил награбленное китайскими браконьерами прямо из их рыбацких станов на той стороне реки — в дерзкие ночные рейды ходил, и в конце концов враги его подстрелили прямо на воде. Родственники поставили ему у самого берега могильный памятник, так бойцы из «Союзного» за ним ухаживали, пока не узнали, что там лежит контрабандист. Ухаживают они, конечно, и за могилой известного героя Федько, который в августе 1945-го отсюда выходил на штурм пограничного поста Синдун, тогдашнего государства Маньчжоу-Го, все тут же, на той стороне Амура. Ну и, конечно, о браконьерах и задержаниях.

«Того лягушатника когда к нам доставили, он сразу признался — ловил, мол, лягушек. И с этой целью проник в Россию, о чем прекрасно знал, — продолжает, потихоньку избавляясь от застенчивости Чернов. — Поэтому удалось судить его здесь. Но вообще это очень редкий случай».

Действительно, откровенность редкая и, можно сказать, неожиданная. Собственно, главная проблема приграничных задержаний браконьеров в том и заключается, что доказать факт браконьерства в девяносто девяти случаях из ста невозможно. Тут сработает только сверхвнезапное задержание с поличным, да и то не всегда.

«Чья сеть?» — «Не знаю, не моя» — «Как сюда попал?» — «Сам не знаю, в тумане заблудился, потерял ориентировку». Или, к примеру: мне хозяин велел сети ставить, а сам я нездешний, меня привезли издалека, и я вообще не знал, что река пограничная.

На эти показания формально возразить нечего, и приходится ограничиваться кратким допросом на заставе, протоколом об административном правонарушении (собственно незаконном пересечении границы) и отправкой нарушителя в хабаровские или биробиджанские органы погранслужбы с последующей экстрадицией обратно в Китай. А дальше — все по новой...

Недавно произошел совсем курьезный случай, рассказывает тот самый лейтенант, который с нарядом задержал «трехметрового» китайца. Нашли как-то раз «секретку» — небольшую замаскированную палатку у самой воды, а в ней кроме сетей и снасти документы четырех человек. Из документов следовало, что все они вполне легально работали на российской стороне на разработках марганца. Здесь, в Октябрьском районе, довольно крупные месторождения этого металла и графита. Первый разрабатывают российские компании, второй — китайские, но наемные работники в обоих случаях — граждане КНР. Так вот, когда этих четверых поймали, они заявили, что не только не знали, что они в России, но и вообще смутно представляли себе, что это за страна. По крайней мере, так явствовало из их сбивчивых объяснений. Ложь очевидная, даже задокументированная, но опять-таки недоказуемая. Мало ли кто, что и когда себе «представлял». А результат все тот же: штраф и высылка.

Кстати, промышляли те четверо не только лягушек, но и рыбу. Средний Амур в наше время — далеко не то, что во времена первооткрывателей Хабаровова и Пояркова, и даже далеко не то, что современный Амур Нижний, куда мы вскоре отправимся в поисках большого рыбного изобилия. Но все же нередко здесь еще и таймень, и толстолоб, и сазан с близким родичем белым амуром, тезкой реки. Попадаются осетровые, в речках-притоках плещется достаточно ленка и хариуса. Тот же сазан на рынках провинции Хэйлунцзян уходит по 80 юаней за килограмм. 80 юаней — это на сегодняшний день чуть меньше 450 рублей. Средний вес среднеамурского сазана — килограммов 15. Достаточно

сосчитать чистую прибыль — и с полным резонансом отправляться искать браконьерские сети.

Нам приходится поспешить покинуть «Союзное» — уютный, ухоженный руками офицерских жен оазис пограничной службы, где между лесами и мощной рекой цветут клумбы ярких садовых цветов и к летнему вечеру слетается такое количество разноцветных бабочек, какое нечасто встретишь и в тропиках. К закату катера должны вернуться в Амурзет, а нам еще предстоит проверить сообщение от Михаила Воробьева, командира обстановочного катера «Кракс» — о тех самых китайских лодках, замеченных у российского берега.

Если вам приходилось когда-нибудь ходить на судах по крупным рекам, вы, наверное, замечали по берегам странные конструкции, похожие на гигантские треножники с огромной объемной трапецией на конце. Это и есть обстановочные знаки, устанавливаемые со специальных обстановочных судов. Служат они капитанам для того, чтобы не сбиваться с фарватера и вовремя смещаться по нему от одного берега к другому. Коротко говоря, если вертикальные черные полосы на двух щитах трапеции сливаются перед вашим взором из штурвальной рубки в одну — вы не сбились с курса. Ночью же ориентироваться надо на два огня на тех же светоотражающих щитах — точно по вертикали. Кроме того, на обстановочные знаки полагается вывешивать разные фигуры — ромбы, треугольники, шары. Их сочетание сообщает тому, кто владеет языком речных сигналов, о точной глубине в данном месте. В общем, сложная и необходимая для навигации наука.

На приграничном участке, где мы находимся, работают четыре «обстановочника» — они единственные из россиян, кроме береговой охраны и, разумеется, паромов, кто имеет право выходить на воду приграничной реки. Воробьев — самый старший и бывалый из них. Еще отец его занимался обстановочным делом, сам он вырос в этих местах, с пяти лет ходил по реке, видал на Амуре всякие времена, а сам поныне живет тем же жизненным циклом — зимой с командой из семерых человек изготавливает и чинит знаки дома в Екатерино-Никольском, потом от льда до льда ставит и обслуживает их: «Не хочется брюзжать, не люблю. Но что я могу еще сказать, если так и есть: рыба была, рыбы не стало. То есть — стало намного меньше. Пацаном я мог в любое время за секунду любую поднять — на выбор и без всяких современных хитростей. В тонну весом калуга попадалась — мы с берега каждый день смотрели, как она своим желтым брюхом плюхается и водовороты поднимает. Старики тогда говорили — в Амуре рыбу сетями не переловишь, разве что химия и техника задавят. Вот и задавили. Я уже лет десять не то что не рыбачу, я даже на камбузе воду для чая запретил брать из-за борта. Были случаи, люди травились. Течет река мертвая и никому не нужная».

— Ну, выходит, китайцам она еще нужна, раз браконьерят у нас, — подал голос я, подавленный этой беспросветно скорбной речью.

— Этим — да. Они считают, что это их река и чувствуют себя на ней хозяевами. Но тоже о будущем не пекутся — все норовят вытащить, до последнего толстолобика.

В эту самую минуту, словно желая проиллюстрировать правоту Воробьева во всей ее печальной наглядности, пограничники обнаружили наконец поплавок браконьерской сети. Она оказалась на удивление небольшой — метров на двадцать пять всего — и принесла на наш борт, как и указывал обстановочник, ровно одного толстолоба и ни единого больше. Невелик улов оказался бы на сей

раз для незваных гостей из Китая, а случайную рыбу хорошо было бы выпустить обратно в Амур, как здесь говорят — «гулять и жировать». Но поздно — жертва задыхнулась и признаков жизни уже не подавала.

По законным правилам в таких случаях весь улов — каким бы он ни был, хоть одна рыбешка, хоть тонна рыбы — следует уничтожить, хотя, положи руку на сердце, это не всегда можно признать разумным. Понятно, что в отсутствие каких-либо «оперативных» средств хранения и переработки рыбы с сотнями и тысячами конфискованных голов (или, как чаще говорят о водных обитателях, — хвостов) ничего иного не остается делать, но если, к примеру, найдена незаконно добытая икра в большом количестве — не лучше ли отправить ее куда-нибудь в детский дом или госпиталь? Впрочем, я отвлекся. А этот единственный толстолоб уж точно пусть лучше пойдет усталым матросам на шарабан. Так называется фирменное среднеамурское блюдо: крупная рыба, лучше всего сазан или толстолоб, запеченный на открытом огне костра в жестяном ящике (то есть, собственно, в «шарабане») с сакурой, зеленью, луком и разными приправами.

В смутной надежде на это роскошное угощение мы возвращаемся со своим скудным «конфискатом» на базу в Амурзет, невольно продолжая размышлять над только что услышанными невеселыми сведениями об Амуре. Увы, они — отнюдь не вымысел. Даже по строго официальным данным, после строительства плотин двух гигантов, Зейской и Бурейской ГЭС, в 1970-80-х годах стали умирать пойменные озера — главные места выводки амурских рыб. Площадь нерестилищ уменьшилась за 30 лет в 100 раз. И это не считая экологических катастроф, величайшей из которых стал печально известный выброс фенола в реку Сунгари с одного из китайских заводов в 2005 году. Стойкий запах бензоловых паров стоял над рекой после этого несколько лет, а пойманную рыбу, по единодушным воспоминаниям, нельзя было даже поднести к носу. Правда, Сунгари впадает в Амур ниже тех мест, где мы находимся, но и на Среднем Амуре периодически фиксируются нефтяные пятна и прочая отравы. Давно уже закрыты в этих местах все связанные с рыбным делом и промыслом учреждения — колхозы, перерабатывающие комбинаты, заводы и прочая, прочая. Огромная вода вокруг нас (у Амура 62 имени, чуть меньше, чем у Бога в Каббале) бурлит, натываясь на отмели и перевалы, струится водоворотами, живет, но в то же время этот огромный резервуар жизни так оскудел, что в это трудно поверить.

Трудно, но факт. Теперь отблески фантастического рыбного богатства, удивлявшего путешественников от русского первооткрывателя Амура письменного головы Василия Пояркова до Антона Павловича Чехова, лучше искать лишь далеко на северо-востоке, там, где, отвернув от Китая, великая река резко углубляется в Россию, обтекая сверху вулканическое поле Сихотэ-Алиня — море сопков, покрытых южного типа лиственной тайгой. (Не будь этого «моря», река была бы километров на 500 короче — ее путь до настоящих, Охотского или Японского морей, сократился бы раза в три). Только близ устья все еще работают комбинаты-гиганты, отбираются каждый день у родной стихии тысячи и сотни тысяч бьющихся в конвульсиях хвостов, браконьеры с азартом и умением преследуют все живое на богатой еще реке, охрана всех возможных ведомств преследует браконьеров — в общем, жизнь людей, убивающих, поедающих, продающих, похищающих и защищающих рыб бьет ключом во всех своих проявлениях.

### *Уважайте труд браконьера*

Шесть часов утра. На Нижнем Амуре уже светает, хотя пасмурно, и температура не превышает 15-16 градусов. Все же и летом Николаевский район — не то, что ЕАО, здесь, почти на тысячу километров севернее, — северА, как говорят дальневосточники. Берега мощнее, выше, скалистее; река шире — до двух километров напротив райцентра, а в порту на той стороне — и корабли масштабнее. Николаевский порт считается морским, сюда приходят корабли и с Сахалина, и из Владивостока, хотя «метеор» до Хабаровска недавно отменили из соображений безопасности. Теперь до Николаевска-на-Амуре, который в этот час сверкает на противоположном Северном берегу грязноватой белизной с «фирменным» знаком — двумя гигантскими трубами-близнецами ТЭЦ, можно добраться из Хабаровска только на самолете или той вот тысячекилометровой дорогой, которую мы только что преодолели. Глаза слипаются, гигантские белые мотыли, бьющиеся в лобовое стекло, кажутся хлопьями крупного снега.

Паром заходит в узкую искусственную бухту, обрамленную высокой сочной травой. Здесь его уже ждет целая автоармада потрепанных дорожных страдалцев — они выстроили у берега свои заляпанные грязью борта, словно финалисты ралли «Париж-Дакар». Впрочем, до наших условий далеко и Парижу, и Дакару. Здесь фуры, ржавые «шестерки» с якутскими номерами, неправдоподобно старый УАЗик с петербургскими (!!!) номерами, измученные автобусы компании «7 звезд» — главного рейсового извозчика хабаровского края, здесь внедорожники простых николаевцев — хирурга местной больницы, сотрудников невысокого звена городской администрации, ювелиров и просто браконьеров.

Все вроде бы спокойно и рутинно. Машины грузятся на длинную палубу: «Задом, задом, давай! Сначала фуры, потом люди. Сейчас чеки буду разносить, ребята». С легковушки взимается 850 рублей, с огромного грузовика — целых 9 тысяч. А выбора нет, Николаевск — это автотранспортный остров, дороги от него ведут только к рыбацким поселкам, строить мост дорого и нерентабельно, так что этот железный Харон — единственное средство добраться на колесах с большой земли и обратно. Моросит дождь, но кого он беспокоит? Идти по воде около часа, и усталые работяги сгрудились на корме курить и разговаривать. Здесь, на Нижнем Амуре, в сорока километрах от его впадения в Татарский пролив Охотского моря, все разговоры всегда и везде только о реке, рыбалке и рыбе. А сегодня к тому же особый день — официальный День рыбака и канун неофициального, который по столетней традиции празднуется во второе воскресенье июля. Но и этого мало: в этом году рыбацкий день, как ожидается, должен совпасть с точно уж главным событием года в этих местах. В Николаевске-на-Амуре оно безусловно ожидается с большим нетерпением и напряжением, чем начало цветения сакуры в неотдаленной Японии, или чем губернаторские выборы. Это — начало Большого Хода, летней путины красной рыбы, летняя путина потом с перерывами, но довольно плавно перейдет в более «жирную» осеннюю и закончится где-то в середине октября. Два основных идущих на нерест вида — кета и горбуша; горбуши летом меньше и она ценнее, кеты больше, но часть ее «червивая», то есть зараженная паразитами и непригодная к употреблению. Осенью численный состав немного выравнивается и ценность каждого отдельного экземпляра повышается. Такой более жирный лосось может идти на зимнюю засолку, летний — только на еду, копчение, ну и, конечно, на

промышленную заготовку. С лосося, как говорят амурцы, все начинается, им все и кончается. Речная экосистема держится на нем. Им питаются нерпа (точнее, это не нерпа, а дальневосточный тюлень — ларга, но на Амуре принято пользоваться этим словом), белый дельфин (белуха), им не брезгует гигантская калуга — осетровый речной «тигр», главное местное богатство и достопримечательность; на нем жируют медведи перед спячкой на многочисленных горных притоках, куда горбуша и кета заходят откладывать основную массу икры. Красная икра — конечно, главное и для браконьеров, и для рыбаков, и для промышленников (сотни, тысячи и миллионы на ней зарабатываются ежемесячно). Дороже ее — только икра черная, дороже и в денежном, и в юридическом смысле — ловля осетра и калуги вообще запрещена всем.

По мере приближения николаевского набережного променада становятся видны приготовления к празднику: возводится шатер над эстрадой, дымятся, шипя под дождем, шашлычные мангалы. «Хлеб и зрелища» почти готовы. И ажиотаж на корме нашего парома нарастает: «Говорю тебе: нормальная река, была, есть и будет» — «Ну, будешь проставляться на х.., б..!» — «Базара нет, я тебе отвечу, первый улов — твой!» Где-то по левому борту раздается звонок мобильного телефона, точнее, вместо звонка раздается темпераментная песня (автор, как мы впоследствии узнали, — бывалый местный браконьер Константин Судаков): «Лови калугу, и в дождь, и в вьюгу, но только не забывай про свою супругу, осетр в Охане значит деньги на кармане, а то еще девять месяцев пролежишь на диване». Под девятимесячным пребыванием на диване подразумевается зимний сезон, почти мертвый для лова — от ледостава до ледохода, а владелец мобильного телефона — местная знаменитость, гордость семьи, друзей и знакомых — Артем из поселка Чныррах, что километрах в сорока от Николаевска. «Молодец парень, Робин Гуд и только. Автосервис держит, детей обожает. А на его рыбу живут его семья, семья младшей сестры в Хабаровске, школа, детский садик и центр дошкольного творчества». Такую краткую характеристику даст ему Лариса Жакова, первая учительница Артема. И по собственным словам, живет он и работает ради четверых детей с экзотическими на европейский слух именами: Артур, Савелий, Марк и Дарина. Родовая преемственность, чувство землячества и хозяйское начало в трудных родных условиях таежного Амура, похоже, действительно составляют основу его характера. Они прямо-таки светятся на смуглом (один из предков был ссыльным цыганом) лице, когда он приветливо высовывает его из окна своего боевого праворульного «японца».

«Считается, что браконьерство — легкая нажива. Я вам скажу — нет. Браконьерство — тяжелый труд. Знаете, сколько по квоте сейчас можно выловить человеку за сезон? Ровно десять хвостов. По идее, на каждом участке должны стоять катера Рыбохраны и всех проверять: есть 10 рыбок — путевка изымается. На деле получается, как всегда у нас: воровство миллионами и воровством не считается, а за три лишних рыбки и сетку запросто могут закатать. Раньше был один орган, который имел право штрафовать за добычу, теперь их пять, а пять ртов никому не прокормить. Да что я буду про коррупцию рассказывать? Я вам так скажу: это в столицах правила поменялись, а в таких дальних углах, как наш, все осталось, как в девяностых, — каждый каждому и сын, и сват, и рэкет, и крыша, и полицейский, и бандит. Не говоря о том, что должностное лицо в фуражке должностное, а снял фуражку — и сам тот же браконьер. А я бы вот как делал: если проверили у ловца документы и увидели,

что он местный, — отпустите, пусть ловит, ибо, посудите, нас страна здесь бросила, так как на такой реке жить и не ловить рыбу, если она ловится? Жизнь в районе остановится, если все уедут и ключей с собой не возьмут».

С правовой точки зрения, дело с рыбным ловом на Нижнем Амуре обстоит так: каждый год речные воды заново разделяются специальной административной комиссией на участки. Прямо в районе Николаевска лежит постоянный участок так называемого спортивно-любительского рыболовства. Именно там любое частное лицо, купив путевку в организации под названием Амуррыбвод, может получить право на вылов: удочкой — тех самых 10 хвостов, о которых говорил Артем; сетью — по видам рыбы: за килограмм карася взимается 20 рублей, тайменя — 500, осенней кеты — 80, летней — 60 и т.д. Нормы вылова сетью при этом устанавливает сам Амуррыбвод (общекраевые отсутствуют) — скажем, 10 кг за три дня. Таким образом, сеть должна стоять не дольше этих трех дней, но в последнее время разрешено использовать кроме обычных ставных еще и «особо опасные» для лосося плавные сети. На них это ограничение отсутствует. Раньше правила этого рода устанавливала Рыбохрана, та же самая организация, которая и ловила нарушителей. Соответственно и писали их рыбинспекторы «под себя», для своего удобства. Например, «запрещается нахождение с сетями вблизи вод без разрешения на вылов». То есть, чтобы не утруждаться и не тратить топливо на рысканье взад и вперед по Амуру в поисках браконьерских неводов, уполномоченные товарищи позволяли себе «блокировать» потенциальных нарушителей чуть дальше хозяйского сарая. Теперь в пресловутых комиссиях заседают в основном рыбопромышленники и «их люди». А у них уже совсем другие интересы и задачи. А именно, что касается индустриального промысла: опять-таки ежегодно администрацией Николаевского района проводится тендер для юридических лиц с переработочной станцией на берегу. Таких «лиц» в окрестностях за последние десятилетия набралось семь. Один из главных гигантов ООО «Восточный Рыбокомбинат», в основателях которого числятся нынешний начальник отдела Охраны природы Николаевской районной администрации Александр Бронников, которого мы еще посетим. «Лауреатам» тендера достаются первичные квоты — скажем, тысяча тонн лосося, с которой сразу, вперед, взимается налог. Но первичными квотами дело не ограничивается — до начала и во время лова комбинаты добирают где по 300 тонн, где по 500. Откуда добирают? И друг у друга по-дружески, и, к примеру, у коренных малочисленных народов Севера — нанайцев и нивхов. (На Амуре те и другие традиционно известны под общим названием гиляки, которое еще с царских времен считается несколько презрительным и официально не употребляется.) У тех по закону особые квоты — по 50 кг любой рыбы на рыбака. Те жалуются — мало, дали бы хоть 100, пополам: на летнюю горбушу и на осеннюю кету, да еще немножко на подледную добычу корюшки в марте — еще бы килограммов сто. Кроме того, можно зарегистрировать территориально-соседскую или родовую общину, российские законы дают коренным народам такую возможность. Организовываешь артель — теоретически предполагается, что она состоит из родственников, но принимают и пришлых людей, часто даже русских, — выбирают себе национальное название, например, «Котор» (медведь), получают участок на Амуре и промышленляют там легально до 15 тонн. Однако, поскольку перерабатывающих мощностей у нивхов нет, да и заготовительные ограничены, поскольку лодки надо постоянно чинить, топливо по высочайшим северным ценам закупать и вдобавок платить все страховые и налоговые взносы, многие руководители

общин, махнув рукой, уступают квоты «гигантам». Даже общинникам своим говорят: «Идите на комбинат, там больше заработаете и легче».

При всем при этом, как мы помним, белорыбицу, то есть осетровых, добывать запрещено вообще, только некий мизер в научных целях и на икру для рыбоводных заводов. А теперь посмотрим, как дела обстоят в реальности.

Наутро, как и было предсказано, рыба пошла, и весь берег от самого села Нижнее Пронге на лимане по цепочке хода до Чнырраха и Красного пришел в интенсивное движение, одновременно деловое и праздничное. Открываются прибрежные ангары и сараи, выдвигаются из них весельные лодки и моторные катера — пора браться за дело и не расслабляться, ибо оно, это дело — жестко ограничено во времени и ждать не будет. Периодически слышатся мобильные переговоры: «Как у тебя с сетями?.. Уже идет?.. Проверь, на Тнейвахе есть, значит, у тебя скоро будет. На комбинате цеха уже заработали...» Разжигаются у кромки воды костры для первой ритуальной ухи, а мимо снуют мотоциклы и японские джипы. «Как лов? Ну, доброго!» Сегодня — День рыбака, и по традиции даже «лютые», как здесь говорят, полицейские не лютуют.

В такой обстановке даже появление «европейских» гостей с фотокамерой и блокнотом — дело в прибрежных рыбацких селах не самое обычное — не привлекает особого внимания, всем некогда. Впрочем, и нам достанется место на этом празднике жизни, а именно на участке нашего давешнего знакомого. Здесь все выглядит добротно и богато — парк автомобилей с «фирменными», застолбленными хозяином цифрами «101» на номере, срубленная собственноручно и по собственному «проекту» баня, усадьба, где, не показываясь чужакам, как орлица над орленком, хлопочет над новорожденной — меньше месяца — дочкой супруга хозяина. И, естественно, собственный выход к реке с собственным же парком плавсредств.

«Артур! — Артем кличет старшего, 17-летнего сына-одинадцатиклассника, парня в профессорских очках с рукопожатием стальным, как у Шварценегера. — Сети будем смотреть. Одну снимать надо, ставили еще по весне, когда водорослей не было — сейчас уже прямо на «кустах» стоит. Вторую просто проверь. Спустишь «Прогресс», вот еще возьмешь с собой Марка, Фаддея и корреспондентов. ХотИшь?»

«Прогресс-4» — это небольшая мотолодка аккурат на пятерых пассажиров, ее легко вести на веслах, не привлекая к себе особого внимания. Марк — младший сын Артема, бойкий семилетка, обаятельно выговаривающий «р» как «у». Фаддей — товарищ Артура, парень из дальнего поселка Власьево, полурусский-полунивх. Здешний хозяин часто дает пристанище и работу сиротам и ребятам из бедных семей — плату они получают натурой, то есть рыбой, которую потом продают в Николаевске на базаре, рублей по 100 за хвост. Корреспонденты — это мы с фотографом.

ХотИт (таково местное диалектальное произношение этого глагола) Артур или не хотИт такого задания и такой компании, неизвестно — но отцам в этих местах возражать не принято. Он просто молча разворачивается и помогает всем, от мала до велика, взобраться с песчаной гряды близ студеного канала на борт. Раньше тут разливались топкие болота, но дружная семья отвела воду такими вот каналами — получилась вполне годная ровная пристань. И — вперед, широкими молодцеватыми гребками.

Солнце поднимается все выше со стороны лимана и начинает красить нежным цветом живописные окрестности — Чныррахскую сопку, где, если

присмотреться, просвечивают серым бетоном укрепления, выстроенные еще к Русско-Японской войне; высокий Оремифский мыс на противоположной стороне Амура, где напротив, на большой глубине, метров 65, затонул несколько лет назад большой катер и возникают теперь опасные водовороты. Прибрежные бухты уже заполнились листьями кувшинок — скоро берега зацветут. Ветер дует, говоря по-местному, «от морЕй», но мягкий, теплый и без порывов. «Ну как, нравится? — потихоньку оживляется наш гребец, время от времени отрывая от весел пальцы, все в глубоких ранках от рыболовных крючков и прочих снастей. Такие руки — верный признак нижеамурца — их «носят» и его отец, и Фаддей, и каждый второй встречный в Николаевском районе. — Да, у нас богато. Я-то привык... Вообще-то, не хочу задерживаться, после школы — постараюсь быть поближе к компьютерам. В политехнический институт поступлю в Хабаровске или хотя бы в судостроительный техникум в Николаевске по специальности «средства связи». Но я исключение; у нас-то людям больше интересен Амур. Рыбы много, и она бесплатная! Можно ни в чем себе не отказывать».

«А что, не становится меньше живности? Не боится народ, что однажды рыба просто закончится?»

«Не-ет, я бы не сказал. Меньше не становится. Мельчает только — это да. А в чем-то даже и улучшается ситуация — после катастрофы с фенолом вот вода делается все чище. Впервые за пять лет вернулась минога, а я в этом году даже рака поймал — рак лучший показатель чистоты...»

Про знаменитую катастрофу с выбросом фенола, произошедшую то ли по вине китайских предприятий на Сунгари, то ли, как считают некоторые специалисты, по вине предприятий отечественных, хабаровских, не желавших тратиться на хранение отработанной «дегазирующей жидкости №2», мы уже упоминали. После нее, по общим отзывам, к реке действительно страшно было приблизиться, ее биоресурсам был нанесен страшный удар, купаться строго воспрещалось (этот запрет тоже недавно снят, и мальчишки, в том числе артемовский Марк, с удовольствием барахтаются в прохладных водах), а рыба пахла всеми ароматами, какие только способна производить таблица Менделеева. По данным химлаборатории при Николаевском экологическом центре (сейчас он, увы, закрыт), концентрация отравы составляла в середине 2000-х до 140 ПДК — предельно допустимых концентраций. Но река, видимо, на то и река — все смывает в конце концов.

Тем временем нам пришла пора заняться семейными сетями: линия первой из них замаячила стальной змейкой на глубине вытянутой руки по правому борту. «Тяжеловато будет — мы вместо грузОв кирпичи используем!» — предупреждает усталый Артур — вчера ночью он, между прочим, был на разведке у самого Сахалина и чуть не замерз. Но ему удастся с привычной оперативностью, хватаясь за балберы — белые поплавки, к которым крепится сеть на поверхности, вытащить ее и проверить. Улов пока умеренный: попало несколько десятков гонцов — самцов кеты с характерными круто загнутыми горбатыми носами, рыбы кишки — отходы «Восточного» комбината, крохотный, с мужскую голень длиной, калуженок... «А-а, тухляк!» — с первого взгляда определяет Артур и со смачным плеском выкидывает этот тухляк за борт. У пойманных неводом рыбин красноватые жабры — признак свежести, если же они успели хоть чуть побелеть, надо выбрасывать, такая добыча годится разве что медведям.

Вторая сеть — огромная, килограммов на 150, тащим уже все по очереди,

меня друг друга, и должен сказать, что пять минут этого занятия доводят непривычного человека до ломоты в спине. Но здесь и результат весомей, и мы сваливаем его на дно лодки поверх специально прихваченного баннера с какой-то рекламой под восторженный визг маленького Марка: «Ого! Сли-ишко много ыбы! Атуик! Смотри! Мамка еще живая!» Пузо «мамки» — летней кеты, как и положено, полно икры, и ловец может поздравить себя с почином.

«Красную-то икру мы только на себя работаем. Хорошо уходит за две тысячи восемьсот рублей килограмм. Черная, конечно, другое дело — выгоднее. Килограмм тянет на десять-пятнадцать тысяч. Но для нее для самой деньги требуются, каких у нас нет — на оборудование и технологию. Нужны переработка и сбыт — а значит, спонсоры».

«И есть такие?» — поинтересовался я.

«Есть немного. Я вот в том году на руки в день получал тысяч пятнадцать-двадцать, а хозяин мой — все четыреста пятьдесят...»

Артур явно не хочет углубляться в тему, к тому же пора и честь знать — возвращаться. «Вон та сетка, — он указывает рукой в сторону открытой воды, где на поверхности отчетливо белеют буйки балберов, — меня просто убивает. Отовсюду ее видно! Но нет времени: не напороться бы на Рыбохрану. Особенно надо бояться за берег».

«То есть, как это — за берег?»

«А врезаются инспекторские «Амуры» наскоро между тобой и берегом — хорошо если успеешь до задержания сеть скинуть. А не успеешь — все, протокол и штраф. С физического лица — до пяти тысяч. А если злые, могут и транспортное средство арестовать. Это уже другие деньги — «Прогрессы» по двести тысяч стоят. Я, правда, молодец — эту лодку нашел за сто...»

У самой пристани нас ждет еще один браконьерский «аттракцион». Легким движением весла зацепляется невидимая под водой бечева, а на ней, как гигантские колбасы в мясном ряду, нанизаны — калуги! У человека непосвященного создается впечатление чуда — вот это улов! Конечно, тут нет экземпляров по 400-500 килограммов, какие хоть раз попадались любому серьезному рыбаку на Нижнем Амуре: чтоб сесть, как на коня: голова выступает за носом лодки, а хвост висит за кормой. И тем более таких, какие фигурируют в местных мифах и легендах: по тонне с половиной, чтоб прорывал, как торпеда, любую сеть, а человек в полный рост помещался у нее в открытой пасти. Но в средний человеческий рост осетровые красавцы вылавливаются из реки на глазах у изумленной публики. Однако это не улов, а результат нескольких уловов. В отличие от лосося, гибнущего в сетях за два-три часа, калуга способна уже пойманной прожить на подводной привязи с неделю. Привязь эта называется кукан — ее Артур и достает к нашей ухе, для которой все уже готово.

В шайке без дна уже разгорается огонь из поленьев, лихо наколотых Артемом. Подтягиваются к берегу соседи: сестры жены, мужья этих сестер, двоюродные братья, прочие молодые и старые родственники и знакомые — угоститься здесь, позвать к себе на шарабан или шашлык из осетрины. Белоголовые орланы — птицы, представленные на гербе не только США, но и Николаевска-на-Амуре, — постепенно рассаживаются на окружающих высоких точках: вершинах одиноких деревьев, скалистых выступах, столбах.

«Глядите, как готовится настоящая амурская уха, — с элегантностью ведущего кулинарной передачи приглашает Артем. — Во-первых, все делается на месте, кроме чистки картошки. Во-вторых, из красной и белой рыбы сразу.

Только со свежим зеленым луком со своего огорода — никакого покупного, репчатого. Главное: для разделки рыбы применяются только ножи медицинской стали, гибкой и сверхпрочной одновременно. Я специально покупаю в Хабаровске. В-третьих, наливаются две рюмки любого спиртного напитка. Итак, начали. Марк, беги до тети Кати за ложкой! Артур, принеси ножик и рыбу! Голову не выкидывай — в бульон ее бросим. А я займусь водкой».

Водкой Артем «занимается» отнюдь не в традиционном смысле слова. Действия его на первый взгляд загадочны: одну рюмку он опрокидывает в ведро, уже окутанное густым березовым дымом от огня, над которым оно подвешено («Кто стряпает уху — сперва всегда плачет!»). Вторую отправляет кого-то из младших гостей вылить в Амур. На самом деле ничего странного нет — это доля царя Поди, в которого браконьеры веруют хоть и с иронической усмешкой, но крепко. Он у всех на устах: случилось кому утонуть — не такое уж редкое в их профессии дело — это Подя забрал. Хорошая рыбалка — Подя молодец, надо рукой его по воде из лодки погладить. Не попадаетея ни малька — «Подя в Таиланд на курорт уехал!» Ну, а на День рыбака, в начале хода лосося — сам бог велел плеснуть своему речному «коллеге» со словами: «Кя, Подя!» (выпей, мол, Подя). Откуда взялось это имя, никто уже не помнит, но сам могущественный персонаж прямо списан с нивхского Му-ен-дари, в честь которого поныне туземцы-артельщики весной и осенью устраивают древний обряд Кормления воды — в том же ближайшем к Николаевску селе Иннокентьевка. Несут к Амуру традиционные блюда — юколу («мА» по-местному), студень из отвара рыбьей кожи, всякие коренья и ягоды. И просят у Хозяина воды здоровья и еды себе, своим семьям и детям.

Обед наш готов, и за импровизированным столом из досок продолжает течь общая рыбацкая беседа. Процентом 90 населения района так или иначе связаны с ловом, и чаще всего — незаконным. Чего иного можно ожидать, если стандартная зарплата здесь — 15-20 тысяч рублей, а пятьюстами килограммами рыбы и пятнадцатью днями, проведенными на воде, можно прилично обеспечить себя на весь год?

Отношения с проверяющими? Денежные, какие же еще? Обо всем можно договориться. Случается и нечестная игра — обещает человек в погонах лояльность за тарелкой ухи с рюмкой, а потом встретишь его на реке — «Представляться, мол, не надо? Тогда сеть ко мне борт, и сами перелезайте!» А иногда бывает, что и «нахлобучат» по-черному, забеспределят — отметелят по почкам, а потом разбираются — может, ты и не браконьер вовсе, а собрался на тот берег по грибы, по ягоды... Ну, так случаются и в их рядах неожиданные потери: в прошлом году три «мента» потонули, в этом — один. Впрочем, это все слухи!

Ущерб от браконьерства, страх, что рыбные богатства вконец оскудеют? Бог с вами, настоящие потери разве от нас? Сходите вниз до устья, посмотрите — оно от края и до края перегорожено комбинатскими заездками, пройдите у впадения любой горной речки — у каждой заездка. Промышленники никаких ни правил, ни здравого смысла не соблюдают — только ловят, и ловят, и ловят, чтобы нагнать объем!

А у простого человека на Нижнем Амуре правда одна, и формулирует ее Артем с прямоотой философа: «У каждого человека в России — своя доля. У одних, скажем, лес. Или золото. У Путина с Медведевым — нефть и газ. А у меня рыба».

Так заканчивается в Николаевском районе Хабаровского края великий всенародный праздник — День рыбака. А путина и большая работа всех людей, предприятий, служб и органов, с нею связанная, только начинается.

Ловля с так называемых заездок довольно лицемерно считается самым гуманным методом лова. Сама идея (но не ее современные масштабы, конечно) заимствована у коренного населения — нанайцев и нивхов, а теми, как считается, — у древних японцев.

Видите ли, в сплавных сетях красная рыба медленно задыхается и умирает от удушья, а на заездках она не успевает опомниться, как уже оказывается не то что на поверхности, но в брикете, на пути к потребителю. (Полный цикл от вылова до свежей заморозки длится не более 4-5 часов — и полуфабрикат готов к отправке в Москву, Петербург, на Урал и в Китай — основные направления сбыта Чныррахского рыбокомбината). Подозреваю, что рыбе все равно. Не все равно природе — заездочный способ добычи отнимает у нее в десятки раз больше особей, чем любой другой.

Откуда-нибудь с возвышения, с близлежащих сопок они кажутся гигантскими речными драконами в несколько раз больше Лохнесского чудовища, которые притаились в воде головой к фарватеру, хвостом к берегу. С воды издаലെка — Мальдивским отелем-дворцом прямо посреди открытых вод. Наличная реальность гораздо прозаичнее, хотя впечатляет сильнее бесперебойностью и неотвратимостью работы своего механизма для моментального превращения живого в мертвое. Каждый заездок за одну ночь собирается каждый год после ледохода — стоит это мероприятие два миллиона рублей, но прибыль куда больше. От берега, как правило, прямо перед устьем нерестовой речки, вытягивается загородка из близко-близко поставленных деревянных жердей — прореха между ними не больше пяти сантиметров, на другом конце частокола — как бы мини-городок на сваях. Поверх свай под прямым углом к жердям выложен бревенчатый или металлический настил. На нем с одного края временное жилье рыбаков-рабочих, с другой — основное рыболовецкое приспособление, прямо в полу сооружения проделаны большие колодцы, в них опущены мелкочаеистые сети на глубину максимум восемь метров — на манер гамака. Нерестовый лосось идет высоко по самой поверхности, а мелкая ячея позволяет не пропустить ни карлика. Рыбий косяк идет к устью горного притока на размножение, у самого поворота упирается в частокол, преодолеть который не в силах, вынужден отвернуть в сторону открытого Амура и в полном составе попадает в паучью систему заездки. Дальше в прямом смысле — дело техники, сети, как бы переливающиеся друг в друга, поднимают станками с лебедкой при помощи круглосуточно работающего дизеля (он же ночами подает электричество к фонарям). На протяжении каждого отдельного хода, от трех до семи дней подряд, рыба поступает бесперебойно, как вода из крана. Каждый час тягачи подгоняют к заездке комбинатские баржи с огромными прямоугольными жестяными контейнерами на палубе. Двое рабочих с заездки специальной палкой подтягивают туда на тросе гигантские сачки, получающиеся после подъема сетей из воды, третий крючком поддевает сачок снизу, чтобы он раскрылся над контейнером. Матросы на барже тут же засыпают живое еще месиво льдом (рыбе летом достаточно пробыть на воздухе несколько часов и она тухнет — ни один заказчик не возьмет) и отчаливают к цехам в Иннокентьевке и Чныррахе.

Ясно, что косяк при такой технологии выбирается до горбыля и мельчай-

шей кеты. Здесь, как при подвиге героев-панфиловцев, в живых не остается никого, если под героями подразумевать рыб. По неофициальным комментариям ихтиологов из Николаевска и Хабаровска, около половины малых нерестовых рек и ручьев уже текут пустыми: Коль, Большая Исса... Оттого по осени даже бесятся с голодухи медведи, то тут, то там съедают до костей туристов и многоопытных нанайских бабок, собравшихся за грибами.

Ход кончается так же внезапно, как начался, рыбаки, не покидая заездки, отсыпаются на нарах в своих временках с наглухо запененными щелями — штормы на Нижнем Амуре случаются неслабые. Затем следующий ход, за ним еще — и так до самого октября. Месяца по три. Эти переднего края бойцы с рыбой, словно чайки, не сходят со своей жердочки посреди реки, не видя ни твердой земли, ни детей, ни женщин, ни развлечений. Пьют воду прямо из Амура, сухой паек подвозят им на баржах. Есть лосося уже никто не в состоянии. Месяца три остаются они при тяжелой физической работе на свежем воздухе — в отличие от цехов, удушающий запах здесь почти не чувствуется, рыба ведь на заездке не задерживается. Нелегкое существование, и ведут его, как правило, люди непростой судьбы — бывшие заключенные, полубесправные «националы» (еще одно прозвище коренных народов), вчерашние детдомовские сироты. На цеховой работе в комбинатах контингент «повыше рангом» — туда нанимаются даже студенты вполне престижных дальневосточных вузов. Зато на заездке и заработок солиднее — за сезон такой маяты в среднем на руки получают тысяч 400, гигантские для Нижнего Амура деньги. Если будете в Николаевске, попробуйте осенью зайти пообедать или поужинать в самое «шикарное» местное кафе «Маэстро» возле порта, и вы увидите, в каком чаду и дыму эти деньги растворяются. Не всякому уютно будет даже просто скромно поесть в таком соседстве.

«Начальники — бригадиры заездочников, капитаны барж, руководители цехов — те могут и в два, и в три раза больше зашибить на путине. Они и живут на более широкую ногу, и развлекаются изощреннее», — говорят местные.

Баржу «Север» между Тнейвахской заездкой и Чныррахом толкает, к примеру, капитан Николай, у которого две полноценные семьи — в Николаевске и Хабаровске. В Николаевске — летняя, в Хабаровске — зимняя: а как иначе? Мне же в сезон никак нельзя отсюда, а в холода никак нельзя сюда. Что же теперь, не жить, что ли, если такая работа?»

С другой стороны, прибыльная эта служба и опасна, и трудна, особенно для рядовых. Ведь заездки бывают не только промышленные комбинатские, где за раз живет много народу и каждый зарегистрирован на производстве, но и частные, сугубо браконьерские, а иногда беспредельно-криминальные. Известен случай, когда некий приезжий ветеран Чеченской войны взял в плен около пятнадцати нивхов. Просто ворвался с командой в отдаленную артель и увел под дулами карабинов «Сайга». Их искали и полпутины не могли найти. Несчастным помогла только хитрость по образцу мальчика-с-пальчика — по дороге в неволю через лес они оставляли тут и там пирамидки белых грибов, которыми «рабовладелец» разрешал питаться в пути. По пирамидкам соплеменники вместе с полицией и вышли на берег у места тайной заездки — там невольники бесплатно и трудились.

«Ну что, как рыбалка? Даете стране угля? Ладно, тогда удачи. Мне корреспондентов надо отвезти на Чныррах, потом один катер будет при вас». Виктор Тимошенков — шеф Рыбохраны — одной рукой поводит в воздухе

жестом олимпийского Миши в направлении заездки, другой, насадив на нос темные очки, дает водителю отмашку.

Легкий подвижный катер «Амур» с надписью «Рыбоохрана» на борту лихо разворачивается и на скорости берет курс против течения в сторону города. Солнце, брызги и полные ноздри холодного воздуха, сосет под ложечкой — вот весь комплекс ощущений пассажира во время такого движения. «Хотите спасилет и окуляры?.. Ну, воля ваша. А рыбинспектор обязательно должен быть в черных очках, это как при сварке — иначе сетчатку сожжет. Тем более у меня в штате осталось всего четыре человека — круглые сутки на воде». При такой нехватке кадров особенно в пик большого лова стражам рыбного закона действительно не до отдыха — еле успевают оборачиваться. Десять протоколов о нарушении в день — считается мало (притом, что одновременно на Амуре в пределах досягаемости от Николаевска бывает приблизительно сто судов, из них тридцать-сорок комбинатских, «неприкосновенных»). Общий штрафной сбор тысяч под сто в сутки — тоже не сенсация: при нормах от двух до пяти тысяч за нарушение с физического лица и двадцать — двадцать пять с юридического. Но и километров сто от рассвета до заката «Амуры» отмеривают. «Как это делается — показываю на практике», — обещает сурово-добродушный, остриженный по местной моде бобриком Тимошенков. Через пару минут мы почти врезаемся в борт двум несколько испуганным мужичкам в огромных резиновых сапожищах и с парой горбуш на дне лодки. «Разрешение мне в руку — и мы отрулим. От фирмы работаете? Удачной рыбалки!» Маневр повторяется, тонкая бумажка в полиэтиленовом пакете вновь оказывается в наличии у застигнутых врасплох владельцев. «Везет» нам, как в сказке, только на третий раз, у самого южного берега, в черте села Константиновка. Скоростные возможности преследуемого объекта явно уступают нашим, и высадиться он не поспевает. Сплавная сеть, скомканная на носу его плавсредства, совершенно пуста, но хозяева все же проявляют странное замешательство и агрессию. Крепкий мужчина лет сорока орет благим матом, заглушая свист ветра: «е..., браконьеров нашли! Камеры свои убирайте! Хватит зыркать!!!» Полная женщина приятной наружности вполголоса причитает и ладонью отворачивает от нас лицо парня лет десяти: «Сынок, не смотри, не двигайся и не разговаривай, сейчас все кончится». Кончилось все действительно очень быстро и на удивление мирно. Гнев нарушителей, которые и нарушить собственно ничего не успели, быстро угас, и Тимошенков обошелся без протокола, воспитательными речами. В конце концов, ничего ведь не поймано, и семья на весельной лодочке совсем не похожа на браконьерскую. Мать семейства оказалась даже депутатом сельского собрания. А ловить слегка, для домашнего использования (такой лов называется спортивно-любительским, но на самом деле он потребительский), ведь и не запрещено. Только вот почему не купить разрешение, если оно стоит всего 700 рублей? Так жителю Константиновки за ним через Амур в Николаевск идти надо — сначала заявку подавать, потом еще раз — документ получать, так все горячее время и упустишь.

«В общем, предлагаю считать, что в данном случае мы имеем дело с невинными жертвами бюрократии. Рыбинспектор должен быть психологом! Закон есть закон, но чуткого отношения к людям никто не отменял. Да и для здоровья это полезнее, целее будешь, — философски высказался Виктор Тимошенков уже на подходе к узкой внутренней бухте ООО «Восточный рыбокомбинат». — Ну, вам, кажется, сюда. Носовой платок не забудьте».

Частный лов рыбы на Амуре впервые с царских времен был разрешен в 1986

году. Раньше заездками в индустриальных масштабах промыслили только профильные колхозы — они сдавали всю продукцию одному, единственному на Нижнем Амуре ведущему комбинату. Так продолжалось полвека с 1930-х, а что касается браконьеров-единоличников, то их тогда не то чтобы не было, но добывали они по современным понятиям мизерно: десять-двадцать килограммов икры — и заезжему браконьеру хватало. В общем, дело сводилось к такому эпизодическому уголовному туризму ради щекотки нервов в той же мере, в какой и ради улова.

Местные жители, по общим воспоминаниям, о таком и не помышляли — всем хватало работы от Советского государства (пик населенности Николаевского района пришелся на 1960–80-е годы — свыше 80 000 человек, сейчас — всего 27 000) — многим в том же тресте и колхозах. После чехарды и неразберихи девяностых — с их правилами, законами, формами и безопасностью лова, на рубеже 2000-х промышленность стала кое-как заново организовываться на новых частных рельсах. Вот и в Чныррахе компаньоны Бронников и Поздняков выкупили прибрежный участок земли, а что самое главное — новую технологию переработки. Старую засолку в бочкотаре, при которой рыбу приходилось выдерживать 22 дня до полного просола перед тем как отправлять заказчикам, заменили новой, глубокой заморозкой, как в Японии и во всем мире. Теперь процесс занимает 3–4 часа, и клиенты сами приезжают выбирать товар, производимый у них на глазах. Можно заказать себе брикеты с головами, без голов, потрошенные, непотрошенные — что угодно для души. Платите — и спокойно езжайте домой. Выбранная партия отправится вслед за вами. Дело спорится и растет, открыт филиал в Иннокентьевке, скоро они появятся и «на морях» — в Охотском районе Хабаровского края. В постоянном штате ООО «Восточный» держат человек сто — администрацию, слесарей, операторов холодильников, водителей, а в горячую путину нанимают еще до семисот со всех просторов СНГ от Белоруссии до Сахалина. Оклады выше средних краевых — в районе тысячи долларов. Можно получить и больше, грузчику, например: перетаскал контейнеров сверх нормы — пройди в кассу. Только не сразу, а после путины — чтоб с аванса никто не запил.

Огромное количество кошек и собак, снующих по территории предприятия, никто не нанимает и даже никто специально не кормит — просто 0,05 % лососевого брака — если, скажем, нерпа покусала или глаза выела, клиент такую рыбу не возьмет — хватит на прокорм не одной стаи.

«Что и говорить, тяжело входить и выходить из процесса. Люди выматываются», — рассказывает директор комбината Валентин Потапов, прохаживаясь между лужицами, коричневыми от рыбьей крови, под большим флагом партии «Единая Россия». «Главное, никогда не угадаешь, когда пуск и когда остановка. Особенность нашего производства в том, что его нельзя остановить. Если лосось простоит три-четыре часа на солнце, это будут сотни тонн тошнотворной вони, брака и убытка. А ход то есть, то его сразу нет. Операторы круглые месяцы на низком старте. Поспать толком не ляжешь». Звонит телефон: «Артемий! Рыба идет? Прощла информация: по Сахалину наступает снижение — стадо проскакивает. У тебя есть еще два-три дня!»

Нынче старт уже вторые сутки, как дан. Баржи подходят к причалу бесперебойно, цеха дымятся от усилий работников, словно в фильме Чарли Чаплина «Новые времена». Жестяные контейнеры один за другим закатывают грузчики в так называемый бункер. Оттуда их с адским грохотом опрокидывают

через отверстие в соседний цех ручной разделки на лотках. Девушки с бледными от густого амбре лицами вспарывают, потрошат, перебрасывают икру, если она есть, в соседний вакуумный цех с постоянной температурой, рубят головы и хвосты. Выражения их лиц так похожи, что у некоторых на фартуках выведены собственные имена: Варченко Катя, Зинаида, Мария — уж не для того ли, чтобы не перепутать одну с другой? В соседнем помещении все то же самое проделывает гордость хозяев — японский агрегат: икру направо, лосося налево. Появился он совсем недавно. По словам Потапова, «маленько не рассчитали» — в комнате он поместился не весь. Ну, ничего, работяги подогнали. Дальше все просто: по движущемуся конвейеру — к холодильникам; на пару часов в температуру  $-32^{\circ}\text{C}$ ; оттуда вынимаются уже брикеты, фасуются по бумажным пакетам — и в дальний путь по всем просторам Евразии.

Ну, а мне на этом месте перестает помогать даже носовой платок, прижатый к носу по совету Виктора Тимошенкова. Вероятно, это дело привычки, но в первый раз от входа до обморока внутри рыбокомбината проходит не более получаса. Но и после выхода еще долго рыба преследует тебя повсюду. Запах и вид рыбы, рыба, замороженная в брикетах, свежая рыба подо льдом, рыба чешуя и рыбы молоки, страшные, застывшие рыбы глаза...

«А в будущем году мы еще в два раза увеличим производство. Как минимум!» — чеканит Валентин Потапов. «Но как же это? Ведь ресурсов в два раза больше не станет. Поглядите в окно, так вы совсем Амур измучаете, скоро ему нечего будет вам дать, разве не так?» — одурманенный рыбным ароматом, эмоционально выступаю я. «Как вам сказать? В Японии и Китае еще на порядок больше вылавливают, разница только в том, что у них развита аквакультура — рыбоводные заводы понастроены на каждом пяточке. А без них — да. Не исключено тотальное исчезновение, но пока его признаки не ощущаются, никто не хочет вкладывать в воспроизводство. В Николаевске за государственный счет уже три года строится рыбоводное предприятие. Вы его видели? Торчит остов первого этажа, прогорело и исчезло уже два подрядчика. Как администрация отчитывается перед губернатором, я ума не приложу. Одно слово — казенные средства. А капиталист российский, он, пока гром не грянет, ни за что не перекрестится. Вот когда рыба кончится и браконьер добьет последние остатки нереста, тогда, наверное, они возьмут в собственность горные речки и начнут там рыбку разводить по новой».

Это порочный круг, в котором каждый элемент связан с каждым круговой порукой экономической и психологической необходимости.

Амур настолько богатая река, что даже сто тысяч браконьеров-частников ей — как слону дробина. Запретить рыбачить надо рыбокомбинатам, они перегораживают устья, они не пропускают мимо себя ни икринки жизни, они несут реке смерть. Не станет их — все наладится, и калуги по полторы тонны вернутся, и природа воспрянет. Так говорят браконьеры.

Частники-браконьеры вылавливают лосося в верховьях речек, брюха вспарывают, икру уносят, а тонны и десятки тонн убитых рыб бросают, гниль убивает целые гектары тайги, и косяки обессиливают. Не было бы браконьеров — даже пятьдесят комбинатов не уничтожили бы проходную кету и горбушу: ведь из десятка самок народилось бы целое стадо. Так полагают промышленники.

Наше дело следить за тем, чтобы все творилось по закону. А разумны ли законы, как часто они меняются, защищают ли Амур реально или только на

бумаге, — об этом нас не спрашивают, и следить за этим мы не в состоянии, — резонно утверждают полицейские, рыбохранники и проверяющие всех мастей.

Позиция ихтиологов, экологов, специалистов Амуррыбвода эмоционально формулируется как «чума на оба ваши дома». Говорит Валентин Козловский, океанолог, полковник в отставке, в недавнем прошлом начальник отдела охраны природы районной администрации (не сработался с новым главой района и был отправлен на пенсию): «Если бы каким-нибудь чудесным небесным промыслом завтра с Амура исчезли люди, реке понадобилось бы лет пятнадцать, только чтобы восстановить нормальный баланс, только чтобы начать возрождаться. И то, если эффект домино уже ее не доконал и экосистемы не прошли точку невозврата. Если же, наоборот, все продолжится в нынешнем духе, я отмеряю жизни в Амуре пять-семь лет. Сегодня горбуша доходит максимум до Тохты, это девяносто километров выше Николаевска, а раньше она бурлила в районе Благовещенска на Верхнем Амуре в трех тысячах километров отсюда. Еще в 1870-х в путину горные ручьи по спинам лосося можно было перейти вброд, сейчас они пусты и зловонны, но это никого не волнует. Я вам больше скажу. И капиталисты, и браконьеры знают, что не сегодня-завтра обанкротятся, и им плевать, они готовы к этому. Вторые упакут в банки последние миллионы и пойдут искать себе другие недобитые водоемы, на их век «доесть икры» хватит. Первые, наверное, переключатся на лес и золото. У нас в районе его еще много можно будет намыть».

От себя могу лишь добавить: люди, как и рыбы, ни в чем не виноваты. Им тоже хочется жить. Лов или, как здесь говорят, добыча — единственный способ и условие жизни на Амуре. Вырисовывается трагическая максима: без браконьерства народ умрет, а с браконьерством умрет Амур.

Очень не хочется верить, что пессимистические прогнозы о будущем его биоресурсов сбудутся. Думаю, в тех условиях, которые сложились сейчас, единственный выход — интенсивно развивать рыбоводное дело. Разве правильно, что у китайцев на реке, скажем, сто аквакультурных предприятий, а в России всего четыре? Мне довелось побывать на осетровом заводе во Владимировке под Хабаровском и видеть, как заботливо там относятся к каждому мальку, как прививают крохотное тельце от болезней, как выверенно кормят и поддерживают правильную температуру — все для того, чтобы каждый из этих малышей получил шанс когда-нибудь превратиться в трехметрового амурского гиганта — калугу, например. Будет шанс у него — будет шанс и у Амура.

*Елена Вяхякупус*

## В Ташкенте шел теплый дождь...

### *Персиковый город*

Первый раз я побывала в Ташкенте пятьдесят лет тому назад. Мы с бабушкой прилетели туда на самолете, и Фрейд сказал бы, что это и явилось причиной моего последующего передвижения по миру исключительно на поездах. В письме к маме я нарисовала самолет с волчьими зубами-пропеллерами и попросила бабушку приписать внизу: «Мамочка, как там мои игрушки, на противном самолете никогда не полечу и всем скажу». Еще ниже бабушка добавила от себя: «Девочка наша всю дорогу была очень недовольна, плакала, а при посадке заснула». Проснувшись я уже в гостинице и увидела около кровати ведро с огромными персиками. В нашем городе единственными фруктами были маленькие кислые яблоки, и багровые плоды вначале напугали, а потом поразили своей сладостью и благоуханием. Ташкент для меня навсегда стал персиковым городом.

Второй раз мы поехали в Ташкент сразу после землетрясения. Бабушка и ее сестра, Анечка, снова взяли меня с собой. Как они смогли купить билеты в мягкий вагон, не знаю, может, это была начальственная «бронь», и ее «выбросили», когда подошла наша очередь к кассе на Казанском вокзале. Смутно помню день толкотни в гулких вокзальных залах и бессонную ночь в огромной душевной «комнате отдыха» на втором этаже, где у нас на троих была одна кровать.

Купе оказалось сказочным дворцовым покоем: вишневый бархат на мягких полках, ночная лампа и ваза с бумажными цветами на покрытом льняной салфеткой столике. Строгая проводница в армейского вида костюме принесла чай в стаканах с мельхиоровыми подстаканниками и плоские кирпичики сахара, упакованные по два в обертках с летящим поездом. Соседкой оказалась землячка, инженер-строитель с Урала. «Ташкент разрушен, — сказала она. — В поезде едут строители из разных концов России. Вся страна спешит помочь узбекским братьям и сестрам».

Три дня пролетели незаметно. Хорошо было лежать на мягкой полке, смотреть в окно на леса и степи, слушать разговоры взрослых. Пассажиры рассказывали о себе, играли в шахматы, в карты, угощали друг друга домашними припасами. Разговоры были больше про землетрясение, подробностей знали

---

*Вяхякупус Елена Михайловна* — психолог, последние двадцать лет занимается организацией поддержки инвалидов в разных странах мира. Автор ряда книг и статей о реабилитации, правах и нуждах инвалидов. Публикация в «Дружбе народов»: «Шалаш на балконе. Как мы добирались из Петербурга в Иерусалим по земле и морю» (2012, № 7).

мало, но горячо сочувствовали пострадавшим и переживали за них. На станциях покупали горячую картошку с малосольными, в укропе, огурцами, яблоки, белый русский хлеб, круглые казахские лепешки.

Бабушка хорошо знала эти места. Она с матерью, с братьями и сестрами приехали за хлебом из голодной оренбургской деревни в двадцатые годы и остались в Средней Азии на тридцать лет. Постепенно обзавелись хозяйством — мазанкой с земляным полом и двором с кустом винограда. Самое высшее образование получила Анечка. Она окончила техникум и стала агрономом. Изодня в день она ездила на ослике по далеким районам, работала на бахчах, помогала выращивать огромные арбузы и дыни. Комсомольские мои предки собирали хлопок, работали на шелковой фабрике, строили водохранилище и железную дорогу. Они полюбили эту землю, научились пить чай из пиал, готовить плов в казанах и ездить верхом на ишаках. Россия, любимая далекая Россия, осталась в них самих, в их разговорах, снах, песнях. Анечка играла на гитаре и пела: «Все васильки, васильки... Много их выросло в поле... Помнишь, у самой реки их собирали для Оли...»

И вот прошло полвека. Давно нет бабушки, нет Анечки. В этот раз я поеду в Ташкент одна. Меня пригласили помочь в хорошем деле — улучшении жизни семей, в которых есть дети-инвалиды. Для узбеков семья значит очень много. Здесь любят детей, уважают и почитают родителей, и многие хотят жить вместе, несколько поколений в одном доме или в одном дворе. Я рада, что снова увижу землю юности моих бабушек, в которую столько они вложили труда и о которой вспоминали до конца своих дней.

Все теперь по-другому, все проще. Не надо стоять в очереди за билетом — я покупаю билет дома, по интернету. И снова Казанский вокзал, яркий, гулкий, снова длинный поезд и те же волшебные буквы «Москва — Ташкент». И снова в окне до горизонта одно снежное поле, как застывшее белое море, все в волнах плотного снега. Тянется и тянется замерзший океан, ни птицы, ни человека, страх охватывает при мысли, что вот если поезд остановится, то и за месяц не дойти до жилья... Удивительно, что по этой безбрежной пустыне идет освещенный поезд, и в моем купе тепло и уютно, и пахнет свежим кофе, и можно говорить по телефону или смотреть сериал по телевизору... Вспоминала своих бабушек, как они в двадцатые годы ездили в общих вагонах, не то что кондиционером, а наверно, и воды в вагоне не было...

Два дня за окном ледяное море, только иногда проносится цепочка важно шагающих верблюдов или компания черных коров, лохматых, толстых, коротконогих, как медведи. И вот граница, которой не было во времена моих бабушек. Таможенник веселый, вежливый (чемодан откройте, автоматов там нет?) привел собачку с длинными ушками, заставлял нюхать купе, но собачка не хотела и только вертелась, он стал учить ее стоять на задних лапках и сам задирает для наглядности ногу: стой так, место!

В Ташкенте шел теплый дождь, первым делом я пошла на базар и купила там лимон, оранжевый, душистый и сладкий, как мандарин, и тут же целиком съела с кожурой. Рядом продавали круглые белые шарики, пахнущие сыром. Спросила, что это, сказали — курт. У многих продавцов золотые зубы. В полутьме они мерцают, как светлячки. На базаре под куполом живут сотни птиц, и от их щебета шум, как прибой, я не поняла вначале, что это. Купол отражает и усиливает шелест и клекот, такой живой базар, ходишь, и вокруг как будто тысячи маленьких голосов кричат, шепчутся, плачут, хохочут...

Пока шла обратно к гостинице, заблудилась, и вдруг стемнело, и я не могла

найти дорогу. Шла по узким улицам, частные дома, глухие заборы, сидят у ворот люди, разговаривают, смотрят на меня. Я подошла, спросила дорогу. Старая женщина заулыбалась, поднялась, пошла меня проводить.

— Откуда ты, сестра, из самого Петербурга? Во время войны отец нашел на базаре ребенка из Ленинграда. Рыженький мальчик, Коля, ел вместе с собаками. Отец привел его домой, и Коля жил с нами, потом поехал учиться в мореходку, нашел родных. И больше мы никогда о нем не слышали. Нравится тебе у нас, сестра? Приезжай к нам снова...

Ночью проснулась от маленького землетрясения, пол дрожал и кружилась голова. И вроде бы не страшно, но как подумаешь, что там, в глубине, что-то огромное зреет, растет, бурлит и вот-вот может со страшной силой выплеснуться... и вот так же люди, живут, живут, а потом вдруг всколыхнутся, и снова войны, революции... как бы хотелось, чтобы все жили в дружбе и мире, а главное, чтобы все были живы, и бабушка, и Анечка, и рыженький мальчик Коля, и старый узбек, который привел его с базара к себе домой... и мы сами тоже.

### *Как два психолога ездили на золотые прииски*

На другой день мы отправились в Наманган проводить семинар. Ехали через розовые скалистые горы в огромном, как трактор, джипе Диляры Алишеровны, ректора института, она рассказывала нам разные интересные истории, а мы с шофером слушали. Сорок лет тому назад Диляра Алишеровна закончила факультет психологии в Ленинграде. Попасть туда было не просто, был большой конкурс, «конкурс отцов» — кто окажется круче из работников обкомов, горкомов и прочих комов, того ребенок и ехал. Ее отец был не такой уж большой начальник, но на психологию не было желающих, факультет недавно открыли, и никто не знал, что это слово означает. Вот получила она деньги на билет, получила стипендию на месяц, для обустройства, и поехала в Ленинград. Очень Диляре там понравилось. И учиться интересно, и театры, и библиотека, и город красоты удивительной. На вечере узбекских студентов она лучше всех танцевала фокстрот, и там ее увидел будущий муж. Она поразила его своей грацией и золотым зубом. Он потом ее искал и спрашивал: «Где эта девушка с золотым зубиком, который так красиво блестит, когда она смеется?» Наконец он ее нашел, и вскоре сыграли свадьбу, и ровно через девять месяцев родился их первый сын.

Но рассказ ее не о том времени, а о другом.

Случилось это в самый разгар, вернее, в самый ледниковый период перестройки, когда все прошлое было уже разрушено, а ничего нового еще не было. В начале девяностых есть было уже решительно нечего, и жить тоже стало нелегко, так как квартиру Диляры с мужем отдали подросшим детям. И стала она писать своим однокурсникам в Россию и спрашивать, нельзя ли где подработать, чтобы хоть немного заработать. Ответила ей подруга Зоя, проживающая в городе Алдане, что в Якутии. «Дорогая Дилечка, приезжай ко мне весной, проведешь тут у нас практикум по работе с подростками из неблагополучных семей. Доехать до нас просто — лети в Новосибирск, там пересядь на самолет и через час будешь у нас. Супруг мой недавно приватизировал золотые прииски, так что заплатим тебе за работу и билеты. Возьми с собой своего мужа, мы и его оформим психологом. Как прилетите в Алдан, приезжайте прямо к нам, улица Октябрьская, дом три, в самом центре».

Муж Диляры, профессор-востоковед, лететь отказался. Сказал: «Знаю я этих золотоискателей, даст нам по три рубля. Лучше я тут на рынке подработаю».

И она взяла с собой аспиранта, молодого человека из хорошей, обнищавшей к тому времени семьи. Он никогда раньше за пределы Узбекистана не выезжал и очень обрадовался и разволновался. Купили они билеты на самолет до Новосибирска, взяли по мешочку урюка, кишмиша, сушеную конину — казы и теплым мартовским утром отправились в ташкентский аэропорт. Провожали аспиранта вся его семья — мама, папа, брат с сестрой и жена с годовалым ребенком. Обнимали, целовали, плакали. Диляра смеялась: на пять дней едем, туда-сюда и обратно, а вы его как на войну...

Аспирант вдруг загрустил, и видно было, что только честь сделаться кормильцем семьи удерживает его от побега обратно в город. Но в самолете воспрял духом, смотрел в окно и даже стал вслух подсчитывать: вот если вдруг им повезет, заплатят им огромные деньги, долларов пятнадцать. Или даже двадцать. И купит он жене платье, а себе целую дыню в травяной сетке, с прошлого урожая... Диляра тоже мечтала, что подзаработает, и радовалась, что скоро увидит старую подругу.

И вот прилетают они в Новосибирск. Темнота и мороз. Грязный, холодный зал аэропорта. На всех скамейках, на полу, сидят и лежат люди с мешками и клетчатыми сумками. К кассе стоит очередь человек триста, ругаются, толкаются, кричат. Стали они в очередь, стоят. Аспирант сник, молчит.

Через пять часов дошла их очередь, заглянули они в окошечко. Там, как в собачьей будке, сидела молодая кассирша, гавкнула им устало и злобно: «Нету!» Диляра стала упрашивать: «Сестра, ну что ты, сестра, нам надо лететь, заплатим, сколько скажешь...» А кассирша только гавкает: «Нету, нету». А когда будет? Есть один билет на восемнадцатое апреля. А куда есть билеты на сегодня? Никуда, и всю неделю никуда нету билетов.

Отошли они к стенке. Народу в зале прибавилось, стало холоднее. Аспирант молчит, ничего не говорит и вокруг не смотрит, время от времени глаза закрывает, видимо, думает, может, это все исчезнет, как страшный сон... Сели они в уголке на пол, съели по кусочку казы и по урюку, чувствуют — замерзают. Тут идет, пробирается какая-то старушка. Говорит: а вот кому комнату, комнату, ночевать. Взяли они мешки с учебниками и едой и пошли за ней. Вывела старушка их на мороз, там уже стоят человек двадцать, ругаются, всех посадили в маленький автобус и повезли. Час везли, два, привозят в деревню, вокруг полная тьма, собаки лают громко, как будто их штук сто набежало, бревенчатый дом, в доме нары, на нарах спят вповалку люди. Диляра спрашивает: где тут туалет? Ей говорят: во дворе, за сараем, пройдешь мимо собак, тут тебе и будет. Она не пошла, так и промучилась всю ночь, лежа на нарах рядом со своим аспирантом, который от горя сразу заснул.

На другой день с утра поехали они обратно в аэропорт. Добирались уже сами, на разных автобусах, приехали только после обеда. Снова отстояли пять часов и снова слышали: нету. Аспирант спрашивает тихо: а в Ташкент есть? И в Ташкент нет, и не будет на этой неделе.

Диляра бодрится, говорит: ничего, поедем в город, туда всего шестьдесят километров, там есть гостиницы, устроимся на ночь. Нашли автобус и в темноте добрались до Новосибирска. Вышли на автостанции, напротив — гостиница. Обрадовались. Заходят, им говорят: вы откуда свалились? Нету никаких мест. Диляра стала действовать известным узбекским способом — добротой, вежливостью и сухофруктами: сестра, мы двое суток не спали, дай хоть на диванчике

посидеть, сестра. Ну, сестры взяли кишмиш и разрешили им присесть. Вот сидят они на узком диванчике, а мимо идут в свои номера толстые усатые грузины, несут пакеты с вином и продуктами, за ними семят толстые блондинки в шубах. Диляра говорит: ничего, тут тепло, тихо, пересидим ночь, может, и прилечь разрешат. Только сказала, дверь отлетает от пинка нараспашку и врывается десяток русских парней, с палками и кастетами. Пошли по комнатам выволакивать и бить грузин и их девиц. Крики, вопли, бежит грузин, из носа кровь, прячется за Диляру, за ним русский парень с битой. Диляра кричит: не бейте нас, мы узбеки, мы психологи! Грузины кричат: милицию, скорую! Блондинки кричат матом. Через полчаса приехали два милиционера на машине. Осмотрелись и лениво сказали: ладно, хватит. И уехали. И тут же русские ребята ушли. Как потом горничная объяснила, это был нормальный дележ рынка.

Утром они снова поехали в аэропорт, и там добрый человек им посоветовал: а вы летите до Н-ма, оттуда автобус ходит до Алдана. Тут и посадку объявили на Н-м. Побежали они к выходу, увидели на поле кукурузник, к нему идут на посадку несколько человек, стала Диляра просить девушку посадить их, та смилостивилась, крикнула кассирше: пробей этим билеты.

Полетели над тайгой, кукурузник маленький, летит низко, крыльями трясет и машет, как птица. Через час опускаются на поляну в тайге, вокруг лес, вдалеке домик — двери заколочены. Вышли все из самолетика, их уже встречают на машинах, расселись и уехали. Летчики тоже уехали. И Диляра с аспирантом остались вдвоем в тайге. Стоят они, вокруг тишина, кедр и елки. Снег. Стоят и думают, и ничего не говорят. А что тут скажешь? Ясно, что наконец пришел конец.

Вдруг вдалеке на дороге автобусик желтенький показался. Побежали они к нему, мешки тащат, кричат. Водитель сначала не хотел их сажать, я, говорит, не за этим сюда приехал, меня послали людей встречать, а они не прилетели. «А ты, брат, нас вместо людей отвези, — просит Диляра, — мы тебе урюку дадим». Доброта, вежливость и сухофрукты помогли, сели и поехали в Н-м. Едут по тайге, мимо пустых лагерей, бараков, заборов. Лес черный, она запомнила, именно черный, не зеленый. Приезжают в городок, там дома пустые, черные, и снег на улицах черный, и деревья черные — может, от того, что углем топят. Население уехало, остались старики. Спрашивают у шофера: откуда тут у вас автобус идет в Алдан? «А, он вон там останавливается, — показывает шофер, — только ходит он два раза в неделю, и то, если не сломанный и шофер трезвый, а это бывает куда реже». Высадил он их на остановке, под навесом скамейка. Сели они на скамейку, сидят. Потихоньку, как тени, стали подползать старики и старухи, ободранные, замотанные в ветошь, с мешочками. От них узнали, что им здорово повезло, — именно сегодня пойдет автобус, только пока неизвестно, в котором часу.

И в самом деле через два часа заурчало и показался автобусик, вида самого потрепанного, фанерой залатанный, из него вышел шофер, злой и трезвый, и все полезли. Началась давка, тут аспирант вдруг проявил сноровку и первым захватил два места. Мест всем не хватило, человек двадцать так и стояли всю дорогу — все четырнадцать часов. Ехали по тайге, за окном темь, а в автобусе холодно и душно. Над Дилярой нависал большущий детина, опухший, как она выразилась, «как утопленник после трех дней в воде» — Диляра три года до университета работала санитаркой и медсестрой, в том числе и в морге. Пахло от него соответственно, и Диляру все время тошнило. Остановку сделали только раз, у сарая со «столовой», там все ели суп. Но узбеки наши не смогли и

попробовать, такого он был вида и запаха. На этой остановке утопленник отошел в тайгу по нужде и не вернулся. Но шофер ждать не стал, поехали дальше. Диляра до сих пор уверена, что утопленник там так и лежит где-то под елкой.

После четырнадцати часов езды, онемевшие, окоченевшие, уставшие до невозможности и страшно голодные, прибыли они наконец в Алдан. Было три часа ночи, высадил их шофер на темной улице. И опять они одни остались. И снова прибежали собаки, большая стая, окружили, лаяли. Спросить, где улица Октябрьская, не у кого. Пошли они по улицам куда глаза глядят, стали кричать: «Зоя! Зо-о-я!» Собаки за ними с лаем, шум подняли большой. Но никто не откликнулся. Город мрачный, как вымерший, ни одно окно не светится. Дома на сваях. И тут вдруг они чудом увидели на доме надпись: Октябрьская, 3. Сами не веря своему счастью, бросились в подъезд, на третий этаж, звонят в квартиру. Молчание. Звонили, потом стучали, пинали дверь, кричали — ни звука. Тут уже и Диляре стало страшно, а аспирант просто сел на пол у стены и сидит. Около пяти утра из квартиры шорох и тихий голос: «Диляра, это ты, что ли?» И дверь открылась, а там Зоя (правда, перекрасившаяся, с завивкой — Диляра снова испугалась). Зоя говорит: «Ой, а мы думали, это журналист с ножом опять прибежал. Тут у нас журналист из Москвы приехал и с ума сошел, уже месяц бегаёт и бросается на людей».

Ну, после этого началось счастье — горячая вода, чай, еда, постель с чистым бельем, аханья и оханья. На другой же день они начали свой практикум — в Алдане было много детей преступников, живших тут же недалеко в общежитии, с которыми, с детьми, никто не знал, что делать. Директор этого общежития купил на спонсорские деньги несколько мопедов, и дети только и знали, что гоняли на них день и ночь, а учиться не хотели. В общем, провели Диляра с аспирантом практикум, прошла неделя, и настал день отъезда. Зоя сама им билеты купила на самолет до Новосибирска и от Новосибирска до Ташкента. В последний день она вызвала Диляру на кухню и говорит: «Ну, дорогая, я думала, ты с мужем приедешь, и вам хотела на семью дать денег. А как теперь с этим аспирантом — сколько ты ему хочешь выделить?» Диляра отвечает: мы вместе работали, вместе дорогу перенесли — надо поровну. Ну, что ж, говорит Зоя, как скажешь. И выносит она деньги и дает Диляре и аспиранту поровну — ровно по двадцать тысяч новых американских долларов каждому.

Аспирант после этого первое слово произнес только в самолете. Он, как ему дали в руки деньги, так их и держал, и молчал, и даже, к стыду Диляры, ничего не сказал на прощание, только кивал, причем в сторону. И вот он в самолете наконец заговорил и сказал: жене куплю платье... и дыню... и стал улыбаться и улыбался так до Новосибирска.

Долетели они, в общем, без приключений, если не считать, что в Новосибирске рейсы все отменили из-за забастовки диспетчеров. Но тут уж Диляра проявила психологический дар, вывела всех пассажиров прямо на поле, на захват самолета. Так они и шли по полю, не зная, что по нему взлетают истребители, а летчики, увидев их, побежали бегом, и пришлось им лететь, иначе пассажиры с поля не уходили. И скоро показались внизу зеленые, яркие под солнцем поля прекрасного древнего Узбекистана, и аспирант запел.

На алданские деньги Диляра с мужем купили квартиру, мебель, холодильник, телевизор и много чего еще. А что купил аспирант, она не знает. Он сразу бросил психологию и уволился. Она предполагает, что он купил себе колхоз и выращивает сухофрукты.

### *Как шофер и его дядя ездили в Малайзию*

Проехали мы через перевал и оказались в Ферганской долине. Остановились у маленького базара, купили знаменитых наманганских яблок и серо-зеленую дыню, похожую на огромную хурму. Дыня эта по-узбекски называется «старушечье лицо», она вся сморщенная. Вот катим мы по долине, едим яблоки, смотрим по сторонам. На обочине, задом к дороге, отдыхают коровы, расставив ноги, как толстые тетки.

Шофер худой, загорелый до черноты, с дыркой в ухе от серьги, с добрым живым лицом, тоже начал рассказывать разные истории. Он много поездил по странам. Особенно почему-то его интересовали кладбища. Жизнь у людей разная, конец один. Стал вспоминать, как ездил раз в Калмыкию и там видел на кладбище: под одним памятником похоронено несколько человек, это его удивило. Я ему сказала: ничего, когда воскреснут, им будет приятнее вставать всем вместе. Он говорит: со знакомыми, конечно, веселее.

И между прочими, рассказал шофер такую вот историю. Передаю ее от первого лица.

В каждом городе у нас свои обычаи. В Намангане утром варят рисовый суп с алычой. Я слышал, в Европе везде утром плов едят или шашлык. А в Намангане — в пять, в шесть утра уже на базаре продают рисовый суп, все покупают и завтракают. Потом идут на работу. Мы с дядей ездим в Литву, гусей возим. Покупаем в Литве гусей и везем в Коканд. Там в Литве живем у одной вдовы. Она нам все условия создала. Под гаражом очистила место для котла, там мы живем и плов варим. Вдова весь день копается в огороде, а дочка ее сидит в доме и музыку в наушниках слушает. Я пошел в дом и говорю: эх ты, стыдно, мать работает, а ты с наушниками сидишь. Были бы мы в Коканде, я бы тебя сразу научил в огороде работать. Плохо в Литве воспитывают детей. И в Питере плохо. Я там был, видел — в метро мать сына посадила, взрослого, лет семи, а сама рядом стоит. Я даже заплакал, так стыдно мне стало.

В Коканде, когда рождается ребенок, сразу ему дарят бешик. Это кровать деревянная. Узенькая, он там может лежать только прямо и поворачиваться не может. Руки и ноги ему привязывают. Очень это полезно для детей. Спокойно, приятно. Дети ведь боятся, если вдруг ручкой махнут, они не знают, что это за рука такая, откуда. А тут он лежит себе тихо, на спине, и ему хорошо. Под него кладут рис или соль. И дырку делают в кровати. Он лежит, а все капает вниз, чисто, удобно ему, и никаких пеленок не надо.

Делают ему, если мальчик, обрезание. Нельзя без обрезания, соли много выходит. Чай пьем горячий, сидим в теплых халатах, потеем, чтобы не жарко было, и соль выходит, если необрезанный — так больно, что ходить не можешь. Вот делают обрезание — или осенью, когда мухи кончатся, или весной, пока ласточки не прилетели. Его режут, а мать сидит и держит мизинец в чашке с мукой. Чтобы ему не больно было.

Но рассказ не об этом. А вот о чем.

В девяностые годы, когда мы получили независимость, свободу и совсем нищие стали, решили мы с дядей поехать в Малайзию. Там арапы живут. Черные такие. Купили мы на все, что было, кокандского миндаля. У нас каждый город славится своим. В Намангане — яблоки, в Самарканде — кишмиш, а в Коканде миндаль, крупный, кожурки прозрачные и открыты, как ротки, видно зерно, сладкое, большое. Купили мы три мешка миндаля и полетели в

Малайзию. Для еды взяли мешочек курта — шариков из молока. Думали, будем там пить чай с куртом и продержимся, пока миндаль продадим. Прилетаем, видим, стоит арап — черный, с пистолетом, у кого перевес — не пускает, на калитку проход закрыл. Мы ему намекаем, что дадим десять долларов, пропусти. Не понимает. Достали деньги, показываем, перед глазами ему машем — не понимает. Засунули ему в карман, сами открыли калитку и пошли. Он стоит, молчит, смотрит. Так и не понял ничего.

Приехали в гостиницу, спрашиваем у арапьев, кому миндаль тут продать. Оказалось, в Малайзии этого миндаля завались, никому не нужен. Сели мы в комнате, достали курт, а он немножко в дороге замок и заплесневел. Пахнет. Положили на подоконник просушить. Тут арап гостиничный заходит и спрашивает, чего это на подоконнике. Говорим, из молока это. Он взял один, понюхал и спрашивает, сколько стоит. Мы говорим: один динар. Он попробовал и тут же купил пять штук за пять динаров. Пошел и привел арапьев, и они сразу купили весь курт по динару штука. Так мы заработали деньги и поехали обратно. И миндаль обратно повезли. Арап аэропортный нас сразу узнал, обрадовался, стал рукой махать — идите сюда, видно, понял наконец. Дали ему десять долларов и в Ташкент полетели.

И как только шофер закончил рассказывать, мы приехали в Наманган и пошли ужинать. В ресторане подали нам горячие лепешки, плов и зеленый чай с оранжевыми сладкими лимонами.

Ночью приснилось мне холодное Балтийское море, я стою на плоту, вокруг только волны, заливают плот, и с волной я лечу вниз, в бездну, и попадаю в прозрачное здание — морскую библиотеку. Морской конек в темных очках протягивает мне книгу — огромный хрустальный том, в котором кружится сине-зелено-золотой шар, наша земля, я вглядываюсь в нее и вижу зеленые поля с дынями, арбузами и синими васильками, и восхищение и восторг охватывают меня как волны, я глотаю соленую воду и слезы и прошу: пустите меня домой...

## *Возвращение*

Через два дня я стала собираться обратно в Москву. На вокзале было тепло, темно, многие отъезжающие и провожающие сидели на краю перрона, свесив ноги к рельсам, как куры на насесте, вертели головами и кудахтали по телефонам. Наконец, со скрежетом, пыхтя, приполз поезд, я поднялась в вагон и закрылась в своем купе. Я всегда беру все купе целиком, благо моя работа это оплачивает. В дверь все время рвались и пытались подселиться, я сообщала, что купе занято правительством, и они уходили, озадаченные.

Поезд тронулся и поехал все быстрее и быстрее. Канул во тьму город, исчезли его улицы и парки, растворились горы и степь вокруг него. За окнами ночь, ничего не видно, кроме меня самой в темном стекле. И стало мне жаль уезжать отсюда, из этого мира, в котором ветер еще носит тени моих предков. Слишком мало я тут побыла, не успела увидеть их улицу, которую помню, как будто это было вчера, — арык, и дерево дикой маслины, и дом за глиняным забором... Может, еще можно вернуться и найти этот маленький дом, без стука открыть дверь и зайти в полумрак комнаты с земляным полом, а там у стола сидит прабабушка Поля, и ее сестра Фрося, и дядя Гриша, пропавший без вести в первый месяц войны, и моя юная бабушка Надя с моим маленьким папой на коленях, и Анечка в своем синем крепдешиновом платье перебирает струны старенькой гитары и поет: «Все васильки, васильки... Много их выросло в поле... Помнишь, у самой реки...»

# «Моя мама любит читать А.Пушкина и книги про овощи»

*Белгородские школьники рассказывают о том, что читают их мамы*

*Белгородские школьники — уже, можно сказать, постоянные авторы «Дружбы народов». Все началось два десятка лет назад, когда я предложила подруге — учителю литературы Елене Коняевой спросить учеников разных школ города и разного возраста, о чем они мечтают. Только чтобы писали прямо на уроке, без подготовки и родительской «цензуры». Елена и еще несколько ее коллег откликнулись с энтузиазмом. Времена были переломные, высказывания простодушные, и читатели узнали много неожиданного и о детских желаниях, и о взрослой жизни (см.: «ДН», 1994, № 2). В 2000-х мы спрашивали их о том, что они думают о своей национальности, в 2010-х — что они знают о Советском Союзе и о том, почему он распался... Как и прежде, ответы на нынешний вопрос: «Что читает твоя мама?» — не просто описывают настоящее, это своего рода реконструкция будущего. А, как известно, предупрежден значит вооружен.*

*Начинаем со старших — самых «правильных», написавших сочинения по канонам ЕГЭ, завершаем младшими — самыми непосредственными и откровенными. Сохраняем орфографию, пунктуацию и особенности стиля авторов. К сожалению, формат «бумажного» издания не позволяет опубликовать на страницах журнала весь свод полученных ответов. Полная версия — на странице «ДН» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/druzhba>*

*Наталья ИГРУНОВА*

## *Нечтение для нас опасно, как землетрясение*

Что любит читать моя мама? Многоголосие сложных и простых, бесхитростных ответов, где все наше сегодня — духовное и материальное — как на ладони.

И разобщенность внутри семьи — когда ребенок не знает и ему не интересно, что читает мама, сидящая рядом с ним в одной комнате. Когда ему стыдно сказать, что мама кричит, чтобы тот читал, а сама ничего не читает. Сберегая честь семьи, уклоняясь от лжи, он не напишет ничего. Таких, отказавшихся, примерно треть в разных классах. Мы не настаивали, давали другое задание. Но и те, кто согласился ответить, — спонтанно, без домашнего обдумывания, без подсказок взрослых, — к демонстрации культурного статуса, успешности и единства своей семьи нередко примешивают грусть, непонятную самим тревогу, спрятанную в иронии боль...

И постоянная материнская усталость после работы, когда нужно поддерживать дом, очаг и все на ее плечах (моей маме некогда читать — прямодушно сообщают пяти- и шестиклассники).

Мама, читающая детективы, фэнтези, любовные романы, — так ли уж это грешно, недостойно матери, поднимающей в монотонных буднях одного-двоих, а иногда и троих? Плюс старенькие родители его-ее, плюс постоянная необходимость удерживать планку идеальной семьи, идеальной жены — планку, которую задает общество...

Мама, читающая косметические проспекты, в которых «можно найти все, что нужно», чтобы соответствовать назойливым гламурным идеалам.

Мама, тайно ищущая в книге советы, рецепты, инструкции по укреплению, а иногда спасению своего семейного гнезда.

Мама, играющая в компьютерные игры, не читающая, а сидящая с вязанием за сериалом? Разве это не знак уюта и семейного благополучия? Тем более, что вечером все собрались вместе. Что любит читать мама вместе с ребенком? Лишь несколько человек пишут об исчезающей традиции чтения вслух, чтения вдвоем, чтения на ночь. А ведь ночь — совсем другое измерение жизни, отделяющее нас от дневного — административно-командного, бравого, лукавого и уничтожающе-насмешливого. И телевидение, вульгарно, развязно несущее в ночь дневные дела, непоправимо разрушает вечерние тихие мелодии, приводящие душу в опрятность, дающие счастье взаимопонимания. Как научиться вечером быть наедине с собой, со своими близкими? Вслушиваться в негромкий шепот. Глаза в глаза, голос мамы рядом, запах маминых волос. У некоторых — гордость: я советую маме, и она меня слушает. Больше всего маме нравятся истории, которые я сам сочинил. Нет ничего ценнее доверия взрослого, который рядом. Прежде всего, доверия матери к ребенку. А когда оно утрачено, ребенок читает... собаке — и такая методика приучения к чтению уже есть! — нужно же кому-то довериться.

А ведь это так просто — сказать ребенку: почитай мне вслух, Расскажи, о чем это, посоветуй мне, Расскажи мне на ночь, почитай на ночь...

Для чего нужно чтение? Для пользы. Для отдыха. Ни для чего (и это правильное всего, потому что прагматический смысл меньше всего надо искать в чтении, а плоды его прорастают состоянием настоящего и будущего, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...).

Главная нынешняя семейная установка — книги не для переживаний. Этого и на работе, и в событиях дня достаточно. Пушкинское «над вымыслом слезами обольюсь» неактуально. Нечего лить слезы. Слезами горю не поможешь. Только одна девочка написала о странном кролике Эдварде, историю которого полюбила мама. А еще одна — о романе «Тяжелый песок», который все время видит в руках у мамы. А один четвероклассник написал о маме, которая читает грустные истории о детях-инвалидах. И тут же спохватился — не подумайте, вообще-то она у меня веселая мама.

Безудержный оптимизм позитивного мышления, навязываемый школьнику, начисто выметает всякий намек на сочувствие, сострадание, жалость (то, чем всегда была сильна русская литература — чувствами добрыми, милосердием). По акции, по воспитательному плану собрать помощь — это пожалуйста... А так... Все боятся кого-то пожалеть. Как говорил герой фильма Тарковского, проявляя жалость, мы опустошаемся...

История науки, философия, сложные нравственные вопросы — то, что касается личностного развития, размышления, тоже как-то не ко двору... Некоторые путают книги с сериалами, сериалы с компьютерными играми. Что ты читаешь? Вчера мы смотрели «Доктор Хаус», сегодня — «Реальные пацаны». Впрочем, не будет телевизора — его место займет водка, матерно-бессмысленный разговор с соседом. Личностный мир опустошен и выжжен цинизмом нынешних времен.

Итак, литература как развлечение, страшилки («Это так расслабляет! И сын любит, и я люблю», — не удержалась от одобрительного восклицания одна мама-продавщица, пытавшаяся втолковать мне устарелость волшебника Изумрудного города и Аладдина) и упрощение сложности жизни как проявление страха остаться наедине с темами своих взаимоотношений со сложным миром, и место, куда можно убежать, подобно ребенку, убегающему из темной комнаты, в поверхностный слой бытия, в совместный просмотр телепередач, в домоводство и «огородство», в обжитый, знакомый мир школьных хрестоматий. Можно, конечно, указать провинциальным мамам на культ потребления, отсутствие высоких духовных запросов, стремление угнаться за столичными брендами, трендами... Хотя — в глубине души подозреваю, что и мама-министр тоже на ночь читает детективы. И — страшно подумать — маминспектор учебных заведений или, скажем, профессор высшей школы экономики — читает романы о любви. И, возможно, индийские.

Однако нас упрямо не покидает надежда на возрождение нашего общего ментального мира. А то ведь и старшие, и младшие, употребляя одни и те же

лексические единицы, будут разговаривать на разных языках. Эта трещина в нашем мировосприятии уже подмечена Александром Генисом: «Отцов от детей отличают цитаты — одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки».

Незнание литературы, нечтение для нас опасно, как землетрясение... Учителя литературы, как никто другой, понимают: литература — это то, что нас объединяет. То есть мы существуем единой общностью еще и потому, что нам понятны цитаты. *Узнал француз в тот день немало, что значит русский бой удалый, наш рукопашный бой... Мороз и солнце — день чудесный... Я вас любил — любовь еще быть может... Но я другому отдана и буду век ему верна... Жди меня — и я вернусь... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...* Здесь и иностранцы становятся нашими: *Самого главного глазами не увидишь... Зорко одно лишь сердце... На севере диком стоит одиноко, качая вершиной, сосна...* А за цитатами — культурные реалии. Патриаршие пруды, где Иванушка Бездомный встретился с Воландом. Небольшой особняк, где служил дворником Герасим с неразлучной Муму. Берег Донца, где князь Игорь увидел солнечное затмение и не внял предвестиям гибели войска. За реалиями — имена: Онегин, Петруша Гринев, Раскольников, Наташа Ростова, Пьер Безухов, Раневская, Ассоль. Сколько отражений, возрождений этих имен — от актрисы Фаины Раневской, взявшей себе чеховскую фамилию, и космонавта Германа Титова, названного отцом в честь героя «Пиковой дамы», до моих милых выпускниц Тани Лариной и Аси Власовой, которая на самом деле по паспорту Ассоль.

В 90-е годы коммерсанты, спекулируя именами в скороспелых «продолжениях» классики, делали немалую прибыль.

Но проблема не только в этом. Здесь мне хочется сослаться на заключительный фрагмент замечательной острой статьи Натальи Ростовской (!) «Новая эстетика детства»: «Советское образование, на обломках которого пока еще стоит современное образование, имело очень важную черту. Оно позволяло охватить русскую и мировую литературу в ее недетской сложности. Оно давало знание "на вырост". То есть сеяло зерно, которому было суждено в свое время прорасти. Детская душа нуждается в метафизических иероглифах, в которых могла бы оплотниться и организоваться субъективность. *Неоформленная субъективность* — это всегда поле для необратимости случая и манипулирования».

Можно сказать, что неоформленная субъективность, или отсутствие саморефлексии — это самая болевая точка нашего нынешнего бытия, в котором субъекту дозволительно и комфортно скользить по поверхности, ни о чем не задумываясь, повторяя готовые клише, имитируя мысль и деятельность. Только что проверенные пробные сочинения — «развернутый ответ» выпускников на ЕГЭ — неутешительное тому подтверждение. В возможных экзаменационных работах наши выпускники дружно говорят о проблемах мужества, героизма, патриотизма в тексте, скажем, Леонида Леонова — рассказ об «одесском Фигаро», парикмахере Леонарде, сумевшем поддержать людей, заваленных в бомбоубежище (сформулированная проблема — критерий №1, 1 балл), дружно разделяют позицию автора и приводят в качестве аргументов, подтверждающих необходимость самообладания в трудных обстоятельствах, готовности помочь людям ...Гарри Поттера, Хоббита — ведь от них тоже требовались мужество и готовность помочь друзьям (критерий №4, 3 балла за 2 аргумента из художественной литературы, 2 балла за 1 аргумент из художественной литературы и 1 — из личного жизненного опыта). В результате при выполненных требованиях экзаменационной работы смысл прочитанного безвозвратно утрачен.

Серьезное чтение классики и современной литературы, раскрывающей серьезные вопросы жизни человека и общества, обсуждение этого чтения — непереносимое условие формирования личности сложной, отзывчивой, открытой нравственному поиску, диалогу поколений и гуманистичной в мировоззрении. Устойчивой к соблазнам и наваждениям, независимой в выборе пути. Вот отсутствие такого чтения катастрофично для общества, примитивизирует и загоняет его в тупик.

И начинать нужно с семьи. Учитель, какой бы он ни был, общество не изменит. Слишком он слаб социально. Очень часто — профессионально. Слишком изолирован в своем классе. Слишком подневолен и незащищен. И надеяться, чтобы наши неидеальные, не желающие соответствовать культурному уровню дети командным

маршрутом читали программу или обязательные сто книг, пока взрослые смотрят сериалы, раскладывают компьютерные пасьянсы или разговаривают по телефону, или втихую читают любовные романы, по меньшей мере, наивно. А они не соответствуют. И не читают. Хотя большинство сознает: да, надо, это непреходящая общечеловеческая ценность. Ответы здесь звучат обезоруживающе для нас, правильных, неуклонных: «Я не читаю, но мама все равно меня любит, и я ее тоже!» Может, в этом ключ к нашему духовному возрождению — сохранить теплоту семьи, любовь друг к другу...

А значит, рано или поздно наступит момент, когда мама скажет: «Давай почитаем вместе. А потом поговорим и все обсудим...» И все в нашей жизни уладится.

*Елена КОНЯЕВА,*

*учитель русского языка, литературы и МХК гимназии № 12 г.Белгорода*

### *«Книги — это бесценное наследство»*

#### *11 «а» класс, МБОУ «Гимназия № 2»*

*Екатерина Шендрыгина.* Моя мама — очень интересный, увлеченный, а главное, начитанный человек. Как и у многих людей, радостное, если ее горячо любимые дочери ведут себя примерно, мама может прочитать любовный роман или, например, комедию. Если же день не задался, проблемы на работе, погода за окном заставляет желать лучшего, маме по душе любовные драмы, комедии, иногда фантастика.

Выбор книги также может зависеть и от моей школьной программы по литературе. Так, вместе мы прочитали «Повесть о Настоящем Человеке» Б.Полевого, «Два капитана» В.Каверина, рассказы А.П.Чехова, Н.С.Лескова, роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита», из недавнего — роман Е.Замятина «Мы» и многие-многие другие.

Также, в мамин список для постоянного чтения входят и различные сказки, и былины, детские рассказы и стихотворения, потому что дома подрастает маленькое чудо, которое тоже очень любит книги.

У мамы в руках можно увидеть самые разнообразные книги: от детективов до исторических хроник, от любовных романов до классической литературы. Очень много книг, мною прочитанных, были рекомендованы ею. И я ни разу не пожалела о своем выборе.

*Александр Шевченко.* ...Моя мама часто проводит свободное время с книгой. Она совсем не интересуется творчеством современных писателей, поэтов. Ей также неинтересны модные журналы. Она любит классику как отечественную, так и зарубежную. Мама довольно сильно увлекается историей, поэтому нередко ее можно увидеть за чтением какого-нибудь учебника...

*Наталья Каракулина.* Моя мама относится к тем людям, для которых чтение — это не просто времяпрепровождение, а насущная потребность. Читает мама много и считает, что день, проведенный без книги — потерянный день.

Читательский вкус мамы был сформирован произведениями классической литературы и остается неизменным на протяжении многих лет. Она любит и русскую, и зарубежную классику, но предпочтение отдает, все-таки произведениям отечественной литературы.

Среди любимых русских писателей — Достоевский, Чехов, Гончаров, Шмелев, Булгаков, Пастернак. Из зарубежных — Драйзер, Хейли.

В основном моя мама читает прозу, но иногда любит почитать и стихи. Из поэтов ей нравятся и Пушкин, и Тютчев, и Фет, и поэты «Серебряного века».

Некоторые книги она перечитывает по несколько раз и считает, что, например,

роман «Война и мир», прочитанный в двадцать и сорок лет — это две большие разницы в восприятии.

В настоящее время мама с удовольствием перечитывает Американскую трагедию Драйзера.

*Анна Халикова.* ...Раньше, особенно в юности, она читала взахлеб. Работа, к сожалению, отнимает огромное количество времени, которого не всегда хватает на прочтение книги. Но если моя мама и выкраивает кусочек свободного времени, то первым делом она отправляется в путешествие по страницам фантастики. Восхищается она творчеством таких писателей- фантастов как Айзек Азимов, Александр Беляев, ну и, конечно же, Братья Стругацкие.

Что касается классической литературы, то любимое произведение моей мамы — это «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова. Тут мы с ней похожи.

Еще она всегда интересовалась мировой историей. Но с рождением моей младшей сестры мировую историю заменили детские истории, сказки и стихотворения...

Мама с детства меня приучала к чтению, а сейчас мы с ней вместе прививаем тягу книгам нашей маленькой проказнице. Эту любовь к чтению я передам и своим детям! Ведь книга — это лучший друг, который может и поднять настроение, и разобраться в себе, и навести на правильные раздумья. И именно она помогает воспитать в нас Человека.

*Дмитрий Сериков.* ...Мама моя интересный и всесторонне развитый человек. Ее интересует в этом мире многое — политика, мода, спорт, ну и конечно же книги. Для нее книга — это удивительный мир. Моя мама любит читать классику, романы про любовь, детективы Дарьи Донцовой, но больше всего маме нравится читать книги о психологии. Любимой книги у мамы нет, но каждый год она перечитывает свою небольшую библиотеку, добавляя в нее что-то интересное, познавательное. Она с удовольствием перечитывает каждый год книгу Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей».

Книги — это бесценное наследство, которое могли оставить предки своим потомкам. Многие книги уникальны, так как содержат особую информацию, а многие из них даже хранятся в секрете, и о них знают только избранные люди.

*Ольга Медведева.* Моя мама очень любит читать, но из-за работы делает это редко. Лишь два дня в неделю она может уделить книгам. Ее любимый жанр — это научная фантастика. Свое внимание она уже уделила таким авторам, как: Роберт Хайнлайн, Герберт Уэллс, Роберт Шекли и Конан Дойл...

Иногда мама так зачитывается, что, закрывая последнюю страницу книги, не может поверить во включенные фонари на улице и в подходящий к концу выходной.

Много страниц было перевернуто ее нежными пальчиками, но одна книга навсегда останется в ее памяти. «Александр Беляев. Человек-амфибия» — так написано на обложке. Этот научно-фантастический роман она прочитала еще в детстве. И до сих пор он является ее любимым. По словам мамы: «это книга, которая оставляет след в душе».

И вот, когда подходит конец выходным, моя мама оставляет свое занятие в темном шкафчике на неделю. И ровно через семь дней она снова подойдет к маленькой дверце, за которой уже ждут ее любимые книги. Достанет одну, сядет в кресло, и лишь шелест страниц будет прерывать, мурчащего рядом с ней, кота.

*Владимир Чакыр.* Что читает моя мама? ...На данный момент она с удовольствием перечитывает Библию. Параллельно изучает кулинарную литературу, для того чтобы порадовать свою семью. Но и художественная литература присутствует в мамином прочтении книг. Так произведение М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» является любимой ее книгой.

Таким образом, моя мама читает довольно разные произведения, но это еще не самый предел ее возможностей.

*Анастасия Лысенко.* Моя мама с детства любит читать... И как только появляется свободное время, мама уделяет время чтению. И как она говорит, это поднимает ей настроение.

Ее любимыми русскими писателями являются: Достоевский, Толстой, Булгаков, Чехов. Также моя мама любит читать стихотворения. Особенно ей нравятся стихотворения Ахматовой и Цветаевой. А любимое стихотворение Цветаевой — «Реквием».

Мама любит перечитывать произведения, которые были прочитаны в школе. И с возрастом она начинает смотреть на жизнь героев по-другому. Например, недавно мама перечитала роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание».

Но так как моя мама работает в медицине, то еще мама читает медицинскую литературу. Ей это необходимо для работы, чтобы повышать свой профессиональный уровень.

*Иван Емельяненко.* ...Я часто замечаю, как мама вечером, усаживаясь поудобней, достает книгу и может по нескольку часов, не отрываясь, читать. Жанр, который пришелся маме по душе больше всего это исторические романы. Любимое произведение, которое мама перечитывала несколько раз «Война и мир» великого русского писателя Л.Н.Толстого. Также произведения А.И.Куприна «Олеся» и Н.А.Островского «Как закалялась сталь» остаются любимыми книгами.

*«На каждое знаменательное событие в семье  
или у близких родственников или просто для души  
мама сочиняет прекраснейшие стихи»*

#### **10 «б» класс, гимназия № 12**

*Мурад.* Моя мама очень любит читать книги. Одна из любимых ее книг это произведение Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Когда на открытии Олимпийских игр в Сочи показывали сцену с Наташей Ростовской моя мама не смогла сдержать слез от такого прекрасного зрелища. Моя мама также любит читать стихи А.Пушкина, иногда М.Лермонтова. Она ими восторгается и поэтому сама начала писать много интересных стихов.

На каждое знаменательное событие в семье или у близких родственников или просто для души она сочиняет прекраснейшие стихи. Недавно моя мама начала читать книгу «Тихий Дон». К сожалению, моя мама очень устает после работы и не имеет возможности читать книги каждый день. Моя мама очень любит рассказывать сюжеты разных произведений семье. Нам это очень нравится.

*Ксения.* Моя мама — преподаватель в университете, из чего следуют ее определенные привычки в чтении. Она предпочитает научную литературу по своему предмету, каким является социология, различные исследовательские труды и диссертации. Художественную литературу моя мама практически не читает, ибо у нее нет на это совсем никакого времени, однако иногда, уловив свободную минутку, она пролистывает творчество Л.Н.Толстого или Ф.М.Достоевского. Любимой же ее книгой является «Цветы для Элджернона» Кена Кизи, которую я посоветовала ей и которая стала излюбленным вечерним чтением моей мамы.

Вообще, моя мама — чрезвычайно образованная и интеллигентная женщина, в ее багаже огромное количество различных трудов и книг, и моей собственной любовью к чтению я обязана исключительно ей.

*Дима.* В современном мире, где во всю идет прогресс люди мало внимания уделяют чтению книг. В основном люди читают все с гаджетов. Я тоже отношусь к тем, кто читает новости да и только.

Моя мама работает и очень сильно занята по дому. Но тем не менее она уделяет

свое некоторое время чтению книг. Она очень сильно любит читать произведения Бориса Акунина. Лично я знаю, что она прочитала серию книг «Пелагия» и «Сказки для идиотов».

*Софья.* Моя мама... восхищается многими авторами. Но чаще всего ее можно застать перечитывающей рассказы Чехова, романы Достоевского, повести Сомерсета Моэма. Этих авторов она может перечитывать по многу раз и именно она привила мне любовь к книгам, советуя мне, что лучше почитать, зная мои предпочтения. Я знаю, что на данный момент она читает Сартра. Следующий на ее очереди Оруэлл. Читает она часто, порой даже на работе.

Она читала мне сказки перед сном, когда я была маленькой, она научила меня читать, она советовала мне хорошие книги и привила любовь к чтению и познакомила с чудесным миром литературы.

*Никита.* Я не знаю, что читает моя мама, но часто я видел у нее любовные романы современных авторов. (*Зачеркнуто.*) А еще так как ее работа связана с сферой бизнеса, я видел у нее книги на данную тему. Читает она довольно часто, я частенько вижу новые книги на ее полке.

*Без подписи.* Моя мама интересуется многими вещами. Поэтому она читает разные литературные произведения — от исторических романов до детских сказок.

Э.Ремарк — ее любимый писатель. Его слог легок для понимания, а его произведения наполнены глубоким смыслом. Моя мама привила мне любовь к современной исторической романистке — Филиппе Грегори. От ее романов невозможно оторваться. У каждого читателя в голове складывается полная и понятная картина определенной эпохи. Мы с мамой часто обсуждали произведения Филиппы Грегори. Наши любимые романы — «Вечная принцесса», «Еще одна из рода Болейн». «Вечная принцесса» рассказывает нам об одной из великих королев Англии 16 века — Катерине Аргонской. Которая была рождена в Испании, ее имя до замужества было — Каталина.

Моя мама — «книжный червь». Она всегда советует мне почитать интересные и увлекательные книги.

*Без подписи.* Будучи романтичной и умной женщиной, моя мама посвящает всю себя классике. Ее любимое произведение «Джейн Эйр» все время звучит и цитируется в нашем доме, и именно мама научила меня любить книги. Ее, в свою очередь, научили ее родители, и за нашу громадную библиотеку я могу сказать спасибо ее папе, моему дедушке.

Из-за занятости на работе у мамы часто нет возможности читать большие произведения, и она расслабляется легкими любовными романами. Но особенно сильно мама любит стихи. Анна Ахматова, Марина Цветаева, Белла Ахмадулина — это еще не весь список ее любимых поэтов. В последнее время, не без моего влияния, мама заинтересовалась Иосифом Бродским, мы часто читаем с ней стихи вслух. Маме очень интересны и мои литературные предпочтения, по моему совету она познакомилась с «Облачным атласом» Дэвида Митчелла и с трилогией «Властелин колец» Джона Толкина.

### *«Она могла за 2 часа прочитать по целых пятьсот страниц»*

#### *7 «а» класс, гимназия № 3*

*Деревлева Софья.* Моя мама, как и бабушка любит читать книги Захара Прилепина. Мама моя читает книги разных жанров кроме фантастики. Иногда мама интересуется моими школьными занятиями по литературе, потому что ей интересно, что прохожу я на уроке. Бабушка наоборот любит все жанры. Когда я интересуюсь книгой,

которая мне нужна или я хочу прочитать бабушка ищет мне ее в своей маленькой библиотеке. Мама с бабушкой не прочитав и главы вечером не ложатся спать, но и я тоже не лягу спать не прочитав главы или дохожу до интересного момента.

*Ужакова Милена.* Моя мама любит детективы. В данный момент она читает произведение «Поезд из Венеции». Я тоже последовала ее примеру. Когда у мамы нет времени на чтение, я читаю ее книгу. Иногда мама рассказывает мне главу, я не люблю, когда она так делает, я хочу прочитать сама. У нас в семье каждый любит читать в одиночестве, поэтому мы чаще всего читаем в разное время.

*Немыкина Диана.* Моя мама — учитель, и поэтому она много читает. Дома у нас огромная библиотека, и маминых шкафов целых 6! У меня же только один. Они не заполнены учебниками, на полках шкафов «живут» книги разных жанров. Мама любит читать книги по искусству: у нас огромное количество книг о художниках, писателях, композиторах, архитекторах и т. п. Уже десятки и даже сотни книг прочитала моя мама, поэтому она такая умная. А еще она любит читать те книги, которые читаю я. Сейчас мы с увлечением читаем книги Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак. Они пишут о современных подростках. Вся наша семья любит читать. Часто вечерами в квартире становится очень тихо, потому что все что-то читают.

*Боброва Юлия.* Моя мама чаще всего читает статьи о работе... Так же мама изучает Конституцию РФ. Когда я читаю вслух, мама меня поправляет, если я делаю неправильные ударения и с удовольствием слушает мои книжки. Это книжки не на урок, а свободное чтение... Таким образом мы с мамой прочитали очень много книг: «10 тысяч лье под водой», Дюма, Человек Амфибия, Беляева и очень много другого. Я люблю свою маму.

*Головко Максим.* Моя мама очень любит читать фантастику, которую пишет Стивен Кинг. Стивен Кинг написал много книг, эти все книги имеет моя мама. К несчастью мама прочитала все книги Стивена Кинга и ей приходится читать другую фантастику. Мне не интересно содержание книг, которые нам дают в школе. Поэтому я читаю то, что хочу я. Но мне очень сложно выбрать, поэтому обратился к маме. Она знает какой жанр я люблю и она мне предложила Кинга. Теперь я тоже его читаю.

*Дроздова Алина.* Моя мама очень любит читать. За неделю она прочитывает несколько книг. Моя мама, как и вся наша семья, верует в Бога, поэтому читает только православные книги. А еще мне мама рассказывала, что когда она была подростком, она с подругой Леной устраивали соревнование: кто прочитает больше книг за определенное время. Сейчас я читаю книгу «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, которую посоветовала мне прочитать мама. И мне она очень нравится.

*Дарья Гончарова.* Моя мамочка очень любит Селинджера «Над пропастью во ржи». Еще она любит читать те книги, в которых мало описания и очень любит, когда присутствует множество хороших персонажей. Так-же она любит читать такие книги как «Белый клык». Она у меня очень разносторонняя: у нее красивый и богатый словарный запас.

*Рунзина Ирина.* Моя мама очень любит читать. К сожалению, из-за работы у нее на это остается мало времени. Моя мама любит читать «Мастер и Маргарита» Булгакова, она говорит, что каждый раз, читая эту книгу, она понимает ее по-разному. Так же недавно мама читала «Идиот» Достоевского. Она часто делилась со мной интересными сюжетами из этой книги. Мы с мамой очень любим читать. Я всегда советуюсь с мамой, какую книгу прочитать.

*Пырова Елена.* ...Каждый день, не важно утро или это вечер, она читает. Мне кажется, книги для мамы нечто большее, чем просто истории и проводники в другой мир. Моя мама читает детективы и романы, обожает творчество русской писательницы Татьяны Поляковой.

*Матлахов Илья.* Моя мама очень любит читать. Когда мой брат был маленьким, то в то время, когда он спал она читала... Она могла за 2 часа прочитать по целых

пятьсот страниц. За это я всегда ее любил и уважал. Она была очень начитанная. Она читает классику и мелодраму. Моя мама всегда подсказывала мне, что почитать и из-за этого я хорошо и быстро умел читать уже в начале первого класса. Но сейчас все изменилось, мой брат уже почти ходит в школу, да и я уже вырос, моя мама стала реже читать, потому что у нее много хлопот по дому и на работе, но моя мама до сих пор знает, что посоветовать почитать.

*Величко Анастасия.* В Москве живет доктор Нонна, но она еще и писатель. Она изготавливает лекарства и косметику. И совсем недавно она написала три книги о том как познакомилась со своим мужем. И моя мама любит вечерами читать ее книги. А так совсем недавно мама прочитала книгу про детектив.

Моя мама читает не много потому что, у нее мало время.

*Чубарых Алина.* Моя мама любит читать всякого рода детективы. Я разделяю ее вкус, но читаю детективы для детей — подростков. Детектив — очень интересный жанр, ведь не знаешь, как и чем может закончиться история. Очень интригует. Иногда, по вечерам, я и мама берем свои книги и в одной комнате погружаемся каждый в свою историю. Хоть мы читаем и разные книги, но это сближает.

*Дакус Антон.* Здравствуйте. Все мы — читаем. Читаем, хоть и малозначительные, баннеры и надписи на заборах, домах, иногда даже подвешенных над проезжей частью... Но я хотел бы вам рассказать о вкусах мамы, хоть и живем мы сейчас, увы, порознь... Мама моя — интересная личность — в юности она любила книги, схожие с «Детьми капитана Гранта», а сейчас, (как и я), увлекается фантастикой и, достаточно новым жанром — «фэнтези». Она мне, (совместно с папой), подсказала книги как «Крадущийся в тени» Алексея Пехова, «Путь безнадёжного», «Рыцари порога». Превосходные книги! Мама с папой — золотые люди! Благодаря им я получаю хорошие оценки по русскому языку и литературе. До свидания, дорогой читатель!

*Максим Припузов.* Моя мама давно не читала книг. Ей просто некогда. Она очень много работает, она устает. Когда она приходит с работы, она начинает готовить еду. Я думаю, моя мама любит читать, но ей некогда.

*Усачева Марина.* Современные подростки совсем забыли о том, что нужно обогащаться духовно. Но наши родители, бабушки увлекались, увлекаются и будут увлекаться чтением. Моя мама очень любит читать. Ей не составляет труда прочесть то или иное произведение. Для нее это хобби. Мама очень любит произведения Достоевского, Чехова, Булгакова. Ее очень привлекают детективы. Кстати, именно любовь к этому жанру моя мама и передала мне по наследству. Родители следят за тем, что я читаю, какие произведения мне понятны, какие нет. Более того, они сами мне советуют произведения, исходя из моих предпочтений. После прочтения мы всей семьей делимся впечатлениями.

*Пахомова Алина.* Моя мама не читает книги, но я не осуждаю ее за это и никто не имеет право это делать. Маме совсем не хватает свободного времени, она работает, приходит с работы убирается, готовит еду. Моя мама очень сильный человек! Она терпит наши с братом капризы, успевает все делать, но не читает книги. Я горжусь своей мамой!

### *«Раньше она читала, а теперь ей больше по душе рукоделие»*

#### *7 «в» класс, гимназия № 3*

*Огородов Данил.* Моя мама увы ничего не читает, потому что она занята. Во-1х, она занята на работе, ее загружают всякими бумагами, отчетами. Во-2х у нее двое детей я и моя сестра. она готовит, убирает, мы ей всячески помогаем но нашей помощи не хватает. Как видите сами времени на чтение не остается.

*Голякова Кристина.* Моя мама очень занятой человек, она мало читает. Все время чтения занимает моя младшая сестра. У мамы нас трое: я, старший брат и младшая сестра. Мама не успевает читать, она готовит, убирает квартиру, стирает, сидит с сестрой и работает. Я даже не знаю, как она все это успевает делать?! Она каждому уделяет много времени, как?! Есть дни, когда уложив сестру, она сидит и читает книгу, попивая чай с печеньем. Она у меня психолог, читает, наверное, на эту тему. Мы больше любим смотреть всей семьей Гарри Потера, Нарнию и другие фильмы.

*Абдуллаева Тамара.* Моя мама не читает, ей некогда. Она работает на очень утомительной работе. Два дня работы, а на два дня выходных она как мертвая лежит и отдыхает. Правда иногда, она читает журнал «7 дней», там пишут о всяких звездах. А вообще моя мама очень начитана, ведь в детстве она читала, очень много читала, у нас целая библиотека из старых книг. Зато моя бабушка много читает. По большей части это то, что я прохожу в школе. Моя бабушка, можно сказать снова пошла в школу вместе со мной.

*Выродов Виталий.* Когда я в очередной раз прихожу домой, и читаю произведения предоставленные в школьном учебнике по литературе моя бабушка не может пройти возле комнаты не уделив внимания мне и литературному произведению. У нас уходят десятки минут на то, что бабушка говорила, как она читала эти произведения. Она очень начитанная, у нас в доме есть старенький шкаф или что-то в этом роде, с множеством полок и стеклянных дверц, на полках лежат и пылятся прочитанные книги. Когда нам в школе задают прочитать произведение из какой-нибудь старенькой книжки бабушка чаще всего находит их на полках. Иногда бывает такое, что я читаю книжку бабушке, чтобы она знала, что я прочитал эту самую книжку.

*Трухачева Дарья.* Моя мама любит читать детективы, ее любимая писательница Дарья Донцова. Еще Паульо Коэльо. Это ее самый любимый, наверное, писатель, и его книга «Заир». Мама ее перечитывала несколько раз, и всегда у нее дух захватывает после прочтения той или иной книги. Когда моя мама начинает читать детектив, она становится некой «подозрительной» всегда. Если запутанная ситуация, она начинает ее расследовать. Это выглядит, как будто бы она сама детектив. Наверное, ей это очень нравится.

*Лычев Иван.* Мама читает Гоголя, очень любит комедию «Ревизор», Библию, стихи Пушкина, любовные романы.

*Сойникова Юлия.* Моя мама читает книги в свободное от делов время. Она очень любит книги, именно книги, не электронные и не онлайн-книги, а самые настоящие книги. Она читает романы и иногда детективы, но чаще всего романы...

*Лушникова Елизавета.* Моя мама не читает книги. Она занята работой. Раньше она читала, а теперь ей больше по душе рукоделие. Она интересуется литературой, когда мы по уроку искусства речи читали такие книги как «Белый Бим Черное ухо», «Чучело», она рассказывала, что когда была ребенком, то несколько раз перечитывала книгу «Чучело» и смотрела фильм. Я читала эту книгу вместе с ней.

*Крисанов Максим.* Моя мама читает книгу «Алхимик». Изредка я заглядываю в эту книгу, но мне она кажется непонятной.

*Дашкевич Александр.* Моя мама ничего не читает потому что она приходит с работы усталая она кушает или делает кушать, а потом идет спать. Когда у нее было время она читала книгу про Богов, только автора я не знаю. Эту книгу она читала с удовольствием видимо очень увлекательная книга. Ну а в данный момент она ничего не читает.

«А можно про папу?..»

6 «б» класс, гимназия № 12

*Лиза.* Моя мама любит читать книги, в свое время мама прочитала все книги в библиотеке города Строитель (городской поселок в 40 км от Белгорода). Моя мама любит книги в стиле Шерлока Холмса. И когда я была маленькой, мне мама читала отрывки на ночь. И мне очень нравилось.

*Аня.* Больше всего моя мама любит читать книги — детективы. То есть книги, в которых рассказывается о всяких интересных случаях и разных историях. Также, конечно, различные газеты, журналы и объявления. И еще в интернете читать новости. Ру.

*Вероника, полгода назад приехала из Донецка.* Моя мама любит читать Ремарка, Конан дойля, Пушкина. Еще она читает фантастику. Как и я, книги на иностранном языке. Больше всего она любит читать сказки, чтобы вспомнить детство. Последнее время она читает очень мало и много сидит в Интернете.

*Юля.* Моя мамочка любит читать православные книги. Она читает их каждый день. Также она читает романы. Такие, как «Таинственный остров» и «Пятнадцатилетний капитан». К сожалению, у нее не хватает времени, чтобы прочитать книгу.

*Ульяна.* Моя мама любит читать книги по истории. У нас дома находится собрание сочинений русских и зарубежных писателей. Сейчас я читаю «рассказы средневековой истории», а мама читает «Жизнь Жанны д, Арк». Чтение книг по истории — увлекательное и познавательное занятие.

*Ирина.* Моя мама ничего не читает, потому что ее почти весь день нет дома. Если она дома, ей нужно готовить и убирать. Поэтому ей некогда читать книги.

*Серафим.* Моя мама очень редко читает. Но если она читает, то читает до конца. Она любит исторические книги про известных людей: Пушкина. Ленина. Про известные события — Великую Отечественную войну 41-45 годов, войну на Кавказе.

*Денис.* Моя мама ничего не читает потому, что она болтает по телефону с бабушкой. Обычно разговор длится 2 часа. А максимум — четыре часа.

*Маша.* А можно про папу? Мой папа очень любит читать. У нас дома стоит шкаф специально для папиных книг. Там есть и мои книги. Каждый день у нас в туалете лежат фантастические боевики. Но папа читает не только боевики. Но и политические книги, хотя по правде говоря, он не очень любит произведения на такие темы. Мы с бабушкой регулярно ходим в библиотеку за научной едой. Ох. И тяжелая это вещь — знания.

Так как я пошла в папу, то я тоже люблю читать книги. Вот такая у нас семья.

*Ксения.* Моя мама каждый день уже как полгода читает одну и ту же книжку. Она все время ее прятала. Но как-то я увидела, куда она ее положила, и мне стало интересно. Она ее положила в тумбочку, в самый дальний уголок. Когда мама ушла, я полезла туда и достала очень тоненькую книжицу. Она называлась «Как наладить отношения в семье». Я очень удивилась, как можно читать тоненькую книжицу полгода. Оказывается, она ее читала каждый день по одному листику, перечитывая ее несколько раз.

*Саша.* Моя мама не успевает читать, потому что она занята воспитанием моего младшего брата, которому 8 месяцев.

*Вероника.* Моя мама любит читать газеты и журналы, разные объявления.

*Кирилл.* Моя мама читает больше всего исторические книги. Например, она посмотрела кино про Екатерину Вторую, а потом начала читать книгу про Екатерину Вторую. Еще моя мама любит читать про наших императоров.

*Катя.* Моя мама читает детектив, это ее любимый жанр книг. Как она рассказывала, что в детективах неожиданные концовки и очень интересные продолжения. Ее домашняя библиотека переполнена детективами и зарубежной литературой. Я сама иногда беру ее книги и читаю, они очень интересные и увлекательные. Ее самая любимая книга «Пока ты моя».

*«Моя мама самый лучший читатель в свободное время  
от работы, вот поэтому я так редко вижу ее с книгой»*

*5 «б» класс, гимназия • № 3*

*Борченко Полина.* Моя мама редко читает книги, потому что у нее много домашних забот, но когда у мамы есть свободное время она читает свою любимую книгу «Сумерки»... Когда я была еще совсем маленькая мама читала мне книгу «Три поросенка». Эта книга мне очень нравилась, и она читала мне ее все время, поэтому я думаю, что мама выучила ее наизусть.

*Чуб Дарья.* Моя мама в детстве читала разные книги, но ей больше всего нравился Андерсен. Сейчас ей нравятся другие книги. Она постоянно читает «Дух LESS мщения». Мама ее читает когда отдыхает или перед сном. Я тоже захотела ее прочитать, но эта книга была скучная.

Еще моей маме нравится книга «50 оттенков серого». Эта книга состоит из трех книг. Маме и моей сестре она очень нравится. Такие и другие книги мама хранит на книжной полке рядом с телевизором.

*Муравлева Елизавета.* Моя мама любит читать книги. Каждый день она садится у камина на теплый коврик и читает романы, фэнтези, детективы. У нее есть своя библиотека. И каждый день мама пополняет свой клад. Она приносит книги из библиотеки или же покупает их. Иногда, я присоединяюсь, и читаю вместе с мамой, и время так быстро летит! Вот и книга закончилась. К ней приходят гости, и удивляются такой красоте и богатству библиотеки. Ведь книга — это билет в страну приключений.

*Сергеева Мария.* Мы с моей мамочкой очень дружим и играем в театр после любой прочитанной книги, а зрителями могут быть папа и братик, которые не очень любят читать. Мама любит и посоветовать свою книгу любимую, которую она читала в моем возрасте или мы можем прочитать ее вместе, но по ролям. Меня это очень заинтересовывает я могу прыгнуть в свою фантазию в ту самую сказку или рассказ. Но мама может не целыми днями читать, а только в свободное время. И я очень люблю свою маму не потому что мы вместе читаем а за все. Моя мама самый лучший читатель в свободное время от работы, вот поэтому я так редко вижу ее с книгой.

*Гаргома Андрей.* Моя мама любит читать разные книги, но больше всего романтические. Ей очень нравится книга «Ромео и Джульетта». В детстве она очень любила читать сказки «Волшебник Изумрудного города», «Пеппи Длинный Чулок» и «Приключения Незнайки». Я, мой папа и мама очень любят читать. Ведь это очень интересно побывать в необыкновенном мире книг.

*Демещенко Анастасия.* Моя мама любит читать или энциклопедии, или фантастические рассказы. Энциклопедии она читает с папой. Им обоим это интересно, а вот фантастические рассказы она читает вместе со мной. Мне конечно тоже они интересны, но иногда мама может выбрать такой рассказ, что я не буду понимать половины слов.

Как-то раз мама посоветовала мне прочитать книгу «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна». Мне эта книга очень понравилась. Мама говорит: «Когда я была маленькая, я перечитала книгу 3 раза и все это было, потому что с первого раза я не смогла понять некоторые эпизоды». Меня поражало, когда мама говорила такое, потому что эта книга очень длинная.

*Тищенко София.* Мы с мамой очень дружны! Она очень часто читает журнал «Семь дней». В нем описываются разные голевудские звезды, но чаще всего на обложках попадают русские звезды. Некоторое время она увлекалась вышивкой. Поэтому и журналы такие читала. Я не увлекаюсь чтением. Изредка когда задают что-то прочитать на урок я конечно сяду и прочитаю.

*Орехов Илья.* Моя мама любит читать книги, которые рассказывают об истории нашего государства. Иногда вечером мы вместе сидим на диване, и я читаю маме книгу. В детстве мама очень любила читать рассказы А. П. Чехова. Однажды я тоже решил прочитать чеховские рассказы, и они мне очень понравились. Мама довольно часто дает мне книги, которые можно читать в любом возрасте.

*Фучижи Артем.* Моя мама читает много разных книг. Она читает и детективы, и приключения, исторические книги, фэнтези и фантастику. Мама советует мне много интересных книг, и я с удовольствием их читаю. Некоторые книги мы читаем всей семьей. Иногда я тоже советую маме прочитать интересную книгу. И я, и мама, и папа очень любим читать.

*Кравченко Элина.* Моя мама в детстве читала книжку «Чипполлино». Это была ее самая любимая книжка. В данный момент она читает книги про вязание, вышивание и другие книжки, связанные с рукоделием. Так как моя мама врач, она обязана читать книги о различных заболеваниях. Мы с мамой любим прочитывать наши любимые книжки вместе.

*Кабачный Максим.* Моя мама очень любит читать. Она предпочитает: романы, рассказы о войне и детективы. Она не раз мне давала читать свои книги, но честно говоря я прочитал только две. Наверное, любовь к чтению она унаследовала от бабушки. Они обе пытались заставить меня прочитать их любимые книги, но я люблю ужастики и фантастику. Что ж похоже я пошел в папу. Мы не любим читать их книги.

### *«Моя мама очень любит читать большие журналы с большими картинками и важными советами»*

#### *5 «а» и 5 «б» классы, гимназия № 12*

*Максим.* Моя мама любит читать А. Пушкина и книги про овощи.

*Майя.* Моя мама ничего не читает. Но она любит иногда читать стихи Лермонтова. Она все время занимается готовкой или уборкой. Она все время заботиться о нашей семье и все время кормит меня и моих любимых щенят. Я очень люблю свою маму, потому что она любит меня еще больше.

*Ольга.* Моя мама читает много разных книг по вечерам. Она любит читать стихи, романы. Еще она читает, как приготовить вкусную еду. Иногда мама смотрит по телевизору, что творится в Украине. Она читает каждый вечер, ей это очень нравится...

*Илона.* Моя мама очень умная, а все из-за того, что она много читает. Она читает книги и про кулинарию, и фантастику. Она еще любит читать стихи Лермонтова. Моя мама так же, как и я, ведет фонарик. Это есть такой сайт «Фанбук», там мы с мамой иногда читаем книги и журналы. Самая любимая книга моей мамы — это «Война и мир».

*Джомгун.* Моя мама редко читает. Она просто приготавливает еду, пылесосит дом, чистит полы и играет в компьютере. Она иногда купит книг для еды и мама читает эту книгу и приготавливает еду.

*Давид.* Моя мама читает журналы под названием «Моя прекрасная дача», потому что у нас огромный огород. Там мама читает статьи про то, как надо правильно сажать овощи, фрукты: огурцы, помидоры, лук, картофель, а еще там написано, как можно сделать кормушки для птиц, капельный полив. Моей маме очень нравится этот журнал.

*Катя.* Моя мама часто читает разные рецепты. Она смотрит рецепты и в Интернете, и в кулинарных книгах. У нас всегда много вкусного дома. У нас могут быть кексы-мафины, булочки-бонисоны и много всяких вкусностей. Моя мама может приготовить и пиццу, и чипсы, при этом все будет вкусным и полезным.

*Катя.* Моя мама очень любит читать большие журналы с большими картинками и важными советами. Как вкусно приготовить, как украсить дом к Новому году, как правильно навести макияж, что сейчас в моде и обязательно почитать анекдоты, можно разгадать кроссворд.

*Даша.* Мою маму зовут Марина. Я ее очень люблю. В школе она была отличница. Она очень умная. Каждый день, когда у нее есть свободное время, она либо делает свои дела, либо читает книгу. Но она читает не обычную книгу, а электронную. Мамуля специально купила ее. Она маленькая и удобная. Ее можно взять в дорогу...

*Роман.* Моя мама читает газету «Комсомольская правда» утром и днем. С понедельника по четверг я, мама, папа смотрим сериал «Молодежка». После сериала идет кулинарное шоу «Мастер шеф», мама любит и запоминает некоторые рецепты. В пятницу после программы «Время» идет «Голос», это самый любимый сериал. Если она не успевает, то смотрит утром. Два месяца назад я, мама и папа очень любили сериал «Доктор Хаус», но он закончился и мы перестали смотреть. В среду с 14. 30 до 20.00 идет сериал «реальные пацаны», но мама если захочет то посмотрит. А если не захочет то выключит. В субботу и воскресенье идет сериал «Гарри Поттер». Мой дедушка больше всех читает, но и мама после него идет посмотреть что происходит в мире.

*Ираклий.* Моя мама читает множество книг. Например, недавно она прочитала книгу «Книжный вор». Она читает как и рассказы, так и книги про медицину. В Интернете она находит интересные статьи про медицину. Еще мама читает газету.

*Маша.* Моя мама читает очень часто. Перед сном или в свободное время. Она читает книги великих святых: Иоасафа Белгородского, Сергея Радонежского, Марию Магдалину. Она часто дает мне прочитать абзацы и я пытаюсь их запомнить и использовать в жизни. Она читает журналы и заказывает вещи.

*Виктория.* Моя мама ничего не читает. Она смотрит фильмы: «Пятая стража», «Физрук». «Молодежка». Или работает. Потом готовит или играет в игры в Интернете.

*Светлана.* Когда я была маленькая, мне мама читала разные сказки. Чаше всего мне мама читала сказку о «Спящей красавице». Сейчас мама тоже мне читает книжки. Вечером после работы она садится и смотрит разные передачи. Вот вчера мы смотрели как готовить.

*Марк.* Моя мама очень любит читать, но у нее очень мало времени на это. Она обожает детективы Татьяны Устиновой. Но также мама читает новости в Интернете. Она говорит, чтобы я больше читал. Но я ее часто игнорирую. Бывает, когда у мамы свободный день она может все время читать. Но хоть я мало читаю, мама все равно меня любит и я ее тоже.

*Софья.* Моя мама читает лишь одну книгу «Мой малыш». По этой книге она вырастила меня, мою сестру Ксюшу. А сейчас Арину. Мама говорит: «Каждая страница здесь несет какой — то смысл.» сама книга старая, ведь мама ее читала до моего рождения. А ей она досталась от ее мамы. В нашем роду из всех наша семья самая здоровая. Вот какая полезная это книга!

*Денис.* Моя мама не читает много страничные книги. Она читает книги о вязание, журналы, газеты. ...Моя мама любит вязать!.. Мы ищем в Интернете разные поделки из бумаги. Моя мама не любит читать фантастику, детективы, романы. Но она делает и другие полезные и интересные вещи.

*Аня.* ...Сейчас моя мамочка много работает и не успевает читать то что ей нравится. Но она все равно читает очень много так как работает преподавателем в университете и читает работы студентов... Когда я была совсем маленькой, мама приходила в какой-нибудь парк или тихий дворик, брала книгу и читала. Она называет себя чтецом.

*Илона.* Моя мама читает книги об истории, но еще она читает и узнает из них многие различные блюда. В детстве мне мама читала множество книг, а сейчас она читает их племяннику. Но я не расстраиваюсь, ведь могу сама прочесть их.

*Артур.* Моя любимая мама читает очень много разных книг. Вот несколько из них: «Белый клык», «Назад в прошлое» и т. д. Она читает журналы, множество сериалов. Моя мама начитанный человек когда у нее есть свободное время, она читает что-нибудь. Еще она смотрит очень много познавательных фильмов и т. д.

*Агнесса.* В комнате у моей мамы есть большая библиотека. Все эти книги читает моя мама. Всегда, когда я заканчиваю делать уроки, мама сидит и рядом со мной читает книгу. Когда мне дарят книгу, мама открывает ее и читает. Моя мама очень умная! Я хочу быть такой же умной.

*Даша.* Моя мама очень любит читать. Она читает романы. Боевики и так далее. Мамочка берет книги в библиотеке. Иногда мама смотрит рецепты и много узнает. Мама читает истории в Интернете. Моя мама быстро читает и поэтому берет в библиотеке по три-четыре книги. Из-за того, что она много читает, мамуля все знает. Если я незнаю, что означает слово я спрашиваю у мамы и она мне объясняет.

*Никита.* Моя мама ничего не читает, но раньше когда я ходил в садик, она читала многие романы, приключения. От того, что она читала книги, у нее развился большой словарный запас. Она решает сканворды, ей это удастся очень легко. Когда я делаю домашнюю работу, иногда задаюсь вопросом, подхожу к маме. И она с легкостью мне отвечает. Сейчас мама не читает книги, она смотрит фильмы. Сериалы, романы. Я иногда удивляюсь тому, что когда я хочу посмотреть фильмы, а она их все знает. От того, что она читает, у нее развилось умение рисовать, она мне это сама сказала, я не знаю почему. Но в любом случае я всегда гордился и горжусь и всегда буду гордиться своей мамой!

*«Я часто вижу, что мама читает о красоте.  
Я не знаю почему ей нравится читать о красоте?»*

#### **4-е классы, лицей № 9**

*Катя.* В нашем доме очень много литературы. Моя мама очень любила читать в детстве. И сейчас она читает много книг с удовольствием. Несколько недель начала читать фантастику. Мама читает рецепты и удивляет своими вкусами. Раньше была сильно увлечена романами. Иногда мне даже цитировала. В детстве любила читать сказки, приключения и журнал «Мурзилка». И я начала читать много приключений и романов. Я хочу быть похожей на маму.

*Ярослав.* В нашем доме есть литературные произведения. В моей семье все читают книги, но моя мама читает больше. Она больше любит читать каталог «Орифлейм». Вот поэтому она очень красивая.

Люди, я советую вам тоже читать этот каталог!!

*Юлия.* У нас в доме очень много книг. Моя мама очень любит читать журналы для женщин. Недавно у нее был день рождения, и папа подарил ей книгу Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» и «Похороните меня за плинтусом 2, хроники раздолбая». Еще сотрудники маминой организации подарили ей хлебопечку, и она приобрела в магазине книгу «Я и моя хлебопечка». Еще моя мама читает книги по уходу за садом, огородом, комнатными растениями. Моя мама любит читать романы про любовь. Я поддерживаю ее увлечение. И мой папа очень любит читать. У нас вся семья любит читать.

*Алина.* Моя мама очень любит читать книги. Она читает о любви, о цветах, о кулинарии. Но больше всего моя мама любит читать православную литературу, Библию и календарь с молитвами на каждый день.

*Артем.* Моя мама очень любит читать. Читает она много разных журналов и книг. Самый любимый журнал называется «Караван». Еще мама читает книги известного

писателя Харуки Мураками. Еще мама читает книги для поваров, так как любит готовить. Еще моя мама читает книги о правах, банках, потому что работает бухгалтером.

*Алиса.* Моя мама читает много журналов и книг. Из журналов ее любимый «Семь дней». А вот из книг в основном научную литературу по химии, потому что она педагог в БелГУ. Еще мама читает «Лекарь сказочных душ» из серии «Дневники-онлайн». Также она любит книги ужасов Стивена Кинга.

*Александр.* Моя мама любит читать журналы про здоровье, как ухаживать за растениями, научную литературу. В журналах про здоровье она любит читать, как лечить горло и насморк, она любит читать, какие цветы можно посадить в доме.

*Софья.* В нашем доме полно литературных произведений. В моей семье все любят читать, но больше всех моя мама. Она любит читать сразу несколько книг, особенно книгу «Тяжелый песок». Еще моя мама читает книгу «Акушер-ха», это история из реальной жизни, смешной рассказ. Даже целая книга.

Люди, читайте и вы книжки, это очень полезно!

*Анна.* Моя мама очень любит читать. Она часто читает женские романы. Увлекается косметикой, читает женские журналы. Моя мама любит готовить, поэтому у нас много книг по кулинарии. Чтение — это хорошо!

*Михаил.* Моя мама очень любит читать. Она читает книги, журналы, про животных, журналы о здоровье. Еще она читает книги о том, как надо ухаживать за растениями. Она работает доктором и иногда читает книги о теле человека, как он устроен.

*Екатерина.* У нас дома много литературы, но больше всего книг про то, как приготовить разные торты и пироги, немного книг про здоровье, садоводство и огородство.

*Антон.* У меня есть мама, ее зовут Юля. Она почти не читает, потому что у нее очень много хлопот. Ей надо следить за мной, готовить еду. Мама любит читать всего лишь одну книгу. Название этой книги «Огненный перст». Ее автор Борис Акунин. Ей нужна эта книга, чтобы отдохнуть от физического труда.

*Андрей.* Моя мама ничего не читает. Я не знаю почему. Я решил спросить у нее. Она ответила: «У меня нет книг! Поэтому я ничего не читаю». Вот и ответ, у нее нет книг. На ее день рождения я собираюсь подарить ей книгу «Двадцать тысяч лье (километров) под водой» Жуля Верна.

*Ева.* У меня есть мама. Ее зовут Инна. Она любит читать много разных книг и журналов, но особенно мама любит читать фантастику. Эти книги ее самые любимые. Читая эти книги, они помогают отдохнуть от трудного дня. Недавно мама мне купила книгу известного писателя Г. Андерсона, и я читаю ее вместе с ней. Книги ее не учат ничему. Мама читает их, чтобы отдохнуть от работы.

*Илья.* Моя мама любит читать рассказы Аркадия Гайдара. Потому что он пишет очень интересные и занимательные рассказы. Но моей маме больше всего нравится рассказ «Голубая чашка». Когда моя мама была маленькая, она много раз перечитывала этот рассказ. Я считаю, что такой рассказ показывает все хлопоты жизни.

*Настя.* Что любит читать моя мама? Для меня это остается вопросом. Но моя мама покупает много книжек: стихи, рассказы, басни и даже детский детектив. Но для нее самое интересное — это Библия. Я всегда вижу ее на выходных с нею. Мама читает для того, чтобы поступки плохие у нее не повторялись.

*Петр.* Моя мама ище с детства любила читать. Она посоветывала мне такие интересные книги, такие я не забуду никогда, например «Война миров» «Человек невидимка» а сейчас моя мама любит читать диктанты потому что она выучилась на учителя. Но ище она любит слюнтявые романы, я их нелюблю. Я люблю свою маму и уважаю ее выбор книг.

*Катя.* Моя мама обычно читает по теме. А так как мама у меня учится в Медицинском колледже, в основном читает о костях. А что читают ваши мамы?

*Дарья.* Моя мама любит читать. Она читает по вечерам, когда у нее есть время. Я точно не знаю про что она читает, но помню что моя мама читала книгу «Пятьдесят оттенков серого» и другие части.

*Даша.* Моя мама очень любит читать. Обычно она это делает по выходным, так как читать в будние дни у нее не хватает времени. Моя мама любит читать книги о детях и о приключениях, о детях, потому что когда она читает, она словно становится ребенком и вспоминает ее детство. Иногда мы с мамой читаем одинаковые книги. Самая любимая ее книга — это «Удивительные приключения кролика Эдварда» автора Кейт ди Камило. Это книга о том, как игрушка Эдвард попадает в разные приключения, она очень трогательна. Еще у нас есть традиция по выходным читать всей семьей. Эта традиция мамина самая любимая. Мы с мамой считаем, что читать должен каждый!

*Майя.* Моя мама не читает, потому что она очень занята. Чем? Она моет посуду, отвозит детей в детский садик, ходит в магазин за едой, готовит нам ужин, завтрак, обед, ей надо отвозить меня на английский, на тренировку. Очень моя мама занята. И поэтому у нее нет времени читать.

*Алексей.* Моя мама очень любит читать детективы, и наверное по этой причине она постоянно устраивает разборки и ее невозможно обмануть, но все известные детективы она уже прочитала. Что же делать? Моя мама как всегда нашла выход! Ее подруги посоветовали ей сайт под названием «еуеу». На этом сайте выкладывают различную модную одежду на продажу. Теперь моя мама по вечерам часами сидит в этом неизведанном виртуальном мире и подбирает себе очередную сумку.

С уважением ваш Алексей.

*Матвей.* Моя мама любит читать про войну. Например, про тех людей которые деверсанты. Они те которые уходят за линию фронта. Еще мама читает про приключения там где ходят люди по миру и спасают людей.

*Вася.* Моя мама любит читать различные книги. «Белый клык», еще она читала «Мишкина каша», ей понравились эти книги. Еще она любит читать произведения Толстова. Есенина, Пушкина и стихи Самойлова.

*Кирилл.* Моя мама читает романы. А именно Индийские романы.

*Павел.* Моя мама любит читать журнал «Тайны XX века». Еще мама на днях купила две интересные научные книги «Булгаков» и «Никола Тесла». Мама со мной много читает книг о тайнах.

Месяц назад мама купила все книги о Шерлоке Холмсе и уже на протяжении четырех лет читает то, что я пишу.

Лет шесть назад мама начала читать журналы о цветах, садах и фермах и обо всем, что с этим связано. Но больше всего мама любит мини-детектив «Пингвины на мотороллерах» или «Как Моко едет на телеге с лупой». Кстати, этот детектив написал я.

*Лиза.* Моя мама работает мастером-учителем в художественной школе. Она полностью погружается в свою работу.

Она читает энциклопедию искусств, историю искусств русского народа, историю живописи и много книг о разных великих художниках.

*Ярослав.* Моя мама читает только в планшете.

*Диана.* Однажды я спросила у своей мамы, что она любит читать. Мама мне сказала, что она в жизни прочитала очень много книг, что и сама не знаю.

Моя мама любит фантастику. И вот однажды она взяла книгу «Сломанная кукла». Она обычно читает перед сном, чтобы ей приснилась эта книга. Еще моя мама любит читать кулинарную книгу. Поэтому она постоянно что-то творит на кухне. Еще она часто перелистывает модный журнал, чтобы всегда быть в тренде и очень красивой. Мама любит читать разные книги. Когда мама читает, у нее появляются

новые слова. Согласитесь, ведь хорошо, когда женщина не только красивая, еще и начитанная!

*Лиза.* Моей маме нравится книга «Коты-воители». Я всегда вижу у нее в руках эту книгу. Она уже прочитала двенадцать книг «Коты-воители».

*Даша.* По вечерам в нашей семье принято читать. Моя мама любит читать про любовь. Когда она прочитывает книги, она делится со мной. Я хочу назвать одну книгу из ее библиотеки. «Ромео и Джульета». Автора я не знаю. Маме очень нравится героиня рассказа Джульета. Я не знаю, почему маме нравится эта героиня. Но узнаю. Моя мама берет эти книги из магазина «Город читателя». Он находится возле Центрального рынка.

*Вера.* У нас в семье не принято читать всем вместе. Моя мама любит читать книги о жизни, о людях и о рукоделии, например, о валянии. Моей маме нравятся эти книги, потому что они интересные и познавательные.

*Александр.* Иногда вечерами в моей семье кто то читает. Моя мама читает книги и журналы. Раньше она читала книги в которых напечатана автобиография какой-нибудь личности. Еще мама любит читать обычные взрослые журналы с афишами и рекламой. Больше я ничего не знаю на эту тему.

*Никита.* В нашей семье все любят читать книги. Я люблю читать о животных. Мама любит читать разные журналы. Я часто вижу, что мама читает о красоте. Я не знаю почему ей нравится читать о красоте? Ей, наверно, очень нравится читать журналы.

*Марина.* С детства моя мама любит читать. Сейчас моя мама уже взрослая, но все равно отдается книгам. Она читает медицинские справочники и журналы, поскольку врач — это ее профессия. Но особенно ей нравятся исторические книги, ведь мама хочет знать историческое богатство своей страны. Также мама любит читать книги о здоровье, ведь если не следить, то потом можно тяжело заболеть. Не забывает о культурном богатстве России, она часто читает о разных поэтах и художниках, я, как и мама, люблю читать биографии известных людей. А еще она любит произведения великих русских писателей. Я люблю читать как и моя мама, и когда вырасту не брошу это замечательное увлечение!

*Тимофей.* Моя мама читает гороскопы потому что она думает что это очень интересно и еще мама любит читать стихи А. С. Пушкина.

*Андрей.* Моя мама любит читать «Война миров» и «Лабиринт» и Чехова и Пушкина.

*Ефим.* Моя мама любит читать «Тайны XX века». Еще она любит читать Чехова. Любимая книга моей мамы это детектив Шерлока Холмса. На втором месте книга «Воители вселенной». Это написал я. Лет шесть тому назад она читала очень много. Разные книги, Голодные игры, Пушкин, «Война и мир». Журналы: Скуби-ду и многие другие.

*Настя.* Моя мама читает журналы «Star Hit». В этом журнале рассказывается о звездах и о моде. А еще она читает книги, а именно романы и классику.

*Вася.* Любимые произведения моей мамы — детективы. Больше всего моей маме нравятся произведения Устиновой. По этим книгам снимают фильмы, которые идут на телеканалах «Домашний» и «ТВЦ». Ну. А когда мама прочитывает их полностью, она отдает их моему дедушке. Но теперь у моей мамы есть планшет и книги она скачивает на него.

*Роман.* Моя мама в основном читает мне и моим братьям на ночь (я книжки тоже сам читаю). Мама читает смешные рассказы, к примеру «Тетрадки под дождем» грустные, православные. Книжки она читает в основном когда нечего делать. Иногда она читает журналы. Когда я был маленьким, мама тоже что-то читала но я уже не помню. В общем моя мама много читает.

*Виктория.* Мую маму зовут Анжела. Она любит читать журналы о кулинарии, у мамы их очень много.

А сейчас я расскажу, какие блюда мои самые любимые и почему.

Мое самое любимое блюдо шоколадный чизкейк и коктейль. В свой день рождения она приготовила фруктовый торт. И этот торт такое объедение.

Я узнала много нового и интересного у мамы. И может быть в будущем я стану кулинаром. Кулинария очень интересна и привлекательна.

*Алина.* Самый читающий человек в семье — это моя мама. Моя мама любит читать разные статьи из Интернета. В основном она читает о звездах или о политике. В последнее время мама читает журналы «Звезды и совесть», «Бабушкин компот».

*София.* Повечерам моя мама любит читать. Ей нравятся книги про психологию и любовь. А так как мама работает в банке, она читает и про финансы.

*Влад.* Моя мама любит читать. Она читает разные поэмы, романы и много чего еще. Я тоже хочу прочитать много книг.

*Даша.* Моя мама любит читать всякие журналы про моду. А еще в этом журнале есть косметика, например духи, помада, тени, пудры, туши.

*Егор.* Мне поставили вопрос «Что любит читать моя мама?» И я начал вспоминать. И вспомнил, как мы с мамой по вечерам читаем вместе книги, как я читаю рассказы и сказки.

А мама больше любит читать детективы, где раскрывают много дел, связанных с убийствами. Я думаю, ей они нравятся потому, что детективы правда интересные. В них так много думают, рассуждают и снимают отпечатки пальцев. Ищут подозреваемых и ловят преступников. Я думаю, что она сделала правильный выбор, что читает детективы. Ведь они правда интересные. Ведь люди читают, что сами хотят и не стоит ей мешать!

*Даша.* Мне поставили вопрос: «Что любит читать моя мама?» Я, например, читаю энциклопедии, потому что они интересные и познавательные.

Она любит читать книги о разных приключениях, например, «Приключения Гарри Поттера», потому что она интересная и потому что там рассказывается о школе магов. Еще мама любит читать разные журналы, в основном, журнал «Телесемь», потому что там мамуля находит разные рецепты и статьи. А вывод я сделала такой, что моя мама любит читать и познавать новое.

*Алиса.* Моя мама любит читать журналы и разгадывать кроссворды. Обычно мама делает это все по выходным в субботу и в воскресенье а еще в машине, когда она стоит на парковке. Ей больше нравится разгадывать кроссворды. Когда я с ней в машине, я тоже помогаю. Я считаю, что разгадывать кроссворды и читать журналы — это полезно. Потому что это помогает вспомнить детство. Когда она училась в школе.

*Николай.* Моя мама всегда очень занята: моет посуду, сидит с моей маленькой сестрой Машей. Но бывают дни, когда она ляжет на диван и не станет смотреть телевизор, она возьмет книгу. Мама всегда любит узнавать что-то новое. Поэтому она читает книги про историю и традиции разных народов. Но еще она любит читать бытовые книги. Недавно я видел у нее книгу «Мальчик, которому не больно». Я подумал, что мама читает какую-то сказку. Я спросил: «Это сказка?» — Нет... — а потом замолчала — прочитай сам и все поймешь.» — и больше ничего не сказала. Через три дня я прочитал эту книгу и все понял. Моя мама читает книги про детей, которые могут быть без чувствительных ног, с плохим зрением и без родителей. Эти рассказы очень грустные.

Но я не считаю, что моя мама унылая, она добрая и в меру веселая.

*«Когда-то в далекой юности их мамы читали...»*

Ежегодно наша гимназия участвует в сборе макулатуры, и ежегодно мы обнаруживаем в принесенных стопках книги русских и зарубежных классиков. Гоголя, Пушкина, Толстого родители наших учеников стали считать макулатурой. Старенькие книги сдаются вместе с многочисленными рекламными газетами и журналами, которые извлекаются из почтовых ящиков. Хорошо, что в ожидании транспорта, должного увезти все это, проходит много часов, потому как вместе с учениками-единомышленниками мы организовали что-то вроде команды МЧС по спасению книг. В процессе ожидания машины мы разбираем макулатурные завалы и каждый раз обнаруживаем выброшенных классиков. «Понюхайте, пожалуйста, вот эту книжку со стихами Есенина, — обратилась ко мне в последнюю нашу спасательную операцию старшеклассница. — Как пахнет!» И она, прижав к лицу заветный сборник, закрыла глаза и замерла.

Действительно, старые книги пахнут по-особому. Так не может пахнуть модный глянцево-журнал. К сожалению, для многих родителей наших учеников этот книжный запах все чаще становится неуловим. Не случайно в своих ответах школьники употребляют такой глагол, как «пылиться». Старенькие книги во многих домах действительно стали пылиться, уступив место ярким обложкам таких журналов, как «Семь дней» и «Караван историй». Проведенный опрос ожидаемо принес частые упоминания этих популярных журналов и традиционных детективов. Добавились в список родительских читательских предпочтений подборки кулинарных рецептов и книги по рукоделию. Дети очень трогательно пытаются объяснить мамينو не-чтение занятостью и усталостью, спрашивая у самих себя: «Даже не знаю, как она это все успевает делать?!» Вызывает умиление детская вера в то, что когда-то в далекой юности их мамы читали.

И все же ответы учеников меня больше обрадовали, чем огорчили. Как выяснилось, среди мам нашлось немало поклонниц русской классической литературы. (Кстати, фамилии Пушкина и Чехова, Гоголя и Булгакова встретились в анкетах успевающих учеников, чаще всего отличников.) Дети пишут о домашних библиотеках, с завистливой ноткой повествуя о количестве принадлежащих маме шкафов («целых шесть!»). Также не могло не порадовать то обстоятельство, что во многих семьях мамы читают вместе со своими детьми программные школьные произведения. С удивлением и в то же время с удовлетворением я прочитала о часах семейного чтения. А нам почему-то казалось, что оно осталось где-то там, в советском прошлом, если не в дореволюционной России. Чего только стоит «театр после любой прочитанной книги» в одной из семей! Если наши мамы все-таки находят силы и время для погружения в удивительную книжную страну вместе с собственными детьми, то есть надежда возвращения нашей стране статуса самой читающей страны в мире.

*Наталья НЕМЫКИНА,  
учитель русского языка, литературы и МХК гимназии № 3*

**Р.С. Я люблю читать стихи Пушкина, потому что в них есть смысл.**

*Безымянный третьеклассник из лицея № 9*

*Мы благодарим завуча и учителей лицея № 9 Татьяну Петровну Дедилову, Жанну Ивановну Винакову, Любовь Васильевну Локтину, Оксану Дмитриевну Болотову, Марианну Борисовну Никитенко, учителей гимназии № 12 Елену Петровну Коняеву и Лидию Васильевну Богомазову, учителей гимназии № 2 Светлану Павловну Ткаченко и гимназии № 3 Наталью Ивановну Немыкину и всех юных авторов «Дружбы народов».*

*Владимир Шпаков*

## Война без войны

**Евгений НОСОВ. Усвятские шлемоносцы: Повесть // «Наш современник». 1977. № 4—5; Красное вино победы: Рассказ // Там же. 1969. № 11; Шопен, соната номер два: Рассказ // Там же. 1973. № 3.**

### *Тревожное начало*

Начало Отечественной войны описано в литературе много раз; да и фильмов о том времени снято немало. И хотя мы вроде все об этом знаем, всякий раз поражаемся, насколько глобальным сломом бытия оказался тот роковой рубеж. Насколько перевернула война жизни миллионов, поломала, перекорежила судьбы людей от самого низа до самого верха, в каком-то смысле уравнив и рядового, и генерала, и безвестного колхозника, и члена Политбюро.

Повесть Евгения Носова «Усвятские шлемоносцы» также начинается с описания этого события. Поначалу автор показывает картину мирной жизни сельской глубинки где-то на курской земле, в селе Усвяты. Раннее воскресное утро, время покоса, и деревенский житель Касьян, отец двоих детей (третий должен родиться вот-вот), с удовольствием и задором занимается косьбой. Рядом работают односельчане, настроение у всех бодрое, почти праздничное, а тогда почему бы в обеденный перерыв не отрядить гонца за горячительным напитком? Не пьянства ради — радостный настрой души неохота терять. А потом — вновь за работу, чтоб к закату можно было погордиться делом рук своих.

Но закат они будут встречать уже в другом настроении — тревожном. Вместо полдюжины бутылок гонец привезет известие: война, братцы! И хотя сперва ему не захотят верить, сообщение о начале чего-то страшного и небывалого пригнет колхозников к земле, нагрузит на четыре года тяжким грузом старых, малых, бойцов, оставшихся в тылу — всех без исключения. Сельская идиллия оборачивается предчувствием беды и разрухи. Носов пишет это так, что кажется: погожий летний полдень превращается в хмурый грозовой вечер.

Хотя в серьезность события усвятцы по-прежнему верить не хотят. Если, мол, и заберут на войну, то лишь молодых, а таких основательных отцов семейства, как Касьян, оставят в тылу, на трудовом, так сказать, фронте. Мнение поддерживает и заезжий «агитатор» из районного центра, успокаивая селян пропагандистскими штампа-

---

*Владимир Шпаков* — прозаик, эссеист, критик. Родился в 1960 г. в Брянске. Окончил Ленинградский электротехнический институт, работал в оборонном НИИ, на гражданском и военном флоте. Позднее закончил Литинститут им. А.М.Горького. Живет в Санкт-Петербурге. Постоянный автор «ДН». Последняя крупная публикация в нашем журнале — роман «Песни китов» // «ДН», 2014, № 9—11.

ми, дескать, воевать будем на чужой территории, малой кровью и, конечно же, быстро победим.

Однако чуть позже доходят пугающие слухи о том, что германские войска стремительно продвигаются вглубь страны, что оставлен Минск, пало множество других городов, и жертвы уже огромные. И вот уже летят над тихими Усвятами советские бомбовозы, направляясь куда-то на запад. И тогда сознание мирного человека сдается: это летит она, война. На порог пришла беда, причем такая, какой еще не видывали.

Вот что думает конюх Касьян, глядя на ночную деревню: «Ему казалось, что все там охвачено каким-то тяжким повальным недугом. Это поветрие, принесенное в деревню, уже проникло и расползлось по людским душам, будь то мужик или баба, старик или малое дитя. У всех без разбора оно отложило свое семя, и с ним теперь каждый просыпался, принимался что-то делать, ел или пил, шел куда-то или ехал и, отбыв сумятный день, опять забывался во сне, не избавлявшем от смуты и ожидания неизвестного. Война... Отныне все были ее подушными должниками, начиная с колхозного головы и кончая несмышленым мальчонкой».

Носов вводит читателя в ситуацию вселенской катастрофы медленно, через множество бытовых подробностей и микро-эпизодов. Касьян, не умеющий сидеть без дела, то чинит что-то, то приводит в порядок инструмент, то сворачивает очередную самокрутку. Но надвигающийся ужас не остановим, он намного сильнее воли и чаяний отдельного (в сущности, ничтожного) человека. Привычный лад и уклад жизни разрушается некой высшей демонической силой, готовой раскрошить в пыль и Касьяна, и его семью, и Усвяты, и огромный российский (советский?) космос, который главный герой пусть и с трудом, но все ж таки осознает и представляет. «Всем миром навалиться хотят!» — вспоминается цитата из другого автора — и не зря. Здесь ведь тоже борются *война* и *мир*. Причем, как и у Толстого, второе понятие — шире обычного мирного существования, обыденного порядка вещей. Война — и бытие человеческое, стихия разрушения — и выстроенная тысячелетиями вселенная вступают здесь в единоборство, и на первых порах, чего уж скрывать, сила войны берет верх.

А тогда и мирные жители Усвят должны соответствовать ситуации, пройти своеобразную реинкарнацию, превратившись из хлебопашцев — в грозных воинов. Это преобразование вроде как происходит в сцене, когда старик Селиван, воевавший еще в Первую мировую и получивший за это Георгиевский крест, читает вслух книгу, где объясняется происхождение имен усвятцев, призванных к выполнению воинского долга. Отсюда и становится известно, что, если взять в расчет греческие или римские корни, Касьян получается «шлемоносец», Афанасий — «не боящийся смерти», Алексей — «заступник отечества, заступник всех страждущих», а Никола и вовсе «победитель»... Казалось бы, сцена отчасти шуточная («Шутейное это все», — конфузится один из мужиков), кто только не толковал имена, и всяк по-своему. Но есть тут и серьезный смысл, поскольку в мирной жизни у тебя одно имя, а на войне — другое, дающее тебе силы и возможности противостоять сильному и безжалостному врагу.

Мирная жизнь отходит от «шлемоносцев» не тотчас, она тянется за ними, как послед, липнет и не отстает. Касьян разговаривает ночью с женой Натахой, общается с матерью, смотрит на своих детишек, и эта жизнь — привычная, семейная, теплая — никак не может его отпустить. Но все-таки отпускает. Вместе с другими мужиками Касьян моется в Остомле, и один из усвятцев, Матюха, прощается с рекой: «Ну, матушка Остомля, — проговорил он виноватой скороговоркой. — Прости-прощай. Какие будем пить воды-реки, в какой стороне — пока незнамо. Пошли мы...» Последний домашний обед, последняя выпеченная матерью коврига хлеба, которую сам Касьян уже не режет, передоверяет это право старшему сыну, еще мальчишке. Но теперь глава семейства уходит, «и каждый шаг его будет необратим, а путь его неведом», вернется ли — неизвестно, и в доме должен быстро вырасти новый хозяин.

Еще одна сцена прощания — в конюшне, где Касьян проработал десяток лет колхозной жизни. Он прощается с лошадьми, скармливает им ковригу (припасенную,

вообще-то, для себя), а дальше — толпа у сельсовета, построение и уход из деревни нестройными рядами, под плач матерей, жен и детишек. Те сопровождают «усвятских шлемоносцев» несколько верст, сколько хватает сил, но наступает момент, когда надо отпускать мужчин. С возвышенности они бросают прощальный взгляд на Усвят, куда многие из них, скорее всего, не вернуться. «Глянул туда и Касьян и враз пристыл к телеге, охолодал защемившей душой от видения и не мог оторваться, хотя, как ни силился, как ни понуждал глаза, не разглядел ни своего двора, ни даже примерного места, где должно ему быть. Но все равно — вот оно, как ни бежали, как ни ехали. Еще и ветер, что относил в ту сторону взволнованные дымки сигарок, долетал туда за каких-нибудь три счета и вот уже кудрявил надворные ветлы, курил золой, высыпанной под откос из еще не остывших печей, трепал ребячьи волосенки и бабьи платки, что еще небось маячили кучками на осиротевших улицах...»

Читатель так и не дожидается первого боя, в который, конечно же, бросят жителей Усвят, равно как и тысяч других больших и малых селений, разбросанных по всей стране. В повести показаны первые десять дней войны, когда человеческая сила только начинала стягиваться, мобилизовываться, и ни Сталинградом, ни Курской дугой еще не пахло. Мужчин собирают, с ними прощаются, они уходят, кружит где-то в недостижимой небесной вышине степной орел, «похожий на распростертую черную рубаху» — и на этом повествование заканчивается.

Нет ни батальных сцен, ни военных операций, ни описаний рукопашного боя, когда, как рассказывал дедушка Селиван, расстреляв боезапас, противники сходятся в последней смертельной схватке. Все это будет там, за далеким (пока еще) горизонтом. Будут кровавые сражения, тысячи смертей, подвиги, героизм; и трусость будет, и малодушие, и предательство. Все не могут быть героями, и кто-то из усвятцев, если трезво помыслить, где-нибудь может дать слабину. Мы этого не видим, можем лишь воображать, представляя будущие судьбы жителей обычного русского села. Но из своего времени мы-то знаем, *какие* пути-дороги были у нашего солдата, в каких сражениях он участвовал, какой ценой далась долгожданная победа, и потому воображение разгоняется, и перед глазами встают картины того, о чем автор умолчал.

Вполне можно представить, допустим, как один из усвятцев погибает где-нибудь подо Ржевом, в лесах и болотах, и домой приходит сообщение, мол, пропал без вести. Можно представить, как кто-то из них бросается грудью на амбразуру, а другой швыряет связку гранат под вражеский «Тигр». Кому еще это делать? Именно они и победили, насельники бесчисленных российских Усвят, именно они отдали миллионы жизней ради общей победы. Именно об этих простых людях писала Анна Ахматова:

Вот о вас и напишут книжки:  
«Жизнь свою за други своя»,  
Незатейливые парнишки —  
Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки,  
Внуки, братики, сыновья!

Но самих подвигов мы, повторяюсь, не увидим. И в этом — в нежелании описывать схватки на поле брани — видится мудрость автора. Этих описаний ко времени создания повести (70-е годы прошлого века) уже было предостаточно в нашей литературе. И кинематограф тут постарался, воплотив на экране самые грандиозные и эффектные с точки зрения показа события войны, так что добавить было уже нечего. Но вот этот разор и та собранность, что родила война в душах людей, вот это, как сегодня бы сказали, непафосное осознание своей мужской обязанности, своего человеческого долга, его тяжесть и щемящая боль прощанья, пожалуй, больше всего и поразили тогда в повести Евгения Носова. Да и до сего дня современная культура охотнее создаст какой-нибудь блокбастер «Сталинград» в исполнении Бондарчука-младшего, дабы привлечь к военной истории тинейджеров и прочих иванов, не помнящих родства. Носов показал, по сути, войну без войны. Отправка на фронт призывников одной маленькой деревни предстала страницей русской истории.

Это удалось во многом благодаря тому, что Носов возвращает нас в стихию русского языка, в его огромную вселенную, которая оказывается почти бесконечной.

«Уже и белые платки стало видеть, и щетинка граблей замаячила над головами, а скоро и бабья галдеца донеслась до слуха. Спешат, судачат крикливо на весь луг, а за торопкой этой ватажкой — хвост ребятни, мал мала меньше. Упросились-таки, пострелята, выголосили себе приключение. Да и какому мальцу охота сидеть в опустевшей деревне, когда приспел сенокос, когда неудержимо тянет к себе парной теплыню речка Остомля, а займище полно земляники и всякой лесной и луговой забавы — цветов, стрекоз и птах». Это не «народный» орнамент и не стилизация — этот язык органичен для героев Евгения Носова и для него самого. И деревенский уклад жизни органичен, поскольку знаком с детства, а не собран горожанином в виде литературного материала. Тут каждая деталь, каждая бытовая мелочь, каждое слово играют, служат дополнительным мазком в картине, воссоздаваемой автором.

Причем удивительно, что картина — вроде бы локальная по тематике, не грандиозное эпическое полотно в духе суриковского «Покорения Сибири Ермаком». Но в сознании читателя возникает как раз таки эпическая картина. Таких Усвят по стране были даже не сотни — многие тысячи, и людской ручеек из каждой сливался в единый поток из тел и душ человеческих, который затем превратился в барьер, вставший на пути захватчиков. Увы, покровсали эти тела безжалостно; и душ отправили в мир иной — без счета. Но без этих жертв ни Победы не было бы, ни тех, кто живет в нынешнее время. Автор тут не стремится создать некий символ, разве что вначале приводит эпиграф из «Слова о полку Игореве», отсылая к русскому архетипу, к вечному сюжету защиты Отечества от беспощадного врага. Тем не менее, символика вырисовывается сама собой, что можно отнести к безусловным заслугам писателя Евгения Носова.

### *Скорбные итоги*

Рассказ «Красное вино победы» — это уже не начало, а самый конец войны, весенние денечки в конце апреля — начале мая сорок пятого года. Но мы опять не увидим ни описания боевых операций, ни подвигов, совершаемых солдатами и офицерами. Носов вновь предлагает читателю «войну без войны». Она присутствует, конечно же, на страницах, но видится как бы в отраженном виде, через судьбы изувеченных в сражениях бойцов.

Место действия рассказа — глубокий тыл, госпиталь в Серпухове, куда герой-рассказчик попал еще зимой, после осколочного ранения, полученного в момент прорыва советской армии в Восточной Пруссии. Рядом с ним такие же раненые, кто менее серьезно, кто более, и сюжет, по сути, заключается в описании последних дней войны, увиденных глазами обитателей госпитальной палаты. Суровая реальность госпиталя показана без прикрас и со знанием дела. Что не удивляет: основа рассказа — автобиографическая, сам автор именно в это время лежал в госпитале с ранением. Но это не запись с натуры, писатель и здесь пытается показать когда явную, когда скрытую драму большого народа, пусть и через малое количество его представителей.

У Михая из Молдавии оторваны взрывом обе руки, у рассказчика повреждена осколками лопатка и рука, у Саши Селиванова раздроблена нога. Каждый понес какую-то утрату, частично или полностью потерял бывшее здоровье, а сколько еще осталось лежать на полях сражений? Этих увечных, как ни странно, можно считать счастливчиками, они все-таки выжили и больше в бой не пойдут. Миллионам их соотечественников повезло меньше, они уже давно в земле сырой, и эти огромные жертвы тоже живо представляются.

Не каждый обитатель палаты, увы, дождет победы. Солдат Копешкин, например, с перебитыми руками и шейными позвонками, не доживет до всеобщего праздника. В этом «обознике», что поил, кормил, запрягал и распрягал лошадей, да однажды угодил под огонь вражеской артиллерии, проглядывает колхозный конюх Касьян из «Усвятских шлемоносцев». И очень горько от того, что красное вино победы суждено пригубить не всем.

### *Горький привкус Победы*

«Войну без войны» мы найдем и еще в одном рассказе Евгения Носова — «Шопен, соната номер два». Скорее даже не войну, а ее дальнейшее эхо, поскольку после ее окончания минуло уже немало лет. В русскую глубинку, в район села Прохоровка направляется духовой оркестр для создания музыкального сопровождения в момент открытия памятника павшим в Великую Отечественную. Музыканты в основном молодые, пороку не нюхавшие, только «старшой», дядя Саша — фронтовик.

Пока едут в кузове грузовика, добираясь до места, где воздвигли памятник, дядя Саша вспоминает самое грандиозное (и самое страшное) в истории танковое сражение под Прохоровкой. Как двигались друг на друга армады стальных машин, плюясь огнем; и как позже, уже по окончании войны, искореженные и сожженные «тигры», «фердинанды» и «тридцатьчетверки» свозили с поля сражения на одно кладбище, где уничтоженные машины (так тогда казалось) даже в таком виде продолжали ненавидеть друг друга...

Молодые «лабухи», как и положено, ведут себя легкомысленно, они не прочь глотнуть водочки по дороге к памятным местам, но «старшой» эту инициативу гасит — не тот случай, чтобы выпивкой пробавляться. В момент открытия памятника над братской могилой не все могут проникнуться скорбным духом события: многие выступают не то чтобы дежурно, просто думают больше о своем выступлении, нежели о тех, кто уже не одно десятилетие лежит в земле сырой. А вот дядя Саша думает именно о них. Вполуха слушая выступающих, он не может оторвать взгляда от списка погибших бойцов, читает его про себя и мысленно вставляет свою фамилию — Полосухин — в список павших, выбитый на камне в алфавитном порядке. Два мира — тех, кто прошел сквозь ад войны, и тех, кто родился и вырос после, в пространстве рассказа существуют бок о бок, но по отдельности. И выпивают после окончания митинга его участники по отдельности: фронтовики — своей компанией, то и дело погружаясь в военные воспоминания, музыканты — в своем кругу, споря в основном о футболе.

Потом оркестру придется топтать по дождю, поскольку грузовик дядя Саша предоставит фронтовикам; и все будут недовольны, но в конце концов найдут таки пристанище — дом вдовы Пелагеи, где молодежи захочется повеселиться, благо у хозяйки квартируют заезжие студентки. Но и здесь догоняет эхо войны. В этом семействе на фронте (или от ран сразу после войны) погибло четверо — отец семейства, два брата Пелагеи и ее муж. Вся мужская часть семьи, ни один не уцелел. И потому веселье как-то не задается. Молодежь, конечно, хотела бы «сбацать шейк», но дядя Саша предлагает музыкантам сыграть скорбную сонату номер два Шопена. И музыканты с удивлением, через не хочу, начинают играть, чтобы через музыку прочувствовать то, что и было главным содержанием описываемых в рассказе событий. Великая музыка объединяет два разделенных поколения, пробуждает души тех, кого, по счастью, миновала горькая чаша, и восстанавливает «связь времен».

Евгений Носов честно описывает страшную реальность войны, но жизнь в его военной прозе в конечном итоге всегда побеждает, и писатель стремится продемонстрировать эту победу, даже если у нее горький привкус.

Евгений Абдуллаев

## «Каратели», год 2015-й

Алесь АДАМОВИЧ. Каратели: Повесть // «ДН». 1980. № 1.

### 1

*Он плакал во сне, проснулся от одиночества, тоски. Открыл глаза и вспомнил, что заболел: перед тем как заболеть, всегда плачет во сне.*

Так мог бы начинаться роман Маркеса.

Не сразу понимаешь, кому принадлежат эти слова. Даже после длинного и сложносоставного (и явно избыточного) эпиграфа. Из Ницше, из чего-то еще.

*«Особые приметы: хорошая память, плохие зубы».*

«Особые приметы» этого человека (человека?), известные всем, были другими. Чаплинские усики, чубчик диагональю. Оловянные глаза навывкате.

В фольклоре моего детства присутствовал еще и хвост. «Внимание-внимание! Говорит Германия! Сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом!»

И вот мы слышим его голос.

Непривычно тихий, почти интимный. (Где вопли с трибуны?) Плакал во сне. Проснулся от одиночества.

*Но вот этот сон, и снова слезы, давние, детские слезы — уводящие далеко назад, где не было Фюрера, а если бы и был, никто этого не знал.*

В «Жизни и судьбе» Гроссмана у него тоже был небольшой монолог. В лесу. Но «Жизнь и судьба» добралась к читателю гораздо позже «Карателей».

### 2

Первые серьезные вещи о войне, которые я прочел старшеклассником, были «Сотников» Быкова и «Каратели» Адамовича. Вещи, во многом, близкие. Не военно-белорусским материалом, а чем-то более — важным? глубоким? (мимо, мимо...).

---

*Евгений Абдуллаев* (1971 г.р.) — поэт, прозаик, литературный критик (псевдоним — Сухбат Афлатуни). Родился и живет в Ташкенте. Окончил философский факультет Ташкентского университета. Дважды лауреат Русской премии (2005, 2011) за произведения, опубликованные в «ДН», лауреат молодежной премии «Триумф» (2006). Постоянный автор нашего журнала.

Об экзистенциализме я узнал немного позже. О том, что человек обречен на свободу, что у него всегда есть выбор. Как писал Сартр, «человек выбирает, в том числе выбирает и самого себя».

В «Сотникове» жизнь — через предательство — выбирает Рыбак. Сам замысел этой повести возник у Быкова, по его словам, когда он, еще в 44-м, встретил в группе пленных фашистов своего бывшего однополчанина. Тот, оказалось, попал в концлагерь и, чтобы спасти жизнь, согласился сотрудничать с власовцами. Временно... Разумеется — временно! Ожидая удобного случая, чтобы сбежать к своим.

Случай так и не представился.

Быков, как он писал потом, задумался, на что же способен человек «перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств».

Не знаю, случайно ли герою, ставшему предателем, дана фамилия Рыбак.

Рыбаком был апостол Петр.

*Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух...*

Если бы евангельское повествование заканчивалось отречением Петра, это был бы первый экзистенциальный текст.

Но у Быкова был еще Сотников.

В «Карателях» действуют только «рыбаки».

Белый, Тупига, Муравьев, Доброскок, Сиротка, Мельниченко...

*Набирали людей сначала в «украинские формирования»: за спиной у ораторов-вербовщиков стоял стол, на котором разложены ломти хлеба, куски колбасы, хлеб с мармеладом, стояли кружки с кипятком...*

### 3

О «национальной» теме.

Она тоже присутствует в повести. Зло метафизично, но эмпирика его проявления всегда — через «плоть». Через стадное, кровное, душевное, через «зоологическое» в ней.

*Не государства сегодня, а расы воюют — все против всех.*

Это — снова из монолога Гитлера. И это — оттуда же:

*...Нельзя ли украинцев использовать против русских, а литовцев, латышей — против и тех, и других, и белорусов?*

Леонид Теракопьян, редактировавший «дружбинскую» публикацию повести, вспоминал, что после ее выхода на журнал обрушился «целый шквал нападок».

*Особенно с берегов Днепра, из Киева. Дескать, не многовато ли среди изображенных в повести изуверов-карателей лиц с украинскими фамилиями?*

Сталкивать народы лбами — «политтехнология», известная еще римлянам: Divide et impera. Желательно, селящиеся по соседству друг с другом.

Как и сегодня.

У Теракопьяна — дальше:

*Бандеровцы, мельниченковцы, лютовавшие в Полесье, были и впрямь набраны из числа западно-украинских самостийников... Но хватало рядом с ними и этнических*

русских, и белорусов, и латышей, и кавказцев, и даже экзотических норвежцев. Сущий интернациональный сброд...

Как — и — сегодня.

Вавилонская башня Союза рухнула: «языцы» разбрелись в облаке оседающей пыли, уже плохо понимая даже самих себя. На обломках копошатся среднеазиатские гастарбайтеры, таская цемент и стрекоча отбойными молотками.

В записных книжках Адамовича (публиковались в начале 2000-х в «Вопросах литературы») много о национальном. О позиции писателя: «стоять против собственного народа, если он ушел от общей цели в "групповой" эгоизм, в бесплодную межнациональную вражду». Любопытные предположения:

*Нации не только исчезают, но и возникать способны (американская, например).*

А не возникнет ли и какая-то надрусская, если процесс смешения со среднеазиатскими элементами пойдет бурно?

Нет, бурно уже не пойдет.

Но я отвлекся от военной темы, от «Карателей».

#### 4

Военная тема. Где-то к середине 70-х в ней возникла «усталость материала». Лучшее уже написано. Это не исключало появления отдельных удач; но, в целом, основные сюжетные типы были уже разработаны, события — насколько позволяли идеологические правила игры — отражены.

Обновление могло бы произойти за счет «прихода в тему» следующего поколения писателей. Тогдашних «молодых» — родившихся в 40-х. Но конкурировать со «старшими», воевавшими и знавшими войну не из книг, им было сложно. И, похоже, не очень хотелось. Война была, все же, темой с сильным идеологическим привкусом.

Литературно исчерпанная тема может оживляться или пародированием, или документализацией, «нон-фишном».

О пародировании, о решении военной темы в ироничном ключе речи, конечно, быть не могло. («Чонкин» Войновича даже в «тамиздате» выглядел экзотическим исключением).

Проза Адамовича двигалась в сторону документа. «Хатынская повесть» еще вполне художественная проза, «Блокадная книга» — уже чистый «нон-фикшн».

«Каратели» — редкий по своей удаче синтез того и другого.

Повесть «прослоена» документами: отрывками допросов, письмами, хроникой.

*Из показаний Карасева Григория Семеновича — уроженца деревни Неговля Кировского района Могилевской области: «Парень, лет, может, десяти, вцепился немцу в ремень: "За что ты убил маму?" Тогда я выстрелил. А немец снял с кровати грудного ребенка с подушкой и положил на пол. Поднес ствол винтовки к самому лицу и выстрелил. И приказал вытаскивать тех, кто под кроватью».*

И — одновременно — художественный текст, психологически точное письмо.

Стиль — чуть приглушенный, монохромный, без «красот». Местами, все же, цветное — и световое — богатство прорывается:

*Утро не наступало долго, в окна-дыры залетали мягкие хлопья снега, как бы загоняемые яростным светом вспыхивающих прожекторов.*

Чтобы — снова угаснуть, потемнеть...

## 5

Хотел еще написать здесь о сценах уничтожения деревни, Борок. Скопировать и вставить (придав курсивность) пару цитат.

Подумав — отказался.

Есть вещи, которые для цитатной нарезки не годны. Исчезает нарастание, медленное, непрерывное усиление «гула».

## 6

Прорастание зла из выбора зла. Прорастание, ветвление, расширение. Бывало ли раскаяние? У героев «Карателей» его нет. Ни одного «раскаявшегося разбойника» (в церковь не ходили — совсем?).

*Видимо, есть предел, когда убийца уже теряет «счет» и ему «все равно». Первый, второй, а потом... Я на карателях убедился... Как они потом уже спасли жизнь свою чужими.*

Это — снова из адамовичевских записных книжек.

Жаль, что не было «Карателей—2», об этих Белых и Сиротках в мирное, послевоенное время. Многие ведь — до разоблачения — как-то жили, работали, ели и спали. В «Карателях» об этом есть — мельком.

*После прихода Советской Армии я воевал против немцев, 20 лет трудился. Не имел замечаний, а наоборот, 6 грамот, избирался членом избирательной комиссии.*

Недавно, редактируя мемуары сырдарьинского<sup>1</sup> старожилы Виктора Моисеенко, прочитал об одном из таких «бывших».

Служил много лет после войны инкассатором в местном банке. «Ничем себя не проявлял. На работе претензий к нему не было. Единственное, что удивляло соседей, что Вася категорически не хотел рождения детей. А потом его стали раздражать крики играющих напротив дома в футбол мальчишек». И еще — жил он рядом с роддомом, а было предписание сжигать «биологический материал и непригодную для дальнейшего использования спецодежду сотрудников роддома»; запах от сжигания выводил инкассатора из себя.

*Около восьми лет продолжалась тяжба Чернова с роддомом, пока однажды, в сентябре 1972 года, к дому Василия не подъехал автобус с солдатами местной воинской части в полной амуниции. И весь личный состав райотдела милиции. Но было уже поздно — Чернов, не доверяя пистолету, предпочел в сарае затянуть себе на горле веревку. В районный комитет государственной безопасности пригласили в полном составе совет ветеранов Великой Отечественной войны во главе с Хасаном-ака Ишанкуловым, соседом Чернова по участку. Сообщили, что на самом деле инкассатор был одним из самых жестоких карателей на территории оккупированной Белоруссии... Вот почему его раздражали и детские крики, и запахи сожженного человеческого белка.*

Сколько их было таких?..

---

<sup>1</sup> Сырдарья — город в Сырдарьинской области Узбекистана.

## 7

Еще многовато Ницше. Публицистически понятого Ницше. «Гипербореи, гипербореи...» Как скрытая рифма к Боркам (уничтоженной деревне) — да, «работает». Гипер-бореи, то есть не те, которые «за пределами» Борея — а «за пределами» Борок как места теплой жизни, крова, рождения.

В остальном Ницше здесь только мешает, путается под ногами у читателя. Не были каратели «ницшеанцами», даже пусть стихийными. Не был им даже Гитлер, каким он изображен в повести, пусть Ницше и не сходит у него с уст. Проблематика романа — не ницшеанская (или анти-), она экзистенциальная. О выборе. О выборе и его последствиях.

Несколько, на мой нынешний взгляд, затянутый и публицистичный финал. Полпотовцы. Мао. Поедание человеческой печени. Хотя в середине 80-х, когда читал это, впечатляло.

Зло — по мере отдаления — способно «устаревать». Умножение количества его картин притупляет моральное восприятие. Описания зверств, расстрелы, один, второй. Ужас сидит не здесь. Он — повторить еще раз? — в выборе. В выборе зла. В том, что человек выбирает зло. Тем самым запуская кружение карусели. Вот этой карусели с трупами вместо лошадок.

## 8

«Слово звучит лишь в отзывчивой среде», — писал Чаадаев.

Что еще поражает сегодня при перечитывании «Карателей» — уверенность автора в необходимости того, что он пишет. Чувство колоссальной уверенности. Чувство, которого не хватает многим нынешним — даже более талантливым и мастеровитым — прозаикам.

Уверенность в «отзывчивой среде». Которая, действительно, была. И не только в Союзе.

«Прислали немцы стенограммы обсуждения "Карателей" в дрезденской и берлинской библиотеках, — пишет Адамович коллеге-литератору. — Прелюбопытное чтение!»

Не сомневаюсь.

## 9

Вопрос, возникающий после перечтения: «Почему сегодня так редко и мало пишут прозу о войне?».

Ответа пока нет.

*Даниил Чкония*

## Евтушенко. Два свидетельства

Начну с цитаты:

О, Фред — душа пятерки нашей,  
меня ты выручил в тоске,  
как рыжик, хвою приподнявший  
в утрумой жизненной тайге.

Прости, что я неумоимо  
читал тебе свои стихи,  
от Братска и до Усть-Илима,  
и под уху, и без ухи,

прости, что меж грудей ядерных  
там, у таежных серых скал,  
я в кладовой аэродрома  
разгадку времени искал...

Продолжение цитаты: «Подобных катренов с подлинными именами, опубликованных или рассеянных по титулам подаренных книг, у Евтушенко как звезд на небе, но это к тому, как много у поэта близких ему людей; он никого не оставит без благодарной строки. Из таких поэтических строк-посвящений можно составить довольно полное собрание психотипов его среды».

Это уже Леонид Шинкарев комментирует строки поэта в своей книге «Старая рында» с подзаголовком «Из путешествий Евгения Евтушенко и его спутников по семи рекам Сибири, и не только...»

Сразу с места в карьер: чем цепляют читательское внимание эти стихи? Ну, скажем, не знаю я об этом путешествии, верней сказать, не знаю или уже не помню каких-то нюансов шинкаревских репортажей, и этот душа-Фред мне неведом. Верней сказать, теперь-то, после прочтения книги «Старая рында», населенной удивительными яркими личностями, мне он известен, понятен и уважительно привлекателен. Но знай я, или не знай, кто он, как и когда оказался рядом с автором ему посвященных строк, стихи цепляют, Фред Юсфин вызывает теплое чувство дружества, и сочувственная благодарность, вслед за поэтом, охватывает тебя... А какое мне дело до того, что молодой, но уже прихвативший славы и популярности Евгений Евтушенко в какой-то момент своей жизни очень нуждался в этом Фреде, находил в нем слушателя, душевную опору, да еще и каялся перед ним за свои житейские грешки? В чем секрет этого подключения читательского сопереживания?

---

*Леонид Шинкарев.* Старая рында. Из путешествий Евгения Евтушенко и его спутников по семи рекам Сибири, и не только... — М.: Собрание, 2014.

*Илья Фаликов.* Евтушенко: Love story. — М.: Молодая гвардия, 2014.

Думаю, в голосе поэта, в его интонации, в доверительности, с которой он разговаривает со своим адресатом, делясь с нами своим переживанием — переживанием своей боли. У Евтушенко всегда так — пишет о другом, а пишет о себе! А если о себе, то и пускай! Так нет же, нам почему-то слышится, что и о нас, о нашем времени, о нашей жизни. В этом парадокс поэта Евтушенко. Кто-то его любит, кто-то ненавидит, кто-то равнодушно не замечает. «Я разный...» Это Евтушенко о себе в известном стихотворении.

Он столько сказал в стихах о себе, что даже и непонятно: что мемуаристу Шинкареву в его блистательно написанной книге рассказывать? А вот что: «Для Межирова, из семьи интеллигентных коренных москвичей, поездка на станцию Зима была не из самых простых испытаний; случайный здесь гость, он видел, как зиминцы боготворят земляка, главную знаменитость города.

Зная закрытость Межирова, боясь хоть чем-то задеть его самолюбие, Евтушенко не отпускал гостя от себя, умолял всегда быть рядом, восторженно представлял встречаемым, но не мог уследить, каким образом Александр Петрович терялся за спинами людей и оказывался не просто позади всех, а в сторонке, не сливаясь с зиминцами, но именно так, чтобы его отдельность была на виду. Не думаю, чтоб тут был умысел, все получалось само собой, но эта ситуация повторялась. Увлеченный на улицах разговорами, Евтушенко вдруг спохватывался, искал исчезнувшего друга глазами, находил где-то в стороне... Друзья, это Александр Петрович Межиров, грандиозный русский поэт. Мой учитель. В семнадцать лет добровольцем ушел на фронт. Вы же знаете его стихи!.. Смущенный и польщенный Саша является толпе. Евтушенко смотрит на друга влюбленными глазами. «Не жалеешь, что приехал? А, Саша?! Нет, ты скажи! Видишь, как все тебя обожают! Учительница литературы сказала: ни один разговор о поэзии в школе не обходится без твоего имени. Ни один, Саша!» Горячась, Евтушенко верит своим словам безоглядно и чувствует себя счастливым».

И что тут скажешь: лукавство? Добросердечие? Восторженное дружество? Или все сразу? Шинкарев не задается этими вопросами — он любит своего героя таким, каков он есть, принимает его целиком, со всеми противоречиями, как любят друзей, как любят человека. И видит детали, нюансы, передает их, доверяя читателю, предлагая не судить, а удивляться, понимать и принимать его героя.

Замечу, что мимолетом и межировский характер вылеплен точно: кто знал Александра Петровича, эту фигуру его поведения мог наблюдать: подчеркнутая скромность, вроде бы желание оставаться незаметным в кругу коллег во время каких-нибудь дней литературы, но как-то так, что все кидаются восстанавливать статус-кво, воздавать ему должное, и вот он уже в центре повышенного внимания.

Тяжелая история того, как Межиров сбил ночного январского пешехода, уместна в этой книге, потому что к ней своеобразно опять причастен Евтушенко. Межиров был отличным водителем, но несчастье может произойти с каждым — человек, выбежавший на дорогу, оказался известным актером. После долгих усилий врачей он все же умер. Поэт скрылся, не оказав помощи. Межиров не в состоянии был объяснить свой поступок — это была истерия... Не перенося ужас содеянного, он, спустя какое-то время, а следствие затягивалось безмерно, уезжает из страны. Читая лекции в одном из университетов США, он не может обрести душевного покоя, тоскует, теряет интерес к поэзии, к творчеству... Вряд ли Евтушенко оправдывал его. Но и судить, думаю, не хотел. А вот человеческую поддержку оказывает, возвращая стареющего Межирова к стихам, оправдывающим его существование. И вел вечер Межирова в ЦДЛ, представляя его новую книгу, давая аудитории возможность разделить радость возвращения друга в поэзию... Сложная история, трагичная, но показывающая, насколько Евтушенко остается верным дружбе.

Ах, эти человеческие слабости! Любит Евгений Александрович Евтушенко быть

любимым! Вот эпизод из воспоминаний о предстоящем еще тогда плаванье: «У наших кресел бортпроводница с подносом и мятными карамельками. Идем на снижение. Задетый ее безучастным лицом, не реагирующим на обращенную к ней улыбку, он спрашивает, загодя зная ее ответ, любит ли бортпроводница стихи и кто ее любимый поэт. «Пушкин», — она говорит. Мой товарищ растерян. «А из современных? Из современных? Из современных?!» Тут просят пристегнуть ремни, и это бортпроводницу спасает, она скрывается в кабине пилотов. Евтушенко в недоумении: «Скажи, а здесь вообще газеты читают?!»

Как, интересно, реагируем мы? Понятно — как: презреть славу и популярность, каких нет у нас. И мы недовольны. Действительно, поэт — не поп-звезда, мог бы и обойтись без этого массового поклонения! Вот только непонятно, почему, если мы такие снобы, нас эта слава раздражает?! А Шинкарева — нет. Может, он считает по-прежнему, как и его друг, что «поэт в России больше, чем поэт!»? Так эти времена прошли. А какие они, эти времена? Выросло поколение, которое не знает, о чем речь, не представляет, что поэты собирали стадионы. Разве что дедушка с бабушкой приведут его в Политехнический, на ежегодный вечер поэта!

Шинкарев менее всего намерен идеализировать свое поколение и жизнь, которая им, поколением, переживалась. Он не заблуждается насчет времен своей молодости. Но молодость была: «Из этих молодых интеллектуалов, честных до безрассудства, уносимых ветром эпохи на «передний край», в том числе на стройки Сибири, формировалось поколение «шестидесятников», которое два десятка лет спустя начнет преобразование России. Не их вина в том, что последующие события вынесут на поверхность другое поколение — свободное от их исканий, их романтики... И дело не в молодости, не в ней одной... Пусть их костры, палатки, душевные привязанности потомкам покажутся глупостью, самообманом».

Самообман и был. А вернее — был грандиозный обман! Можно спорить. Но почему-то не хочется...

Поколение уходит. Как говорит Шинкарев, приводя список ушедших: «Прощаться уже нет сил.

Безумно хочется, и я стараюсь, пройти наши реки еще раз, теперь уже в памяти, — вместе».

Книга закрыта. Честная, яркая, умная.

О товарище — поэте, в чьем творчестве отразилось время во всем своем противоречии. О времени, которое отразил поэт. Тонкий, пронзительный лирик. Автор многочисленных стихов, за которые его ругали — зарифмованные фельетоны, филиппики в угоду толпе, топорно-публицистические вирши, стихотворные отклики на животрепещущие темы в погоне за дешевой эстрадной популярностью. Добро бы это говорили или писали недоброжелатели поэта, пенявшие ему за «самовыражение», за публично пересказанные истории романтических увлечений. Кто, интересно, выдумал этот термин, под который легко подпадала любовная лирика вообще? Но это были и голоса тех, кто полюбил пронзительную исповедальность его лирики и был недоволен, как казалось, отходом от нее. Леонид Шинкарев не ставит своей целью ни критический, ни литературоведческий разбор творчества Евгения Евтушенко. Оставляя профессионалам этого цеха их хлеб. Он не исследует феномен невероятной славы поэта, которая одним представляется справедливо обретенной, а другим — пустой и никчемной. Он просто и умно рассказывает о том, чему был свидетель, в чем участвует.

Странное сопоставление приходит в голову. Вот Рубенс — радостный, яркий, брызжащий жизненной силой, баловень судьбы! «Моцарт живописи!» Привожу фразу восторженного музейного посетителя. Да уж не Моцарт, думаю я. Мощь есть, а воздушного полета нет, ворчу про себя.

Мне ближе Рембрандт. Трагичный, неистовый, измученный!

Что ж, я не соглашусь, что Рубенс — гений? Соглашусь, потому что так оно и есть. Просто он — не мой! А Рембрандт — мой!

Евтушенко — не мой? Черт подери, не лги самому себе, оставь свой снобизм, вспомни: ни с его ли стихов начинал ты любить поэзию?! Они придут позже в твою провинциальную жизнь — Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Бродский. Потом, отплеываясь от стихотворных агиток, поймешь, что «Облако в штанах» писал гений! Ты еще не знал ни Самойлова, ни Тарковского, ни Чухонцева... Не слышал поэтов «Московского времени». А сквозь евтушенковские строки пробивался к пониманию того, что поэт в России... Это Шинкарев побуждает задуматься и стать вместе с ним свидетелем времени!

А что же главный герой книги? Читает лекции в американском университете, пишет стихи, собирает аудитории. Биография продолжается.

Именно так называется серия книг ЖЗЛ, которые посвящены людям, не покинувшим наш мир, — «Биография продолжается».

Книгу о Евгении Евтушенко написал поэт, прозаик, критик, эссеист Илья Фаликов.

«Евгений Евтушенко. Love story», так эта книга называется...

«Многие выросли и обрели себя на почве отталкивания от евтушенковского примера, на субстрате преодоления его поэтики и поведения». Это уже говорит в одном из интервью Илья Фаликов, рассказывая о работе над книгой. И с этим не согласиться не могу. Евтушенко был притягательной силой для одних — и отталкивающим примером для других.

Фаликов ведет нас в своем путешествии по биографии, как капитан судна, идущего по океану времени, обильно цитируя.

«В октябре журнал «Октябрь» выстрелил "Станцией Зима". Эхо было чрезвычайным, многих оглушило, и молодым энтузиастам страны восторженно подумалось: явился поэт-гражданин.

Жить не хотим мы так,  
как ветер дунет.  
Мы разберемся  
в наших «почему».  
Великое зовет.  
Давайте думать.  
Давайте будем  
равными ему!

Не забывай, брат, это ты написал стихи с такими названиями: "Партия нас к победам ведет", "Шаг к коммунизму", "Весна коммунизма", "Маршруты коммунизма", "Наследнику Октября", "Славный путь Октября", "У Мавзолея", "Ленин" ("Я родился в тридцатых в Советской стране..."), например, напечатан в №8/1952 журнала "Смена", за полшага до перрона "Станции Зима".

Но подзаголовок прошлогодней книги "Третий снег" таков: *Книга лирики*.

Определенно Евтушенко ускользает от тех, кто готов его отнести к линии официальной советской поэзии, но и от тех, кто ищет в нем фигуру диссидентского масштаба. Похоже, в нем это как-то уживается, он двойственный, он парадоксальный, но он — живой в этом своем ускользании. Фаликов не выстраивает апологетику Евтушенко, но сразу дает понять, что он высоко ставит эту фигуру в иерархии современной русской поэзии.

А нам думается: не стал ли Евтушенко ярчайшим образчиком конформизма нашего искусства, нашей литературы? Да и всего поколения «шестидесятников», порой излишне энергично сегодня перетягивающего на себя одеяло вольнодумства? Эти проскакивания между Сциллой официального признания и Харибдой вольномыс-

лия, почти дозволенного? Этого брюзжания на кухнях и кукишей в карманах? Этих просчетов, позволяющих «обыграть» цензуру, проскочить, не вызвав гнева властей, и подсюсюкнуть диссидентски настроенному фигуранту? При этом чем ниже в иерархии, тем малозаметней ты в этих ужимках. Евтушенковский феномен, судя по всему, в том, что талант его — очевиден, недоброжелателям в том числе. Что он способен быть искренним во всех своих проявлениях, но и лукавым быть, веря в то, что он сам себе придумывает, размышляем мы, а Фаликов гнет свое: «Почему у паренька из Марьиной Рощи судьба сложилась фантастически, — словно с самого начала перед ним кто-то вышиб ногой дверь? Или это был он сам?!» И, словно заранее полемизируя с несогласными, уточняет: «В нашей книге можно усмотреть дифирамбический уклон, и в некоторых головах может возникнуть вопрос: а не много ли мы цитируем похвал (равно как и брани) по адресу нашего героя? А что, *история славы* — пустяк? Ее развитие, ее кривая, резкие взлеты и обрушения, условия ее зарождения и сохранения — тема капитальная и может существовать отдельно. Но в нашем случае слава персонифицирована: Евтушенко есть слава».

Трудно не согласиться с писателем, слава-то налицо. Кстати, цитирует он и Шинкарева — речь о предыдущей книге этого автора — достаточно часто, потому что Шинкареву верит... И приводит примеры восторженности Евтушенко в плаванье на баркасе, непрерывное стихописание. Не насилует же он себя, когда создает эти сибирские циклы! Подвержен тому же романтическому порыву поколения, о котором пишет Шинкарев.

И тут мы обратимся к главе «Год стыда».

В ночь на 22 августа 1968 года в Коктебеле догуливали день рождения Аксенова, обсуждали — что будет с Пражской весной? Евтушенко выразил надежду на лучшее. Балтер сказал ему, мол, ты идеалист. В эту ночь советские танки вошли в Прагу. В радиоприемнике раздался голос Мирека Зикмунда — знаменитого журналиста-путешественника: «Женя Евтушенко, ты слышишь меня? Почему ваши танки на наших улицах?»

Евтушенко шлет телеграммы протеста Брежневу и Дубчеку.

Днем пишет стихи:

Танки идут по Праге  
В закатной крови рассвета.  
Танки идут по правде,  
Которая не газета.

Танки идут по соблазнам  
Жить не во власти штампов.  
Танки идут по солдатам,  
сидящим внутри этих танков...

Разве я враг России?  
Разве не я счастливым  
в танки другие, родные,  
тыкался носом сопливым?..

Прежде, чем я подохну,  
как — мне не важно — прозван,  
я обращаюсь к потомку  
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной — без рыданий —  
Просто напишут, по правде:  
«Русский писатель. Раздавлен  
Русскими танками в Праге».

Через два дня восьмеро вышли на Красную площадь.

«Оксфордская мантия ему не досталась», — констатирует Фаликов.

Бьют свои, не верят чужие — добавим мы. Атакуют со всех сторон.

Евтушенко мечется. Пишет поэму «Под кожей статуи Свободы», оправдывая себя в глазах власти, но пишет «Наследники Сталина», «Бабий Яр», опять раздражая. Фаликов честен, приводит запись из дневника Андрея Тарковского (я почти уверен — с ведома героя книги... Можно позвонить Илье, спросить... Не стану — ошибся, так ошибся...): «Случайно прочел... Какая бездарь! Оторопь берет. Мещанский Авангард. Жалкий какой-то Женя. Кокетка. В квартире у него все стены завешаны скверными картинами. Буржуй. И очень хочет, чтобы его любили. И Хрущев, и Брежнев, и девушки...»

Съехидничаем и мы: и бортпроводница, о которой писал Шинкарев.

Обаяние книги Шинкарева в том, что она искреннее свидетельство.

Работа Фаликова — непрерывный анализ эпохи, времени, пропущенных сквозь хронику жизни и творчества его героя. Разве не отражали эти метания поэта не только двойственность его натуры, но и двойственность времени? Двойственность современников?

А что же лирик Евтушенко? «Весенней ночью думай обо мне...» — запела страна. Было? Было!

А тем временем разыгрывались драмы: Евтушенко написал письмо в защиту Горбаневской, сообщают нам, и ее освободили — рукопожатия при встрече не было. Обидно?

А история с выдворением Бродского? Чья версия верна? Кто прав? Где искажена информация? Попробуй, разберись... Все неоднозначно...

И два письма на имя Брежнева — Евтушенко и Бродского, покидающего страну, не в радость поклонникам ни того, ни другого — Фаликов безжалостен к обоим, безжалостен к нам — идите к зеркалам, словно бы говорит он! А иначе — какой же анализ времени?

И можете кидать камни, добавлю я от себя — в того и в другого! Я не решусь! Это урок Фаликова — выдающаяся работа автора книги.

Фаликов не был бы Фаликовым, если бы не анализировал не только сам стих как таковой, если бы отказался от сегодняшнего восприятия многих евтушенковских строк. Хроника хроникой, а попытка понять, как «действует» стих во времени, налицо. Фиксируя это «самоназначение» поэтом себя в наследники Ярослава Смелякова, уход которого Евтушенко перенес тяжело, Фаликов напоминает об обострении «смеляковской ноты» в стихах Евтушенко и, приводя катрен из стихотворения «Маёвка» — «Я революцию увижу/ в сквозном березовом строю/ и революцию приближу/ тем, что о ней я запою», — замечает: «Такие стихи либо исчезают без следа, либо ждут своей достославной патины, подобно державинским одам, которым уже все равно, кто их читает и дадут ли автору драгоценную табакерку. Да и потомку все равно, во что они обошлись автору». Наблюдение очень точное! Впрочем, таких наблюдений в книге предостаточно, были бы у читателя глаза и уши. На уход Смелякова Евтушенко откликается с болью: «Прощай, Ярослав любимый!/ Бессмысленно плакать, убого,/ но лагерные колючки/ слезу выдирают из глаз...»

А ведь стихи из «Маёвки» воспринимались кем-то в контексте революции против ретроградства и косности чиновно-партийной системы — в евтушенковской аудитории хватало людей, которые именно так воспринимали эти строки: идеологическое сражение шло не против системы, а за придание ей другого характера и лица — по сути это была невоплощаемая в реальности мечта «шестидесятника»-идеалиста: социализм с человеческим лицом. И некое «мы» бежало на шатровские пьесы, где в борьбе против некоего «они», против «наследников Сталина» в союзники привлекался Ленин(!) — Господи, что у нас в головах! Против наследников одного людоеда привлекался другой

людоед! Были слова про лагерные колючки крамолой? Формально — нет, они же были в русле партийной линии на преодоление последствий культа личности! Но «наследников» злорадушила. Шла не борьба с системой, а внутрисистемная борьба за ее «модернизацию», но слом системы она готовила.

Вот еще одно наблюдение Фаликова по поводу длиннот, затянутости некоторых «дорожных» стихотворений поэта — тут на самом деле речь о поэтике: «Ритмическая свобода равна безграничной изобретательности в рифмовке. Евтушенко воспользовался свободой, которую через не хочу за ним признали критики: мол, рифмуй как знаешь, пусть это будет исключением из правил... От длиннот читатель не устанет хотя бы потому, что поэт предлагает ему все новые и новые звуковые ходы, не говоря уже о сверхнасыщенном изобразительном ряде». И здесь никак не обойтись отдельными замечаниями по поводу фаликовских наблюдений.

Вся его книга о Евтушенко — это и хроника, и ее документально-художественное осмысление, и критико-литературоведческое исследование, и человеческий портрет героя книги, и огромное полотно, отражающее эпоху, а в целом — большое эпическое повествование! Поэтому, завершая текущее размышление о работе Ильи Фаликова, предоставляю ему слово: «Великая заслуга Евтушенко еще и в том, что он породил антиевтушенковскую волну... ведь почти весь приевтушенковский андеграунд являет собой упорную, угрюмую дискуссию с тем поэтоповеденческим стилем, какой создал Евтушенко. Вся подземельная поэзия отвергала стадион, декламацию, сцену, пропаганду и агитацию в духе решений XX съезда, а затем публичное разочарование в оных».

С этим трудно не согласиться. Но продолжим выслушивать Фаликова: «Есть интроверты и экстраверты — Евтушенко то и другое в гигантских долях. Все одеяло мира он тянет на себя. Населив свое творчество количеством людей, равным целому немалому народу, он пишет исключительно о себе... Дать портрет Евтушенко невозможно — модель неусидчива и не влезает ни в один холст... Читатель в России больше, чем читатель, и он стал уходить от Евтушенко еще в 70-х, что не мешало поэту собирать несметную публику... Ей интересен поэт. Тот самый. Знаменитей которого не было на Руси и уже не будет».

А ведь это суждение Фаликова и есть настоящий портрет Евтушенко.

Две книги. Два повествования. Двойной взгляд на поэта и человека Евгения Евтушенко. А биография продолжается. Евтушенко — прообраз героя литературного произведения? Почему бы и нет! Достаточно обратиться к роману... Но об этом в другой раз.

# Моя война...

*Рубрику ведет Лев Аннинский*

Моя война — сиротство.

Услышав сквозь молотовское радиозаикание слово «война», мать онемела от шока. Отец, напротив, взвился голосом — он тотчас заявил, что идет на фронт, и исчез — рванул на киностудию, где работал в дирекции и был членом парткома (благодаря чему мы имели комнату в роскошном пятиэтажном многоквартирном мосфильмовском «Жилдоме», выстроенном для спецов и уже прославившем «дворцом» на барачно-бандитской слободе Потылихе).

Отец призыву не подлежал — и по возрасту, и по брони. Он записался добровольцем. В первый день войны. Как и все другие члены парткома.

Мать стала молча собирать его. До ухода оставалось семь дней. На проводы собрались родственники. Провожали тихо. Громко шутил только отец, обещавший через неделю прислать телеграмму из Берлина.

Не прислал ни через неделю, ни через год, ни через четыре года. «Пропал без вести» — такова была стандартная формула в ответ на все запросы.

Нам удалось выехать в эвакуацию в Свердловск, где у матери жили родственники. Съезжались, сплывались жены, проводившие мужей воевать, — будущие вдовы.

В первый класс меня, семилетнего недоростка-детсадовца, в свердловскую школу зачислили в порядке исключения — как сына фронтовика (мать пошла работать, и сидеть со мной было некому).

Вскоре здание школы передали госпиталю, и во второй класс я перешел уже в другое здание — во второй класс «Л» (кажется, так: школа была перегружена, число классов зашкаливало за десяток).

Жили от сводки до сводки. Днем я держался бодро: «сын добровольца»! Но по ночам меня душили слезы, и я не решался признаться себе, почему.

Наконец, радио переменяло интонацию, рядом со словом «Сталинград» прозвучала запоминающаяся, неслыханная, диковинная фамилия «Рокоссовский». Жизнь отшатнулась от смерти.

Летом 1943 года мы вернулись в Москву. Я пошел в третий класс уже дома.

Дом (наш «Жилдом») поразил меня попугайно-пестрой окраской: его перекрасили, чтобы немецкие летчики думали, будто это ряд маленьких хибарок, — большой дом они, наверное, постарались бы разбомбить.

Не разбомбили. И к осени стены выкрасились в привычный светло-кремовый цвет.

Но куда больше, чем стены дома, мне говорили стены комнат — везде висели карты Европы, утыканные красными флажками: эти флажки переставлялись по мере того, как наши войска отвоевывали у фашистов города: украинские, белорусские, польские, немецкие...

Вестей от отца не было.

Победа пришла — громом салютов, ликованием улиц, слезами радости, что нет больше похоронков. Вечер 9 мая сверкал огнями, сквозь которые мне было видно черное небо.

Мать запретила трогать бумаги отца, лежавшие на письменном столе в ожидании возвращения хозяина. Десять лет они так и пролежали нетронутые. В середине 50-х Москву посетил Аденауэр, и разменяли последних пленных. Мать, рыдая, убрала со стола бумаги.

Еще через десять лет я достал эти бумаги и стал разыскивать людей, знавших Александра Ивановича Иванова-Аннинского, — на «Мосфильме», где его хорошо помнили, в университете, который он когда-то окончил, в станице, откуда он был родом (и по которой он в дополнение к исконному «Иванову» добавил себе псевдоним, — я и туда съездил). «Жизнь Иванова» — так я назвал книгу, с помощью которой попытался вернуть отца.

Книгу издали.

Мое сиротство обрело новую реальность, теперь я мог смотреть ему в глаза, не теряя себя от отчаяния. Сиротство не кончилось, а отступило в неприкосновенное прошлое.

И в это прошлое, страшное, непоправимое и неприкосновенное, отступила, наконец, моя война.

Великая. Отечественная.

## Summary

On Our Golden Pages we present in this issue some poems and translations of the well-known and loved by many readers poet Evgenij Vinokurov, who went through the battles of the Great Patriotic War and later was the master of the famous poetry seminar in the Moscow Literary Institute.

Mikhail Zemskov. Dementia

What can be called the rule? Why are we so often attracted by the people who do not blend with the milieu? Or pretend not to blend. What makes us willingly fall under their influence? Or rush into abyss after them? Are we able to stop at the edge of this abyss? And is it worth stopping? These are the questions that this long short story puts and it is not at all easy to answer them.

Needless to introduce the wonderful Russian poet Inna Lisnyanskaja who passed away just recently. But it's not only the poems that remains after the poet, there are some-times the diaries in which the likings, tastes, friends of the poet, his or her personality and the time leave their imprint. The daughter of Inna Lisnyanskaja, prosaist, artist and teacher Elena Makarova granted us the opportunity to publish some fragments from I. Lisnyanskaja's diaries of 2005–2008 years.

Poetry

The posthumous collection of poems by the well-known bard and poet Alexander Smogul who passed away six months ago is prefaced by the essay of another poet Alexander Klimov-Youzin. In Smogul's poems you'll find the tragedy of everyday life, love and death and the childish hope that "the scenario is adjusted according to the stars".

Our regular authors Larisa Miller and Alexander Timofeevskij will please the reader with their new lyrics, and the young Zair Asim will surprise with the freshness and suddenness of the images.

Alexej Anastasyev. Amur: Man Against Fish

"The old residents still remember that until 1970-s the river was so reach with salmon that during the spawning one could wade the deep channels over fishes' backs. How did it happen that now, in the XXI century, the reachiest (108 species of the fish!) Russian river is coming to the brink of biological perishing?" This is the topic of the story by traveller and journalist A. Anastasyev who was studying the problem "in the act".

"My Mother Loves to Read Pushkin and Books on Vegetables"

School-children from Belgorod may already be called the regular authors of "DN". Not once in the last years we asked them what they think of this or that problem and published their answers given at the lessons without any preparation and parental "censorship". Now we asked them: "What does your mother read?" and their answers as usually not only describe the present situation but also present a kind of construction of the future.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Также можно оформить подписку *online* на сайте журнала

**дружбанародов.com**

на его странице в Живом журнале

**<http://druzba-narodov.livejournal.com/>**

и в Журнальном зале

**<http://magazines.russ.ru/druzhba/site/podp/>**

Мобильная версия «ДН» для устройств на iOS доступна в App Store и на

**<https://itunes.apple.com/ru/app/druzba-narodov/id893172883?mt=8>**

Технический редактор Наталья Кузнецова

Верстка Елены Жирновой



ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ  
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ  
И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ  
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»